H. eccl. 3186 y
(2

379
75 5/30
δVVII/14
2.
12

Д2604
ГПНТБ СО АН СССР
Библиотека Московской Духовной Академии
1967

ИСТОРІЯ

СВЯТЫХЪ ВСЕЛЕНСКИХЪ СОБОРОВЪ.

ВЫПУСКЪ ВТОРЫЙ.

Вселенскіе соборы: четвертый, пятый, шестой и седьмой.

Алексѣя Лебедева.

Изданіе редакціи „Душеполезнаго Чтенія".

№ Инв. 75 5/30
№ Хр. Кат. 19,67
Б. К. Д. А.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1876.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 3 іюня 1876 г.

Цензоръ Протоіерей *С. Зерновъ.*

FgT/80/6002

ГПНТБ СО АН СССР
БИБЛІОТЕКИ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ
1967 п.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Монофизитство и IV вселенскій соборъ:

I. Константинопольскій соборъ 448 г. 1— 23
II. Соборъ разбойничій 449 г. 23— 45
III. Халкидонскій вселенскій соборъ. А) Обстоятельства созванія собора. Б) Судъ надъ соборомъ разбойничьимъ и Діоскоромъ. В) Догматическія пренія и вѣроопредѣленіе. 46— 86
IV. Монофизитство послѣ собора Халкидонскаго 86— 96

Споръ о трехъ главахъ и V вселенскій соборъ:

I. Происхожденіе спора 97—122
II. Исторія спора. 123—143
III. Константинопольскій V вселенскій соборъ 144—164

Монофелитство и VI вселенскій соборъ:

I. Монофелитство и поборники православія до VI вселенскаго собора. А) Монофелитство. Б) Поборники православія. 165—192
II Константинопольскій VI вселенскій соборъ 192—220

Иконоборчество и VII вселенскій соборъ:

I. Происхожденіе иконоборчества. 221—248
II. Господство иконоборчества 249—271
III. Никейскій вселенскій соборъ 272—307
IV. Послѣднія времена иконоборчества 308—332

ГПНТБ СО АН СССР 1967

МОНОФИЗИТСТВО И IV ВСЕЛЕНСКІЙ СОБОРЪ.

I. Константинопольскій соборъ 448 года.

Условія появленія монофизитскаго ученія.—Личность Евтихія.—Соборъ Константинопольскій 448 года: епископъ Евсевій и архіепископъ Флавіанъ;—первый, вторый и третій вызовъ Евтихія;—розыски;—судъ надъ Евтихіемъ.—Признаки грядущихъ смутъ въ Церкви.

Пятый вѣкъ христіанской Церкви извѣстенъ особенною усиленною дѣятельностію въ борьбѣ съ еретиками. Въ этотъ вѣкъ почти одинъ за другимъ собраны были два вселенскихъ собора, третій и четвертый. Первый ведетъ борьбу и одерживаетъ побѣду надъ ересью несторіанскою, вторый тоже ведетъ борьбу и торжествуетъ надъ ересью монофизитскою. Предметъ еретическаго заблужденія какъ въ несторіанствѣ, такъ и въ монофизитствѣ одинъ и тотъ-же, состоитъ въ неправильныхъ представленіяхъ о личности Богочеловѣка, Христа. Несторіанство подъ двумя естествами Христа—Божескимъ и человѣческимъ, понимало какбы два лица во Христѣ: Божеское и человѣческое. Несторіане не могли должнымъ образомъ понять единство личности Богочеловѣка. Напротивъ монофизиты,

въ видахъ охраненія этого единства личности Богочеловѣка, какое теряли несторіане, одному изъ естествъ въ Іисусѣ Христѣ—человѣческому не приписывали истинности и дѣйствительности, низводили его до призрачности. Они достигали въ представленіяхъ до единства личности Христа, но упускали изъ виду несліянность естествъ во Христѣ.

Первые слѣды монофизитства можно находить въ исторіи церковной вскорѣ послѣ собора III вселенскаго. Еще при жизни св. Кирилла Александрійскаго (ум. 444 г.), главнаго дѣятеля на соборѣ III вселенскомъ, уже встрѣчались люди съ монофизитскимъ образомъ воззрѣнія. Борьба съ несторіанствомъ въ Церкви была борьбою съ однимъ изъ утонченнѣйшихъ догматическихъ лжеученій. Эту борьбу не всѣ могли вести съ одинаковымъ умѣньемъ и успѣхомъ. Недостаточно было одной ревности къ вѣрѣ, но требовалось и самое глубокое пониманіе вѣры; какъ скоро такого соединенія ревности съ просвѣщенною вѣрою не находилось у кого-либо, грозила опасность въ борьбѣ съ лжеученіемъ впасть въ новое лжеученіе. Такъ и было съ нѣкоторыми, хотя и ревностными, но неразсудительными борцами противъ несторіанства. Они знали, что несторіанство—ересь, и что Кириллъ Александрійскій есть лучшій выразитель православнаго ученія вопреки этой ереси, но къ сожалѣнію не совсѣмъ хорошо понимали ученіе этого послѣдняго. Кириллъ вскорѣ послѣ низверженія несторіанства жаловался, что появились люди, которые искажали и перетолковывали его ученіе. Эти-то люди и были раннѣйшими монофизитами, зерномъ дальнѣйшаго монофизитства. Кириллъ при одномъ случаѣ о такихъ говорилъ: „да заградятся уста тѣмъ, которые проповѣдуютъ или тождество, или сліяніе или смѣшеніе Слова Божія съ плотію; потому что есть люди, которые распространяютъ слухи въ народѣ, будтобы я подобнымъ образомъ и думаю и учу; тогда какъ наоборотъ: я даже сумасбродными считаю подобныхъ лицъ“ (Дѣян. Всел.

Соб. т. III, стр. 224) *). Другіе приписывали еще болѣе странныя мысли Кириллу. Такъ онъ говоритъ: „я узналъ, что нѣкоторые изъ тѣхъ, которые привыкли пустословить, жужжать подобно полевымъ осамъ и распространяютъ обо мнѣ нелѣпые слухи, будто я говорилъ, что тѣло Христово заимствовано не отъ Св. Дѣвы, а принесено съ неба“. Такихъ извратителей своего ученія Кириллъ называетъ „безразсудными“ (Дѣян. III, стр. 222). Эти-то воззрѣнія, появившіяся уже во времена Кирилла, и легли въ основу позднѣйшаго монофизитскаго ученія. Съ теченіемъ времени подобныя мысли не только не исчезали, но пріобрѣтали все большій и большій кругъ послѣдователей. Блаженный Ѳеодоритъ въ 447 году издаетъ сочиненіе, въ которомъ ведетъ рѣшительную борьбу съ воззрѣніями, родственными съ тѣми воззрѣніями, какія, какъ мы показали, осуждалъ еще Кириллъ. Ѳеодоритъ показываетъ, что появились люди съ такимъ ученіемъ: „два естества было во Христѣ до соединенія, а соединившись они составили одно“; „воспринятое Сыномъ Божіимъ естество человѣческое, хотя не уничтожилось, но перемѣнилось въ существо Божественное“. Отсюда подобные учители утверждали: „имя человѣка Христу не приличествуетъ, приличествуетъ Ему одно имя Бога, потому что, говорили, имя Богъ есть имя естества, а имя человѣкъ есть только указаніе на совершеніе нашего спасенія“. Когда въ земной жизни Іисуса Христа совершилось подобное объединеніе двухъ естествъ божескаго и человѣческаго, при чемъ осталось одно естество Божеское,—эти учители такой вопросъ рѣшали не одинаково: одни, кажется, утверждали, что это совершилось „тотчасъ же въ зачатіи Іисуса Христа“; другіе допускали, что „плоть Христова получила премѣненіе въ естество Бо-

*) Полная исторія монофизитства и IV вселенскаго собора изложена въ „Дѣяніяхъ вселенскихъ соборовъ“, томы III и IV. Переводъ. Казань. 1863. 1865 гг.

жественное уже послѣ воскресенія изъ мертвыхъ, потому что послѣ воскресенія плоть Христова сдѣлалась нетлѣнна, безстрастна и безсмертна". Изъ разсматриваемаго сочиненія Θеодорита ясно видно, что̀ приводило нѣкоторыхъ изъ христіанъ къ подобному образу воззрѣнія. Именно они въ свое оправданіе по Θеодориту говорили: „мы не утверждаемъ двухъ естествъ, дабы не ввести двухъ сыновъ въ ученіи о Христѣ. Поэтому мы думаемъ, что Божество осталось цѣлымъ, а человѣчество поглощено Божествомъ" *). Это значитъ, что проповѣдники этого ученія усвоивали подобныя мысли, стараясь стоять какъ можно далѣе отъ несторіанства, которое вводило „двухъ сыновъ", когда оно склонялось къ мысли, что два естества во Христѣ образуютъ собою два лица.

Ложнымъ мыслямъ о лицѣ Іисуса Христа, противъ которыхъ боролись Кириллъ и Θеодоритъ и которыя были совершенно отличны отъ несторіанства, не суждено было остаться въ скрытности и неизвѣстности. Эти ложныя мысли съ одной стороны достигаютъ очень широкаго распространенія, съ другой возбуждаютъ вниманіе всей Церкви. Это случилось съ тѣхъ поръ, какъ одинъ изъ архимандритовъ столичнаго города Константинополя Евтихій явился приверженцемъ подобныхъ мыслей и былъ уличенъ въ нихъ. До времени уличенія въ ереси, что̀ было сдѣлано на соборѣ константинопольскомъ 448 года, Евтихій слылъ человѣкомъ хорошей жизни и строгихъ правилъ. Онъ посвятилъ себя монашеской подвижнической жизни съ самыхъ юныхъ лѣтъ (Дѣян. III, 184). Онъ достигъ уже глубокой старости, когда онъ обличенъ и осужденъ былъ какъ еретикъ. Его монастырь, въ которомъ онъ настоятельствовалъ, принадлежалъ къ самымъ многолюднымъ монастырямъ: подъ его начальствомъ было до 300 монаховъ (Дѣян. III, 405). Настоятелемъ монасты-

*) Θеодорита. Разговоръ между еранистомъ и православнымъ. Христ. Чтеніе, 1846 г. томъ 2, стр. 363—4. 369—371. 375. 378. 382.

ря Евтихій былъ уже болѣе 30 лѣтъ (Дѣян. ibid). Онъ отличался ревностію въ устройствѣ своего монастыря (Дѣян. III, 406). Мѣстный константинопольскій архіепископъ, хорошо зная жизнь Евтихія, считалъ его человѣкомъ очень достойнымъ (Дѣян. III, 264). Онъ извѣстенъ былъ ревностію въ борьбѣ противъ лжеученія Несторія (Дѣян. III, 263. 185). Кириллъ Александрійскій ради этой ревности его, въ знакъ благодарности прислалъ Евтихію отдѣльный экземпляръ Дѣяній III Вселенскаго Собора (Дѣян. III, 186). Что касается до умственныхъ качествъ Евтихія, они были не особенно высоки. Евтихій ни въ чемъ не показываетъ, чтобъ онъ былъ достаточно образованъ, чтобъ онъ обладалъ силою мысли и умственнымъ развитіемъ, такъ что совершенно можно согласиться съ тѣмъ отзывомъ, какой дѣлаетъ въ этомъ отношеніи одинъ изъ современниковъ Евтихія. Именно папа Левъ великій находитъ въ Евтихіи лишь одну „неосторожную простоту“ (Дѣян. III, 52). Не будетъ даже преувеличеніемъ сказать вмѣстѣ съ тѣмъже Львомъ, что Евтихій былъ „несмысленный старикъ“, что онъ отличался „несмысліемъ“ (Дѣян. III, 47). Дальнѣйшій разсказъ объ Евтихіи долженъ вполнѣ подтвердить подобное сужденіе объ этомъ еретикѣ.

Обнаруженіе, обличеніе и осужденіе ереси Евтихіевой произошло на соборѣ Константинопольскомъ 448 года. Соборъ имѣлъ семь засѣданій *). Членами этого собора было до 32 епископовъ, по разнымъ обстоятельствамъ проживавшихъ въ столичномъ городѣ Константинополѣ, и нѣсколько архимандритовъ. Соборъ составился въ началѣ собственно по другому дѣлу церковному, не имѣющему отношенія къ ереси Евтихія. Вопросъ объ Евтихіи здѣсь поднялъ одинъ изъ присутствующихъ на соборѣ епископовъ, нѣкто Евсевій Дорилейскій **). Евсевій во-

*) 8, 12, 15, 16, 17, 20, 22 ноября.

**) Гор. Дорилея во Фригіи въ Малой Азіи.

шелъ съ прошеніемъ на соборъ; въ этомъ прошеніи между прочимъ говорилось: „прикажите Евтихію архимандриту явиться на соборъ и защищаться въ томъ, въ чемъ я его обвиняю. Я готовъ обличить его, что онъ притворно носитъ имя православнаго; дабы, когда онъ будетъ обличенъ мною, исправились тѣ, которые были совращены Евтихіемъ“ (Дѣян. III, 206—7). Точно впрочемъ въ прошеніи не обозначалось, въ чемъ заключалось лжеученіе Евтихія. Предсѣдателемъ собора былъ архіепископъ константинопольскій Флавіанъ. Флавіанъ зналъ Евтихія, какъ человѣка почтеннаго, и потому сначала былъ удивленъ прошеніемъ Евсевія. И потому, а частію и по свойственной ему добротѣ душевной, онъ дружески совѣтовалъ Евсевію: пойдти въ монастырь къ Евтихію и побесѣдовать съ нимъ наединѣ, въ чаяніи, что Евтихій откажется отъ своихъ неправильныхъ мыслей, въ которыхъ онъ теперь обвинялся. Но это предложеніе Флавіана не было принято Евсевіемъ. Евсевій указывалъ на то, что онъ равѣе былъ другомъ Евтихія, и какъ другъ, не разъ и не два увѣщевалъ его оставить заблужденія, но что Евтихій оставался и остается непреклоннымъ. Флавіанъ однакожъ и послѣ этого отказа Евсевія, не теряетъ надежды, что поднимавшееся дѣло кончится безъ большой огласки, а потому снова обращается къ Евсевію съ просьбою: сходить къ Евтихію, вразумить его и тѣмъ отстранить возможность смятенія въ Церкви въ случаѣ соборнаго разбирательства Евтихіевыхъ мнѣній. Остальные члены собора также присоединились къ этой просьбѣ Флавіана къ Евсевію. Но Евсевій остался непреклоннымъ въ своемъ рѣшеніи. Евсевій заявлялъ, что еще разъ отправиться къ Евтихію, это значитъ еще разъ заставить себя услышать хульныя рѣчи этого еретика (Дѣян. III, 207—208). Соборъ долженъ былъ уступить настоятельному требованію Евсевія, принять обвиненіе и подвергнуть суду Евтихія, ибо всѣмъ хорошо была извѣстна дѣйствительная ревность Евсевія къ охраненію вѣры. Объ этой

ревности Евсевія Флавіанъ свидѣтельствовалъ самъ, когда такъ отзывался о немъ: „мнѣ извѣстна ревность обвинителя; самый огонь кажется ему холоднымъ по причинѣ ревности о благочестіи“ (Дѣян. III, 264).

Положено было отправить депутацію изъ двухъ клириковъ къ Евтихію для приглашенія его на соборъ. Депутатами назначены были пресвитеръ Іоаннъ и діаконъ Андрей. Исполнивши свое порученіе, эти депутаты донесли собору слѣдующее: мы вручили Евтихію обвинительный актъ, назвали ему обвинителя и приглашали его явиться на соборъ для оправданія; но Евтихій отказался явиться на соборъ. Онъ заявилъ, что не можетъ выйдти изъ монастыря не нарушивъ своего обѣта, по которому онъ рѣшился никогда не покидать монастыря и „жить въ монастырѣ какбы во гробѣ“. При этомъ Евтихій заявилъ, что Евсевій возводитъ на него обвиненіе единственно по ненависти и враждѣ къ нему. Но, въ противорѣчіе съ этимъ заявленіемъ своимъ, Евтихій въ тоже время предъ тѣмиже депутатами открыто высказалъ свое лжеученіе. Депутаты показывали, что Евтихій вотъ какія мысли раскрывалъ предъ ними: онъ утверждалъ, что онъ готовъ подписаться подъ опредѣленіями отцевъ собора Никейскаго (I вселенскаго) и Ефесскаго (III вселенскаго), но при этомъ замѣчалъ: „если же встрѣтится въ ихъ словахъ что-нибудь ложное и погрѣшительное, этого хоть онъ и не отвергаетъ, но и не принимаетъ, утверждаясь на одномъ только св. писаніи, которое тверже всякихъ отеческихъ изложеній“. Далѣе Евтихій объяснялъ, что же именно въ этихъ отеческихъ изложеніяхъ онъ считаетъ за такое погрѣшительное и ложное. „Что Христосъ, говоритъ Евтихій, состоитъ изъ двухъ естествъ, соединившихся ипостасно, этого онъ не встрѣчалъ въ изложеніяхъ св. отцевъ и если случится ему у кого-либо вычитать что-либо подобное, онъ *не приметъ этого*; потому что св. писаніе превосходнѣе ученія отцевъ“. Евтихій не считалъ нужнымъ скрывать того, какъ онъ самъ понима-

етъ истину о соединеніи во Христѣ двухъ естествъ. Оказывалось, что его личныя воззрѣнія были чисто еретическими. Онъ говорилъ: „послѣ воплощенія Бога Слова онъ покланяется *одному естеству*, естеству Бога воплотившагося и вочеловѣчшагося“, и прибавлялъ: „Родившійся отъ Маріи Дѣвы есть совершенный Богъ и совершенный человѣкъ, *не имѣющій плоти единосущной намъ*“. Признаваясь въ этихъ мнѣніяхъ, прямо ложныхъ, Евтихій однакожъ отвергалъ слухъ, будто онъ учитъ, что Богъ Слово принесъ съ собою плоть съ неба (Дѣян. III, 249. 251). Послѣ этого заявленія, сомнѣнія въ еретичествѣ Евтихія быть не могло. Архіепископъ Флавіанъ сказалъ: „пусть придетъ сюда Евтихій и сознаетъ свое заблужденіе. Если онъ придетъ сюда и изрыгнетъ прежнее свое нечестіе и приметъ истинную вѣру, то онъ можетъ надѣяться еще на прощеніе“ (Дѣян. III, 253—4).

Рѣшено было отправить вторую депутацію къ Евтихію для приглашенія его на соборъ. Посланные (пресвитеры Мама и Ѳеофилъ) получили отъ собора посланіе для передачи Евтихію; въ немъ говорилось: „безъ всякаго отлагательства явись на соборъ; неблагоразумно говорить въ свое оправданіе, что ты рѣшился невыходить изъ монастыря, когда тебя обвиняютъ въ такихъ важныхъ вещахъ“ (Дѣян. III, 255). Вторая депутація, отправленная къ Евтихію, возвратившись, какъ и первая, доложила собору, что Евтихій отказывается прибыть на соборъ. Депутаты именно разсказывали слѣдующее: когда мы прибыли къ монастырю Евтихія, то встрѣтили въ воротахъ монастыря нѣкоторыхъ монаховъ и объявили имъ, что по порученію архіепископа Флавіана и собора они должны говорить съ архимандритомъ. Монахи отвѣчали: архимандритъ боленъ и не можетъ принять васъ къ себѣ; поэтому объясните намъ: зачѣмъ вы посланы. Но мы отказались сдѣлать это, говоря, что мы посланы къ самому архимандриту. Тогда они смутившись начали шептаться между собой и наконецъ отправились къ Евтихію. Вышедъ отъ него,

они и насъ привели къ нему. Мы передали ему письмо отъ собора, которое онъ въ нашемъ присутствіи прочелъ и сказалъ: „мое правило никогда невыходить изъ монастыря; одна смерть заставитъ меня выйти изъ него; притомъ же соборъ и архіепископъ знаютъ, что я старъ и хилъ. Пусть архіепископъ и соборъ дѣлаютъ со мной что угодно; и пусть не хлопочутъ болѣе о новомъ вызовѣ". Онъ хотѣлъ, говорили депутаты, передать намъ какую-то написанную бумагу для представленія собору, но мы отказались, заявивъ, что если онъ имѣетъ что-либо сказать, то долженъ лично объяснить собору (Дѣян. III, 257—259). Впослѣдствіи снова переспрошенные эти депутаты еще прибавили къ этимъ показаніямъ нѣчто весьма важное для характеристики воззрѣній Евтихія. Евтихій, говорили они, хотѣлъ вступить съ нами въ преніе о вѣрѣ, и когда мы уклонялись отъ этого, онъ, въ присутствіи нѣкоторыхъ монаховъ, сказалъ: „гдѣ въ писаніи говорится о двухъ природахъ во Христѣ"? Одинъ изъ депутатовъ отвѣчалъ ему, что и слово: „единосущный" (употребленное I вселенскимъ соборомъ для выраженія истиннаго отношенія Божества Сына къ Божеству Отца) также не находится въ священномъ писаніи. Евтихій на это замѣтилъ: „въ священномъ писаніи это слово не находится, а въ изложеніи св. отцевъ находится". Въ отвѣтъ Евтихію одинъ изъ депутатовъ справедливо сказалъ: „какъ объ единосущіи не говорится въ св. писаніи, а изложено это ученіе отцами, такъ и о двухъ естествахъ ученіе изложили тѣже св. отцы". Другой изъ депутатовъ предложилъ Евтихію такой вопросъ: „Слово совершенный Богъ или нѣтъ"? Евтихій сказалъ: „совершенный". Тогда тотъже депутатъ предложилъ еще вопросъ: „а воплотившійся совершенный ли человѣкъ или нѣтъ"? Евтихій опять отвѣчалъ: „совершенный". Допрашивавшій Евтихія послѣ этого весьма справедливо замѣтилъ: „итакъ если Христосъ совершенный Богъ и совершенный человѣкъ и два совершенныхъ составляютъ единаго Сына; то почему не

говорить, что единый Сынъ состоитъ изъ двухъ естествъ"? Евтихію слѣдовало бы при этомъ замѣчаніи доказать: почему и какъ двѣ совершенныя природы составляютъ одно естество, но вмѣсто того онъ завопилъ: „да не будетъ того, чтобы я говорилъ, что Христосъ состоитъ изъ двухъ естествъ. Если же хотятъ низложить меня, если хотятъ что-либо сдѣлать со мною, пусть дѣлаютъ. Ибо я въ этой вѣрѣ, какою исповѣдую, стою и желаю скончаться" (Дѣян. III, 273—274). Не желая лично предстать на соборъ, Евтихій дѣлаетъ попытку вмѣсто себя отправить на соборъ одного дружественнаго съ нимъ архимандрита Авраамія, который вмѣсто него и долженъ былъ дать объясненія по возникшему дѣлу. Этотъ Авраамій, вмѣстѣ съ нѣкоторыми монахами явившись на соборъ, заявилъ о болѣзни Евтихія, который отъ печали не могъ спать цѣлую ночь. Затѣмъ Авраамій сказалъ, что Евтихій поручилъ ему сдѣлать отъ его, Евтихіева, лица, нѣкоторыя объясненія на соборѣ. Но этого не позволилъ сдѣлать предсѣдатель собора Флавіанъ. Онъ сказалъ: „какъ можно, спрашиваю тебя, когда обвиненъ одинъ, говорить за него другому" *)? Къ этому Флавіанъ прибавилъ нѣсколько мягкихъ, успокоительныхъ словъ, изъ которыхъ посланный долженъ былъ убѣдиться, что Евтихію нечего бояться собора, что соборъ желаетъ добра, а не зла ему. Флавіанъ говорилъ: „пусть Евтихій придетъ сюда, онъ придетъ къ отцамъ и братьямъ, которые его знаютъ и доселѣ еще пребываютъ въ любви съ нимъ. Многіе слышали объ его заблужденіи и соблазняются и онъ долженъ оправдаться. Мы—люди; многіе изъ великихъ соблазнялись и увлекались, думая, что они правильно мудрствуютъ. Раскаяніе не приноситъ стыда, но стыдно упорствовать во грѣхѣ. Какъ червякъ

*) Чтобы понять эти слова Флавіана, нужно взять во вниманіе, что въ древней Церкви судъ церковный былъ словесный, гласный и потому давать объясненія по извѣстному дѣлу должно было само обвиняемое лицо.

точитъ дерево, родившее его, такъ и нераскаянный грѣхъ — сдѣлавшаго его. Но пусть Евтихій исповѣдуетъ свое прегрѣшеніе, мы простимъ его"! Флавіанъ далѣе даетъ замѣтить Авраамію, что если поднято дѣло противъ Евтихія, то это не потому, что Флавіанъ имѣетъ какое неудовольствіе на Евтихія, а единственно потому, что на него заявлено обвиненіе, котораго по закону нельзя обойти. „Я убѣждалъ и просилъ Евсевія, говоритъ онъ, подождать. Когда же онъ настаиваетъ: что я долженъ былъ дѣлать? И неужели я желаю расточать васъ? Да не будетъ. Расточать свойственно врагамъ, а отцамъ свойственно собирать" (Дѣян. III, 262—264).

Соборъ рѣшился отправить третью депутацію *) къ Евтихію, приглашая его явиться на соборъ. Соборъ сказалъ: „нужно въ третій разъ убѣждать Евтихія, чтобъ онъ прибылъ на соборъ. Если онъ не исполнитъ этого, то самъ себя обвинитъ". Съ депутатами (пресвитерами Мемнономъ и Епифаніемъ и діакономъ Германомъ) соборъ послалъ записку къ Евтихію такого содержанія: „ты не не знаешь, что опредѣлено канонами противъ непослушныхъ и нехотящихъ явиться для оправданія. Итакъ, чтобы ты самъ не подвергнулъ себя тому, что опредѣлено ими, мы въ третій разъ вызываемъ тебя. Поспѣши придти на слѣдующій день" (Дѣян. III, 260—1). Евтихій однакожъ не послушался и этого третьяго вызова. Депутаты по исполненіи своего порученія заявляли собору: „Евтихій прочелъ записку собора, и сказалъ, что онъ послалъ архимандрита Авраамія на соборъ, который отъ его лица долженъ согласиться со всѣмъ, что опредѣлено Никейскимъ и Ефесскимъ соборомъ и что изложено Кирилломъ". Евсевій Дорилейскій, услышавъ это, обезпокоился. Онъ пришелъ въ испугъ, какъ бы ему самому не пострадать вмѣ-

*) По закону церковному къ обвиняемымъ трижды обращались для приглашенія явиться на разбирательство дѣла; если же онъ и послѣ третьягораза не являлся, такого судили какъ ослушника Церкви.

сто Евтихія, когда Евтихій согласится со всѣми церковными опредѣленіями, вслѣдствіе чего Евсевій долженъ будетъ явиться ложнымъ доносчикомъ. Дѣло въ томъ, что по законамъ существовавшимъ въ Церкви, доносчикъ въ случаѣ ложнаго извѣта на другаго, долженъ былъ понести то наказаніе, какому подвергался обвиняемый, какъ скоро обвиненіе подтвердилось бы. Этимъ и объясняются слѣдующія слова Евсевія, въ которыхъ повидимому заключается сожалѣніе, что Евтихій оправдывается. „Онъ намѣренъ теперь согласиться? заявлялъ Евсевій. Я обвинялъ его не за будущее, а за прошедшее. Теперь, еслибы кто нибудь поднесъ ему правильное изложеніе вѣры и сказалъ бы: подпишись и согласись по необходимости, то неужели я поэтому долженъ считаться побѣжденнымъ? Скажи заключеннымъ въ тюрьмѣ: отнынѣ не разбойничайте,—и всѣ они обѣщаются". Флавіанъ старается успокоить Евсевія, доказывия ему, что нѣтъ основаній бояться ему за свою безопасность. Флавіанъ говоритъ: „никакого осужденія не можетъ быть сдѣлано тебѣ за сдѣланное тобою обвиненіе, хотя бы Евтихій тысячу разъ обѣщался подписать изложеніе св. отцевъ; онъ не можетъ не оправдываться за прошедшее". Послѣ этого промежуточнаго объясненія снова начали говоритъ депутаты, возвратившіеся отъ Евтихія и объявляли: „Евтихій умоляетъ, чтобъ ему дана была недѣля срока, такъ какъ онъ теперь по болѣзни не можетъ прибыть на соборъ". Тогда Флавіанъ опредѣлилъ, что хотя по канонамъ Евтихій могъ бы и теперь быть лишенъ сана и осужденъ, однакожь, принимая во вниманіе болѣзнь Евтихія, онъ не рѣшается отказать ему въ назначеніи новаго срока, съ тѣмъ, что если онъ не явится въ опредѣленный имъ самимъ срокъ, то безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій будетъ лишенъ сана и настоятельства въ монастырѣ (Дѣян. III, 265—267. 271).

Прежде чѣмъ открылся самый судъ надъ Евтихіемъ, явились слухи, что Евтихій въ видахъ распространенія

своихъ мнѣній разсылаетъ по монастырямъ какія-то подозрительныя сочиненія. Оказалось нужнымъ розыскать, что такое за сочиненія, какія разсылаетъ Евтихій. О такомъ дѣйствіи Евтихія доложилъ собору опять тотъже Евсевій. Евсевій говорилъ къ собору: „я узналъ, что Евтихій разослалъ по монастырямъ какую-то статью и возбуждаетъ монаховъ къ мятежу. Прошу развѣдать, что такое онъ дѣлаетъ и приготовляетъ". Соборъ положилъ отправить нѣсколько клириковъ для розысканій: что именно посылалъ Евтихій, какъ въ монастыри городскіе, такъ и загородные. Но уже на самомъ соборѣ нашлось лицо, которое могло дать нѣкоторыя показанія относительно разслѣдуемаго обстоятельства. Это былъ пресвитеръ по имени Авраамъ; онъ объявилъ, что архимандритъ Мануилъ объяснялъ ему, что Евтихій присылалъ ему статью о вѣрѣ съ требованіемъ подписаться подъ нею (Дѣян. III, 255—7). Коммиссія, наряженная для изслѣдованія этого новаго показанія Евсевія противъ Евтихія, дѣйствительно подтвердила слова Евсевія. Именно одинъ изъ членовъ коммиссіи сообщилъ собору слѣдующее: мы ходили въ монастырь архимандрита Мартина и узнали, что Евтихій посылалъ ему статью о вѣрѣ съ просьбою подписаться подъ нею. И на замѣчаніе Мартина, что подписывать вѣроисповѣданіе не его дѣло, а дѣло епископовъ, посланный отъ Евтихія, отъ лица этого архимандрита отвѣчалъ, „что если не поддержите Евтихія, то онъ будетъ низверженъ, а послѣ него и съ вами сдѣлаютъ тоже самое". Затѣмъ члены коммиссіи показали, что они ходили и въ другой монастырь архимандрита Фавста, который разсказывалъ имъ, что Евтихій чрезъ нѣкоторыхъ своихъ монаховъ предлагалъ ему для подписи какую-то статью; эти монахи говорили ему, что статья содержитъ изложеніе вѣры св. отцевъ соборовъ Никейскаго и Ефесскаго. Но когда Фавстъ замѣтилъ имъ, что прежде чѣмъ подписаться подъ предложеннымъ ему исповѣданіемъ, онъ долженъ сравнить его съ самыми дѣяніями названныхъ соборовъ, которыя имѣ-

ются у него подъ руками, чтобы видѣть такимъ образомъ, не сдѣлано ли какихъ измѣненій въ опредѣленіи соборовъ Никейскаго и Ефесскаго, то послы Евтихіевы остались недовольны этимъ и удалились. Еще: архимандритъ Іовъ, по словамъ членовъ коммиссіи, говорилъ, что хотя онъ и не получалъ никакого сочиненія отъ Евтихія, но ему внушали, чтобъ онъ отказался подписываться подъ статьею, какую на дняхъ пришлетъ архіепископъ Флавіанъ для подписи. Такимъ образомъ показанія Евсевія о томъ, что Евтихій мятежнически распространяетъ какія-то подозрительныя статьи, достаточно подтвердились (Дѣян. III, 268—270).

Наконецъ срокъ, назначенный самимъ Евтихіемъ для разсмотрѣнія его дѣла, наступилъ. Это было 22-го ноября 448 года. Засѣданіе открылось подъ предсѣдательствомъ архіепископа Флавіана. На срединѣ собора положено было св. Евангеліе. По тогдашнимъ судебнымъ порядкамъ епископъ Евсевій Дорилейскій, который возбудилъ самое дѣло, долженъ былъ стоять у дверей и дожидаться судебнаго разрѣшенія, чтобы войдти. По соблюденіи этой формальности, Евсевій вошелъ въ залъ, гдѣ засѣдали отцы. Затѣмъ Флавіанъ послалъ двухъ діаконовъ справиться, пришелъ ли къ мѣсту собранія и Евтихій. Посланные возвратились съ отрицательнымъ отвѣтомъ. Тогда Флавіанъ снова отправляетъ двухъ діаконовъ для тойже справки; возвратившись, и эти доложили собору, что они не нашли Евтихія, но узнали, что онъ намѣренъ придти въ сопровожденіи воиновъ, монаховъ и преторскихъ слугъ. Когда это говорили и соборъ находился въ ожиданіи прибытія подсудимаго, было доложено собору: пришелъ архимандритъ Евтихій съ великимъ множествомъ воиновъ, монаховъ и слугъ префекта; и они не иначе хотятъ допустить его оставаться на соборѣ, какъ только подъ условіемъ, если члены собора обѣщаются относительно неприкосновенности его личности. Доложено было также собору, что пришелъ одинъ чиновникъ государ-

ственный Магнусъ, посланный отъ императора Θеодосія младшаго и желавшій войти на соборъ. Предсѣдатель согласился на это. Явившись, Магнусъ обратился къ Флавіану съ такими словами: „благоволите принять повелѣніе государя: онъ объявляетъ нѣчто письмомъ". И Магнусъ прочиталъ слѣдующее: „мы заботимся о мирѣ церквей и православной вѣры и желаемъ охранять вѣру, изложенную св. отцами собиравшимися въ Никеѣ и бывшими въ Ефессѣ при осужденіи Несторія. Мы желаемъ этого, дабы не вторгся соблазнъ въ упомянутое православіе. А такъ какъ патрицій Флоренцій извѣстенъ за человѣка вѣрнаго и испытаннаго въ православіи, то мы желаемъ, чтобъ онъ присутствовалъ при засѣданіи собора, ибо рѣчь идетъ о вѣрѣ". Соборъ изъявилъ свое согласіе на присутствованіе патриція Флоренція при разбирательствѣ дѣла Евтихіева (Дѣян. III, 276—279) *). Когда прибылъ на соборъ Флоренцій, открылось самое засѣданіе собора. Прочтены были, между прочимъ, нѣкоторыя извлеченія изъ посланій св. Кирилла, какъ выражающихъ истинное церковное ученіе по вопросу о соединеніи двухъ естествъ во Христѣ. И когда читались посланія Кирилла, именно слова: „Сынъ Божій единосущенъ Отцу по божеству и единосущенъ намъ по человѣчеству, ибо въ Немъ совершилось соединеніе двухъ естествъ", Евсевій Дорилейскій замѣтилъ: „клянусь, что Евтихій не исповѣдуетъ этого и никогда не былъ согласенъ съ этимъ". Сановникъ Флоренцій, выслушавъ замѣчаніе Евсевія, сказалъ: „нужно спросить Евтихія, согласенъ ли онъ съ этимъ?"—Евсевій, какъ и прежде разъ это было съ нимъ, пришелъ въ силь-

*) Появленіе Евтихія на соборѣ въ сопровожденіи воиновъ и служителей префекта, письмо императора къ собору, распоряженіе тогоже императора касательно присутствованія государственнаго чиновника на соборѣ, все это показывало, что власть свѣтская была сильно заинтересована дѣломъ Евтихія. Послѣдствія, о которыхъ мы скажемъ ниже, ясно подтверждаютъ это.

ное смущеніе, какъ бы Евтихій не согласился съ прочитанными словами и не поставилъ его въ затрудненіе, его, какъ обвинителя. „Если я окажусь клеветникомъ, то потеряю санъ, говорилъ Евсевій. „Я боюсь гоненія со стороны Евтихія: я бѣденъ, ничего не имѣю, а онъ богатъ, онъ грозитъ мнѣ ссылкою, онъ уже назначилъ мнѣ и мѣсто ссылки“ *). Флавіанъ старался успокоить Евсевія, говоря: „никто не согласится ни на то, чтобы ты не уличалъ Евтихія, ни на то, чтобы кто-нибудь счелъ правымъ архимандрита Евтихія тотчасъ по его согласіи съ прочитаннымъ“ (Дѣян. III, 280—281). Затѣмъ патрицій Флоренцій распорядился, чтобы приступлено было къ допросу Евтихія. Тогда Евтихію предложенъ былъ вопросъ: „согласенъ ли онъ съ прочитаннымъ изъ Кирилла и исповѣдуетъ ли онъ соединеніе двухъ естествъ въ одномъ лицѣ и ипостаси, или нѣтъ“? Евтихій уклончиво отвѣчалъ, что онъ признаетъ, что Христосъ изъ двухъ естествъ. Евсевій Дорилейскій, видя такую уклончивость, опредѣленнѣе предложилъ вопросъ: „исповѣдуешь ли ты два естества послѣ воплощенія и признаешь ли, что Христосъ единосущенъ намъ по плоти“? Евтихій отвѣчалъ: „какъ я мыслю, написано вотъ въ этой бумагѣ. Прикажите прочесть“. Флавіанъ на это замѣтилъ: „читай самъ“. Евтихій отказался: „не могу“, сказалъ онъ. Флавіанъ на это сказалъ: „почему? Ты ли это изложилъ или это изложеніе другаго? Если твое, то читай самъ. Говори самъ собою,—что за нужда въ бумагѣ“ **)? Евтихій произнесъ свое исповѣданіе вѣры, но въ томъ родѣ, что вовсе не коснулся спорнаго вопроса (Дѣян. III, 282—284). Видя хитрость Евтихія, Флавіанъ снова началъ допрашивать его, наводя его на нужный пунктъ: „исповѣдуешь ли ты,

*) Ясный намекъ, что Евтихій имѣлъ связи съ лицами вліятельными.

**) Это послѣднее требованіе вытекало изъ того, что судъ былъ гласный и потому обвиненіе слѣдовало давать словесно.

что Христосъ единосущенъ Отцу по божеству и единосущенъ Матери по человѣчеству"? Евтихій отвѣчалъ: „Я уже сказалъ, какъ я мыслю объ Отцѣ, Сынѣ и Св. Духѣ (въ своемъ исповѣданіи); ни о чемъ другомъ еще меня не спрашивайте". Но предсѣдатель не удовлетворился такими уклончивыми отвѣтами. „Признаюсь, сознался тогда Евтихій, я донынѣ не признавалъ, что Онъ единосущенъ намъ". Флавіанъ, чтобы довести до большей ясности отвѣтъ Евтихія, снова предлагаетъ ему вопросъ: „итакъ признаешь ли ты Христа единосущнымъ Отцу по божеству и единосущнымъ намъ по человѣчеству"? Евтихій на этотъ повторительный вопросъ уже высказывается довольно опредѣленно: „до сего дня я не признавалъ тѣла Господа и Бога нашего единосущнымъ намъ; но Св. Дѣву исповѣдую единосущною намъ, и исповѣдую, что отъ Нея воплотился Богъ нашъ". Флавіанъ, принимая во вниманіе послѣднее замѣчаніе Евтихія касательно Св. Дѣвы, дѣлаетъ такой вопросъ Евтихію: „итакъ, единосущна ли намъ Дѣва, отъ которой воплотился Христосъ"? На это Евтихій далъ отвѣтъ утвердительный. Тогда въ допросъ вмѣшивается Евсевій и сказалъ: „если Матерь единосущна намъ, то и Христосъ единосущенъ намъ по плоти". Тоже самое подтвердилъ и Флоренцій. Евтихій хорошо понималъ, куда могло повести его прямое сознаніе, понималъ, что ересь его становится слишкомъ очевидною; и потому не безъ боязни, а можетъ быть желая выставить себя человѣкомъ насилуемымъ въ своихъ убѣжденіяхъ, сказалъ: „до сего дня я не признавалъ этого; въ началѣ я не училъ такъ; а теперь говорю это; потому что ваша святость такъ говоритъ". Тогда Флавіанъ задаетъ такой вопросъ Евтихію: „слѣдовательно ты по необходимости, а не добровольно исповѣдуешь истинную вѣру"? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Евтихій даетъ понять, какими глазами смотритъ онъ на исповѣданіе Іисуса Христа единосущнымъ намъ по естеству; онъ даетъ знать, что это вѣрованіе есть, по нему, прямое нововведеніе, изобрѣтенное Флаві-

аномъ. Онъ говоритъ: „теперь я точно исповѣдую этотъ догматъ по необходимости; до сего дня, замѣчаетъ онъ, я не позволялъ себѣ разсуждать объ естествѣ Бога, и такъ какъ ваша святость позволяетъ и учить этому, то и я говорю подобнымъ же образомъ“ (Дѣян. III, 285—6). Допросъ, доселѣ снимаемый съ Евтихія, довелъ его до сознанія, что онъ не признаетъ плоти Господа Христа единосущною намъ по естеству человѣческому. Результатъ важный для сужденія о заблужденіи Евтихія. Но все-же еще оставалось не яснымъ: какъ онъ понимаетъ истину о соединеніи во Христѣ двухъ естествъ божескаго и человѣческаго? Этотъ вопросъ тѣмъ необходимѣе было предложить Евтихію, что нужно было точнѣе опредѣлить: въ какомъ отношеніи стоитъ заблужденіе его къ ученію въ данномъ вопросѣ какъ Кирилла Александрійскаго, который служитъ для Церкви выразителемъ истиннаго ученія о соединеніи двухъ естествъ во Христѣ, такъ и Несторія, который еще такъ недавно возмущалъ Церковь неправыми мыслями по томуже вопросу. Сказанный вопросъ и предлагаетъ теперь Евтихію сановникъ Флоренцій: „Признаешь ли ты Господа нашего родившагося отъ Дѣвы изъ двухъ естествъ послѣ воплощенія или нѣтъ“? Евтихій болѣе уже не запирается въ своемъ ученіи, а представляя себя жертвой насилій собора, заставляющаго его принимать ученіе, по его мнѣнію, ложное, прямо говоритъ: „исповѣдую, что Господь нашъ состоитъ изъ двухъ естествъ прежде соединенія, а послѣ соединенія признаю *одно естество*“ (Дѣян. III, 287). Теперь ересь Евтихія изобличена была со всею ясностію; всѣ сомнѣнія относительно образа воззрѣній Евтихія изчезли для собора. Послѣ этого соборъ считаетъ своею священнѣйшею обязанностію наставить еретика на путь истинный, заставить его отказаться отъ его лжеученія. Съ этою цѣлію соборъ предлагаетъ Евтихію: изложить предъ отцами собора надлежащее церковное ученіе относительно даннаго пункта и анаѳематствовать противопо-

ложныя этому ученію лжеученія. Но эта мѣра мало подѣйствовала на заблуждающагося. Евтихій на предложеніе отвѣчалъ такъ: „я сказалъ вамъ, что прежде я не признавалъ ученія, которое сейчасъ слышу. Въ св. Писаніи я не нашелъ ничего яснаго объ этомъ; и не всѣ отцы говорили подобное. Если я стану анаѳематствовать, какъ вы приказываете, непризнающихъ ваше ученіе, замѣтилъ самомнительно Евтихій, то, увы мнѣ, я буду анаѳематствовать отцевъ моихъ“ Соборъ, слыша это, не могъ болѣе терпѣть упорства и лицемѣрія Евтихія, и возставши провозгласилъ: „анаѳема Евтихію“. Послѣ этого председатель собора архіепископъ Флавіанъ сказалъ: „пусть скажетъ соборъ, чего достоинъ присутствующій Евтихій и неисповѣдающій явно правую вѣру и нежелающій согласиться съ разсужденіемъ собора, а упорствующій въ своемъ извращеніи и худомъ мнѣніи“. На это Селевкъ, епископъ амасійскій отъ лица собора отвѣчалъ: „онъ достоинъ низложенія; впрочемъ все зависитъ отъ человѣколюбія вашей святости“. „Еслибы Евтихій исповѣдавши свой грѣхъ, сказалъ на это Флавіанъ, рѣшился анаѳематствовать свое заблужденіе и согласился съ нами, слѣдующими изложенію св. отцевъ, тогда конечно удостоился бы милости. Но такъ какъ онъ упорствуетъ въ своемъ заблужденіи, то подвергнется опредѣленнымъ канонами наказаніямъ“ (Дѣян. III, 288—289). Съ этой минуты конечно для Евтихія должно было быть очевиднымъ, что ему не избѣгнуть надлежащаго церковнаго наказанія, если онъ будетъ продолжать упорствовать въ своемъ заблужденіи. Впечатлѣніе угрозъ, о которыхъ говорилъ ему соборъ, должно было оказывать свое дѣйствіе на Евтихія. Соборъ, кажется, много расчитывалъ на это впечатлѣніе, предполагая, не одумается ли еретикъ по крайней мѣрѣ хотя теперь. Поэтому Евтихію предложенъ былъ снова вопросъ, отвѣтъ на который долженъ былъ окончательно рѣшить его судьбу. Сановникъ Флоренцій спросилъ его снова: „скажи, признаешь ли ты два естества и едино-

сущіе намъ по человѣчеству во Христѣ"? Но ожиданія собора не сбылись. Евтихій вовсе не думалъ покидать своего заблужденія. Евтихій впрочемъ не совсѣмъ прямо на вопросъ отвѣчалъ: „я читалъ св. отцевъ, блаженнаго Кирилла, св. Аѳанасія: они признавали два естества прежде соединенія, а послѣ соединенія и воплощенія, они признавали уже не два естества, а одно". Но Флоренцій не удовлетворившись подобнымъ отвѣтомъ, еще спросилъ: „исповѣдуешь ли *ты* два естества послѣ соединенія"? Евтихій и на этотъ разъ не далъ рѣшительнаго отвѣта. „Прикажите, сказалъ онъ, прочитать св. Аѳанасія и вы узнаете, что ничего подобнаго онъ не говорилъ". Послѣ этого соборъ не находилъ болѣе нужнымъ увѣщевать и убѣждать Евтихія: непреклонность его не давала мѣста снисхожденію собора. Весь соборъ воставши воскликнулъ: „по принужденію нѣтъ вѣры: истинная вѣра всегда побѣждаетъ. Евтихій несогласенъ съ нами, нужно ли послѣ этого убѣждать его"? Затѣмъ предсѣдатель собора архіепископъ Флавіанъ формулировалъ приговоръ противъ Евтихія въ слѣдующихъ словахъ: „такъ какъ изъ предшествующихъ изслѣдованій и изъ его, Евтихіева, собственнаго, только что сдѣланнаго признанія очевидно обнаруживается, что архимандритъ Евтихій упорно держится ложнаго ученія Валентина и Аполлинарія *), то мы въ глубокой скорби о всецѣломъ развращеніи его, именемъ Господа нашего Іисуса Христа, имъ злословимаго, опредѣлили лишить его пресвитерскаго достоинства и начальства надъ монастыремъ и отлучить отъ общенія съ нами. Пусть всѣ, кто будетъ послѣ этого разговаривать или входить въ общеніе съ нимъ, знаютъ, что сами они повинны будутъ отлученію отъ Церкви" (Дѣян. III, 289. 291).

*) Валентинъ училъ, что Творецъ нарочито образовалъ тѣло Христа изъ эфирныхъ матерій неба; а Аполлинарій утверждалъ, что во Христѣ не было разумной человѣческой души, что Сынъ Божій воспріялъ одно тѣло человѣческое.

Этотъ приговоръ подписанъ былъ самимъ архіепископомъ Флавіаномъ, 31 епископомъ присутствовавшими на соборѣ и нѣсколькими архимандритами.

Соборъ константинопольскій 448 года выяснилъ, изобличилъ и осудилъ ересь Евтихія, однакоже на этомъ дѣло не остановилось. Вскорѣ появились печальные признаки новыхъ смутъ въ Церкви, подобныхъ несторіанскимъ. Послѣ осужденія своего, Евтихій, не считая дѣла своего проиграннымъ, обращается за помощію къ самому императору Θеодосію младшему. Императоръ охотно поддерживаетъ еретика. Чтобы понять такое повидимому странное явленіе, нужно взять во вниманіе, что въ это время императоръ Θеодосій находился подъ сильнымъ вліяніемъ одного евнуха, Хрисаѳія, заправлявшаго отъ имени слабаго императора дѣлами государственными. А этотъ Хрисаѳій съ самаго вступленія на каѳедру константинопольскую архіепископа Флавіана, ненавидѣлъ его и всячески старался дѣлать ему худое; дѣло Евтихія представлялось этому царедворцу удобнымъ случаемъ къ тому, чтобы досадить Флавіану. Причина ненависти Хрисаѳія къ Флавіану, по разсказу одного историка, заключалась въ слѣдующемъ: когда архіепископъ Флавіанъ посвященъ былъ въ архипастыри столицы, Хрисаѳій, корыстолюбецъ, началъ требовать себѣ отъ новопоставленнаго архіепископа какого-либо дорогаго подарка. Флавіанъ, какбы не понявъ въ чемъ дѣло, посылаетъ Хрисаѳію благословенный хлѣбъ— дорогой подарокъ. Этимъ былъ сильно оскорбленъ корыстолюбивый Хрисаѳій и искалъ постоянно случая отмстить Флавіану. Дѣло Евтихія, говоримъ, представляло удобный случай къ отмщенію архіепископу. Хрисаѳій, а чрезъ него и императоръ, беретъ сторону Евтихія, по осужденіи его. Хрисаѳій тѣмъ охотнѣе присоединяется къ сторонѣ Евтихія, что самъ онъ сочувствовалъ идеямъ, какія развивалъ Евтихій *). Подъ вліяніемъ Хрисаѳія дворъ началъ

*) Θеофанъ. Хронографія (Edit. Migne, cursus patr. Graeca scr. t. CVIII). стр. 256. 257.

дѣятельно выражать свое сочувствіе низверженному еретику. Императоръ не запрещаетъ Евтихію дѣлать публичныя манифестаціи противъ того осужденія, какое положено на него соборомъ подъ руководительствомъ Флавіана (Дѣян. III, 26. 32). Этого мало, императоръ принимаетъ отъ еретика прошеніе, которымъ испрашивается у Θеодосія разрѣшеніе о пересмотрѣ дѣяній собора константинопольскаго, какъ испорченныхъ и непередающихъ дѣла во всей истинности. Евтихій осмѣливается войдти къ императору съ прошеніемъ, въ которомъ говорилось: „я читалъ дѣянія, составленныя противъ меня Флавіаномъ, и нашелъ ихъ несходными съ тѣмъ, что было на самомъ дѣлѣ; въ этихъ дѣяніяхъ не помѣстили ни того, что онъ говорилъ мнѣ, ни того, что я говорилъ“,—и просилъ ревизировать запись дѣяній. Императоръ сдѣлалъ на прошеніи надпись, которою приказывалось, чтобъ „изслѣдовалась истина дѣла“ (Дѣян. III, 304. 305). Назначены были одна за другой двѣ ревизіонныхъ коммиссіи. Во время засѣданій одной изъ нихъ, благопріятствующей Евтихію, клирикъ показывалъ: „осужденіе собора противъ Евтихія продиктовано не въ тотъ часъ, какъ состоялось, но было составлено прежде, чѣмъ архимандритъ пришелъ на судъ“ (Дѣян. III, 348). Дѣло запутывалось. Одна изъ коммиссій впрочемъ нашла дѣянія неповрежденными и правильными; другая, состоявшая изъ свѣтскихъ чиновниковъ, высказала себя въ пользу претензій Евтихія (Дѣян. III, 296 и д. 355 и д.). Этимъ императоръ не ограничился. Евтихій старался внушить ему, что архіепископъ Флавіанъ еретикъ, и Θеодосій требуетъ отъ него исповѣданія вѣры. Чистый въ своей совѣсти, Флавіанъ представляетъ подробное исповѣданіе своей вѣры и заключаетъ свое изложеніе такими словами: „это я написалъ своею рукою для удовлетворенія вашего величества и для того, чтобы низложились злословящіе наше благое и простое пребываніе во Христѣ“ (Дѣян. III, 33—25). Императоръ такъ далеко простеръ свою благосклонность къ ере-

тику, что кажется рекомендовалъ его въ письмѣ къ папѣ Льву великому (Дѣян. III, 25). Евтихій самъ съ своей стороны повсюду въ Церкви ищетъ себѣ сторонниковъ и покровителей. Онъ жаловался на Флавіана папѣ Льву и не безъ успѣха. Сначала, незная всѣхъ подробностей дѣла, Левъ высказываетъ себя благосклоннымъ къ Евтихію. Левъ писалъ къ Евтихію, что „ревность его къ вѣрѣ ему, Льву, пріятна", и призываетъ на него благословеніе Божіе (Дѣян. III, 24). Подъ первымъ впечатлѣніемъ письма Евтихіева, тотъже Левъ требовалъ отъ Флавіана, чтобъ онъ объяснилъ, почему онъ осудилъ Евтихія, замѣчая, что „суды надъ священными должны быть здравые" (Дѣян. III, 26). И Флавіанъ долженъ былъ оправдывать свое поведеніе въ отношеніи къ Евтихію предъ папою (Дѣян. III, 29—33). Самый доносъ Евсевія Дорилейскаго, по которому начато было дѣло Евтихія, папа находилъ недостаточно обоснованнымъ (Дѣян. III, 28). Правда, папа недолго оставался въ заблужденіи, истина для него скоро открылась; тѣмъ не менѣе временная благосклонность Льва къ Евтихію не могла не быть благопріятною для коварныхъ дѣйствій послѣдняго. Евтихій въ видахъ успѣха своего дѣла и въ видахъ оклеветанія Флавіана, хочетъ вступить въ связь даже съ отдаленною Церковію Равеннскою въ Италіи (Дѣян. III, 61). И нѣтъ сомнѣнія, что еретикъ и въ это уже время стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ съ архіепископомъ александрійскимъ Діоскоромъ, который позднѣе былъ такимъ доброхотомъ Евтихія. Словомъ, при указанныхъ условіяхъ Евтихій не могъ не ожидать, что его дѣла поправятся, и враги его будутъ поруганы. Черная туча сбиралась надъ Церковью восточною.

II. Соборъ разбойничій 449 года.

Лжевселенскій соборъ 449 г. Созваніе его по мысли Евтихія.—Положеніе, какое должны были принять сторона православныхъ и сторона еретиковъ, по указамъ, на предположенномъ соборѣ.—Дѣянія собора: коварная тактика Діоскора.—Евтихій въ качествѣ обвинителя.—Монофизитство собора.—Оправданіе Евтихія.—Кривосудъ и осужденіе Флавіана.—Судьба представителей православія.—Насильства Діоскора. — Мысли папы Льва о монофизитскомъ ученіи и соборѣ.

Императоръ Θеодосій младшій, созвавшій соборъ въ 431 году для разсмотрѣнія догматическихъ споровъ св. Кирилла Александрійскаго съ Несторіемъ—III вселенскій, по случаю новыхъ споровъ въ Церкви касательно вѣроученія, поднятыхъ архимандритомъ Евтихіемъ рѣшается созвать новый соборъ въ 449 году. По намѣренію этотъ соборъ долженъ былъ быть вселенскимъ, какъ и соборъ 431 года; онъ имѣлъ составиться изъ представителей — іерарховъ всѣхъ главнѣйшихъ церквей того времени: въ немъ должны были принять участіе (и приняли) и архіепископъ столицы, и епископы Θракіи, Македоніи, Греціи, Малой Азіи, Сиріи, Палестины, Египта, и самый Римъ въ лицѣ легатовъ папскихъ; но въ дѣйствительности этотъ соборъ сталъ разбойничьимъ *), т.-е. такимъ, который не соотвѣтствовалъ интересамъ Церкви и вѣры: онъ вмѣсто истиннаго ученія

*) Соборъ 449 года названъ былъ именемъ *разбойничьяго* въ первый разъ современникомъ его папою Львомъ Великимъ; съ тѣхъ поръ это названіе осталось за соборомъ навсегда въ исторіи.

церковнаго защищалъ и провозгласилъ лжеученіе монофизитское и ознаменовалъ себя насиліями въ отношеніи къ приверженцамъ православія.

Мысль созванія собора для изслѣдованія неодинаковыхъ догматическихъ воззрѣній о лицѣ Богочеловѣка и образѣ соединенія въ Немъ двухъ естествъ: божескаго и человѣческаго,—воззрѣній Евтихія и представителей церкви, принадлежала сторонѣ еретичествующей. Ободряемый тою дѣятельною поддержкою при дворѣ и у императора, какую нашелъ Евтихій здѣсь тотчасъ послѣ собора Константинопольскаго 448 года, осудившаго его, Евтихій для окончательнаго торжества надъ своими врагами и для рѣшительнаго успѣха своего лжеученія, испрашиваетъ у императора созванія собора вселенскаго (Дѣян. т. III, стр. 196). И вотъ едва прошло четыре мѣсяца послѣ осужденія Евтихія, какъ императоромъ Ѳеодосіемъ объявлено было созваніе общецерковнаго собора для разсмотрѣнія и изслѣдованія спорныхъ вопросовъ вѣроученія и для пересмотра опредѣленій Константинопольскаго собора 448 года по дѣлу Евтихія. Уже въ апрѣлѣ 449 года императоръ окончательно рѣшился собрать соборъ. Волею императора, человѣка слабаго и безхарактернаго, въ настоящемъ случаѣ руководилъ прежде упомянутый нами евнухъ и министръ Хрисаѳій, другъ Евтихія и недругъ архіепископа Флавіана. Такъ какъ первоначальная мысль созванія собора вселенскаго выходила отъ партіи Евтихіевой, то многіе изъ главнѣйшихъ представителей православія въ современной Церкви, какбы предчувствуя, какимъ позоромъ покроетъ себя этотъ соборъ, весьма несочувственно относились къ созванію его. Архіепископъ Флавіанъ ожидалъ отъ этого собора только новыхъ смутъ и безпорядковъ въ Церкви (Дѣян. III. 33). Папа Левъ считалъ соборъ дѣломъ излишнимъ и замѣчалъ, что „по разумнымъ причинамъ можно было бы удержаться отъ созыванія собора“ (Дѣян. III, 63. 64). И другіе знаменитые мужи Церкви не ждали добра отъ собора (напр. блаж. Ѳеодоритъ).

Тѣмъ не менѣе соборъ, къ своему собственному стыду, состоялся. Напередъ можно было видѣть, что соборъ кромѣ зла ничего не принесетъ Церкви. Въ самомѣ дѣлѣ всѣ императорскіе указы и высочайшія посланія, выданные предъ открытіемъ собора и касающіеся этого собора, ясно давали знать, чѣмъ долженъ былъ быть собираемый соборъ. Предсѣдательство, и притомъ полномочное, на соборѣ поручается человѣку совершенно не благонадежному, архіепископу Александрійскому Діоскору *). Діоскоръ по своимъ догматическимъ убѣжденіямъ былъ вполнѣ родственъ съ Евтихіемъ, хотя до времени и не обнаруживалъ этого ясно (Дѣян. III. 144). Онъ былъ въ связяхъ съ евнухомъ Хрисаѳіемъ, другомъ Евтихія и полномочнымъ правителемъ имперіи въ то время, а потому естественно и дворъ и императоръ должны были принять сторону не Флавіана, а Діоскора **). Діоскоръ тѣмъ охотнѣе долженъ былъ поддерживать сторону Евтихія, что по всей вѣроятности и онъ подобно многимъ другимъ архіепископамъ александрійскимъ (напр. Ѳеофилу, ознаменовавшему себя постыдною борьбою съ св. Златоустомъ) съ завистію смотрѣлъ на быстрое возвышеніе архіепископской каѳедры Константинопольской надъ всѣми другими каѳедрами Востока, а потому былъ не прочь въ лицѣ Флавіана архіепископа столицы унизить достоинство и честь самой каѳедры Константинопольской***). Таковъ былъ Діоскоръ, и однакожь онъ по высочайшему повелѣнію назначался главнымъ вождемъ собора. Высочайшее посланіе адресованное на имя Діоскора гласило: „мы почли необходимымъ послать тебѣ грамоту, въ которой объяв-

*) Подробную характеристику нравовъ Діоскора мы предложимъ ниже, когда будемъ говорить о судѣ надъ Діоскоромъ на соборѣ Халкидонскомъ.

**) Ѳеофанъ. Хронографія (edit. Migne cursus patr. Graeca ser. t. CVIII, стр. 260).

***) Подобную догадку дѣлаетъ Гефеле въ „Исторіи соборовъ“ (Band 2, s. 331, Ausgabe 1856).

ляемъ всему собору, что мы предоставляемъ тебѣ власть и первенство предъ всѣми прочими участвующими въ соборѣ“ (Дѣян. III, 158). Понятно, какъ мало можно было ожидать истины и безпристрастія отъ собора, руководительство котораго не безъ намѣренія поручено было евтихіанину. Что касается до стороны православной, то указами, изданными еще до собора, ей предписывалось положеніе на соборѣ страдательное, а не дѣятельное, и даже стѣснительное и угнетенное. Архіепископъ Флавіанъ, глава православныхъ на востокѣ, долженъ былъ явиться на соборъ скорѣе въ качествѣ подсудимаго, чѣмъ полноправнаго члена его. На это указываютъ императорскіе указы и высочайшія посланія какъ косвенно, такъ и прямо. Одинъ указъ напр. говорилъ: „такъ какъ нынѣ опять возбуждено новое недоумѣніе касательно св. вѣры, то мы опредѣлили быть въ Ефесѣ собору, поспѣшая совершенно уничтожить корень зла“ (Дѣян. III. 154). Какъ легко было примѣнить этотъ указъ противъ Флавіана, который не соглашался съ Евтихіемъ въ ученіи вѣры, и какъ легко было подъ искорененіемъ зла понять именно искорененіе воззрѣній Флавіана! Или другое высочайшее посланіе гласило: „тѣмъ, которые осмѣлились говорить съ цѣлію или прибавить или убавить что-либо въ опредѣленіяхъ о вѣрѣ, постановленныхъ въ Никеѣ и потомъ въ Ефесѣ, мы не позволяемъ совершенно имѣть голоса на соборѣ и подчиняемъ ихъ вашему (Діоскорову) суду“ (Дѣян. III. 159). Опять: какъ легко было и этимъ мѣстомъ высочайшаго посланія воспользоваться во вредъ Флавіану! потому что не было ничего проще какъ представить, что Флавіанъ хотѣлъ что-либо прибавить или убавить въ рѣшеніяхъ прежнихъ вселенскихъ соборовъ. Но кромѣ этихъ выраженій изъ высочайшихъ указовъ и посланій, косвенно указывающихъ на неблагопріятное положеніе, какое должна была занять на соборѣ сторона православныхъ—въ лицѣ Флавіана, въ разсматриваемыхъ документахъ есть прямыя указанія, направленныя противъ Флавіана и его дѣла.

„Такъ какъ архіепископъ Флавіанъ, говорилось въ одномъ указѣ, захотѣлъ возбудить какой-то вопросъ о вѣрѣ противъ архимандрита Евтихія и собравши совѣтъ, началъ что-то дѣлать, то мы нѣсколько разъ относились къ этому епископу, желая воспрепятствовать возбужденному безпорядку; но хотя мы многократно убѣждали его оставить такое изслѣдованіе, чтобы это несдѣлалось причиною безпорядковъ во всей вселенной, однакожь онъ не успокоился“; поэтому, разсуждалось въ указѣ, „мы сочли необходимымъ собрать соборъ, дабы искоренить весь діавольскій корень“ (Дѣян. III. 157). Могъ ли, спрашиваемъ, ожидать себѣ добра Флавіанъ на предполагавшемся соборѣ, въ силу подобныхъ указовъ? И не долженъ ли былъ онъ считать свое дѣло, а съ нимъ вмѣстѣ и дѣло православныхъ, напередъ предрѣшеннымъ, и притомъ совершенно не въ свою пользу? Императорская власть, руководимая такими врагами православія, какъ Хрисаѳій, постаралась даже сколько возможно ослабить сторону православныхъ на соборѣ, устранивъ отъ собора наиболѣе ревностныхъ изъ нихъ. Такъ поступилъ императоръ съ блаженнымъ Ѳеодоритомъ епископомъ Кирскимъ, этимъ проницательнымъ врагомъ монофизитства, умѣвшимъ оцѣнить опасность этого новаго ученія на самыхъ первыхъ порахъ развитія онаго. Въ высочайшемъ посланіи, адресованномъ къ Діоскору, читаемъ: „Ѳеодориту Кирскому мы повелѣваемъ не прежде придти на соборъ, какъ когда угодно будетъ всему собору, чтобы и онъ присутствовалъ на немъ. Если же возникнетъ какое-либо разногласіе касательно его, то мы повелѣваемъ безъ него собраться собору и рѣшить то, что повелѣно“ (Дѣян. III. 148). Это устраненіе Ѳеодорита отъ собора совершается подъ предлогомъ склонности его къ несторіанству (Дѣян. III. 158). Оно было условное, но равнялось безусловному, какъ скоро возмемъ во вниманіе, кто былъ предсѣдателемъ собора; могъ ли Діоскоръ допустить присутствованіе на немъ Ѳеодорита, ревностнѣйшаго приверженца правосла-

вія? Между тѣмъ какъ сторона православныхъ на соборѣ, вопреки всякой справедливости, ослаблялась, партія монофизитская на немъ всячески усиливалась по волѣ императорской. Такъ вызванъ былъ къ присутствованію на соборѣ указомъ съ правомъ голоса архимандритъ Варсума изъ Сиріи, хотя по канонамъ онъ не могъ быть членомъ собора, ибо таковыми были лишь епископы. Онъ вызванъ потому, говорилъ указъ, что онъ вмѣстѣ съ другими архимандритами „ведетъ борьбу противъ нѣкоторыхъ восточныхъ епископовъ, зараженныхъ нечестіемъ Несторія" (Дѣян. III, 152. 153), т.-е. попросту противъ епископовъ православныхъ, которыхъ монофизитствующіе обзывали именемъ Несторіанъ за то, что они вопреки Евтихію допускали во Христѣ два естества по воплощеніи (это видно изъ Дѣян. III, 157). Но со всѣмъ этимъ мы еще не достаточно оцѣнимъ всѣ выгоды, какія должна была имѣть на своей сторонѣ партія монофизитская на соборѣ, если не укажемъ еще на тѣ широкія полномочія, которыя давались императорскимъ свѣтскимъ чиновникамъ Елпидію и Евлогію въ дѣлахъ этого собора. „Если усмотрите, что кто-нибудь начинаетъ возмущеніе или безпорядки (на соборѣ) въ оскорбленіе святой вѣрѣ", такъ говорилось въ инструкціи императорскому чиновнику Елпидію,— „таковаго отдать подъ стражу" (Дѣян. III. 154). Само собою разумѣется, что партія преобладающая на соборѣ и притомъ имѣющая на своей сторонѣ свѣтскую власть, могла воспользоваться противъ членовъ противной стороны и этимъ правомъ сколько угодно; а такова именно и была партія Діоскора и Евтихія. „Притомъ, говорилось далѣе въ инструкціи, тѣ, кто прежде судилъ архимандрита Евтихія, должны присутствовать и молчать на соборѣ, не имѣя званія судей, но ожидать общаго мнѣнія всѣхъ прочихъ отцевъ, потому что нынѣ обсуждается то, что опредѣлено было прежде самими ими" (Дѣян. III, 155). То-есть назначался неправедный судъ, въ которомъ подсудимый не могъ ни слова сказать въ свою защиту; говорить въ свою пользу и въ

свое оправданіе значило бы для стороны Флавіана нарушать императорскую волю и слѣдовательно попасть подъ стражу. Наконецъ инструкція говорила: „мы послали вамъ (Елпидію съ Евлогіемъ) помощь *гражданскую*, выдавши нужный приказъ проконсулу, и на другіе случаи помощь *воинскую*; для того, чтобы вы при своемъ собственномъ стараніи и при этихъ вспомогательныхъ средствахъ въ состояніи были выполнить порученное вамъ (т.-е. охраненіе интересовъ вѣры), что̀ настолько же выше всѣхъ прочихъ благъ, насколько божественное выше человѣческаго“ (Дѣян. III, 155). Можно судить, какова будетъ свобода рѣшеній и дѣйствій на соборѣ, когда одна изъ сторонъ имѣла въ своемъ распоряженіи даже военную силу. Богохульствомъ отзываются слова этого указа о томъ, что божественное выше человѣческаго, когда христіанское ученіе вѣры устанавливается и опредѣляется мечемъ солдатъ!

При такихъ условіяхъ, неблагопріятныхъ для стороны православныхъ и выгодныхъ для стороны еретичествующихъ, открывается соборъ въ Ефесѣ въ 449 году, извѣстный въ церковной исторіи подъ страшнымъ именемъ разбойничьяго собора. Соборъ открылъ свои засѣданія въ храмѣ Пресвятыя Дѣвы Маріи (Дѣян. III, 164), гдѣ происходили незадолго предъ тѣмъ и засѣданія III вселенскаго собора. Днемъ открытія его былъ день 8 августа *). Число участвовавшихъ въ немъ отцевъ можно приблизительно полагать между 122—130 (Дѣян. III,164—8;191) **). Дѣянія собора состояли въ слѣдующемъ. Послѣ предварительнаго прочтенія нотаріемъ (т.-е. секретаремъ) пресви-

*) Сколько дней продолжался и сколько имѣлъ засѣданій соборъ, остается неизвѣстнымъ.

**) Главнѣйшими представителями на немъ, кромѣ Діоскора Александрійскаго и Флавіана Константинопольскаго, были: западный епископъ Юліанъ вмѣстѣ съ пресвитетомъ Ренатомъ и діакономъ Иларіемъ, представлявшіе лицо папы Римскаго, Домнъ антіохійскій, Ювеналій Іерусалимскій и Ѳалассій Кесарійскій въ Каппадокіи.

теромъ Іоанномъ нѣкоторыхъ документовъ относящихся до открытія собора, императорскій уполномоченный Елпидій сказалъ, обращаясь къ собравшимся отцамъ, рѣчь, въ которой между прочимъ говорилъ: „нынѣ Господь всяческихъ и Богъ Слово Спаситель отдаетъ Себя вамъ на судъ (!) и судящихъ терпитъ и удостоиваетъ васъ власти высказывать свои мнѣнія, дабы нашедши, что вы судите о Немъ правильно, и здѣсь удостоитъ васъ чести и опять исповѣдать предъ Отцемъ. Если вы найдете, что нѣкоторые отринули отъ помышленія цѣлость благочестія..., лучше бы имъ было, какъ говоритъ писаніе, еслибы они не родились“ (Дѣян. III, 176). Затѣмъ нѣкоторыми членами собора заявлено было, что слѣдуя императорской волѣ, прежде всего нужно начать разсужденія о вѣрѣ. На это Діоскоръ замѣтилъ: не о вѣрѣ собственно нужно вести разсужденія, потому что вѣра уже утверждена прежними соборами, а нужно изслѣдовать: согласны или нѣтъ съ объясненіями св. отцевъ вновь возникшія мнѣнія. „Каноны, говоритъ онъ, и соборы опредѣлили ясно вѣроученіе, ихъ мы не должны преступать. Когда возникли нѣкоторые вопросы въ Церкви, императоръ велѣлъ собраться собору не для того, чтобы излагали вѣру, которая уже изложена св. отцами, но чтобы мы изслѣдовали поднятые вопросы, согласны ли они съ опредѣленіями св. отцевъ нашихъ“. „Или вы хотите обновить вѣру святыхъ отцевъ“? съ затаенными цѣлями, но съ видомъ глубокаго благочестія спрашивалъ Діоскоръ. Нѣтъ сомнѣнія, что устраняя пренія о вѣрѣ на соборѣ, Діоскоръ хотѣлъ поставить дѣло такъ, чтобы соборъ было лишь судилищемъ надъ архіепископомъ Флавіаномъ, какъ вводившимъ какое-то новое вѣроученіе сравнительно съ тѣмъ, какого держались отцы соборовъ Никейскаго и Ефесскаго. Соборъ на послѣднее замѣчаніе Діоскора: не хочетъ ли онъ, соборъ, чрезъ разсужденія обновить вѣру отцевъ, отвѣчалъ: „если кто обновитъ вѣру, тотъ анаѳема; если кто поколеблетъ, тотъ анаѳема“ (Дѣян. III, 177—178). Между тѣмъ Діоскоръ старается все болѣе и

болѣе возбудить негодованіе собора на тѣхъ, кто измѣняетъ вѣру; это онъ дѣлалъ съ тою цѣлію, чтобы пользуясь возбужденнымъ негодованіемъ собора на измѣняющихъ вѣру, подвести и Флавіана подъ категорію такихъ нововводителей въ вѣрѣ и осудить. Поэтому Діоскоръ, выдавая себя за ревностнаго охранителя цѣлости и неприкосновенности вѣры, говорилъ еще: „вѣра утверждена въ Никеѣ и Ефесѣ, и хотя говорятъ два собора, но они содержатъ одну вѣру. Если кто вопреки ученію и дѣяніямъ отцевъ собиравшихся въ Никеѣ и Ефесѣ будетъ изыскивать, или переслѣдовать, или перестраивать вѣру, да будетъ анаѳема. Если Св. Духъ присутствовалъ съ отцами, какъ и дѣйствительно Онъ присутствовалъ и опредѣлялъ то, что ими опредѣлено, то перестраивающій это упраздняетъ благодать Святаго Духа". Слушая подобныя рѣчи предсѣдателя собора, и быть можетъ, не замѣчая въ нихъ никакой задней мысли, соборъ восклицалъ: „кто нарушаетъ эти постановленія, тотъ анаѳема! Діоскоръ—великій стражъ вѣры! это слова Св. Духа. Ты стражъ правилъ! Чрезъ тебя имѣютъ жизнь отцы!" (Дѣян. III, 181—2). Трудно впрочемъ предположить, чтобы эти восклицанія были единодушными; трудно предположить, чтобы напр. Флавіанъ и его сторонники могли восклицать о Діоскорѣ, что онъ „стражъ правилъ". По всей вѣроятности это были отдѣльные голоса епископовъ—монофизитовъ, приписанные всему собору *).

Подготовивъ такимъ образомъ соборъ къ рѣшеніямъ не

*) На соборахъ обыкновенно епископы имѣли при себѣ секретарей (нотаріи), которые и записывали все, что говорилъ епископъ, при которомъ тотъ или другой секретарь состоялъ. Изъ свода этихъ записей составлялся оффиціальный документъ: „дѣянія соборныя". На соборѣ, о которомъ мы говоримъ, епископамъ не изъ партіи Діоскора запрещено было имѣть при себѣ нотаріевъ. Отсюда въ „дѣянія" не могли войти замѣчанія и рѣчи епископовъ православныхъ, а вошли лишь замѣчанія и рѣчи епископовъ—приверженцевъ Діоскора. См. объ этомъ ниже.

въ пользу Флавіана и его сторонниковъ, Діоскоръ приступилъ къ разсмотрѣнію ученія и дѣла Евтихія. Позванъ былъ на соборъ Евтихій. Первыя уже слова, съ которыми обратился Евтихій къ собору, показывали, что онъ считалъ соборъ единомысленнымъ съ собою. Онъ сказалъ: „я поручилъ себя Отцу, Сыну и Святому Духу, и васъ имѣю свидѣтелями своей вѣры, за которую я подвизался вмѣстѣ съ вами“ (Дѣян. III, 183). Затѣмъ онъ приступилъ къ объясненію своего исповѣданія вѣры; для сего онъ представилъ двѣ письменныя статьи. Здѣсь говорилось: „благодарю всеблагаго Бога, въ настоящій день, въ который благочестіе чрезъ васъ получило право свободной рѣчи (не такъ говорилъ Евтихій на соборѣ Константинопольскомъ 448 года), и увѣдомляю соборъ о томъ, что случилось со мною ради вѣры. Хотя я съ самаго дѣтства далъ обѣтъ жить въ уединенномъ молчаніи до самой старости и уклоняться отъ всякаго смятенія, однакожъ мнѣ не удалось исполнить такого обѣта: я подвергся навѣту за то, что я по опредѣленію здѣшняго (Ефесскаго) собора не согласился мудрствовать противъ вѣры, изложенной отцами въ Никеѣ“ (Дѣян. III, 184). Замѣтимъ, что это начало исповѣданія Евтихіева, предложеннаго собору, ясно даетъ понять, что Евтихій вполнѣ былъ убѣжденъ въ благопріятномъ для себя исходѣ его дѣла на этомъ соборѣ. Иначе чѣмъ объяснить, что Евтихій вмѣсто того, чтобы оправдывать и защищать себя, въ приведенныхъ нами словахъ исповѣданія своего скорѣе выступаетъ въ качествѣ обвинителя на Флавіана? Очевидно, имъ сосчитаны были всѣ шансы въ свою пользу. Далѣе въ своемъ исповѣданіи Евтихій, не высказываясь прямо о томъ, какъ онъ учитъ о соединеніи двухъ естествъ во Христѣ, приводитъ вполнѣ символъ вѣры Никейскій, утверждаетъ, что онъ твердо держится постановленій собора Никейскаго и Ефесскаго, говоритъ, что онъ проклинаетъ еретиковъ Манеса, Валентина, Аполлинарія, Несторія и всѣхъ начиная съ Симона волхва (Дѣян. III, 185. 186. 188). И потомъ рѣшительно

переходитъ къ обвиненіямъ на Флавіана и на собранный этимъ противъ него соборъ. Онъ жаловался, что хотя Евсевій Дорилейскій и обзывалъ его въ обвинительномъ актѣ еретикомъ, но прямо не указывалъ никакого вида ереси Евтихіевой для того будто бы, чтобы воспользоваться ошибками языка его, Евтихія, во время преній и обвинить его въ какомъ-либо заблужденіи; жаловался на то, что соборъ Константинопольскій, хорошо зная обѣщаніе Евтихія не выходить изъ монастыря, вызывалъ его для судебнаго разбирательства въ тѣхъ разсчетахъ, чтобы осудить его, какъ человѣка непослушнаго Церкви, когда онъ не явится на соборъ; жаловался, что, когда противъ ожиданія Флавіанова онъ предсталъ однакожъ на соборъ, ему не дали ничего высказать въ свое оправданіе, не дали произнести его исповѣданія вѣры: „судилище наполнилось шумомъ и волненіемъ,—клеветалъ Евтихій; весьма многіе начали безпорядочно тѣсниться и со всѣхъ сторонъ оглушали меня криками“; и прежде чѣмъ, говорилъ Евтихій, хоть что-либо онъ успѣлъ прочесть изъ своего исповѣданія, „вдругъ прочитано было осужденіе противъ меня, составленное заранѣе“. Евтихій доносилъ также собору о томъ, что будто дѣянія собора Константинопольскаго, судившаго его, были впослѣдствіи передѣланы ко вреду для него. „Итакъ прошу теперь, говорилъ Евтихій въ заключеніе своего исповѣданія, обсудить и возведенную на меня клевету и неправду, и происшедшее отъ этой причины безпокойство во всѣхъ церквахъ, и возникшій отсюда для многихъ соблазнъ, предать виновниковъ всего этого церковнымъ наказаніямъ, и вырвать всякій корень хуленія и нечестія“ (Дѣян. III, 193—96). Читая эти слова Евтихіева исповѣданія, трудно съ перваго раза опредѣлить: кто это говоритъ—обвиненный ли, какимъ былъ Евтихій? Но подобныя слова не приличествуютъ ему, какъ обвиненному; судья ли? Но таковымъ Евтихій вовсе не былъ. Послѣ того, какъ прочитаны были статьи исповѣданія Евтихіева, Флавіанъ потребовалъ-было, чтобы для надлежащаго об-

сужденія дѣла Евтихія вызванъ былъ предъ лице собора и Евсевій Дорилейскій, который, какъ обвинитель, долженъ былъ представить свои обвинительные пункты противъ Евтихія. Но императорскій чиновникъ Елпидій не дозволилъ этого, сказавъ: „императоръ повелѣлъ прежнимъ судьямъ стать въ ряду подсудимыхъ и не имѣть права голоса. Отцы собора теперь собрались, чтобы судить судей; но не такъ, чтобы вызвано было снова лице обвинителя и тѣмъ поданъ былъ поводъ къ волненію“ (Дѣян. III, 197—199). Вмѣсто того, чтобы, выслушавъ одну изъ сторонъ, Евтихіеву, выслушать и противоположную сторону Евсевія Дорилейскаго, Елпидій распорядился, чтобы прочтены были лишь дѣянія собора Константинопольскаго и обсуждены.

При чтеніи этихъ дѣяній во всемъ свѣтѣ обнаруживаются монофизитскія убѣжденія какъ предсѣдателя собора, такъ и большей части засѣдавшихъ съ нимъ епископовъ. Когда читались указанныя дѣянія и когда дѣло дошло до того мѣста въ нихъ, гдѣ говорится: „мы вѣруемъ въ Единаго Господа Іисуса Христа въ двухъ естествахъ послѣ воплощенія и воспріятія плоти отъ св. Маріи; кто мудрствуетъ иначе, того объявляемъ чуждымъ церкви“: при чтеніи этихъ словъ изъ дѣяній соборъ или, лучше сказать, партія Діоскорова подняла страшный шумъ. Посыпались съ разныхъ сторонъ замѣчанія, клонившіяся къ обвиненію въ ереси защитниковъ православія. Одни говорили: „Никто не признаетъ Господа за двухъ послѣ соединенія; не раздѣляй нераздѣлимаго,—такъ мудрствуетъ Несторій“. Діоскоръ съ своей стороны еще сдержанно замѣтилъ: „помолчите немного, выслушаемъ другія хулы. Зачѣмъ мы обвиняемъ Несторія, Несторіевъ много“. Другіе говорили: „изъ прочитаннаго мы замѣчаемъ, что здѣсь изложена другая вѣра, отличная отъ той, которая изложена въ Никеѣ и Ефесѣ“. Одинъ изъ епископовъ даже прямо провозгласилъ: „если подобная вѣра имѣетъ свое начало въ этихъ дѣяніяхъ, то анаѳема тѣмъ, которые дали такое начало для

нея" (Дѣян. III, 23). Но полный взрывъ негодованія монофизитствующаго собора противъ православія проявился въ особенности при чтеніи того вопроса въ дѣяніяхъ константинопольскихъ, который заданъ былъ Евсевіемъ Евтихію, именно: „исповѣдуешь ли ты два естества послѣ воплощенія"? Многіе изъ членовъ собора закричали при этомъ: „возьмите, зажгите Евсевія, пусть онъ живой горитъ, пусть онъ обратится въ двухъ; какъ раздѣлилъ онъ Христа, пусть онъ самъ раздѣлится" (Дѣян. III, 282). Діоскоръ почелъ эту минуту негодованія собора на Евсевія самою благопріятною для открытаго заявленія своего монофизитскаго воззрѣнія и для признанія его, какъ истиннаго ученія, со стороны членовъ собора. Онъ обращается къ собору съ слѣдующими словами: „Терпимо ли для васъ это выраженіе, гдѣ говорится о двухъ естествахъ послѣ воплощенія"? Соборъ воскликнулъ: „анаѳема тому, кто говоритъ это". Діоскоръ потомъ сказалъ: „такъ какъ я имѣю нужду въ вашихъ голосахъ, то кто не можетъ кричать, тотъ пусть подниметъ руку". Соборъ снова провозгласилъ: „если кто говоритъ о двухъ, анаѳема" (Дѣян. III, 283).

Такимъ образомъ теперь на соборѣ Ефесскомъ ученіе монофизитское утверждено; православіе попрано. Діоскоръ торжествовалъ. Оставалось еще формально признать невинность Евтихія и осудить Флавіана. Этимъ дѣломъ затѣмъ и занимается соборъ.

Діоскоръ послѣ признанія соборомъ монофизитскаго ученія, уже вполнѣ увѣренный въ счастливомъ исходѣ дѣла Евтихіева, предлагаетъ собору такой вопросъ: „можно ли признать Евтихія православнымъ и что надлежитъ постановить о немъ"? Не менѣе 114 голосовъ высказалось въ пользу Евтихія, объявили его православнымъ и возстановили его въ достоинствѣ архимандрита и санѣ пресвитера. Прежде другихъ высказались за Евтихія Ювеналій іерусалимскій, Домнъ антіохійскій (Дѣян. III, 366 и д.). Замѣтимъ, что хотя императоръ и лишилъ права голоса на соборѣ тѣхъ, кто судилъ Евтихія въ Константинополѣ,

однакожъ въ числѣ 114 членовъ собора, оправдавшихъ Евтихія, находимъ и голоса трехъ епископовъ бывшихъ на соборѣ константипольскомъ (ibid); они приняты въ счетъ потому конечно, что это были голоса за Евтихія, а не противъ него.

По оправданіи Евтихія настала для собора очередь суда надъ архіепископомъ Флавіаномъ. Для большаго успѣха въ подобномъ дѣлѣ, конечно по заранѣе составленному плану, явилось на соборъ нѣсколько монаховъ изъ монастыря Евтихіева съ самыми несправедливыми жалобами на Флавіана. Лишь только кончился судъ надъ Евтихіемъ, какъ нотарій Іоаннъ заявилъ собору, что монахи Евтихіева монастыря представили свою челобитную. Діоскоръ велѣлъ принять ее и прочитать. Въ ней говорилось: „Флавіанъ осыпалъ клеветами и хулами нашего пастыря Евтихія и подъ видомъ благочестія нашелъ несправедливый предлогъ къ его осужденію въ томъ, что онъ не богохульствуетъ вмѣстѣ съ нимъ вопреки опредѣленіямъ вѣры, которую изложили соборы Никейскій и Ефесскій; намъ же приказалъ избѣгать своего пастыря и не говорить съ нимъ, а монастырское имущество, подъ предлогомъ помощи бѣднымъ, велѣлъ беречь для самаго себя, ибо онъ торговалъ имъ. И самый алтарь, жаловались монахи, который онъ, Евтихій, водрузилъ за 5 мѣсяцевъ до измышленнаго навѣта, стоитъ безъ божественнаго жертвоприношенія... Мы же сами были связаны несправедливымъ его осужденіемъ“ и пр. „Поэтому умоляемъ вашъ соборъ, говорилось въ прошеніи, сжалиться надъ нами потерпѣвшими такое несправедливое наказаніе, возвратить намъ церковное общеніе, несправедливо отнятое, а ему Флавіану, совершившему это, воздать должное“ (Дѣян. III, 405—8). Замѣтимъ, что прошеніе подано отъ лица всѣхъ монаховъ Евтихіева монастыря, т.-е. отъ лица трехъ сотъ человѣкъ, и однакожъ въ подписяхъ значится подпись лишь 35 монаховъ (Дѣян. III. 409—11). Знакъ, что здѣсь дѣло было не совсѣмъ чисто. Вслѣдствіе этого прошенія монахи

снова приняты въ церковное общеніе Діоскоромъ и его соборомъ; а самый актъ сдѣлался для Діоскора сильнымъ доказательствомъ преступности Флавіана, что̀ соборъ и поставилъ своею цѣлію доказать. Впрочемъ однимъ этимъ Діоскоръ неудовольствовался для осужденія Флавіана: онъ рѣшился выставить послѣдняго нарушителемъ постановленій III вселенскаго собора, именно обвинить его въ нововведеніи касательно вѣры. Еще съ самаго начала дѣяній собора, какъ мы видѣли, Діоскоръ усиленно старался возбудить негодованіе отцевъ на тѣхъ, кто позволяетъ себѣ измѣненія и переизслѣдованія вѣры; теперь Діоскоръ принимаетъ самыя рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы возбужденное негодованіе собора обратить прямо противъ Флавіана. Онъ приказываетъ прочесть опредѣленія собора Ефесскаго вселенскаго. Когда кончилось это чтеніе, Діоскоръ сказалъ: „думаю, всѣмъ нравится никейское опредѣленіе вѣры, которое соборъ Ефесскій утвердилъ и опредѣлилъ содержать его одно. Мы знаемъ, что отцы этого послѣдняго собора постановили: если кто вопреки этому будетъ говорить или мудрствовать или вводить новое, тотъ подвергается осужденію. Что вы думаете объ этомъ? Можемъ ли мы изслѣдовать или вводить новое вопреки этому? Если кто-либо изслѣдовалъ свыше того, что̀ сказано, опредѣлено и одобрено, не будетъ ли онъ по всей справедливости подлежать осужденію отцевъ? Пусть каждый скажетъ, того ли онъ мнѣнія“ (Дѣян. III, 411—12. 458—9). Нужно сказать, Діоскоръ въ своихъ видахъ измѣнилъ смыслъ того постановленія III вселенскаго собора, о какомъ у него въ настоящемъ случаѣ идетъ рѣчь: постановленіе запрещало измѣненіе символа вѣры, а Діоскоръ истолковывалъ его какъ рѣшительное запрещеніе всякаго богословствованія. Послѣдовало собраніе голосовъ; епископы высказались въ томъ смыслѣ, что измѣнять и разрушать вѣру противно правиламъ Никейскаго и Ефесскаго собора. Діоскору оставалось теперь сдѣлать одинъ шагъ и самый послѣдній, примѣнить постановленіе

III вселенскаго собора противъ Флавіана. Нѣкоторые епископы на соборѣ догадывались уже, куда клонитъ свою рѣчь Діоскоръ. Такъ одинъ изъ нихъ позднѣе на соборѣ халкидонскомъ заявлялъ, что какъ скоро Діоскоръ привелъ указанное постановленіе III вселенскаго собора, онъ говорилъ потихоньку сидѣвшимъ близь него епископамъ: „правило это читается не для чего инаго, какъ для осужденія архіепископа Флавіана“ (Дѣян. III, 362). Дѣйствительно это была правда. Едва кончилось собраніе голосовъ по данному вопросу, какъ Діоскоръ всталъ съ своего мѣста и предложилъ примѣнить ефесское правило къ Флавіану и Евсевію Дорилейскому. Онъ выразилъ свое мнѣніе такъ: „Флавіанъ и Евсевій, какъ это ясно видитъ соборъ, оказываются почти все извращающими и перестраивающими въ вѣрѣ и подали поводъ къ соблазну и и смятенію въ святыхъ церквахъ и всему православному народу. Ясно, что они сами себя подвергли наказаніямъ церковнымъ. Поэтому мы присуждаемъ Флавіана и Евсевія на лишеніе епископскаго и священническаго достоинства“. Монофизитская партія собора единодушно поддержала это мнѣніе, и Флавіанъ съ Евсевіемъ были лишены своего достоинства церковнаго (Дѣян. III, 463—4 465 и др.). Потомъ Флавіанъ былъ изгнанъ (Дѣян. III, 95) и въ изгнаніи умеръ. Въ этомъ смыслѣ Евсевій Дорилейскій называлъ позднѣе Діоскора убійцею Флавіана (Дѣян. III, 243). Самъ Евсевій Дорилейскій также, нужно полагать, не мало потерпѣлъ бѣдъ послѣ собора, какъ это видно изъ того, что Евсевій замѣчалъ о себѣ, что и его „убилъ“ Діоскоръ (Дѣян. III, ibid). Одинъ изъ легатовъ папскихъ, бывшихъ на соборѣ, діаконъ Иларій „едва убѣгъ“ съ собора (Дѣян. III, 67) и только окольными, мало извѣстными путями добрался до Рима (Дѣян. III, 89. 90). Блаженный Өеодоритъ Кирскій былъ лишенъ на соборѣ сана, хотя онъ вовсе и не присутствовалъ на немъ, и былъ заточенъ въ монастырь. Замѣчательно: прещенія соборнаго не избѣгъ даже Домнъ антіохійскій,—онъ былъ лишенъ

своего сана, несмотря на то, что во многомъ потворствовалъ Діоскору.

Итакъ соборъ Ефесскій 449 года провозгласилъ монофизитское ученіе, какъ ученіе истинное, и ознаменовалъ себя поруганіемъ относительно сторонниковъ православія. Чтобы понять, какъ могло произойти такое изумительное явленіе, для этого нужно дать себѣ отчетъ въ томъ, какъ и при какихъ условіяхъ достигались на соборѣ подобные результаты. Соборъ въ своемъ образѣ дѣйствованія былъ чисто разбойничьимъ, каждый шагъ запечатлѣнъ былъ насиліемъ. Современники разсказываютъ самыя ужасныя вещи о ходѣ дѣлъ на этомъ соборѣ. Прежде всего на соборѣ не было соблюдено важнѣйшаго условія, при которомъ только и возможна была истина въ опредѣленіяхъ и рѣшеніяхъ, именно не было свободы преній и изслѣдованія. Папа Левъ видѣлъ въ свое время въ этомъ главную причину, почему соборъ кромѣ зла не принесъ ничего Церкви. По его словамъ, изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ (отъ своихъ легатовъ) онъ узналъ, что предсѣдателю собора Діоскору недоставало истинно-христіанской „умѣренности, когда бы свободно высказывались мнѣнія всѣхъ“, ибо только при этомъ условіи, по мнѣнію Льва, возможно было бы открытіе истины и изобличеніе заблужденія (Дѣян. III, 67). Какъ мало на этомъ соборѣ уважались мнѣнія лицъ, не принадлежащихъ къ партіи Діоскора, это видно изъ того, что папскіе легаты, несмотря на настойчивое требованіе, чтобы прочтены были посланія папы Льва, которыя съ замѣчательною точностію и полнотою изъясняли спорный догматическій вопросъ, не могли добиться отъ предсѣдателя собора такого чтенія (Дѣян. III, 76). Достаточно было кому-либо имѣть какія-либо отношенія къ Флавіану, чтобы сдѣлаться подозрительнымъ въ глазахъ вожаковъ собора. Такъ случилось съ легатами. Гостепріимство, какимъ воспользовались легаты у Флавіана, было поводомъ для монофизитской партіи собора, чтобы видѣть въ нихъ лицъ непріязненныхъ

собору. Евтихій открыто замѣчалъ на соборѣ: „легаты Льва для меня подозрительны, ибо они посѣщали Флавіана, обѣдали у него, обласканы были имъ и пользовались у него всякимъ вниманіемъ. По этому прошу соборъ не довѣрять имъ, если они будутъ что-либо дѣлать или говорить невыгодное для меня“ (Дѣян. III, 202. 203). Очевидно, страдательное положеніе, которое вынуждены были принять на соборѣ легаты, доказываетъ, что подобныя подозрѣнія для собора имѣли самое полное значеніе. Подобное же было и съ другими представителями Церкви православной. Съѣхалось на соборъ больше епископовъ, чѣмъ сколько ихъ было на немъ. Ибо не всѣ были допущены къ присутствованію на немъ, а по выбору Доскора: „одни были удалены, другіе допущены“ (Дѣян. III, 67). Само собой разумѣется, допускались только тѣ епископы, которые сочувствовали идеямъ и согласовались съ видами Діоскора, остальнымъ же, т.-е. православнымъ, доступъ на соборъ былъ затрудненъ. Но этого мало. Какъ ни старательно подбирались епископы извѣстнаго характера и направленія, все же вошло въ составъ собора много и православныхъ епископовъ. Этихъ Діоскоръ подчинилъ себѣ жестокостію, тираннiею и грубою полицейскою и военною силою. Всѣ современники единогласно жаловались на „неистовство“ и „насильство“ Діоскора (папа Левъ. Дѣян. III, 45. 78), на то, что онъ дѣйствовалъ какъ предводитель возмутившихся полчищъ народныхъ (Евсевій Дорилейскій. Дѣян. III, 144). Въ самомъ дѣлѣ, при помощи какихъ страшныхъ насилій достигалось на соборѣ кажущееся согласіе со стороны православныхъ епископовъ съ монофизитскою партіею, объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующіе разсказы самихъ потерпѣвшихъ. На соборѣ халкидонскомъ открылось, что Діоскоръ только своимъ собственнымъ нотаріямъ и нотаріямъ своихъ друзей, Θалласія каппадокійскаго и Ювеналія іерусалимскаго дозволялъ дѣлать записи соборныхъ дѣяній, а нотаріямъ другихъ епископовъ не позволено было что-либо записы-

вать за своими епископами. Когда два нотарія епископа ефесскаго Стефана покусились-было записывать, что̀ говорилъ ихъ епископъ и другіе епископы православные на соборѣ, то къ нимъ подбѣжали нотаріи Діоскоровы, вырвали у нихъ изъ рукъ записанное и разорвали и отняли у нихъ письменныя принадлежности. Самъ Стефанъ на соборѣ халкидонскомъ заявлялъ объ этомъ такъ: „у меня было двое нотаріевъ, къ нимъ подбѣжали нотаріи Діоскора, отняли у нихъ записныя дощечки, почти переломали имъ пальцы, отняли у нихъ сумки съ писчими тростями“ (Дѣян. III, 178. 179). Отсюда понятно, что, когда потомъ составлялись дѣянія соборныя для публикаціи, въ эти дѣянія вошли лишь записи за епископами монофизитами, и такимъ образомъ весь соборъ, виновные и невиновные, благодаря этому обстоятельству, получаютъ монофизитскую окраску и характеръ. Особенными насиліями на соборѣ Ефесскомъ сопровождалось требованіе подписи отъ епископовъ касательно осужденія Флавіана и Евсевія. По разсказамъ нѣкоторыхъ епископовъ на соборѣ Халкидонскомъ, участвовавшихъ и на соборѣ Ефесскомъ, когда произнесено было на этомъ послѣднемъ соборѣ осужденіе на Флавіана и Евсевія, то Діоскоръ, чтобы не откладывать дѣла, рѣшился въ тотъже самый часъ принудить епископовъ подписать свое имя на бѣломъ листѣ бумаги, на которомъ потомъ должно было написать осудительный приговоръ касательно названныхъ епископовъ. А кто изъ епископовъ отказывался сдѣлать это, тѣмъ пришлось вытерпѣть очень многое. Они заперты были въ церкви до самой ночи, имъ не позволялось ни на минуту выходить отсюда, ихъ ни на минуту не оставляли наединѣ съ самими собою для размышленія. Тягостное общество этихъ несчастныхъ епископовъ составляли солдаты съ мечами и палками и монахи приверженцы Діоскора: они должны были убѣждать епископовъ къ требуемой подписи (Дѣян. III, 180). Въ этомъ отношеніи въ особенности замѣчательны свидѣтельства епископовъ Василія селевкійскаго и

Онисифора иконійскаго на соборѣ Халкидонскомъ. Василій свидѣтельствовалъ, что Діоскоръ производилъ насилія какъ своими угрожающими рѣчами, такъ и еще болѣе чрезъ бывшую въ его распоряженіи толпу людей, которые были и въ самой церкви, гдѣ было соборное засѣданіе, и внѣ ея. Это были вооруженные солдаты, монахи приведенные изъ Сиріи архимандритомъ Варсумою и параболаны *). Чрезъ эти полчища Діоскоръ приводилъ въ страхъ всѣхъ (Дѣян. III, 361). Другой епископъ Онисифоръ свидѣтельствовалъ, что, когда произнесено было Діоскоромъ осужденіе Флавіана, онъ, Онисифоръ, вмѣстѣ съ другими епископами подошли къ Діоскору, обнимали его колѣна и говорили: Флавіанъ ничего не сдѣлалъ достойнаго осужденія. Тогда Діоскоръ, поднявшись съ своего трона, грозно сказалъ: вы хотите произвести бунтъ? Подать сюда стражу! Когда же епископы продолжали умаливать его, Діоскоръ сказалъ: я не перемѣню своего приговора, хотя бы отрѣзали мнѣ языкъ. Когда же и послѣ этого епископы не отступали отъ него, онъ призвалъ проконсула, который явился, сопровождаемый слугами, съ цѣпями въ рукахъ. Чѣмъ кончилась эта печальная сцена, неизвѣстно (Дѣян. III, 362—364). Смотря на то злополучное положеніе, въ какомъ находились епископы православные на соборѣ Ефесскомъ, можно съ полною справедливостію вмѣстѣ съ папою Львомъ замѣтить о нихъ, что они „простерли невольныя руки къ нечестивымъ подписямъ“ (Дѣян. III, 67).

*) Параболанами назывались прислужники при больницахъ, которыя устраивались при христіанскихъ церквахъ. Это названіе происходитъ отъ греческаго: παραβάλλεσθαι τὴν ζωὴν и означаетъ людей подвергающихъ свою жизнь опасности. Въ Александріи въ V вѣкѣ такихъ параболанъ было до 600 человѣкъ. Когда число параболанъ умножилось, епископы стали пользоваться ими въ качествѣ своей охранной стражи для своихъ личныхъ цѣлей. Этимъ объясняется появленіе александрійскихъ параболанъ вмѣстѣ съ Діоскоромъ на соборѣ разбойничьемъ.

Такимъ-то образомъ удалось Діоскору утвердить монофизитское ученіе на соборѣ Ефесскомъ и восторжествовать надъ приверженцами православія. Какъ скоро это случилось, великая опасность грозила вѣрѣ и Церкви. Ересь вступаетъ въ открытую борьбу съ православіемъ и повидимому торжествуетъ. Папа Левъ хорошо сознавалъ опасность, какая грозила вѣрѣ и Церкви со стороны ереси. Чрезъ соборъ разбойничій, по его убѣжденію, „подвергается нападенію истина, сотрясается самое основаніе цѣлой Церкви“ (Дѣян. III, 65). Выходя изъ такого сознанія касательно опасности монофизитскаго ученія, тотъже Левъ вступаетъ въ дѣятельную и сильную борьбу съ этимъ лжеученіемъ. Его голосъ убѣдительный и рѣшительный громко раздавался въ Церкви восточной, куда Левъ посылалъ посланіе за посланіемъ въ борьбѣ съ монофизитами. Никто изъ его современниковъ, въ это тревожное и печальное время въ восточной Церкви, не выступаетъ съ такою несокрушимою критикою монофизитскаго ученія, съ какою выступаетъ Левъ. Въ это время такъ писалъ онъ, обращаясь къ Востоку: „Кто мыслитъ по-монофизитски, того увлекаетъ въ сообщество съ собою Арій, развращенію котораго много благопріятствуетъ это нечестіе, отрицающее естество человѣческое въ Богѣ Словѣ; потому что когда таковый считаетъ за постыдное признавать въ величіи Божіемъ Его уничиженіе (человѣческое), то симъ самымъ или признаетъ ложнымъ во Христѣ образъ Его тѣла, или всѣ Его дѣйствія и страданія тѣлесныя скорѣе отнесетъ къ божеству, нежели къ плоти. А если онъ дерзнетъ защищать какое-либо изъ двухъ этихъ положеній, это будетъ совершенно безумно; потому что ни благочестіе вѣры, ни смыслъ таинства (воплощенія) не допускаютъ, чтобы или божество потерпѣло нѣчто (страдало), или въ чемъ-либо солгала Истина“. (Дѣян. III, 84). Въ возвышенныхъ глубоко-таинственныхъ чертахъ изображаетъ великій папа отпаденіе, самоотсѣченіе отъ Церкви и таинства спасенія тѣхъ, кто исповѣдывалъ моно-

физитскую ересь. „Кто не признаетъ человѣческаго естества воспринятаго Единороднымъ Сыномъ Божіимъ во чревѣ дщери Давидовой, краснорѣчиво писалъ папа, тотъ отлучаетъ себя отъ всякаго таинства вѣры христіанской и не зная Жениха (Христа), не разумѣя и Невѣсты (Церкви), не можетъ быть участникомъ въ брачномъ пиршествѣ (спасеніи). Плоть Христа есть покровъ Слова, которымъ облекается всякій, кто истинно исповѣдуетъ сіе Слово. А кто стыдится Его и отвергаетъ какъбы недостойное (плоть Его), тотъ не можетъ получить отъ Него никакого украшенія, и хотя бы такой приступилъ къ царскому торжеству и присоединился нагло къ священной вечери, впрочемъ, какъ безчестный собесѣдникъ, не можетъ утаиться отъ разборчивости Царя; но, какъ засвидѣтельствовалъ самъ Господь, будетъ взятъ и связанный по рукамъ и ногамъ отошлется въ кромѣшную тьму, гдѣ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ (Мѳ. 22, 13). Поэтому кто не исповѣдуетъ во Христѣ человѣческаго тѣла, тотъ самъ призналъ себя недостойнымъ таинства воплощенія и не можетъ имѣть участія въ этомъ таинствѣ“ (Дѣяп. III, 85. 86). Ратуя противъ монофизитства, которое возымѣло такую силу на соборѣ Ефесскомъ и тотчасъ послѣ собора въ Церкви, папа Левъ въ тоже время исполненъ былъ самой живой вѣры въ кратковременность, мимолетность монофизитскаго торжества. Эту свою вѣру онъ хотѣлъ внѣдрить и въ членовъ Церкви восточной. Онъ писалъ: „Не думайте, возлюбленные, будто надъ святою Церковію или теперь недостаетъ, или не будетъ впредь божественнаго промысла. Чистота вѣры тогда-то и сіяетъ, когда отдѣляется отъ нея примѣсь заблужденій. Провидѣніе всегда являетъ своимъ необходимую помощь“. (Дѣяп. III, 79. 65). И дѣйствительно вѣра Льва не посрамилась. Черная туча, нависшая надъ восточной Церковію, такъже быстро разсѣялась, какъ нежданно и собралась. Мы говоримъ о Халкидонскомъ соборѣ и его побѣдѣ надъ ересью.

III. Халкидонскій вселенскій соборъ 451 года.

А) Обстоятельства созванія собора.

Императоръ Θеодосій младшій, какъ защитникъ собора разбойничьяго.—Безуспѣшность ходатайствъ православныхъ предъ нимъ о созваніи вселенскаго собора.—Благорасположенность къ православію новаго императора Маркіана и императрицы Пульхеріи.—Благопріятное положеніе стороны православныхъ.—Созваніе собора вселенскаго въ Никеѣ.—Перенесеніе собора въ Халкидонъ.—Общія замѣчанія о соборѣ.

Разбойничій соборъ 449 года, повидимому, былъ выраженіемъ полнаго торжества евтихіанства или монофизитства надъ православіемъ. Тогдашній императоръ Востока Θеодосій младшій, находясь подъ сильнымъ вліяніемъ монофизитской партіи, во главѣ которой стоялъ уже извѣстный намъ министръ евнухъ Хрисаѳій, безпрекословно указомъ (Дѣян. III, 160) утвердилъ постановленія собора разбойничьяго. Указъ, которымъ утверждены эти постановленія, приравниваетъ вождей православія—Флавіана константинопольскаго, Евсевія дорилейскаго и другихъ къ Несторіанамъ; онъ осуждаетъ ихъ, какъ приверженцевъ Несторія, какими старались выставить лицъ православной стороны монофизиты. Вотъ слова этого указа: „когда Несторій хотѣлъ попрать древнюю вѣру на соборѣ Ефесскомъ (т.-е. 3-мъ вселенскомъ), онъ былъ осужденъ. Но несмотря на то Флавіанъ архіепископъ константинопольскій и другой епископъ по имени Евсевій, слѣдуя заблужденіямъ Несторія, сдѣлались причиною новаго спора; почему импе-

раторъ и вынужденъ былъ собрать вселенскій соборъ изъ епископовъ всѣхъ странъ въ Ефесѣ (т.-е. разбойничій), который за приверженность къ Несторіевой ереси и лишилъ каѳедръ епископскихъ Флавіана, Евсевія, Домна антіохійскаго, Ѳеодорита кирскаго и другихъ. Постановленія этого собора—говорилось далѣе въ указѣ—императоръ одобряетъ, утверждаетъ, принимаетъ и повелѣваетъ, чтобы всѣ епископы подписали Никейскій символъ *). Сочиненій Несторія и Ѳеодорита (котораго монофизиты считали приверженцемъ несторіанства), говорилъ указъ, никто не долженъ читать. Несторіане (*т.-е. православные*) не должны быть терпимы ни въ городахъ, ни въ странѣ, и кто ихъ будетъ терпѣть, тотъ будетъ наказанъ конфискаціей имущества и вѣчнымъ изгнаніемъ". Такимъ ревностнымъ приверженцемъ постановленій разбойничьяго собора является императоръ Востока Ѳеодосій младшій; православіе, подобно несторіанству, признано нетерпимымъ на востокѣ. Этотъ указъ императорскій впрочемъ не могъ сдѣлаться обязательнымъ для всего христіанскаго міра, потому что на западѣ въ это время былъ императоромъ Валентиніанъ III, который отнюдь не былъ расположенъ къ монофизитству. Да и самый Востокъ, несмотря на всю строгость указа, не принялъ базпрекословно этихъ императорскихъ распоряженій; на востокѣ указъ произвелъ великое церковное раздѣленіе. Египетъ, Ѳракія (т.-е. страна окрестная Константинополю) и Палестина объявили себя за соборъ разбойничій и за императора; напротивъ епископы Сиріи, Понта и Азіи рѣшительно заявляли о своей приверженности къ православію **). Особенною дѣятельностію въ

*) Замѣтимъ, что монофизиты потому особенно крѣпко держались за Никейскій символъ, что въ немъ не ясно говорится относительно спорнаго у нихъ пункта съ православными. См. объ этомъ въ Дѣян. III, 187.

**) Гефеле: „Исторія соборовъ" (Band 2, Ausgabe 1856) стр. 370—1.

пользу православія отличается Левъ папа Римскій. Въ противодѣйствіе собору разбойничьему, онъ собираетъ православный помѣстный соборъ въ Римѣ; здѣсь торжественно провозглашается отверженіе постановленій собора разбойничьяго, произносится отлученіе на Діоскора и Евтихія, и свѣдѣнія о дѣяніяхъ римскаго собора посылаются къ клиру, сенату и народу Константинопольскому (Дѣян. III, 77 и д. 80 и д. 89 и д.). Но не ограничиваясь такими отрицательными дѣйствіями, папа всѣми мѣрами стремится къ тому, чтобы собранъ былъ новый вселенскій соборъ въ Италіи для перерѣшенія постановленій собора разбойничьяго. Въ особенности папа возлагалъ большія надежды въ данномъ случаѣ на западнаго императора Валентиніана. И потому когда названный императоръ вскорѣ прибылъ въ Римъ вмѣстѣ съ супругою своею Евдоксіею и матерью Галлою-Плакидою для празднованія памяти св. апостола Петра, папа рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ, чтобъ преклонить императора дѣятельно взять сторону православія и побудить его ходатайствовать въ этомъ смыслѣ предъ императоромъ Востока Θеодосіемъ. Съ этою цѣлію, когда Валентиніанъ съ своею супругою и матерью молились въ храмѣ святаго Петра, папа въ сопровожденіи многихъ епископовъ изъ различныхъ западныхъ провинцій, пришелъ къ царственнымъ поклонникамъ и слезно умолялъ ихъ принять на себя ходатайство за православныхъ предъ императоромъ Θеодосіемъ. Валентиніанъ внялъ мольбамъ папы, и какъ онъ самъ, такъ и его супруга съ матерью, ревнуя о православіи, письмами ходатайствовали предъ Θеодосіемъ за православіе и просили его о созваніи вселенскаго собора въ Римѣ, подъ предсѣдательствомъ папы, для изслѣдованія возникшихъ религіозныхъ споровъ (Дѣян. III, 91—2; 92—4; 94 и д.). Но попытки ихъ помочь дѣлу православія были тщетны. Θеодосій въ отвѣтъ на эти письма писалъ императорской фамиліи на западѣ, что въ Ефесѣ 449 года, рѣшенія постановлены съ полною свободою и сообразно

съ истиною, что Флавіанъ по справедливости лишенъ сана ради нововведеній въ вѣрѣ (Дѣян. III, 97—100). Напрасно самъ папа, обращаясь съ письмами къ Өеодосію, заклиналъ его страшнымъ судомъ, Св. Троицею и святыми ангелами созвать новый соборъ (Дѣян. III, 68—69); императоръ оставался глухъ и нѣмъ и дѣла продолжали пребывать въ томъже положеніи. Такимъ образомъ какъ Востокъ, подчиненный монофизитскому правленію Өеодосія, такъ и Западъ оказывались безсильными помочь дѣлу православія. Въ такомъ состояніи оставались дѣла до самой смерти Өеодосія младшаго.

Восшествіе на престолъ новаго императора Маркіана было счастливымъ событіемъ для стороны православныхъ. Маркіанъ, какъ и Пульхерія, сестра Өеодосія младшаго, которая теперь сдѣлалась супругою Маркіана, были глубоко преданы дѣлу православія. Свой религіозный характеръ Маркіанъ вполнѣ выразилъ въ обстоятельствѣ созванія собора вселенскаго, въ образѣ отношенія къ нему и въ своихъ распоряженіяхъ касательно Церкви послѣ этого собора. Что же касается до религіознаго характера Пульхеріи, то современники отзывались о немъ съ полною похвалою. Отцы собора Халкидонскаго говорили о ней, что она „всю жизнь проводитъ въ молитвѣ", что у ней „бесѣда въ псалмахъ" (Дѣян. III, 672); папа Левъ замѣчалъ о ней: „когда она не принимала священниковъ, когда не стояла за благочестіе и вѣру православную" (Дѣян. III, 75)? Одинъ древній историкъ пишетъ о ней: „тщательно и мудро предотвращала она всякій случай, грозившій вѣрѣ введеніемъ новыхъ и ложныхъ догматовъ" *). Благопріятное отношеніе новаго правительства къ православію тотчасъ же обозначилось по вступленіи Маркіана на престолъ. Императоръ немедленно распорядился, чтобы останки архіепископа Флавіана, умершаго въ изгнаніи,

*) Созоменъ. Церковная Исторія кн. 9. гл. 1.

были перенесены въ Константинополь и торжественно положены во храмѣ св. Апостоловъ, мѣстѣ погребенія епископовъ константинопольскихъ. Далѣе императоръ приказалъ возвратить изъ ссылки всѣхъ тѣхъ епископовъ, кои подвергнуты были изгнанію послѣ осужденія ихъ на соборѣ разбойничьемъ, и имъ возвращены были епископскія каѳедры (Дѣян. III, 107—109). Съ тѣмъ вмѣстѣ Маркіанъ вступилъ въ самую дружественную переписку съ главнымъ поборникомъ православія—папою Львомъ. Въ первомъ изъ своихъ писемъ къ папѣ, императоръ свидѣтельствуетъ о своей ревности къ православной вѣрѣ и охотно соглашается на созваніе собора вселенскаго для искорененія заблужденія и возстановленія мира, какъ желалъ того папа (Дѣян. III, 104—105). Въ другомъ письмѣ императоръ приглашаетъ папу, если ему угодно, лично прибыть на востокъ и здѣсь принять участіе на соборѣ, и если папа не явится на соборъ, сочтетъ для себя это затруднительнымъ, императоръ обѣщаетъ папѣ, что этотъ соборъ, который долженъ собраться на востокѣ, утвердитъ православную вѣру сообразно съ изложеніемъ Льва (Дѣян. III, 106—107). Понятно, что такое отношеніе императора къ православію возвысило духъ сторонниковъ его: они чувствовали близость своего торжества. Напротивъ партія монофизитская видѣла себя сильно поражаемою. Какъ отнеслись къ этому факту начинающагося торжества православныхъ надъ ихъ врагами главнѣйшіе представители монофизитства, это показываютъ примѣръ Діоскора архіепископа Александрійскаго и примѣръ Анатолія архіепископа Константинопольскаго, назначеннаго въ преемники Флавіану на соборѣ разбойничьемъ. Діоскоръ понималъ, какъ мало хорошаго онъ могъ ожидать для себя и своей партіи отъ Маркіана, при его православныхъ симпатіяхъ, и потому всѣми мѣрами старался пряпятствовать признанію его императоромъ въ Египетской провинціи (архіепископъ въ роли революціонера! Дѣян. III, 590—591). Но эта попытка не удалась Діоскору, и онъ лишь навлекъ

на себя тѣмъ большее неудовольствіе со стороны новаго императора. Иначе отнесся къ факту близкаго торжества православія Анатолій архіепископъ Константинопольскій. Какъ избранный соборомъ разбойничьимъ, онъ сочувственно относился къ монофизитскимъ воззрѣніямъ; но, со вступленіемъ на престолъ новаго императора, ревнителя православія, онъ сознается въ своемъ заблужденіи, отказывается отъ всякихъ связей съ партіей монофизитской, объявляетъ о своемъ согласіи въ догматическихъ мысляхъ съ папою Львомъ (Дѣян. III, 107—108).

При расположенности императора Маркіана и императрицы Пульхеріи къ православію нельзя было сомнѣваться въ томъ, что правительство поспѣшитъ возстановить поруганную на соборѣ разбойничьемъ честь православія. И дѣйствительно императоръ Маркіанъ не замедлилъ принять на себя попеченіе о созваніи собора вселенскаго. Императоръ вступилъ на престолъ въ августѣ 450 года, а въ 451 году въ маѣ мѣсяцѣ онъ уже издаетъ указъ, которымъ назначался соборъ въ Никеѣ, въ Малой Азіи, отъ 1 сентября тогоже года. Указъ гласилъ: „всѣмъ занятіямъ должны быть предпочитаемы божественныя дѣла. А такъ какъ возбуждены нѣкоторыя недоумѣнія касательно нашей православной вѣры, то намъ благоугодно, чтобы составился св. соборъ въ Никеѣ, дабы при общемъ согласіи всѣхъ, по точномъ изслѣдованіи истины и по устраненіи всякаго пристрастія, которымъ уже злоупотребляли нѣкоторые и возмущали православное благочестіе, яснѣе открылась истинная вѣра и уже не могло быть никакого сомнѣнія и разногласія. Если не воспрепятствуютъ военные походы, мы сами лично будемъ присутствовать на досточтимомъ соборѣ“ (Дѣян. III, 110). Восточная Церковь съ величайшею радостію встрѣтила это распоряженіе императора. Не съ такою радостію принято оно на западѣ. Такъ какъ соборъ созывался не въ Италіи, какъ желалъ того папа Левъ, а на востокѣ, то папа съ сожалѣніемъ видѣлъ, что онъ не можетъ при-

нять такого дѣятельнаго участія въ немъ; къ какому онъ готовилъ себя. Притомъже и обстоятельства, при какихъ созывался соборъ, были неблагопріятны для Запада. Италіи въ это время грозили нападеніемъ варвары подъ предводительствомъ грознаго Аттилы, и это было препятствіемъ для отправленія возможно-большаго числа западныхъ епископовъ на соборъ. Папа писалъ императору Маркіану: „я думалъ, что изъ уваженія къ теперешнимъ тяжелымъ обстоятельствамъ соборъ будетъ отложенъ на болѣе или менѣе продолжительное время, чтобы епископы могли собраться на оный изъ всѣхъ провинцій и чтобы могъ составиться въ собственномъ смыслѣ вселенскій соборъ; но такъ какъ вы изъ любви къ православной вѣрѣ рѣшаете уже созвать соборъ, то я не могу препятствовать вашей благочестивой волѣ". Въ письмѣ къ Анатолію архіепископу константинопольскому, папа жалуется на краткость срока назначеннаго для прибытія на соборъ епископовъ (отъ средины мая до сентября). „Какъ можетъ онъ, говорилъ папа о себѣ, разослать своевременно извѣстія во всѣ провинціи запада, чтобы соборъ былъ поистинѣ вселенскимъ соборомъ" *)?

До открытія собора въ Никеѣ, чтобы предотвратить возможность какихъ-либо безпорядковъ въ теченіи дѣятельности собора со стороны нахлынувшихъ въ Никею, ненужныхъ при соборныхъ совѣщаніяхъ людей, каковы были различные монахи и клирики,—попечительный императоръ приказываетъ очистить городъ отъ подобныхъ массъ народныхъ. Маркіанъ издаетъ на имя Никейскаго военачальника такой указъ: „нѣкоторые, какъ мы слышали, нахлынувшіе въ Никею клирики, монахи и міряне, привыкшіе растраивать и возмущать пріятное Богу благочиніе, покушаются произвести шумъ, возставая противъ того, что̀ намъ угодно; потому мы сочли за необходимое отправить къ тебѣ это посланіе, чтобы ты съ полною властію

*) Гефеле въ „Ист. Соборовъ" (Band. 2) стр. 385—6. Дѣян. III, 115.

и всячески изгонялъ изъ города и изъ самыхъ областей этихъ, какъ клириковъ проживающихъ тамъ безъ нашего приглашенія или безъ дозволенія своихъ епископовъ, будутъ ли то клирики находящіеся въ этомъ званіи или какіе-либо отлученные своими епископами,—такъ и монаховъ и мірянъ, которыхъ никакая причина не призываетъ на соборъ. Ибо знай, что если найденъ будетъ тамъ проживающимъ какой-либо мятежникъ, то тебѣ угрожаетъ неминуемая опасность" (Дѣян. III, 113—114).

Впрочемъ собору не суждено было состояться въ Никеѣ, какъ предполагалось. Сообразно съ императорскимъ указомъ къ назначенному сроку, къ 1 сентября, собрались въ Никею многіе епископы для собора; но Маркіанъ, занятый въ это время войною и нѣкоторыми другими важными дѣлами, требовавшими его личнаго присутствія, медлилъ явиться на соборъ, какъ онъ обѣщалъ это прежде, и просилъ собравшихся отцевъ объ отсрочкѣ соборныхъ засѣданій дотолѣ, пока онъ самъ не найдетъ возможности прибыть на соборъ, что̀ должно было случиться, по мнѣнію императора, въ непродолжительномъ времени (Дѣян. III, 112—113). Но такъ какъ однакожъ прибытіе императора и послѣ этого чрезвычайно замедлилось, то собравшіеся отцы отправили къ императору письмо, въ которомъ выражали, что такое выжидательное положеніе становится для нихъ очень обременительнымъ, въ особенности для хилыхъ и больныхъ изъ нихъ (Дѣян. III, 117). Вслѣдствіе этого императоръ рѣшился перенести соборъ изъ Никеи въ г. Халкидонъ, который находился въ самомъ близкомъ разстояніи отъ столицы императорской — Константинополя *). Дѣлая это новое распоряженіе, императоръ такъ писалъ отцамъ съѣхавшимся для собора: „хотя мы и поспѣшили прибыть на соборъ, однакожъ насъ удержали общественныя и чрезвычайно важныя дѣла. При этомъ

*) Ихъ раздѣляетъ только проливъ Босфоръ.

мы разсудили, что попеченіе о святой и православной вѣрѣ должно предпочитать всему. Благоволите перейти въ Халкидонъ. Туда не замедлимъ и мы явиться. И пусть, говорилось далѣе въ посланіи, за отсутствіемъ долѣе не отлагается св. соборъ. Итакъ поспѣшите прибыть, не дѣлая никакой отсрочки, дабы чрезъ вашу медлительность не имѣло замедленія открытіе истины" (Дѣян. III, 117—18. 120). Императоръ по этому случаю отложилъ даже свой походъ въ Иллирію (Дѣян. III, 120). Перенеся соборъ въ Халкидонъ, императоръ надѣялся, что слѣдя въ Константинополѣ за ходомъ дѣлъ общественныхъ и государственныхъ, онъ въ тоже время не оставитъ безъ вниманія и хода дѣлъ соборныхъ, вслѣдствіе близости Халкидона отъ Константинополя, какъ это дѣйствительно доказала послѣдующая исторія собора.

Сообразно съ этимъ императорскимъ указомъ епископы дѣйствительно скоро перебрались въ Халкидонъ, такъ что въ началѣ октября нашли возможнымъ открыть и самыя соборныя засѣданія. Засѣданія собора происходили въ храмѣ мученицы св. Евфиміи. Историкъ Евсевій описываетъ положеніе этого храма и самый храмъ въ чертахъ самыхъ изобразительныхъ. По его описанію, храмъ отстоялъ отъ Босфора на двѣ стадіи (1200 шаговъ), стоялъ па одной изъ прелестнѣйшихъ, но не крутыхъ возвышенностей. Пѣшеходы не замѣчали тяжести горнаго пути, когда шли къ храму. Какъ скоро они достигали храма, для нихъ открывался очаровательный видъ: предъ ними разстилались зеленѣющіе луга, волнистая жатва, роскошные сады; вдали горы и лѣса; видъ на море услаждалъ взоръ, на море, то позлащаемое лучами солнца въ хорошую погоду, то бурно воздымающееся во время вѣтра. Зрѣлище столицы Константинополя, открывавшееся отъ храма, довершало прелесть, которую чувствовалъ созерцающій. Самый храмъ представлялъ собой великолѣпную постройку: онъ состоялъ изъ многихъ обширныхъ зданій, украшенъ былъ изящными колоннами и увѣнчивался куполомъ. Въ храмѣ почивали

св. мощи мученицы Евфиміи въ богато-украшенной гробницѣ; мощи славились многими чудесами *). Число отцевъ на этомъ соборѣ было чрезвычайно велико, такое, какого не было ни на одномъ изъ доселѣ бывшихъ соборовъ, и изъ послѣдующихъ лишь не многіе могутъ равняться въ этомъ отношеніи съ соборомъ Халкидонскимъ. Число всѣхъ присутствовавшихъ на немъ отцевъ, если не выключать и уполномоченныхъ лицъ пресвитерскаго сана, замѣщавшихъ того или другаго епископа, можно полагать между 600—630. Главнѣйшими представителями собора были: Анатолій архіепископъ константинопольскій, котораго отцы называли „первымъ" на соборѣ (Дѣян. III, 165), папскіе легаты: епископы Пасхазинъ и Луценцій и пресвитеръ Бонифацій, Максимъ архіепископъ антіохійскій, Ювеналій архіепископъ іерусалимскій, Θалассій епископъ каппадокійскій. На соборѣ встрѣчаемъ большое стеченіе высшихъ государственныхъ сановниковъ и сенаторовъ, принимающихъ участіе въ дѣяніяхъ собора, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда разсматривались дѣла чисто церковныя, напр. въ случаѣ суда надъ епископомъ (Дѣян. III, 568).

Б) Судъ надъ соборомъ разбойничьимъ и Діоскоромъ.

Судъ надъ соборомъ разбойничьимъ: вопросъ о присутствующемъ Діоскорѣ;—эпизодъ съ Θеодоритомъ;—вины собора разбойничьяго;—поведеніе Діоскора;—осужденіе собора разбойничьяго и монофизитства.—Судъ надъ Діоскоромъ: еретическое упорство Діоскора;—новыя многочисленныя обвиненія на него;—троекратный тщетный вызовъ Діоскора;—приговоръ надъ Діоскоромъ.

Первое засѣданіе собора халкидонскаго происходило 8-го октября **). Предметомъ его дѣяній былъ соборъ раз-

*) Евагрій. Церковная Исторія, кн. 2. гл. 3.
**) Всѣхъ засѣданій было 16.

бойничій. Прежде чѣмъ приступили къ дѣлу, поднятъ былъ вопросъ о томъ, долженъ ли оставаться Діоскоръ, архіепископъ александрійскій, предсѣдатель собора разбойничьяго, на этомъ засѣданіи и съ какими правами. Папскіе легаты въ лицѣ Пасхазина заявили о необходимости совершеннаго удаленія Діоскора отъ собора. Такое заявленіе нашли не совсѣмъ справедливымъ императорскіе сановники, присутствующіе на соборѣ; они просили легатовъ указать опредѣленную причину, по которой они требуютъ этого; они спрашивали ихъ: „какая собственно вина возводится на Діоскора"? Луцентій, другой папскій легатъ, отвѣчалъ на это: „Діоскоръ дерзнулъ собрать соборъ безъ авторитета апостольскаго, т.-е. папскаго, чего, замѣтилъ легатъ, никогда не было и не должно быть" *). Сановники объясненіемъ легатовъ, какъ слишкомъ исключительнымъ, не удовлетворились и потребовали указанія болѣе важной причины, по которой Діоскоръ долженъ быть удаленъ съ собора: „нужно—говорили сановники снова—чтобы вы изложили, въ чемъ именно Діоскоръ виноватъ". Тогда легаты указали другую причину своего требованія: „мы не потерпимъ такого оскорбленія намъ и вамъ, сказали они, чтобы засѣдалъ тотъ, кто пришелъ на судъ". Послѣ этого заявленія Діоскоръ, по приказанію собора, вышелъ изъ ряда другихъ епископовъ и сѣлъ на серединѣ соборнаго зала (Дѣян. III, 141—2). Это значило, что онъ становился въ рядъ истцевъ и отвѣтчиковъ и лишился права голоса (см. Дѣян. III, 198). Затѣмъ выступаетъ на середину собора въ качествѣ истца Евсевій епископъ дорилейскій, такъ много пострадавшій отъ собора разбойничьяго, и говоритъ: „я оскорбленъ Діоскоромъ, оскорблена вѣра; онъ умертвилъ епископа Флавіана и несправедливо осудилъ его вмѣстѣ со мною; пове-

*) Нужно сказать, легаты явились на соборъ не безъ притязаній, какими нѣкоторые папы заявляли себя въ Церкви, утверждая за собой право власти относительно всей Церкви.

лите принять мое прошеніе". Въ прошеніи этомъ между прочимъ объявлялось: „на недавно бывшемъ соборѣ въ митрополичьемъ городѣ Ефесѣ, которому бы лучше было вовсе не быть, чтобы не наполнять вселенную зломъ и возмущеніемъ,—Діоскоръ, ни во что считая справедливость и страхъ Божій, думая и мудрствуя подобно еретику Евтихію, скрываясь отъ многихъ, чтобы послѣ обнаружить себя, собравши буйную толпу народа и пріобрѣтши себѣ могущество деньгами, оскорбилъ вѣру православныхъ сколько могъ и утвердилъ нечестіе монаха Евтихія. Посему, такъ какъ посягательство его на вѣру и на насъ велико, то просимъ, чтобы повелѣно было Діоскору защищаться противъ того, въ чемъ мы его обвиняемъ" (Дѣян. III, 143—145). Прошеніе Евсевія принято и рѣшено было начать изслѣдованіе дѣйствій Діоскора на соборѣ разбойничьемъ. Для этого епископы положили прочесть дѣянія соборовъ бывшихъ по дѣлу Евтихія, т.-е. дѣянія собора константинопольскаго подъ предсѣдательствомъ Флавіана (448 г.) и собора разбойничьяго подъ предсѣдательствомъ Діоскора (449 г.). Начато было чтеніе. Когда дѣло дошло въ дѣяніяхъ послѣдняго собора до того императорскаго указа, въ которомъ говорилось о Ѳеодоритѣ Кирскомъ, чтобы онъ явился на соборъ въ Ефесѣ лишь въ томъ случаѣ, если того пожелаетъ самый соборъ, при этомъ упоминаніи о Ѳеодоритѣ Кирскомъ, ревностномъ защитникѣ православія противъ монофизитсва, императорскіе сановники потребовали, чтобы вошелъ на соборъ и Ѳеодоритъ для принятія участія въ дѣлахъ соборныхъ. Такое требованіе произвело большой шумъ на соборѣ: одни соглашались съ этимъ требованіемъ, другіе напротивъ оспаривали его. Въ этомъ разногласіи по поводу Ѳеодорита выразилось то раздвоеніе въ воззрѣніяхъ отцевъ собора, какое дѣйствительно имѣло мѣсто при началѣ засѣданій соборныхъ, но которое вскорѣ въ концѣ перваго же засѣданія уступило мѣсто единенію. Первоначальное раздвоеніе собора, о которомъ мы говоримъ,

внѣшнимъ образомъ выразилось прежде всего въ томъ фактѣ, что одни епископы заняли мѣста въ храмѣ съ лѣвой стороны (римскіе, константинопольскіе, малоазійскіе, понтійскіе, антіохійскіе), а другіе правую (египетскіе, палестинскіе, иллирійскіе *) (Дѣян. III, 140). По вопросу о Θеодоритѣ лѣвая сторона заявляла себя такъ, правая иначе. Епископы египетскіе, палестинскіе и иллирійскіе, на помянутое требованіе отвѣчали: „помилуйте, (съ дозволеніемъ Θеодориту придти на соборъ), вѣра погибаетъ; его изгоняютъ правила; изгоните его вонъ; соборъ не принимаетъ Θеодорита". Напротивъ епископы константинопольскаго и антіохійскаго округа, азійскіе и понтійскіе, являясь сторонниками Θеодорита, восклицали: „вышлите вонъ манихеевъ (т.-е. приверженцевъ Діоскора); вонъ изгоните враговъ Флавіана; вонъ изгоните враговъ вѣры; Діоскора человѣкоубійцу вонъ изгоните". Когда крики нѣсколько смолкли, Θеодоритъ, въ успокоеніе споришихъ изъ-за него, объявлялъ, что онъ является не въ качествѣ полноправнаго члена собора, а въ качествѣ лица потерпѣвшаго отъ Діоскора и въ качествѣ обвинителя на дѣйствія его. Но это ни мало не успокоило партіи, не расположенной къ Θеодориту. Епископы правой стороны продолжали кричать: „Не называйте Θеодорита епископомъ; онъ не епископъ; вонъ изгоните богопротивника; вонъ изгоните іудея; хулителя Христова изгоните вонъ". Между тѣмъ и представители лѣвой стороны, защитники Θеодорита, не оставались безмолвными,—они восклицали: „православнаго т.-е. Θеодорита, оставьте на соборѣ, вонъ изгоните мятежниковъ, вонъ изгоните человѣкоубійцу". Чтобы прекратить шумъ и смятеніе, наконецъ сановники и сенаторы обращаются къ шумѣвшимъ съ замѣчаніемъ: эти простонародныя восклицанія и неприличны епископамъ и безполезны; не препятствуйте продолжать чтеніе дѣяній". Но правая сторона и теперь не удержалась отъ восклицанія:

*) Т.-е. изъ нынѣшней Греціи и сопредѣльныхъ съ нею странъ.

„изгоните одного, и всѣ будемъ слушать; мы изъ благочестія вопіемъ, ради православной вѣры говоримъ это“ (Дѣян. III, 149—51).

Когда продолжено было чтеніе дѣяній собора разбойничьяго, прерванное этимъ эпизодомъ съ Θеодоритомъ, часть епископовъ, бывшихъ на соборѣ 449 года, засвидѣтельствовала во время этого чтенія, сколько золъ, неправоты допущено было на ономъ. Явилось нѣсколько обвинителей противъ этого собора изъ числа присутствовавшихъ на немъ и повѣдали предъ отцами, съ какими насиліями происходила дѣятельность его. Епископы округа антіохійскаго разсказывали слѣдующее: „на осужденіе епископа Флавіана и епископа Евсевія на соборѣ Ефесскомъ никто изъ православныхъ епископовъ не былъ согласенъ; сдѣлано было—свидѣтельствовали епископы—насиліе, насиліе съ побоями и мы подписали пустую бумагу, на которой послѣ и написано осужденіе упомянутыхъ епископовъ. Намъ угрожало осужденіе, намъ угрожала ссылка; воины стояли съ палками и мечами и мы были приведены въ страхъ ими. Гдѣ палки и мечи, какой тутъ соборъ, замѣчали епископы. Воины низложили Флавіана и Евсевія болѣе, чѣмъ мы, а что мы сдѣлали, то сдѣлали изъ страха“. Послѣ этого общаго заявленія о насиліяхъ допущенныхъ Діоскоромъ и его партіею на соборѣ Ефесскомъ нѣкоторые епископы и въ отдѣльности засвидѣтельствовали о томъже фактѣ. Стефанъ епископъ ефесскій объявлялъ предъ лицемъ собора: „Богъ свидѣтель, что во всемъ, что было сдѣлано на соборѣ Ефесскомъ, употреблено было насиліе и принужденіе, и что мы противъ желанія подписали осужденіе Флавіана—Богъ свидѣтель“. Онъ разсказывалъ, что когда онъ принялъ въ церковное общеніе съ собою нѣкоторыхъ клириковъ, сторонниковъ Флавіана, то къ нему въ его домъ (епископію) вторглись Елпидій и Евлогій, двое императорскихъ чиновниковъ бывшихъ на соборѣ Ефесскомъ, и воины, и монахи числомъ до 300 и хотѣли убить его, говоря: „такъ

какъ ты принялъ враговъ императора, то и ты врагъ императора“. И такимъ образомъ, вообще замѣчалъ Стефанъ, все было сдѣлано по принужденію и насилію. Другой епископъ изъ присутствовавшихъ также на соборѣ разбойничьемъ изобразилъ предъ лицемъ отцевъ тотъже соборъ въ краскахъ самыхъ черныхъ. Өеодоръ епископъ клавдіопольскій сдѣлалъ вотъ какое показаніе о немъ: „Партія Діоскора, укоряя насъ, т.-е. православныхъ, въ несторіанской ереси, чтобы устрашить насъ, возглашала: на-двое разсѣките признающихъ два естества, признающихъ двойство раздѣлите, умертвите, выбросьте; это говорилось для того, замѣчаетъ Өеодоръ, чтобы мы, по обвиненіи въ несторіанской ереси, не судьями были какъ православные, но осужденными какъ нечестивцы. Потомъ они дѣлали и нѣчто другое, заявлялъ Өеодоръ. Императоромъ повелѣно было сначала рѣшить дѣло о Флавіанѣ. Сдѣлавши по этому поводу нѣсколько собраній, не изложивши письменно своихъ постановленій и никому не прочитавши ихъ, такъ что никто не зналъ о нихъ, Діоскоръ и его сотоварищи по злодѣянію принесли намъ не писанную бумагу, имѣя съ собой множество грубыхъ людей, кричавшихъ, смущавшихъ и возмущавшихъ соборъ. Всѣхъ насъ епископовъ нас оборѣ было 135; сорокъ двухъ они заставили молчать, большая часть другихъ епископовъ образовали мятежное скопище Діоскора. Оставались твердыми насъ человѣкъ 15; что могли мы сдѣлать? Они играли нами: вотъ еретики — кричали они всѣ въ одинъ голосъ; они застращали насъ, объявили еретиками и мы извержены были какъ еретики“. При этомъ показаніи епископа Өеодора, епископы антіохійскаго округа, принимавшіе сами участіе въ соборѣ Ефесскомъ, единодушно воскликнули: „это мы всѣ говоримъ, это было такъ“. Приверженцы Діоскора не нашли возможнымъ опровергнуть этихъ обвиненій и ограничились лишь такими словами къ собору, въ которыхъ выразилось ихъ высокомѣріе, а вмѣстѣ и упорство: „христіанинъ никого не боится, православный

никого не боится". „Пусть огонь разложатъ, говорили они горделиво, а мы предлагаемъ свое ученіе; еслибы боялись людей, то не было бы мучениковъ" (Дѣян. III, 160. 1. 2. 3). Кромѣ этихъ важныхъ злоупотребленій собора Ефесскаго открыты были на соборѣ Халкидонскомъ и другія злоупотребленія тогоже собора. Такъ найдено было, что несправедливо архіепископъ Флавіанъ являлся предъ соборомъ разбойничьимъ въ качествѣ обвиненнаго (Дѣян. III, 164—5). Притомъ обнаружилось, что судъ надъ Флавіаномъ произведенъ былъ порядкомъ неправильнымъ,—онъ осужденъ безъ изслѣдованія дѣла и безъ допроса. Онисифоръ епископъ иконійскій выставилъ на видъ отцамъ слѣдующее: „тотчасъ послѣ того какъ прочитано было правило, въ которомъ говорилось, что никто ничего недолженъ изслѣдовать о вѣрѣ, Діоскоръ сказалъ: давайте сюда нотаріевъ (секретарей)! и было произнесено осужденіе на Флавіана" (Дѣян. III, 363). Также найдено совершенно несправедливымъ, что на томъ же соборѣ Ефесскомъ Евсевій Дорилейскій, явившись въ качествѣ обвинителя противъ Евтихія, не былъ однакожь выслушанъ (Дѣян. III, 197. 209). Къ числу преступныхъ насильственныхъ дѣйствій собора разбойничьяго было наконецъ отнесено и то, что на немъ не позволено было прочитать посланіе папы Льва, въ которомъ онъ выразилъ свое сужденіе относительно спорныхъ вопросовъ. Весьма многіе на соборѣ Халкидонскомъ заявили, что „посланіе это не было читано и умышленно было удержано Діоскоромъ", что „Діоскоръ семь разъ клялся предъ всѣми, что велитъ прочитать его и однакожь оно не было читано",—и всѣ свидѣтельствовали, что это дѣйствительно было такъ (Дѣян. III, 171). Важнѣйшею стороною въ дѣятельности собора Ефесскаго, возбудившею особенное порицаніе отъ отцевъ халкидонскихъ, было провозглашеніе монофизитства на немъ. Когда чтеніе дѣяній собора Ефесскаго дошло до того мѣста въ нихъ, гдѣ говорилось: „пресвитеръ Евтихій сказалъ: исповѣдую, что Господь нашъ состоитъ изъ двухъ

естествъ прежде соединенія, а послѣ соединенія исповѣдую одно естество;—Діоскоръ епископъ александрійскій сказалъ: и мы всѣ согласны съ этимъ; соборъ сказалъ: согласны",—то при чтеніи этого, отцы халкидонскіе, исполненные негодованія противъ подобнаго заблужденія, взывали: „это свойственно развѣ фараону; анаѳема тѣмъ, кто сказалъ это; анаѳема Несторію и Евтихію" (Дѣян. III, 287. 190). Теперь, какъ держалъ себя Діоскоръ александрійскій, когда соборъ Ефесскій, имъ руководимый, обвинялся въ такихъ страшныхъ и многочисленныхъ преступленіяхъ? Діоскоръ, не имѣя возможности опровергнуть дѣйствительности представляемыхъ фактовъ, старается въ свое оправданіе прежде всего указать на то, что не одинъ онъ составлялъ собой соборъ, въ немъ и въ его дѣяніяхъ принимали участіе многіе (Дѣян. III, 159); какъ будто бы этимъ могли быть извинены его злыя дѣйствія. Съ другой стороны, вопреки всякой совѣстливости, самихъ же епископовъ, бывшихъ на соборѣ Ефесскомъ, Діоскоръ обвинялъ за то, что они были такъ уступчивы его волѣ: „такъ какъ они говорятъ, замѣчалъ Діоскоръ, что не слышавъ никакихъ разсужденій и постановленій, просто подписались на предложенной имъ пустой бумагѣ, то имъ не слѣдовало и подписываться" (Дѣян. III, 163). А иногда Діоскоръ позволялъ себѣ и гораздо больше: онъ положительно осмѣливался глумиться надъ епископами, разсказывавшими о насиліяхъ собора Ефесскаго, насиліяхъ, которыя заставляли ихъ дѣлать то, чего они внутренно вовсе не желали. Такъ одному епископу, показывавшему на соборѣ халкидонскомъ въ этомъ именно родѣ, Діоскоръ иронически говорилъ: „нынѣ исполнилось то, что написано: отъ словесъ своихъ оправдишися и отъ словесъ своихъ осудишися (Мѳ. 12, 37). Стыдясь людей ты измѣнилъ тому, что хорошо, и пренебрегъ вѣрою. Развѣ ты не слыхалъ написаннаго: не срамляйся о паденіи твоемъ" (Сир. 4, 26. Дѣян. III, 192). Упорство и нераскаянность Діоскора такимъ образомъ для собора оставались внѣ всякаго со-

мнѣнія. Иначе держали себя другіе епископы, которые принимали участіе въ соборѣ Ефесскомъ и такъ или иначе являлись повинными въ его противоканоническихъ дѣяніяхъ: они глубоко сожалѣли о своемъ хотя невольномъ грѣхѣ. Въ чувствѣ глубокаго покаянія не разъ и не два, но многожды восклицаютъ они предъ лицемъ собора: „всѣ мы согрѣшили, всѣ мы просимъ прощенія“ (Дѣян. III, 192. 493).

Къ концу чтенія дѣяній собора Ефесскаго, когда виновность собора этого являлась дѣломъ несомнѣннымъ, когда упорство и преступность дѣйствій Діоскора также открылись во всей ясности, многіе изъ епископовъ собора Халкидонскаго, которые въ началѣ подозрительно смотрѣли на сторону православныхъ и которые занимали правую часть соборнаго зала вмѣстѣ съ Діоскоромъ, увидѣли ясно, насколько справедливо было дѣло Флавіана, Евсевія и другихъ епископовъ, потерпѣвшихъ отъ собора Ефесскаго, и насколько напротивъ преступенъ былъ соборъ этотъ,—и потому мы встрѣчаемъ отрадное явленіе: епископы палестинскіе (всѣ) и епископы иллирійскіе (всѣ) къ концу перваго засѣданія покидаютъ сообщество Діоскорово, переходятъ съ правой части зала на лѣвую, гдѣ засѣдали приверженцы православія. Съ этимъ водворилось полное единодушіе въ членахъ собора Халкидонскаго. Съ Діоскоромъ остались неразлучными лишь нѣсколько епископовъ египетскихъ и только (Дѣян. III, 234—5. 237).

Когда Халкидонскій соборъ съ одной стороны убѣдился съ рѣшительностію въ злоупотребленіяхъ собора разбойничьяго, съ другой—пришелъ къ единенію въ своихъ членахъ, приступлено было къ произнесенію приговора надъ самымъ соборомъ, дѣянія котораго были предметомъ изслѣдованія. Произнесено было осужденіе надъ нимъ, но такъ, что самыя лица составлявшія его не были лишены епископскаго сана (Дѣян. III, 492 сл. 659). Приговоръ встрѣченъ былъ отцами халкидонскими съ ликованіемъ; они

восклицали: „это правдивый судъ! Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный помилуй насъ! Нечестивый всегда бѣгаетъ! Это справедливый приговоръ! За мучениковъ отмститъ Богъ“ (Дѣян. III, 493)! Первое засѣданіе собора кончилось глубокою ночью, при зажженныхъ уже свѣчахъ (Дѣян. III, 458. 554).

Вскорѣ затѣмъ, именно въ засѣданіи собора Халкидонскаго 13 октября, было приступлено къ болѣе подробному и обстоятельному суду надъ Діоскоромъ *). Первое разсмотрѣнное нами засѣданіе собора имѣло своею цѣлію не судъ надъ Діоскоромъ, а лишь изслѣдованіе, насколько законны или незаконны были дѣйствія собора Ефесскаго 449 года. Еслибы Діоскоръ подобно другимъ епископамъ, принимавшимъ участіе въ соборѣ разбойничьемъ, смиренно исповѣдалъ свою вину предъ отцами халкидонскими, нѣтъ сомнѣнія—онъ получилъ бы отъ милосердія отцевъ прощеніе, какъ получили его другіе участники тогоже собора Ефесскаго; но Діоскоръ пребывалъ упоренъ, почти презрительно относился къ собору Халкидонскому, и потому его поведеніе заслуживало особливаго суда отъ собора. Кромѣ этого, Діоскоръ, нисколько не скрываясь, прямо и рѣшительно заявлялъ предъ сонмомъ отцевъ халкидонскихъ о своемъ монофизитскомъ ученіи. Въ засѣданіи 8 октября, Діоскоръ въ горделивомъ самодовольствѣ своимъ еретическимъ ученіемъ говорилъ: „Флавіанъ осужденъ за то, что признавалъ два естества послѣ соединенія. Я же имѣю свидѣтельство святыхъ отцевъ, Аѳанасія, Григорія (Богослова) и Кирилла во многихъ мѣстахъ, что не должно признавать двухъ естествъ послѣ соединенія, но *одно* воплотившееся *естество Слова*. Я долженъ быть изверженъ вмѣстѣ съ отцами. Я защищаю догматы отцевъ, ни въ чемъ не отступаю отъ нихъ. Свидѣтельство

*) Еретикъ Евтихій соборомъ Халкидонскимъ почему-то оставленъ въ сторонѣ; извѣстно только, что послѣ собора этого Евтихій былъ сосланъ въ ссылку.

ихъ не просто, не какъ-нибудь, а въ книгахъ имѣю". При другомъ случаѣ Діоскоръ заявлялъ: „вотъ я утверждаю это: послѣ соединенія нѣтъ двухъ естествъ" (Дѣян. III, 237—245). Могъ ли соборъ щадить такого нераскаяннаго еретика? Судъ надъ Діоскоромъ былъ необходимъ еще потому, что Евсевій Дорилейскій, въ качествѣ лица потерпѣвшаго отъ этого архіепископа, вошелъ съ нарочитымъ прошеніемъ на соборъ, которымъ требовалъ законнаго разбирательства дѣйствій Діоскора въ отношеніи къ нему, Евсевію. Евсевій 13 октября вошелъ на соборъ съ жалобой на Діоскора, въ которой говорилось: „при производствѣ слѣдствія, т.-е. въ первомъ засѣданіи собора, мы, какъ извѣстно, уличили Діоскора въ томъ, что онъ не позволилъ мнѣ придти на соборъ, бывшій въ Ефесѣ митрополичьемъ городѣ и представить свои доказательства (противъ Евтихія), равно какъ не позволилъ воспользоваться вдвремя своими доказательствами и св. Флавіану, бывшему епископу константинопольскому, въ защищеніе котораго мы и составили эту просьбу, и что кромѣ того, онъ учинилъ всякую неправду въ отношеніи къ благочестію, къ священнымъ канонамъ и къ требованію законовъ. Прошу и припадаю къ св. собору—постановите, чтобы все учиненное противъ насъ не имѣло силы, т.-е. чтобы составленныя противъ насъ опредѣленія признаны были несправедливыми, и мы удержали бы санъ священства, у насъ отнятый; его же самого, Діоскора, просимъ подвергнуть наказаніямъ, чтобы въ продолженіе остальной жизни онъ служилъ примѣромъ для вразумленія всѣхъ, которые бы вздумали поступать подобно ему" (Дѣян. III, 556—557). При этомъ словесно Евсевій заявилъ: „прошу вызвать соперника моего ко мнѣ на лицо (Дѣян. III, 558). Просьба Евсевія принята была соборомъ. Наконецъ присоединились еще обстоятельства, которыя съ своей стороны требовали неизбѣжно суда надъ Діоскоромъ. Подана была цѣлая масса просьбъ на Діоскора клириками и даже однимъ міряниномъ изъ церкви александрійской, которою управ-

лялъ Діоскоръ. Эти новыя жалобы даютъ богатый матеріалъ для характеристики этого архіепископа. Передадимъ главнѣйшія черты, въ которыхъ описывается нравственный обликъ Діоскора въ сказанныхъ прошеніяхъ. Прежде другихъ истцевъ вошелъ на соборъ съ жалобой на Діоскора Ѳеодоръ діаконъ Александрійскій. „Діоскоръ, говорилъ истецъ въ прошеніи, безъ всякаго обвиненія исключилъ меня изъ клира, угрожая изгнать меня даже изъ Александріи не за что либо другое, какъ только за то, что я удостоился близости и благосклонности св. Кирилла. Его цѣлію было изгонять изъ города и даже лишать жизни не только родственниковъ Кирилла, но и близкихъ къ нему. Это человѣкъ, не чуждый убійствъ, не опасавшійся ни рубить чужіе лѣса, ни производить пожары, ни разрушать домы. Словомъ, говорилъ истецъ, онъ не святѣйшій, а лютѣйшій. Все это я готовъ, замѣчалъ онъ, доказать“ (Дѣян. III, 571—5). Другой истецъ, Исхиріонъ, тоже діаконъ александрійскій, въ своемъ прошеніи собору говорилъ слѣдующее о Діоскорѣ: „никто не избѣжалъ жестокости и безчеловѣчія Діоскора. У однихъ опустошены имѣнія вырубкою лѣса, у другихъ разрушены жилища; иные сосланы въ ссылку; иные разорены штрафомъ“. Затѣмъ истецъ указываетъ частные примѣры изъ дѣяній Діоскоровыхъ. „Вотъ что онъ сдѣлалъ съ пшеницей, которую императоръ прислалъ для церквей Ливіи—такъ какъ эта страна бѣдна и неурожайна:—эту пшеницу слѣдовало раздать по назначенію, чтобы изъ ней вопервыхъ приносима была безкровная жертва, а вовторыхъ странники и бѣдняки получали пропитаніе; между тѣмъ Діоскоръ не сдѣлалъ этого: онъ скупилъ эту пшеницу, а потомъ во время голода распродалъ ее по самымъ высокимъ цѣнамъ“. Истецъ приводитъ и другой частный примѣръ непотребствъ Діоскоровыхъ. „Ради спасенія своей души нѣкая жена, по имени Перистерія, по завѣщанію отказала большое количество денегъ монастырямъ, также страннопріимнымъ домамъ и пріютамъ для нищихъ. Діоскоръ же недовольный

тѣмъ, что она ничего не оставила на его лицо, устроилъ такъ, что деньги предоставлены были музыкантамъ и другимъ театральнымъ лицамъ"... Наконецъ истецъ жаловался, въ чемъ лично противъ него, Исхиріона, виноватъ Діоскоръ. „Діоскоръ запретилъ мнѣ служеніе. На мои бѣдныя имѣнія онъ выслалъ монаховъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ; строенія въ этихъ имѣніяхъ истреблены огнемъ, сады въ нихъ вырублены. Но неудовлетворившись этимъ, онъ посылаетъ противъ меня толпу церковниковъ или лучше сказать разбойниковъ, чтобы убить меня, а потомъ заключилъ меня въ смирительный домъ, гдѣ содержатся одни опозоренные" (Дѣян. III, 375—381). Послѣ этихъ двухъ истцевъ входитъ съ прошеніемъ на соборъ пресвитеръ Аѳанасій, родной племянникъ св. Кирилла Александрійскаго. Его жалобы на Діоскора многочисленны и особенно горьки. Аѳанасій доносилъ собору слѣдующее: „предъ своею смертію Кириллъ сдѣлалъ завѣщаніе, по которому много цѣннаго отказалъ изъ собственнаго своего имущества *) будущему послѣ него епископу, подъ клятвою прося его покровительствовать его роду и непричинять ему ни въ чемъ затрудненій. Но Діоскоръ не только не покровительствовалъ намъ, но и поступалъ съ нами совсѣмъ напротивъ, измышлялъ всякіе ковы противъ насъ. Въ началѣ же своего епископства подъ угрозою смерти онъ изгналъ меня и моего брата Павла изъ Александріи. И когда мы прибыли въ Константинополь въ надеждѣ найти себѣ помощь, то по проискамъ Діоскора мы заключены были подъ стражу и подвергнуты были различнымъ мученіямъ дотолѣ, пока не раздарили всего, что было у насъ недвижимаго. Когда же у насъ недоставало средствъ для удовлетворенія этихъ коварныхъ вымогательствъ, мы принуждены были войти въ сдѣлки съ ростовщиками. Въ темницѣ здѣсь отъ мученій, жаловался Аѳанасій, умеръ братъ мой. Я, наши тетки, жена и дѣти умершаго брата,

*) Св. Кириллъ происходилъ отъ богатой александрійской фамиліи.

оставались въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Домы наши въ Александріи Діоскоръ отнялъ у насъ и устроилъ изъ нихъ церкви; лишилъ меня пресвитерства; ограбилъ деньги принадлежащія моимъ теткамъ, сестрамъ св. Кирилла, и дѣтямъ моего брата. И вотъ семь лѣтъ, говорилъ Аѳанасій, мы живемъ скитаясь съ мѣста на мѣсто" (Дѣян. III, 583—7). Послѣднимъ истцемъ противъ Діоскора былъ міранинъ александрійскій Софроній. Онъ жаловался въ своемъ прошеніи на то, что когда одинъ изъ александрійскихъ начальниковъ, Макарій, отнялъ у него, Софронія, жену, Діоскоръ не только не принималъ къ сердцу его бѣды, но даже, когда Софроній ходатайствовалъ въ Константинополѣ объ изслѣдованіи этого дѣла, ограбилъ его (Дѣян. III, 588—92). Подобно первому истцу и всѣ остальные истцы объявляли, что они имѣютъ свидѣтелей противъ Діоскора. Всѣ эти прошенія приняты были соборомъ.

Положено было пригласить Діоскора для личнаго оправданія; но Діоскоръ, несмотря на троекратный призывъ явиться на соборъ, отказался послѣдовать приказанію собора. Сначала онъ отговаривался въ своемъ отказѣ тѣмъ, что онъ состоитъ подъ стражей; но когда депутаты, посылаемые отъ собора къ Діоскору, узнали, что онъ совершенно свободенъ, о чемъ и заявлено было ему, Діоскоръ указывалъ новый предлогъ, почему онъ не хочетъ явиться на соборъ: онъ требовалъ, чтобы дѣло его разсматривалось въ присутствіи императорскихъ сановниковъ, чего однакожь допустить было нельзя, такъ какъ судъ надъ епископомъ былъ дѣломъ чисто церковнымъ; наконецъ онъ отказывался послѣдовать приказу собора, ссылаясь на свою болѣзнь, и когда ему было замѣчено, что онъ ранѣе ничего не говорилъ о своей болѣзни, Діоскоръ сталъ требовать, чтобы вмѣстѣ съ нимъ судились и другіе представители разбойничьяго собора (Дѣян. III, 560—3; 566—8; 596).

Соборъ произноситъ свой приговоръ надъ Діоскоромъ. Папскій легатъ Пасхазинъ, обращаясь къ отцамъ собора

сказалъ: „соборъ узналъ, что епископъ Діоскоръ вызванный три раза къ отвѣту своимъ обвинителямъ, сознавая себя виновнымъ, презрѣлъ приказаніе собора придти сюда. Пусть святые отцы объявятъ своими устами, чего достоинъ презирающій такимъ образомъ волю собора“! Соборъ на это отвѣтилъ: „осужденія, положеннаго канонами противъ непокорливыхъ“. Затѣмъ всѣ отцы собора поодиночкѣ выразили свое осужденіе на Діоскора (Дѣян. III, 599—603). Объ этомъ приговорѣ надъ Діоскоромъ соборъ далъ знать императору и императрицѣ, говоря въ посланіи: „чрезъ васъ совершилось теченіе апостольскаго ученія, ревностію вашей любви къ Богу разсѣянъ мракъ невѣдѣнія; нѣтъ болѣе у насъ вредныхъ плевелъ еретической заразы; чрезъ васъ наши овчарни (церкви) наполняются стадами вѣрныхъ; возвращены пастыри овцамъ, а учители ученикамъ; ибо тотъ, кто разсѣвалъ стада, обузданъ (Діоскоръ), гонителъ укрощенъ, виновникъ бури низверженъ, и самый корабль (вся Церковь) возобновилъ свое теченіе“ (Дѣян. III, 670) *).

*) Діоскоръ и послѣ осужденія своего продолжалъ считать и именовать себя архіепископомъ (Дѣян. III, 665). Также смотрѣли на него и нѣкоторые приверженные къ нему египетскіе архимандриты (Дѣян. IV, 65). О дальнѣйшей судьбѣ Діоскора извѣстно, что онъ сосланъ былъ на жительство въ городъ Гангры (Исторія Евагрія кн. 2, гл. 5).

В. ДОГМАТИЧЕСКІЯ ПРЕНІЯ И ВѢРООПРЕДѢЛЕНІЕ.

Содержаніе догматическаго посланія папы Льва. — Пренія о томъ, необходимо ли составлять вѣроопредѣленіе.—Взгляды на достоинство посланія Льва.—Случай съ египетскими епископами.— Обстоятельства составленія вѣроопредѣленія на соборѣ.—Вѣроопредѣленіе.—Торжественное утвержденіе вѣроопредѣленія. — Императорскіе указы въ пользу православія и противъ монофизитства.

Соборъ разбойничій 449 года отвергнутъ и осужденъ; Діоскоръ Александрійскій, глава этого собора, низвергнутъ и лишенъ святительства—это первая, важная въ отношеніи къ исторіи ереси монофизитской, сторона дѣятельности собора Халкидонскаго; но это лишь сторона отрицательная въ дѣятельности собора. Другую сторону весьма существенную въ отношеніи къ тойже ереси и въ отношеніи къ исторіи догматическаго ученія Церкви составляетъ раскрытіе истиннаго вѣроученія на этомъ соборѣ, какое требовалось догматическими спорами того времени; это сторона положительная и важнѣйшая въ дѣяніяхъ собора. Къ ней и обратимся теперь.

Но прежде чѣмъ раскрыть, въ чемъ состояли, при какихъ условіяхъ происходили догматическія пренія на соборѣ и при какихъ условіяхъ совершилось составленіе вѣроопредѣленія на немъ, должно изложить содержаніе догматическаго посланія папы Льва *). Это падлежитъ

*) Исторія догматическаго посланія Льва такова: оно написано было еще до собора разбойничьяго на имя архіепископа констан-

сдѣлать по слѣдующимъ причинамъ. Во первыхъ, самый соборъ смотрѣлъ на это посланіе съ особеннымъ уваженіемъ и имъ главнѣйше руководился въ составленіи вѣроопредѣленія. Позднѣе въ своемъ вѣроопредѣленіи соборъ такъ говорилъ объ этомъ посланіи: „посланіе Льва, это какъбы нѣкій общій столпъ противъ зломыслящихъ, для утвержденія православныхъ догматовъ; потому что оно поражаетъ тѣхъ, которые стараются раздѣлить таинство домостроительства на два сына (несторіане), и изгоняетъ изъ священнаго состоянія тѣхъ, которые дерзаютъ говорить, что божество Единороднаго страдательно, и выдумываютъ сліяніе и смѣшеніе двухъ естествъ Христа" (монофизиты) (Дѣян. IV, 108). Во вторыхъ, всѣ пренія догматическія на соборѣ вращаются около посланія Льва, такъ что безъ достаточнаго знакомства съ нимъ не яснымъ остается все, въ чемъ выразилась соборная дѣятельность Церкви по даннымъ вопросамъ догматическимъ.

Догматическое посланіе Льва есть всестороннее разоблаченіе заблужденій монофизитскихъ. Вотъ главныя мысли посланія: 1) по мнѣнію Льва эти заблужденія прямо противорѣчатъ символу Никейскому. Въ символѣ сказано: „вѣруемъ въ І. Христа, Единороднаго Сына Его, Господа нашего, родившагося отъ Духа Святаго и Маріи Дѣвы". Поясняя эти слова, Левъ говоритъ: „вѣчнаго Отца Единородный Сынъ родился отъ Св. Духа и Дѣвы Маріи. Онъ зачался отъ Духа Святаго во чревѣ Матери Дѣвы, которая какъ зачала Его, пребывъ Дѣвою, такъ и родила Его. Мы не могли бы побѣдить виновника грѣха и смерти, еслибы нашего естества не воспринялъ и не усвоилъ Тотъ, Котораго ни грѣхъ не можетъ уязвить, ни смерть удержать

тинопольскаго Флавіана; по интригамъ Діоскора не было прочитано на соборѣ разбойничьемъ, несмотря на требованіе папскихъ легатовъ и епископовъ православныхъ; соборомъ Халкидонскимъ оно принято съ почтеніемъ и прочитано было на второмъ засѣданіи собора въ качествѣ образца вѣроученія. Помѣщено въ Дѣян. т. III. стр. 516—531.

въ своей власти“ (Дѣян. III, 517—18). 2) Монофизитское лжеученіе ясно опровергается свидѣтельствомъ священнаго Писанія. „Пусть бы Евтихій обратился къ ученію евангельскому, говоритъ Левъ, гдѣ Матѳей говоритъ: *книга родства I. Христа, сына Давидова, сына Авраамля* (Мѳ. 1, 1); пусть бы приступилъ онъ къ книгамъ пророческимъ и нашелъ бы обѣтованіе, данное Аврааму: *благословятся о сѣмени Твоемъ вси языцы* (Быт. 22, 17); поискалъ бы тѣ наставленія въ проповѣди апостольской, именно въ посланіи къ Римлянамъ: *Павелъ, рабъ Іисусъ Христовъ... избранъ въ благовѣстіе Божіе... о Сынѣ своемъ бывшемъ отъ сѣмени Давидова по плоти* (Рим. 1, 1—3). Тогда не сталъ бы говорить пустословія, будто Слово стало плотію такъ, что Христосъ рожденный изъ дѣвической утробы имѣлъ образъ человѣка, а не имѣлъ истиннаго тѣла матери“. При этомъ Левъ съ замѣчательною выразительностію описываетъ истинныя свойства того человѣчества, какое принялъ на себя Христосъ. „Истинный Богъ, говоритъ онъ, родился въ подлинномъ и совершенномъ естествѣ истиннаго человѣка; Всецѣлый въ своемъ, всецѣлъ въ нашемъ. Нашимъ же называется то, что Творецъ положилъ въ насъ въ началѣ и что Онъ восхотѣлъ возвратить намъ. Въ Спасителѣ не было и слѣда того, что привнесъ въ человѣка искуситель, и что прельщенный человѣкъ допустилъ въ себѣ“. Въ связи съ разъясненіемъ характера человѣчества Христа, Левъ излагаетъ свои мысли и о томъ важномъ вопросѣ, какъ въ лицѣ Христа соединены между собою два естества. Эту истину онъ объясняетъ такъ: „во Христѣ оба естества сохраняютъ свои свойства безъ всякаго ущерба. Какъ образъ Божій не уничтожаетъ образа раба, такъ и образъ раба не уничтожаетъ образа Божія. И если уничиженіе человѣка и величіе Божества взаимно соединились, то въ этомъ единствѣ нѣтъ никакого превращенія. Ибо какъ Богъ не измѣняется чрезъ милосердіе, такъ человѣкъ не уничтожается чрезъ прославленіе. Каждое изъ двухъ естествъ въ со-

эдиненіи съ другимъ дѣйствуетъ такъ, какъ ему свойственно: Слово дѣлаетъ свойственное Слову, а плоть исполняетъ свойственное плоти. Одно сіяетъ въ чудесахъ, другое подлежитъ страданію" (Дѣян. III, 519-523). 3) Кромѣ тѣхъ доказательствъ истиннаго человѣчества Христа, какія извлекаетъ папа Левъ изъ символа и священнаго Писанія, цѣлый рядъ доказательствъ въ пользу тойже истины онъ находитъ въ исторіи, въ фактахъ земной жизни Христа. Пользуясь этими фактами, папа пишетъ: „младенчество отрочати (человѣка) свидѣтельствуется бѣдными пеленами; новорожденному сыну человѣческому подобенъ Тотъ, Кого Иродъ хочетъ умертвить; какъ человѣкъ, Христосъ приходитъ принять крещеніе отъ Предтечи Іоанна; далѣе, Его какъ человѣка искушаетъ діавольское коварство; алкать, жаждать, утруждаться и спать очевидно свойственно человѣку; плакать изъ сострастія по умершемъ другѣ дѣло естества человѣческаго; висѣть на древѣ, быть пригвожденнымъ ко кресту опять дѣло тогоже естества; по воскресеніи же Господа, которое конечно есть воскресеніе истиннаго тѣла, такъ какъ не иной кто воскресъ, а тотъже, кто былъ распятъ и умеръ, что иное дѣлалось въ продолженіе сорокодневнаго Его пребыванія на землѣ, какъ не то, чтобы чистота вѣры нашей (въ Его человѣчество) была свободна отъ всякаго мрака? Такъ Онъ то обращался и ѣлъ съ учениками своими, а тѣхъ изъ нихъ, которыхъ безпокоило сомнѣніе, допустилъ осязать себя нарочитымъ осязаніемъ; то показывалъ рану въ боку своемъ и язвы отъ гвоздей и всѣ знаки недавняго страданія,—и все это для того, чтобы убѣдить, что Слово не тоже, что плоть" (Дѣян. III, 524—7). 4) Наконецъ Левъ въ посланіи входитъ въ тщательный разборъ самаго ученія Евтихіева, и опровергаетъ его. Левъ пишетъ: „Евтихій въ Единородномъ Сынѣ не признаетъ нашего естества ни въ уничиженіи смерти, ни въ славѣ воскресенія. Но если онъ не считаетъ креста Господня за призракъ и несомнѣвается, что страданіе, воспринятое для спасенія міра, было

истинное, то онъ долженъ признать и плоть Того, смерти Котораго онъ вѣруетъ. Пусть не говоритъ онъ, что не нашего тѣла былъ Тотъ человѣкъ, Котораго самъ признаетъ страдавшимъ, ибо отрицаніе истинной плоти есть отрицаніе и страданія плоти" (Дѣян. III, 527—28).

Первое засѣданіе собора, съ цѣлію утвержденія истиннаго вѣроученія вопреки монофизитству, происходило 10 октября. Бывшіе на этомъ засѣданіи, императорскіе сановники, открыли его слѣдующими словами, намѣчавшими, въ чемъ состояла задача собора въ данномъ отношеніи. „Нынѣ должно изслѣдовать, разсудить и стараться о томъ, говорили они, чтобы утвердить истинную вѣру, ради которой и сошелся соборъ. Поэтому потщитесь безъ страха, безъ угодливости и вражды изложить вѣру въ чистотѣ, такъ чтобы и тѣ, кои оказываются мудрствующими не одинаково со всѣми, приведены были при видѣ истины къ единенію" (Д. III, 509. 510). Этимъ давалась собору полная свобода догматическихъ преній: каждый могъ свободно высказывать все, что имѣлъ на душѣ и умѣ по вопросу. Соборъ однакожь въ лицѣ нѣкоторыхъ членовъ находитъ подобную постановку дѣла неправильною или по крайней мѣрѣ излишнею. Пренія о догматахъ подобнымъ лицамъ казались ни желательными, ни нужными. Въ отвѣтъ на указанныя слова императорскихъ сановниковъ одинъ изъ членовъ собора епископъ Кекропій сказалъ: „Относительно евтихіанскаго вопроса данъ уже образецъ папою Львомъ" (въ посланіи догматическомъ). Съ заявленіемъ этого епископа согласились и многіе другіе епископы, воскликнувъ: „всѣ мы довольны объясненіями, данными папою Львомъ". Но императорскіе сановники и послѣ этого продолжали поддерживать свой взглядъ и, настаивая на своемъ прежнемъ мнѣніи, объявили: „пусть патріархъ каждой церковной области, избравши каждый по одному или по два изъ подчиненныхъ имъ епископомъ, выйдутъ на средину и сообща разсудятъ о вѣрѣ, и свое мнѣніе предъявятъ всѣмъ, дабы, въ случаѣ если всѣ согласят-

ся, прекратились всякія недоумѣнія, а если нѣкоторые будутъ думать иначе, то пусть будутъ предъявлены и ихъ мнѣнія". При этомъ мнѣніи епископы опять объявили: „не должно составлять новаго письменнаго вѣроопредѣленія". Такимъ образомъ открылись двѣ совершенно различныя точки зрѣнія на вопросъ: слѣдуетъ или не слѣдуетъ быть преніямъ и новому вѣроизложенію. Одни вопросъ рѣшали прямо положительно, другіе отрицательно. Одинъ изъ епископовъ, Флоренцій, высказалъ еще мнѣніе, которое было среднимъ между двумя первыми, какъ рѣшительно противоположными. Онъ сказалъ: „Хотя можно бы довольствоваться существующими уже изложеніями, въ особенности изложеніемъ Льва, однакожь если нужно новое вѣроопредѣленіе, то для составленія онаго нуженъ болѣе или менѣе продолжительный срокъ, чтобы мы могли съ надлежащею обдуманностію подойти къ истинѣ дѣла". Какъ можно догадываться изъ послѣдующаго хода дѣлъ на соборѣ, это мнѣніе Флоренція перевѣсило другія: поступлено было такъ, какъ онъ думалъ. Конецъ спорамъ по вопросу: быть или не быть новому вѣроопредѣленію, положилъ епископъ Кекропій. Съ своей точки зрѣнія, т.-е. что совершенно достаточно тѣхъ вѣроопредѣленій, какія уже существуютъ, Кекропій предложилъ собору прочесть главнѣйшія изъ тѣхъ вѣроопредѣленій, какія уже существовали въ Церкви. Это мнѣніе принято было соборомъ (Д. III, 510—11). Были прочитаны символы Никейскій и Константинопольскій (II вс. собора), посланіе Льва, и нѣкоторыя посланія Кирилла Александрійскаго. Но при этомъ-то чтеніи и открылось во всей ясности, какъ мало основательности во мнѣніи о ненадобности новаго вѣроопредѣленія. Открылось, что не всѣ принимаютъ прочитанные документы одинаково охотно. По крайней мѣрѣ не всѣ выражали свое согласіе съ посланіемъ папы Льва, а это главное, потому что посланіе Льва именно написано по случаю ереси монофизитской. Въ самомъ дѣлѣ, между тѣмъ какъ одни находили посланіе Льва образцовымъ, не подлежа-

щимъ ни малѣйшему сомнѣнію, почему и восклицали: „это вѣра отеческая, это вѣра православныхъ, благочестиво и истинно училъ Левъ“ (Д. III, 541—2), другимъ казались нѣкоторыя мѣста этого посланія недостаточно точно выражающими истину, сомнительными, ведущими къ несторіантству. И хотя истинный смыслъ этихъ сомнительныхъ мѣстъ разъясненъ былъ соборомъ чрезъ сличеніе ихъ съ подобными же мѣстами изъ писаній св. Кирилла (Д. III, 542—3), тѣмъ не менѣе на вопросъ, затѣмъ послѣдовавшій со стороны императорскихъ сановниковъ: „всѣ ли теперь не сомнѣваются въ чистотѣ и правильности вѣры Льва, изложенной въ его посланіи“, — одинъ изъ епископовъ—Аттикъ—отъ лица другихъ епископовъ заявилъ, что онъ проситъ, чтобы ему вмѣстѣ съ нѣсколькими другими епископами данъ былъ срокъ изъ нѣсколькихъ дней для болѣе спокойнаго и точнаго обсужденія посланія Льва. На это нѣкоторые епископы замѣтили: „что если уже нужно дать срокъ, то пусть всѣ епископы сообща примутъ участіе въ этомъ обсужденіи“. Вопросъ въ настоящемъ случаѣ рѣшили императорскіе сановники, назначивъ пятидневный срокъ для обсужденія дѣла и объявивъ: „нѣтъ нужды всѣмъ вамъ собираться; пусть Анатолій архіепископъ константинопольскій изберетъ изъ числа другихъ епископовъ такихъ, которыхъ онъ сочтетъ наиболѣе способными вразумить сомнѣвающихся“ (Д. III, 544—545). А такими сомнѣвающимися были: епископы иллирійскіе и палестинскіе (Д. III, 542) *). На этомъ засѣданіе и кончилось.

*) Кромѣ иллирійскихъ и палестинскихъ епископовъ, какъ оказалось въ послѣдствіи, сомнѣвающимися по поводу посланія Льва были и египетскіе епископы, почему-то не участвовавшіе въ этомъ засѣданіи. Замѣчательно, что сомнѣвающимися оказались тѣ самые епископы, которые съ начала собора занимали-было отдѣльное отъ остальнаго собора мѣсто на правой сторонѣ залы, гдѣ было засѣданіе, и которые не тотчасъ согласились на осужденіе собора разбойничьяго, о чемъ мы имѣли случай сказать.

Слѣдующее засѣданіе для разсужденій о вѣрѣ состоялось 17 октября, какъ скоро кончился пятидневный срокъ, назначенный для убѣжденія сомнѣвающихся епископовъ въ чистотѣ вѣры, изложенной въ посланіи Льва. Засѣданіе открыто вопросомъ императорскихъ сановниковъ: „Итакъ пусть соборъ скажетъ, что положилъ онъ касательно вѣры?“ Пасхазинъ, папскій легатъ, отъ лица собора выразилъ мысль, что соборъ какъ подтвердилъ вѣру вселенскихъ соборовъ Никейскаго, Константинопольскаго и Ефесскаго, такъ и убѣдился въ правильности мнѣній высказанныхъ въ посланіи Льва. Тогда сановники потребовали, чтобы всѣ епископы по порядку поклялись предъ святымъ Евангеліемъ, что они дѣйствительно считаютъ посланіе Льва согласнымъ съ вѣроученіемъ соборовъ Никейскаго и Константинопольскаго (Д. IV, 10. 11). И дѣйствительно, открылось, что не только всѣ епископы, доселѣ ни мало не сомнѣвавшіеся въ святости убѣжденій папы Льва, подтвердили это, но тоже сдѣлали и епископы, высказывавшіе сомнѣніе въ данномъ случаѣ, каковы епископы Иллиріи и Палестины. Такъ одинъ изъ иллирійскихъ епископовъ отъ лица епископовъ этой страны заявилъ: „мы вполнѣ увѣрены, что папа Левъ вполнѣ православенъ, ибо когда мы по опредѣленію собора прибыли къ архіепископу великаго Константинополя, т.-е. во время пятидневнаго срока, о которомъ мы упоминали выше,—желая увѣриться въ томъ, въ чемъ мы не много сомнѣвались, то мы нашли, что легаты были вполнѣ готовы разъяснить сомнѣніе: намъ объяснили, что̀ фраза говорила темно и неопредѣленно. Они анаѳематствовали всякаго человѣка, отдѣлявшаго отъ божества плоть Господа нашего Іисуса Христа (т.-е. мыслящихъ по-несторіански). Посему мы согласились съ посланіемъ Льва и подписали его“. Всѣ другіе епископы изъ Иллиріи тоже сказали: „всѣ мы подали такой же голосъ, съ которымъ всѣ мы согласны“ (Д. IV, 30—32). Такое же согласіе съ посланіемъ Льва заявили и епископы палестинскіе, относившіеся доселѣ къ нему

также, какъ и иллирійскіе. Одинъ изъ этихъ епископовъ отъ лица прочихъ сказалъ собору: „нѣкоторыя слова въ посланіи Льва были намъ противны, какъ допускающія, для желающихъ такъ мыслить, раздробленіе и раздѣленіе въ Господѣ Іисусѣ (несторіанство); относительно этихъ выраженій мы сначала сомнѣвались, но услышавъ отъ легатовъ, что они не допускаютъ никакого раздѣленія въ Іисусѣ Христѣ, мы согласились съ посланіемъ и подписали оное, и заявляемъ теперь объ этомъ для пользы всего міра“ (Д. IV, 32—34). Послѣ того какъ кончился сборъ отдѣльныхъ голосовъ по вопросу о посланіи Льва, всѣ епископы единодушно восклицали: „всѣ мы согласны, всѣ также вѣруемъ, всѣ также мудрствуемъ“ (Д. IV 47). На этомъ же засѣданіи отцамъ собора случилось убѣдиться, что и египетскіе епископы принадлежатъ къ числу лицъ, высказывавшихъ сомнѣніе относительно посланія Льва. Это было по такому случаю: названные епископы, числомъ 13, обратились къ императору съ изложеніемъ своего вѣроисповѣданія; императоръ, какъ и слѣдовало ожидать, передалъ исповѣданіе это собору для его обсужденія. Но въ исповѣданіи между именами еретиковъ, которыхъ проклинали египетскіе епископы, не было имени Евтихія (Дѣян. IV, 50—51). Этимъ фактомъ, соборъ въ справедливомъ подозрѣніи былъ крайне недоволенъ; епископы говорили: „почему они не анаѳематствовали ученіе Евтихія,—они подали исповѣданіе съ коварствомъ, они хотѣли насмѣяться надъ нами и уйдти“. Другіе епископы при этомъ прибавили: „соборъ былъ ради Евтихія, и не ради чего иного; римскій архіепископъ писалъ ради его. Мы согласились съ посланіемъ, пусть согласятся и они“. На требованіе произнести анаѳему на Евтихія, египетскіе епископы, когда увидѣли, что имъ нѣтъ возможности избѣжать подобнаго произнесенія, сначала кажется не совсѣмъ искренне и рѣшительно отвѣчали: „если кто иначе учитъ, чѣмъ какъ объяснено нами въ исповѣданіи, будь то Евтихій или кто другой, да будетъ анаѳема“. Потомъ, вслѣд-

ствіе особенной настойчивости собора, они наконецъ произнесли и прямо анаѳему на Евтихія (Дѣян. IV, 52. 54). Что же касается до признанія посланія Льва и согласія съ нимъ, то египетскіе епископы всячески отказывались выразить свое мнѣніе. „Относительно посланія Льва, говорили они, мы ничего не можемъ высказать, ибо вы знаете, что всѣ мы, египетскіе епископы, по правиламъ Никейскаго собора подчинены архіепископу Александрійскому и что мы никакъ не можемъ поступить безъ сужденія названнаго архіепископа“. А такъ какъ, замѣтимъ, съ осужденіемъ Діоскора въ Александріи не было архіепископа, то подъ этимъ предлогомъ епископы египетскіе и надѣялись избѣжать подписанія посланія Льва. Напрасно отцы собора старались вразумить уклоняющихся, напрасно внушали имъ, что нельзя придавать одному лицу, хотя бы то былъ и архіепископъ александрійскій, больше значенія, чѣмъ самому собору вселенскому, что они, тринадцать епископовъ, не могутъ давать предписаній собору состоявшему изъ 600 членовъ, устами которыхъ говорятъ епископы всего свѣта и голосъ которыхъ для нихъ долженъ быть безусловно обязателенъ; напрасно представляли имъ, что исполняя требуемое, они исполнятъ это лишь отъ своего лица, а не отъ лица цѣлаго округа: египетскіе епископы стояли на своемъ. Соборъ, видя такую настойчивость и упорство епископовъ египетскихъ и не желая въ тоже время принимать противъ нихъ крутыхъ мѣръ, рѣшилъ наконецъ отправить ихъ въ Константинополь, гдѣ они и должны были, какъ хотѣли того, дожидаться избранія новаго архіепископа александрійскаго, а въ удостовѣреніе что они до того времени неоставятъ Константинополя, имъ предложено или представить поручительство за себя, или дать клятву (Дѣян. IV, 55. 58). Итакъ епископы египетскіе одни изъ всѣхъ членовъ собора не подписали посланія Льва папы римскаго.

Такимъ образомъ первый шагъ къ опредѣленію истиннаго догматическаго ученія, хотя и не безъ затрудненій,

сдѣланъ. Члены собора единодушно рѣшили наконецъ принять посланіе Льва за норму, образецъ ученія, въ сообразность съ которымъ и надлежало теперь составить формулу вѣроученія, которая бы съ одной стороны выражала истинное воззрѣніе Церкви на лицо Христа и соединеніе въ Немъ двухъ естествъ, съ другой направлялась бы противъ монофизитской ереси. Подобная формула дѣйствительно составлена была особою коммиссіею, выбранною соборомъ; но неизвѣстно, при какихъ условіяхъ составилась эта коммиссія и кто были членами ея. Но утвержденіе этой формулы на соборѣ, содержаніе которой для насъ неизвѣстно, породило сначала споры въ членахъ собора *). Это происходило на засѣданіи собора 21 октября, имѣющемъ особенно важное значеніе въ исторіи Халкидонскаго собора. Дѣло было такъ. Засѣданіе было открыто словами императорскихъ сановниковъ: „прикажите объявить, что̀ опредѣлено о вѣрѣ“. Затѣмъ прочтено было опредѣленіе о вѣрѣ, составленное ранѣе. Лишь только кончилось чтеніе вѣроопредѣленія, какъ одни стали выражать свое удовольствіе въ отношеніи къ нему, другіе хулили оное. Одни взывали: „опредѣленіе всѣмъ нравится; это вѣра отцевъ, мудрствующій противно этому—еретикъ“. Другіе напротивъ говорили: „не хорошо составлено опредѣленіе и должно быть исправлено“. Напрасно Анатолій архіепископъ константинопольскій указывалъ на то, что наканунѣ епископы всѣ одобряли формулу о вѣрѣ,—распря не прекращалась. Между недовольными формулой были

*) Формула эта не внесена самимъ соборомъ въ „Дѣянія“. По всей вѣроятности она выработана была коммиссіею, составившеюся вслѣдъ за вторымъ засѣданіемъ, послѣ того какъ императорскіе сановники выразили требованіе о необходимости составить новое вѣроизложеніе. Извѣстный ученый Гефеле въ „Исторіи соборовъ“ дѣлаетъ предположеніе, что во главѣ коммиссіи стоялъ Анатолій архіепископъ константинопольскій; свое мнѣніе Гефеле подтверждаетъ тѣмъ, что Анатолій съ особеннымъ жаромъ отстаивалъ формулу, о которой мы говоримъ, на соборѣ (Band II, s. 446. Ausgabe 1856).

и римскіе легаты; имъ повидимому представлялось прочитанное вѣроопредѣленіе несогласнымъ съ посланіемъ Льва. Легаты говорили: „если не соглашаются съ посланіемъ блаженнѣйшаго Льва, то прикажите дать намъ грамоты на возвращеніе, и этимъ соборъ окончится“. Видя такое несогласіе, императорскіе сановники предложили было отцамъ собора избрать изъ себя нѣсколько членовъ, при чемъ должны быть представители изъ всѣхъ округовъ,—составить изъ нихъ новую коммисію, которая бы приняла на себя задачу пересмотрѣть вѣроопредѣленіе въ молельнѣ *) храма св. Евфиміи. Но на это новое обсужденіе опредѣленія рѣшительно не соглашались тѣ изъ епископовъ, которымъ это опредѣленіе нравилось. Они восклицали: „Св. Духъ диктовалъ опредѣленіе; опредѣленіе православно; пусть сейчасъ будетъ подписано опредѣленіе, опредѣленіе содержитъ въ себѣ все“! (Дѣян. IV, 96—100). Тогда императорскіе сановники увидѣли, что привести соборъ къ соглашенію трудно, и рѣшили доложить объ этомъ императору Маркіану, который въ это время былъ въ Халкидонѣ. Полученъ былъ отвѣтъ отъ императора на имя собора. Въ этомъ отвѣтѣ императоръ становится на сторону тѣхъ, кто требовалъ пересмотра вѣроопредѣленія, и предлагаетъ два способа, посредствомъ которыхъ можно сдѣлать это; если же соборъ не приметъ предложенія, то императоръ высказываетъ мысль о распущеніи собора, пока не будетъ собранъ новый соборъ въ другомъ мѣстѣ. Вотъ отвѣтъ импаратора: „императоръ повелѣлъ, чтобы или составилась новая коммиссія для пересмотра опредѣленія изъ представителей всѣхъ

*) Церковный историкъ Евагрій (кн. 2, гл. 3) говоритъ: „съ сѣверной стороны главнаго храма св. Евфиміи (гдѣ происходилъ соборъ Халкидонскій) была устроена ротонда, внутри обставленная искусно отдѣланными колоннами. На нихъ (колоннахъ) возвышается горница, чтобы желающіе могли оттуда *молиться* мученицѣ“. Навѣрное можно думать, что эта-та горница и называется въ „Дѣяніяхъ“ Халкидонскаго собора *молельней* храма Евфиміи.

церковныхъ округовъ, въ молельнѣ храма, такъ чтобы всѣ согласились и не осталось ничего сомнительнаго; или, если это неугодно, чтобы каждый епископъ чрезъ своего митрополита объявилъ свою вѣру, дабы подобнымъ образомъ не оставалось никакого сомнѣнія или разногласія; если же и это неугодно будетъ членамъ собора, да будетъ извѣстно, что въ западныхъ странахъ имѣетъ быть новый соборъ, такъ какъ члены собора не приходятъ къ безсомнительному постановленію объ истинной православной вѣрѣ". Въ первыя минуты и это рѣшеніе императора не могло прекратить разногласія. Не желавшіе исправленія вѣроопредѣленія восклицали: „или пусть имѣетъ силу опредѣленіе, или мы уйдемъ; просимъ перечитать опредѣленіе; тѣ, которые противорѣчатъ и не подписываютъ, пусть уходятъ; мы согласны съ тѣмъ, что хорошо опредѣлено"! Но здѣсь вмѣшиваются въ пренія императорскіе сановники и съ замѣчательнымъ успѣхомъ склоняютъ несоглашающихся съ волею императора, согласиться наконецъ на пересмотръ опредѣленія. Они предложили слѣдующій вопросъ членамъ собора, который всѣхъ побудилъ согласиться на требуемое: „Діоскоръ говоритъ: выраженіе: *изъ двухъ естествъ* принимаю, но: *два естества* не принимаю. Папа же Левъ говоритъ, что во Христѣ *два естества* соединены неслитно, и неизмѣнно, и нераздѣльно. Итакъ: кому слѣдуете, святѣйшему Льву или Діоскору"? На этотъ вопросъ конечно возможенъ былъ одинъ отвѣтъ, который и водворилъ вожделѣнное единодушіе во всѣхъ членахъ собора. „Какъ Левъ, такъ и мы вѣруемъ, воскликнули въ одинъ голосъ отцы, противорѣчащіе—евтихіанисты, Левъ изложилъ православно". Тогда императорскіе сановники сказали съ торжествомъ: „итакъ прибавьте къ опредѣленію по мысли святѣйшаго Льва, что во Христѣ два естества соединены неизмѣнно, нераздѣльно и неслитно". Отсюда видно, что именно этихъ-то словъ и недоставало въ опредѣленіи, изъ-за нихъ вышло и разногласіе. Когда единеніе водворилось, соборъ единодушно потре-

бовалъ, чтобы составилась коммиссія изъ нѣкоторыхъ отцевъ собора для необходимой поправки въ опредѣленіи. Коммиссія дѣйствительно была составлена и тотчасъ сдѣлала чтò нужно было, и внесла на соборъ измѣненное вѣроопредѣленіе, которое немедленно и было прочтено (Дѣян. IV, 100—103). Императорскіе сановники сказали: „да благоволитъ св. соборъ, утверждающій вѣру, выслушать, чтò опредѣлено сошедшимися св. отцами, истолковавшими опредѣленіе вѣры". Самое вѣроопредѣленіе состояло изъ нѣкотораго рода введенія, затѣмъ изъ символовъ Никейскаго и Константинопольскаго; далѣе послѣ замѣчаній о появленіи и характерѣ ересей Несторія и Евтихія, соборъ изложилъ свое мнѣніе относительно спорнаго вопроса о соединеніи двухъ естествъ во Христѣ, въ слѣдующихъ словахъ:

„Итакъ послѣдуя святымъ отцамъ, всѣ согласно поучаемъ исповѣдывать одного и тогоже Господа нашего Іисуса Христа, совершеннаго въ Божествѣ и совершеннаго въ человѣчествѣ, истинно Бога и истинно человѣка, тогоже изъ души разумной и тѣла, единосущнаго Отцу по божеству и тогоже единосущнаго намъ по человѣчеству, во всемъ подобнаго намъ, кромѣ грѣха,— одного и тогоже Христа, Сына, Господа, единороднаго, въ двухъ естествахъ, неслитно, неизмѣнно и нераздѣльно, неразлучно познаваемаго, такъ что соединеніемъ нисколько не нарушается различіе двухъ естествъ, но тѣмъ болѣе сохраняется свойство каждаго естества и соединяется въ одно лицо, въ одну ипостась".

Наконецъ отцы въ своемъ опредѣленіи полагаютъ запрещеніе: или составлять, или проповѣдывать иную вѣру, или мудрствовать иначе, или другой вѣрѣ учить коголибо. По прочтеніи опредѣленія всѣ члены собора воскликнули: „Это вѣра отцевъ, это вѣра апостоловъ, митрополиты пусть подпишутся тотчасъ, съ нею всѣ мы согласны, всѣ такъ мудрствуемъ". О составившемся вѣро-

опредѣленіи было возвѣщено императору Маркіану (Дѣян. IV, 103—110).

Въ слѣдующемъ затѣмъ засѣданіи 25 октября произошло торжественное утвержденіе вѣроопредѣленія, въ присутствіи самого императора Маркіана, императрицы Пульхеріи и многочисленной и блестящей ихъ свиты. Въ началѣ засѣданія императоръ сказалъ рѣчь къ собору, въ которой между прочимъ говорилъ: „въ недавнее время открылись нѣкоторые, одни по жадности къ деньгамъ, а другіе по худымъ пристрастіямъ, мудрствующіе разное и излагающіе предъ толпою ученія, полныя вредныхъ заблужденій. Желая уврачевать зло, мы собрали святый вашъ соборъ въ увѣренности, что отъ вашихъ трудовъ по путешествію будетъ величайшій успѣхъ въ дѣлѣ утвержденія богопочитанія, такъ что отнимется тьма, лежащая на умахъ заблуждающихся людей. Итакъ пусть обнаружится истина, заключающаяся въ вашихъ изложеніяхъ. Мы же, чтобы придать твердость дѣяніямъ соборнымъ, а не для показанія силы, рѣшились присутствовать на соборѣ, взявши въ образецъ блаженной памяти Константина“. Рѣчь императора была покрыта торжественными и радостными кликами собора. Затѣмъ прочтено было вѣроопредѣленіе, установленное на предыдущемъ засѣданіи, подписанное всѣми отцами собора. По прочтеніи этого вѣроопредѣленія государь спросилъ у отцевъ собора: „пусть скажетъ св. соборъ, по согласію ли всѣхъ епископовъ провозглашено прочитанное теперь опредѣленіе“? Всѣ единогласно воскликнули въ отвѣтъ: „всѣ такъ вѣруемъ, всѣ такъ мудрствуемъ. Маркіану, новому Константину, новому Павлу, новому Давиду многая лѣта; вы—миръ вселенной; вы—свѣтила православія; Господи сохрани свѣтила вселенной; Пульхерія—новая Елена, ты явила ревность Елены; Несторію, Евтихію и Діоскору анаѳема, Троица извергла троихъ“!! Такъ произошло торжественное утвержденіе истинно-православнаго ученія на соборѣ Халкидонскомъ (Дѣян. IV, 110 до 167).

По заключеніи собора Халкидонскаго императоръ издаетъ рядъ указовъ, которыми онъ хочетъ пресѣчь распространеніе ереси и достигнуть повсюднаго утвержденія православія. Первый указъ въ подобныхъ цѣляхъ изданъ императоромъ отъ 7 февраля 452 года. Указъ такого содержанія: Тотъ нечестивъ, кто послѣ того какъ истина утверждена, чрезъ споры и разсужденія отыскиваетъ новую истину. На будущее время пусть никакой клирикъ, или человѣкъ какого-либо другаго званія, не осмѣливается публично собирать толпы народа и разсуждать о вѣрѣ. Подобный поступокъ есть оскорбленіе для собора; обсуждать снова, что уже опредѣлено соборомъ, значитъ не довѣрять ему. Не минуетъ наказаніе презирающихъ этотъ законъ: если клирикъ осмѣлится всенародно препираться о вѣрѣ, да исключится изъ списка клириковъ; если военный, да лишится достоинства, а люди простаго сословія да изгонятся изъ столицы. „Итакъ всѣ должны соблюдать опредѣленное св. Халкидонскимъ соборомъ, ни въ чемъ затѣмъ не сомнѣваясь" (Дѣян. IV, 405—406). Въ другихъ указахъ императоръ отмѣняетъ всѣ тѣ узаконенія императора Θеодосія младшаго, которыя изданы были послѣ собора разбойничьяго и направлялись противъ православія и противъ Флавіана, Евсевія Дорилейскаго и Θеодорита Кирскаго, при чемъ доблести Флавіана описываются въ чертахъ высокихъ: „онъ одинъ былъ достоинъ быть епископомъ"; „съ уничтоженіемъ тѣхъ распоряженій, пусть онъ получитъ вѣчную похвалу за жизнь и за славу свою, которую онъ заслужилъ, потому что его твердость въ вѣрѣ будетъ примѣромъ для другихъ" (Дѣян. IV, 425—7). Въ особенности замѣчателенъ указъ, изданный 28 іюля 452 года. Въ немъ опредѣлялись разныя строгости противъ Евтихіанъ. Евтихіанамъ воспрещалось имѣть у себя особыхъ пресвитеровъ и клириковъ. Если же кто осмѣлится рукоположить для нихъ епископа, пресвитера или клирика, то предписывалось и рукоположенныхъ и рукополагающихъ лишать имущества и ссылать въ ссылку. Ев-

тихіанамъ запрещалось дѣлать отдѣльныя церковныя собранія, созывать монаховъ или строить монастыри; приказано было конфисковать самыя мѣста, гдѣ они захотѣли бы сдѣлать собраніе, если это сдѣлано будетъ свѣдома владѣльца,—если безъ вѣдома, то управитель или съемщикъ мѣста подвергается наказанію. Евтихіане не могли ни получать по духовному завѣщанію, ни сами дѣлать онаго. Военная служба для нихъ закрыта; если же кто уже будучи въ военной службѣ заразится евтихіанствомъ, таковый изгоняется изъ службы съ воспрещеніемъ жить гдѣ-либо, кромѣ родины; если же родиной ихъ будетъ столица—изгонять ихъ изъ столицы. Въ заключеніе указа говорилось: „итакъ пусть знаютъ и правители областей и ихъ чиновники и коменданты, что если то, что нами предписано соблюдать по чистой вѣрѣ и святому намѣренію, они или пренебрегутъ, или дозволятъ преступить, то будутъ подвергнуты пенѣ, каждый въ 10 литръ *) золота, какъ предатели вѣры и законовъ, и потеряютъ доброе имя“ (Дѣян. IV, 427—432). Эти строгіе законы не разъ повторялись Маркіаномъ (Дѣян. IV, 408 и д. 454 и д.).

IV. Монофизитство послѣ собора Халкидонскаго.

Противодѣйствіе собору Халкидонскому: въ Палестинѣ.—Виновники возмущенія и описаніе его.—Въ Египтѣ.—Возмущеніе при императорѣ Маркіанѣ.—Возмущеніе при императорѣ Львѣ I.—Буйство возмутившихся.—Въ Сиріи.—Петръ Фуллонъ.—„Распныйся за ны“.—Въ Константинополѣ.—Монахи.—Императоры.—Указаніе на образованіе монофизитскихъ церквей.

Соборъ Халкидонскій восторжествовалъ надъ ересью; для всѣхъ стало очевиднымъ, чѣмъ отличается истина православія отъ ереси монофизитской, которая также выдавала себя за истину. Но это не значитъ, чтобы по окончаніи собора Халкидонскаго не стало болѣе еретиковъ моно-

*) Литра=70 золотникамъ.

физитовъ въ восточной Церкви. Въ умахъ многихъ монофизитство пустило такіе глубокіе корни, что ихъ не могъ искоренить и соборъ Халкидонскій. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще продолжали храниться преданія собора разбойничьяго 449 года. Что дѣйствительно было такъ на самомъ дѣлѣ, это показали безпорядки, нестроенія и даже открытыя возмущенія въ разныхъ церквахъ, какими встрѣчены были догматическія опредѣленія Халкидонскаго собора, тотчасъ по его окончаніи.

Первымъ мѣстомъ на Востокѣ, гдѣ Халкидонскій соборъ встрѣтилъ себѣ сопротивленіе, была церковь Палестинская. Сюда пробрался одинъ изъ александрійскихъ монаховъ Θеодосій, который былъ въ Халкидонѣ во время дѣятельности здѣсь собора; съ нимъ явились въ Палестину и другіе монахи, также бывшіе свидѣтелями торжества православія въ Халкидонѣ; они-то и посѣяли первыя сѣмена раздора въ Церкви іерусалимской *). Упомянутый нами Θеодосій былъ человѣкъ въ высшей степени недостойный. Еще ранѣе этого времени, онъ какъ злодѣй былъ изгнанъ изъ монастыря, былъ самимъ Діоскоромъ за преступленія наказанъ розгами и въ посрамленіе возимъ на ослѣ по городу **). Лишь только Θеодосій и другіе монахи изъ Халкидона прибыли въ Палестину, какъ начали разглашать здѣсь самыя нелѣпыя клеветы противъ собора: они начали утверждать, что соборъ исказилъ вѣру, что онъ илъ почитать во Христѣ двухъ сыновъ, допустилъ во Христѣ два лица, какъ дѣлали несторіане, и что онъ провозгласилъ вѣру отличную отъ той, какую заключили отцы въ символахъ (Дѣян. IV, 411. 437). Главными приверженцами Θеодосія въ го противленіи собору сдѣлались несвѣдущіе монахи, въ палестинскихъ пустынахъ ***). Такихъ монаховъ собралось около него до 10,000 ****).

*) Евагрій Церк. Истор. кн. 2. гл. 5. Дѣян. IV, стр 410. **) Евагрій. Тамъ же. ***) Евагрій. Тамъ же. Дѣян. IV, 411. 435. ****) Гефеле въ „исторіи соборовъ“ (B. II. S. 545. Ausgabe 1856).

Подъ предводительствомъ Θеодосія они начали открытое возмущеніе. Монахи, оставивши свои монастыри и пустыни, составили толпу подъ предводительствомъ Θеодосія, напали на Іерусалимъ, производили здѣсь пожары, убійства, отворили темницы, заперлись въ городѣ. Такъ какъ ихъ цѣль состояла въ провозглашеніи монофизитства, то они требовали отъ всѣхъ въ Іерусалимѣ и окрестностяхъ, чтобы соглашались съ ихъ ученіемъ, возгласами и подписями анаθематствовали Халкидонскій соборъ, папу Льва и всѣхъ членовъ собора Халкидонскаго (Дѣян. IV, 411. 423). Θеодосій провозгласилъ себя архіепископомъ іерусалимскимъ. Истинный архіепископъ іерусалимскій Ювеналій былъ лишенъ престола и удалился изъ города. Самая жизнь его подверглась опасности. Начались низверженія съ архіерейскихъ каθедръ и другихъ епископовъ Палестины. Вмѣсто низверженныхъ возводились на каθедры сторонники монофизитовъ. Священническія мѣста занимались монахами приверженцами Θеодосія. Дерзкіе монофизиты осмѣливались даже на самыя убійства епископовъ; такъ отъ руки ихъ погибъ епископъ скиθопольскій Северіанъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими епископами. Не довольствуясь убійствомъ православныхъ священниковъ, они еще позволяли себѣ ругаться надъ тѣлами убитыхъ. Такъ убивши одного діакона, они лишили его христіанскаго погребенія, влачили его по улицамъ и позорно издѣвались надъ нимъ (Дѣян. IV, 411. 412. 418. 419). Когда слухъ о такихъ дерзскихъ поступкахъ Θеодосія и его приверженцевъ достигъ до слуха императора Маркіана, онъ отправилъ противъ нихъ вооруженную силу. Боясь справедливаго мщенія за свои дерзости, Θеодосій и его сторонники покидаютъ Іерусалимъ, отправляются въ Синайскій монастырь, производя по дорогѣ новые безпорядки и разсѣевая сѣмяна монофизитскаго ученія. Достигнувъ Синайскаго монастыря, Θеодосій съ его соучастниками и здѣсь не оставался бездѣятельнымъ. Онъ нашелъ себѣ довѣріе у простодушныхъ монаховъ здѣшнихъ, кле-

ветал на Халкидонскій собор и не без успѣха. Император грамотами старался вразумить уловляемых ересью Θеодосія синаитов, разъясняя им, кто такой был Θеодосій и что в дѣйствительности сдѣлано собором Халкидонским; наконец просил всѣх содѣйсвовать к поимкѣ такого бунтовщика и нечестивца, каким был Θеодосій (Дѣян. IV, 412. 413. 441. 442). С другой стороны тотже император помогает истинному архіепископу іерусалимскому Ювеналію возвратиться на свою каθедру и водворить нарушенный порядок в округѣ. Порядок был возстановлен, но споры между монофизитами и православными не прекращались здѣсь. Иные из монофизитов доходили до такого ожесточенія, что хотѣли скорѣе принять смерть, чѣм уступить истинѣ *).

Другою страною, гдѣ на самых же первых порах был отвергнут собор Халкидонскій и поднято знамя монофизитства, был Египет. Здѣсь монофизитство разразилось еще сильнѣе, еще бурнѣе, чѣм в Палестинѣ, и это совершенно понятно. Не даром Діоскор, виновник разбойничьяго собора, был александріец. Не один он был в Египтѣ мыслящим по-монофизитски: монахи, которых привел с собой Діоскор на собор разбойничій 449 года, и которые показывали себя жалкими исполнителями его воли, были первыми ревностными монофизитами в Египтѣ. Притом, мы разсказали уже выше, что на самом соборѣ Халкидонском 13 епископов египетских отказались подписать православное посланіе папы Льва под тѣм предлогом, будто бы они не могли этого сдѣлать без соизволенія своего архіепископа. Понятно, что подобные епископы, возвратившись из Халкидона в свое отечество, мало могли служить интересам собора Халкидонскаго. И в самом дѣлѣ в Египтѣ, тотчас же по заключеніи собора Халкидонскаго, обнаружились сильныя монофизитскія движенія. Эти дви-

*) Евагрій кн. 2. гл. 5.

женія замѣчательны въ исторіи церковной потому, что они впослѣдствіи привели къ тому, что въ Египтѣ образовалась отдѣльная монофизитская церковь. Зерно бунтовавшихъ здѣсь противъ собора Халкидонскаго составляли, какъ и въ Палестинѣ, монахи въ Александріи и ея окрестностяхъ (Дѣян. IV, 409). Въ Египтѣ разнеслась нелѣпая молва, что соборъ Халкидонскій измѣнилъ древней вѣрѣ и ввелъ какую-то новую вѣру; заблуждающіеся упорствовали въ этой мысли и „накопляли зло ко злу“ (Дѣян. IV, 409—10. 415). Народъ александрійскій легко поддался вліянію монофизитствующихъ; онъ по самой своей природѣ склоненъ былъ ко всякаго рода возмущеніямъ и безпорядкамъ. „Чернь всегда такова, что легко воспламеняется яростію и пользуется всякимъ поводомъ къ произведенію безпорядковъ, но преимущественно предъ всякою другою такова была именно чернь александрійская; она была многочисленна, состояла изъ людей грубыхъ и разноплеменныхъ, дерзкихъ и склонныхъ къ порывамъ. Всякій желающій, ухватившись за малѣйшій случай, могъ возбудить этотъ городъ къ народному возстанію, вести его и двигать куда угодно“ *). Слѣдовательно александрійское народонаселеніе представляло удобную почву для развитія безпорядковъ по поводу собора Халкидонскаго, какъ скоро нашлись вожаки у него; а въ такихъ вожакахъ недостатка не было. Въ царствованіе Маркіана возмущеніе въ Египтѣ состояло въ слѣдующемъ: когда на соборѣ Халкидонскомъ низвергнутъ былъ Діоскоръ, то на его мѣсто назначенъ былъ архіепископомъ александрійскимъ Протерій. Городъ раздѣлился; одни приняли Протерія, другіе, монофизитски настроенные, и слышать не хотѣли о новомъ архипастырѣ, продолжали считать архіепископомъ Діоскора и даже требовали возвратить его на александрійскую каѳедру. Возмущеніе выразилось въ томъ, что народъ, расположенный къ Діоскору, большими толпами

*) Евагрій. Церк. Ист. кн. 2. гл. 8.

отправился къ дому начальника города; когда отрядъ войска хотѣлъ остановить возмущеніе, мятежники начали бросать въ воиновъ камнями и обратили ихъ въ бѣгство. Обезсиленное множествомъ бунтовавшихъ, войско принуждено было запереться въ одномъ храмѣ передѣланномъ изъ Сераписова капища, но народъ поджегъ зданіе и воины сдѣлались добычею пламени. Префектъ города Флоръ далъ знать объ этомъ императору Маркіану, а самъ между тѣмъ закрылъ для бунтующаго народа театры, бани, и лишилъ его обычной даровой раздачи хлѣба. Императоръ прислалъ въ Александрію двѣ тысячи войска. Возмущеніе мало-по-малу потухло *). Но не надолго. Смерть императора Маркіана (въ 457 г.) принята была египетскими монофизитами за благопріятный случай къ новому возмущенію противъ православнаго епископа александрійскаго Протерія и собора Халкидонскаго. Душею бунта былъ александрійскій пресвитеръ Тимоѳей, прозывавшійся „неистовымъ“ (Дѣян. IV, 482; онъ назывался также *элуръ*, что значитъ кошка). Онъ собралъ около себя нѣсколько епископовъ, которые подобно ему были проникнуты монофизитскими идеями; вошелъ въ связи со многими монахами, особенно изъ подгородныхъ, подобно ему отторгшимися отъ Церкви православной по поводу собора Халкидонскаго (Дѣян. IV, 469. 489), и началъ свои истинно-разбойническія дѣйствія. Тимоѳей началъ тѣмъ, что вмѣстѣ съ своими единомышленниками „анаѳематствовалъ Халкидонскій соборъ“, провозгласилъ низверженнымъ архіепископа Протерія, рукоположилъ себя при помощи двухъ епископовъ, сочувствующихъ ему, въ архіепископы Александріи. Затѣмъ открылся цѣлый рядъ церковныхъ и общественныхъ безпорядковъ въ Египтѣ. Тимоѳей посвятилъ новыхъ епископовъ и клириковъ для церквей египетскихъ изъ числа лицъ ему приверженныхъ. Протерій былъ убитъ: когда онъ въ видахъ безопасности скрылся въ крещальню, какія обыкно-

*) Евагрій. Кн. 2, гл. 5.

венно устраивались при храмахъ христіанъ въ древности, нѣсколько человѣкъ изъ партіи Тимоѳея напали на беззащитнаго святителя и умертвили, не принимая во вниманіе ни святости мѣста, такъ какъ христіанскія крещальни чтили даже и варвары и люди самые жестокіе,— ни времени, такъ какъ убіеніе произошло въ праздникъ св. Пасхи; убійцы однакожь недовольствовались этимъ: „они влачили израненный трупъ по всѣмъ мѣстамъ города, безъ милосердія поражали ударами безчувственное тѣло, разсѣкли его на части и неудержались, наподобіе собакъ, кусать внутренности этого мужа; наконецъ предавши останки тѣла его огню, разсѣяли даже пепелъ его по вѣтру, превосходя въ свирѣпости всѣхъ дикихъ звѣрей". Тимоѳей, провозгласивши себя архіепископомъ, подбираетъ къ своимъ рукамъ церковныя имущества въ Александріи, лишаетъ церковнаго содержанія бѣдныхъ, пропитывавшихся отъ щедротъ Церкви, раздаетъ деньги своимъ единомышленникамъ. Онъ разсылаетъ своихъ приверженцевъ по другимъ городамъ для преслѣдованія епископовъ православныхъ. Онъ анаѳематствовалъ и Протерія и другихъ епископовъ, державшихся опредѣленій Халкидонскаго собора; къ ихъ анаѳематствованію присоединилъ и имя св. Кирилла александрійскаго. Но этого все было мало для Тимоѳея, — онъ вычеркнулъ изъ церковныхъ диптиховъ (помянниковъ) имя Протерія и поставилъ вмѣсто него имя Діоскора. Православныхъ клириковъ, въ особености посвященныхъ рукою Протерія, лишилъ мѣстъ, выгналъ изъ города, запретилъ своимъ приверженцамъ имѣть съ ними какое бы то ни было общеніе; положеніе изгнанныхъ и находящихся въ постоянномъ страхѣ за свою жизнь православныхъ клириковъ было поистинѣ печально, — они должны были „проводить жизнь боязливѣе зайцевъ и лягушекъ" (Дѣян. IV, 462—475). Отъ разбойнической мести монофизитовъ не спаслись и „монастыри, издавна прославившіеся православною вѣрою, мужескіе и женскіе: онъ приказалъ ихъ разрушить" (Дѣян. IV, 481). Свою злобу

на православныхъ Тимоѳей изливаетъ даже на предметы бездушные, но напоминающіе о Протеріи и вообще православныхъ. Такъ самыя сѣдалища епископскія, на которыхъ возсѣдалъ Протерій, онъ приказалъ разломать и сжечь, а св. олтари въ церквахъ, если они были освящены Протеріемъ, велѣлъ измыть морскою водою, какъ оскверненные (Дѣян. IV. 487). Наконецъ обѣ партіи александрійской Церкви, православная и монофизитская, обратились къ императору Льву I (457—474 гг.), каждая прося себѣ защиты и покровительства (Дѣян. IV, 466—490 и д.). Императоръ Левъ, какъ человѣкъ расположенный къ Халкидонскому собору, сталъ на сторонѣ православныхъ, изгналъ Тимоѳея изъ Александріи въ бѣдный Пафлагонскій городъ Гангры *). Этимъ и закончилась первоначальная оппозиція Египта въ отношеніи къ собору Халкидонскому.

Третьимъ мѣстомъ, гдѣ нашло себѣ благопріятный пріемъ монофизитство, была Сирія съ городомъ Антіохіей во главѣ. Нужно думать, что главнымъ виновникомъ отпаденія многихъ сирійцевъ отъ православія и непризнанія ими собора Халкидонскаго былъ архимандритъ Варсума, тотъ самый Варсума, который въ качествѣ ревностнаго монофизита вызванъ былъ по мысли Діоскора на соборъ разбойничій, для участія въ ономъ, и который еще до времени Халкидонскаго собора, по свидѣтельству отцовъ этого собора, производилъ безпорядки въ Сиріи, собравъ около себя цѣлыя тысячи родственныхъ ему по убѣжденіямъ монаховъ (Дѣян. IV, 63). Поэтому неудивительно, что здѣсь соборъ Халкидонскій не былъ встрѣченъ должнымъ сочувствіемъ. Это обнаружилось въ царствованіе Льва I, преемника Маркіана. Правителемъ Сиріи, по волѣ Льва, сдѣлался его родственникъ Зенонъ (впослѣдствіи императоръ). Въ свитѣ Зенона прибылъ въ Антіохію и нѣкто Петръ Фуллонъ (что̀ значитъ: сукновалъ), священникъ отъ одной церкви въ Халкидонѣ. Будучи человѣкомъ монофи-

*) Евагрій, кн. 2, гл. 11.

зитскихъ понятій, онъ нашелъ себѣ въ Антіохіи приверженцевъ; съ ними возсталъ противъ тогдашняго архипастыря антіохійскаго Мартирія, довелъ своими смутами его до того, что онъ отказался отъ самой каѳедры антіохійской, сказавъ: „отрицаюся клира непокорнаго, народа непослушнаго, церкви запятнанной". Открывшеюся вакансіею воспользовался Петръ и провозгласилъ себя архіепископомъ антіохійскимъ, въ чемъ ему содѣйствовалъ упомянутый нами Зенонъ. Главнѣйшими дѣяніями Петра Фуллона было то, что онъ проповѣдывалъ, что Сынъ Божій страдалъ по божеству, а не по человѣчеству, подвергалъ анаѳемѣ всѣхъ ему противящихся въ этомъ и наконецъ приказалъ прибавить къ богослужебной пѣсни *Трисвятому* слова: „распныйся за ны". Такая прибавка съ точки зрѣнія монофизитской была естественна и послѣдовательна; ибо если Сынъ Божій страдалъ по божеству за насъ, какъ учили монофизиты, то, вслѣдствіе единосущія лицъ Св. Троицы, съ Сыномъ необходимо страдать должны были и Богъ Отецъ и Духъ Святый, а эту мысль и выражала прибавка къ Трисвятому. Монофизитское правленіе Петра Фуллона церковію антіохійскою было непродолжительно,—онъ былъ сосланъ императоромъ въ ссылку *). Тѣмъ не менѣе Сирія сдѣлалась гнѣздомъ монофизитства навсегда въ исторіи.

Наконецъ въ самой столичной Константинопольской Церкви монофизитство не умерло, по окончаніи Халкидонскаго собора,—по временамъ оно заявляло о томъ, что закваска его осталась и здѣсь. Самъ ересіархъ монофизитства Евтихій, какъ извѣстно, вышелъ изъ одного изъ константинопольскихъ монастырей. Неудивительно, если, и по осужденіи Евтихія, въ Константинополѣ обнаруживаются такъ или иначе сѣмена тогоже заблужденія. Именно: нѣкоторые монахи константинопольскіе тотчасъ же по провозглашеніи православія въ Халкидонѣ объяв-

*) Ѳеодоръ чтецъ. Церковная исторія, изъ кн. 1, гл. 20—22.

ляютъ себя противъ этого собора, пишутъ обширныя сочиненія въ защиту монофизитства и противъ православія (Дѣян. IV, 430—31). Да и позднѣе не переводятся монофизиты въ столицѣ *). Нѣкоторые изъ самыхъ императоровъ византійскихъ, своими указами и распоряженіями, частію прямо направленными къ защитѣ монофизитства, частію безтактными, съ своей стороны подливали масло въ огонь не только въ самой столицѣ, но и вообще на востокѣ. Такъ императоръ Василискъ (476—477 гг.) издаетъ окружную грамоту (энкикліонъ), которою анаѳематствовался соборъ Халкидонскій и его дѣянія; въ ней читаемъ: „что нарушило единеніе святыхъ Божіимъ церквей и миръ всего міра, какъ-то сочиненіе Льва (папы) и все постановленное въ Халкидонѣ для опредѣленія вѣры, въ каждой церкви, гдѣ будетъ найдено, повелѣвается всюду находящимся епископамъ предавать анаѳемѣ и огню" **). Императоръ Зенонъ (477—491 гг.) выдаетъ грамоту единенія (энотиконъ) и въ ней двусмысленно говоритъ о соборѣ Халкидонскомъ, напр. „кто же мыслилъ и мыслитъ что-либо другое, противное вѣрѣ, постановленное на Халкидонскомъ соборѣ или на иномъ какомъ соборѣ, того анаѳематствуемъ" ***). Императоръ Анастасій (491—518 гг.) хочетъ ввести и въ константинопольской Церкви извѣстную монофизитскую прибавку къ *Трисвятому:* „распныйся за ны", какъ это было въ Антіохіи ****). Всѣ подобныя дѣйствія императоровъ служили къ бóльшему и бóльшему утвержденію монофизитства на востокѣ.

Съ теченіемъ времени образовались слѣдующія монофизитскія общины на востокѣ: въ Сиріи—Яковитская, названная такъ отъ своего организатора Якова Варадея. Причиной образованія въ Сиріи этой общины были еретики аполлинаристы, издавна враждовавшіе противъ православной Церкви и теперь слившіеся въ одно цѣлое съ монофизитами.

*) Евагрій. кн. 3, гл. 5. **) Евагрій. кн. 3, гл. 4. ***) Евагрій. кн. 3, гл. 14. ****) Евагрій. кн. 3, гл. 44.

Въ Египтѣ явилась община Коптская, въ составъ которой вошли коренные жители Египта; причиной образованія ея были прежде всего особенности развитія богословской мысли въ Александріи, отличавшейся мистицизмомъ и тяготѣніемъ къ аскетизму. Подъ вліяніемъ монофизитства совершился расколъ въ церкви армянской. Церкви эти существуютъ донынѣ.

СПОРЪ О ТРЕХЪ ГЛАВАХЪ И V ВСЕЛЕНСКІЙ СОБОРЪ.

I. *Происхожденіе спора.*

Отношеніе V вселенскаго собора къ III и IV вселенскимъ соборамъ.— Побужденія для Юстиніана къ осужденію трехъ главъ.—Содержаніе указа Юстиніанова съ осужденіемъ трехъ главъ.—Возникновеніе спора.—Возможность споровъ за Θеодора и противъ него.—Возможность споровъ за Θеодорита и противъ него.—Возможность споровъ за Иву и противъ него.

Пятый вселенскій соборъ *) не имѣетъ дѣла съ какими-либо новыми ересями, подобно соборамъ предшествующимъ и послѣдующимъ. Его задача уже; его дѣятельность совпадаетъ съ дѣятельностію III и IV вселенскихъ соборовъ, потому что онъ имѣетъ въ виду частію монофизитовъ частію несторіанъ, въ особенности первыхъ. Онъ разрѣшаетъ споръ о трехъ главахъ или трехъ лицахъ, уже умершихъ, но которыя своею дѣятельностію и ученіемъ продолжали производить соблазнъ въ Церкви. Лица эти— Θеодоръ, епископъ Мопсуестскій, Θеодоритъ, епископъ Кирскій, Ива, епископъ Едесскій; всѣ они умерли въ V вѣкѣ. Они извѣстны были тѣмъ, что принимали прямое или не прямое, но все-таки рѣшительное участіе въ появленіи и развитіи ереси несторіанской и въ борьбѣ этой ереси противъ православія. Но несмотря на это, ни одинъ изъ нихъ не былъ осужденъ ни на соборѣ III вселенскомъ, на которомъ рѣшался вопросъ о несторіанскомъ ученіи,

*) Исторія пятаго всел. собора и нѣкоторыя свѣдѣнія для исторіи спора о трехъ главахъ изложены въ V томѣ *Дѣяній вселенскихъ соборовъ*, переведенныхъ при Казанской Дух. Академіи.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ни на соборѣ халкидонскомъ, который имѣлъ случай обсуждать образъ дѣятельности Θеодорита и Ивы и отчасти имѣлъ поводъ выразить свое сужденіе и о Θеодорѣ Мопсуестскомъ. Память объ этихъ трехъ лицахъ, какъ не вполнѣ православныхъ, не исчезла и въ VI вѣкѣ, въ которомъ былъ V вселенскій соборъ. Больше всего о заблужденіяхъ этихъ мужей помнили монофизиты, враги Церкви. Выискивая случай всячески вредить интересамъ православія, они разглашали, что Церковь держится ереси несторіанской, потому что она не осудила и не осуждаетъ Θеодора Мопсуестскаго, Θеодорита Кирскаго и Иву Едесскаго,—укоряли церковь въ скрытой приверженности къ несторіанству. „Еретики (монофизиты), по свидѣтельству одного современника, поносили священниковъ церкви, какъ послѣдователей Несторія" (Дѣян. вс. соб. т. V, стр. 51). Въ особенности монофизиты нападали на IV вселенскій халкидонскій соборъ, столь имъ непріязненный, — такъ какъ на немъ было произнесено осужденіе на монофизитское ученіе,—нападали потому, что онъ не выразилъ осужденія противъ Θеодора, Θеодорита и Ивы и такимъ образомъ, какъ заключали монофизиты, выказалъ себя приверженцемъ ихъ воззрѣній, близкихъ къ несторіанству. Такимъ образомъ хотя эти названныя лица и давно уже сошли съ поприща историческаго, давно уже умерли, однакожъ Церковь не могла забыть о нихъ; монофизиты напоминали ей о нихъ, ко вреду для достоинства и спокойствія церкви. Съ другой стороны и другіе еретики прошедшаго пятаго вѣка также сохраняли твердую память о Θеодорѣ, Θеодоритѣ и Ивѣ. Несторіанъ было много въ восточной Римской имперіи, между тѣмъ именными императорскими указами сочиненія Несторія изъяты были изъ публичнаго употребленія; при такихъ обстоятельствахъ для поддержанія и распространенія своей ереси несторіане прибѣгли къ такому средству: вмѣсто сочиненій Несторія они стали изучать и распространять сочиненія тѣхъ церковныхъ писателей, которые во всѣхъ или нѣ-

Bayerische Staatsbibliothek München

которыхъ сочиненіяхъ проводили несторіанскія мысли, являлись приверженцами этой ереси, каковы именно и были—Θеодоръ, Θеодоритъ и Ива (Д. V, 31. 32). Это въ свою очередь безпокоило Церковь не менѣе того, какъ и нападки, какіе дѣлались монофизитами на православіе, по поводу этихъ трехъ лицъ.

Для того, чтобы отнять у однихъ (монофизитовъ) поводъ къ нападкамъ на церковь, у другихъ (несторіанъ) средства къ утвержденію въ своей ереси, Церкви надлежало произнести свое осужденіе на Θеодора, Θеодорита и Иву за то, что̀ ими написано и сдѣлано въ пользу несторіанства и вопреки интересамъ православія. За это-то дѣло и принимается Церковь, по внушенію тогдашняго императора Юстиніана. Дѣла церкви были предметомъ самыхъ ревностныхъ попеченій этого императора; въ этомъ отношеніи онъ былъ вторымъ Константиномъ Великимъ. За дѣлами церкви онъ готовъ былъ забывать свои прямыя обязанности государственныя. Одною изъ пламеннѣйшихъ заботъ этого императора было возсоединить съ Церковію многочисленныхъ монофизитовъ, жившихъ въ имперіи византійской, и на единствѣ религіозномъ основать единство и прочность гражданскую, въ которыхъ нуждалось государство. Съ этою цѣлію императоръ принялъ на себя трудъ составить обширное богословское сочиненіе, въ которомъ онъ хотѣлъ доказать неправоту мнѣній монофизитскихъ и чистоту вѣры и убѣжденій церкви православной. Намѣренію этому однакожь не суждено было осуществиться; сочиненіе оставлено въ сторонѣ и приняты были средства другія въ видахъ возсоединенія монофизитовъ съ православными. При дворѣ императора находился въ числѣ приближенныхъ къ нему лицъ нѣкто Θеодоръ Аскида, архіепископъ Кесаріи Каппадокійской. Архіепископъ этотъ пользовался большимъ вліяніемъ на Юстиніана. Въ своихъ личныхъ цѣляхъ онъ началъ указывать императору другое болѣе легкое и болѣе вѣрное средство къ цѣли, чѣмъ составленіе сочиненія, направлен-

наго противъ монофизитовъ; онъ доказывалъ ему, что стоитъ только произнести анаѳематствованіе на Ѳеодора, Ѳеодорита и Иву *), на которыхъ доселѣ не было произнесено осужденія, и изъ-за которыхъ монофизиты смотрятъ подозрительно на православіе и соборъ Халкидонскій,—и миръ церковный водворится; монофизиты охотно перейдутъ къ церкви, императоръ покроетъ себя вѣчною славою. Совѣтъ императору понравился **). Были достаточныя основанія придавать полную важность такому совѣту. Въ самомъ дѣлѣ, въ 533 году при одномъ случаѣ одна изъ партій монофизитскихъ прямо заявляла, что главною причиною, почему монофизиты не хотятъ принимать соборъ Халкидонскій, состоитъ въ томъ что на немъ Ѳеодоритъ и Ива признаны за православныхъ, несмотря на ихъ несторіанство ***).

Руководясь внушеніями Ѳеодора Аскиды, которыя такъ согласовались съ его намѣреніемъ такъ или иначе обратить монофизитовъ въ православіе, съ другой стороны безъ сомнѣнія и имѣя въ виду отнять у несторіанъ средство къ распространенію своего лжеученія, Юстиніанъ рѣшился издать указъ, около 544 года, которымъ онъ подвергалъ анаѳемѣ Ѳеодора Мопсуестскаго со всѣми его сочиненіями и ученіемъ, Ѳеодорита Киркскаго за его сочиненія, направленныя въ свое время противъ св. Кирилла

*) Ѳеодоръ Аскида былъ оригенистъ, т.-е. послѣдователь церковнаго учителя III вѣка Оригена, заблуждавшагося въ ученіи о Троицѣ, происхожденіи душъ человѣческихъ, твореніи міра, искупленіи и проч. А такъ какъ Юстиніанъ велъ рѣшительную борьбу съ оригенизмомъ, то Ѳеодоръ, чтобы пособить своей партіи, указывая Юстиніану на необходимость осужденія трехъ главъ, тѣмъ самымъ хотѣлъ отвлечь его вниманіе отъ оригенизма, направивъ оное въ другую сторону.— Liberatus, Breviarium causae Nestorianorum et Eutychianorum. Cursus patrologiae, Migne, Lat. Series, tom. 68. p. 1049. Facundus, pro defensione trium capitulorum. Cursus patrologiae, Migne, Lat. Series, tom. 67, pag. 532. 627. **) Ibidem, и еще Евагрій, церковн. исторія, кн. IV, гл. 38. ***) Гефеле въ „Исторіи соборовъ“ (Band. 2, Ausg. 1856) стр. 777.

Александрійскаго и III вселенскаго собора, Иву Едесскаго за его посланіе къ нѣкоему Марію Персу, изъ котораго можно было видѣть несторіанскія склонности этого епископа. Указъ этотъ не дошелъ до насъ; въ какихъ именно выраженіяхъ Юстиніанъ осуждалъ этихъ трехъ главъ *), объ этомъ можно судить только по отрывкамъ изъ указа, какіе сохранились у современниковъ. О Өеодорѣ въ этомъ указѣ говорилось: „если кто не анаѳематствуетъ Өеодора Мопсуестскаго и ученіе его, равно и тѣхъ, кто мудрствовалъ или мудрствуетъ подобно ему, тотъ анаѳема" **). Объ Ивѣ же говорилось такъ: „если кто нечестивое посланіе къ Марію, которое, говорятъ, составлено Ивою, считаетъ православнымъ, является защитникомъ онаго посланія и не подвергаетъ его анаѳемѣ, несмотря на то, что оно худо отзывается о св. Кириллѣ, порицаетъ 12 анаѳематствъ Кирилловыхъ (противъ Несторія), нападаетъ на первый Ефесскій (III в.) соборъ, защищаетъ Несторія, хвалитъ Өеодора Мопсуестскаго, тотъ анаѳема ***). Вѣроятно подобнымъ же образомъ, какъ объ Ивѣ, указъ отзывался о Өеодоритѣ Кирскомъ ****).

Указъ изданъ былъ Юстиніаномъ съ тѣмъ, чтобы его подписали и приняли всѣ представители церковной власти, и чтобы, такимъ образомъ, онъ получилъ общее церковное значеніе. Но это не такъ было легко сдѣлать, какъ представлялось Юстиніану. Указъ вызвалъ великое смя-

*) Названіе *главъ* Өеодоръ, Өеодоритъ и Ива получили не потому, что они были главами ереси несторіанской (напр. Ива былъ очень мало замѣтное лице въ несторіанскихъ движеніяхъ), а потому что въ указѣ Юстиніана каждому изъ нихъ посвящена была отдѣльная глава или параграфъ; такихъ главъ или параграфовъ, въ которыхъ говорилось объ этихъ лицахъ, было три; отсюда споръ происходилъ въ началѣ собственно о трехъ главахъ указа Юстиніанова, но вскорѣ этотъ первоначальный смыслъ выраженія: *три главы*, потерялся и главами стали называть самыя лица Өеодора, Өеодорита и Ивы.

) Facundus. Ibidem. p. 582. *) Facundus. Ibidem. p. 667. ****) Что въ указѣ говорилось о всѣхъ трехъ лицахъ, это видно apud Facundum. p. 527.

теніе и споры въ Церкви. Истинныя причины, которыя вызвали это смятеніе, эти споры, состояли въ томъ, что о каждомъ изъ названныхъ лицъ—Θеодорѣ, Θеодоритѣ и Ивѣ можно было дѣйствительно спорить: кто знакомъ былъ съ церковной исторіей прошедшаго пятаго вѣка, тотъ всегда могъ находить основанія для того, чтобы или соглашаться съ указомъ Юстиніана, осуждать Θеодора, Θеодорита и Иву, или защищать ихъ. И вотъ по изданіи указа Юстиніанова явились порицатели его, нашлись и защитники; возгорѣлся споръ. Въ жизни и дѣятельности трехъ главъ и въ отношеніи Церкви къ нимъ легко можно было находить основанія для осужденія и неосужденія каждаго изъ нихъ. Исторія давала богатый матеріалъ и въ пользу и противъ трехъ главъ. Разсмотримъ, въ чемъ состояли эти основанія.

Θеодора Мопсуестскаго можно было осуждать, но съ другой стороны его можно было и защищать. Его можно было осуждать: Θеодоръ былъ учителемъ еретика Несторія, если не въ собственномъ, то въ переносномъ смыслѣ, т.-е. Несторій несомнѣнно воспитался на сочиненіяхъ Θеодора и изъ нихъ усвоилъ еретическія убѣжденія. Ученіе Θеодора ничѣмъ существенно не отличалось отъ несторіанскаго. Онъ вооружался противъ церковнаго ученія, что отъ св. Маріи Дѣвы родился Богъ Слово; и утверждалъ, что отъ нея родился просто человѣкъ, съ которымъ постепенно вошелъ въ единеніе Богъ Слово; допускалъ, что между Богомъ Словомъ и человѣкомъ Христомъ во время земной жизни было единеніе не полное; онъ отличалъ въ лицѣ Богочеловѣка храмъ (человѣчество) отъ обитающаго въ немъ Бога, противился названію: Богородица, которое усвояла церковь св. Маріи Дѣвѣ и пр. *). Церковь пятаго вѣка, когда развилось и распространилось несторіанство, хорошо понимала сродство ученія Θеодора

*) Подробнѣе объ ученіи Θеодора будетъ сказано при изложеніи исторіи V вс. собора. См. „исторію вс. собор. епископа Іоанна“, стр. 147—149. Выпускъ первый, 1871 г. Москва.

съ Несторіевымъ, и въ лицѣ того или другаго своего представителя произносила свое слово осужденія противъ сочиненій Ѳеодора. Св. Кириллъ, борецъ противъ Несторія, въ одномъ посланіи такъ отзывается о Ѳеодорѣ: „Ѳеодоръ былъ отцемъ зломыслія Несторіева; сочиненія его заключаютъ хуленія гораздо худшія Несторіевыхъ“ (Д. V. 132). Въ другомъ посланіи, писанномъ къ Акакію епископу Мелитинскому, тотъже Кириллъ такъ отзывается о Ѳеодорѣ: „нѣкоторые удивляются тому, что принадлежитъ Ѳеодору (написано Ѳеодоромъ) и что содержитъ въ себѣ конечно равную и даже гораздо болѣе худшую болѣзнь нечестія (чѣмъ Несторіева). Ибо не Ѳеодоръ былъ ученикомъ Несторія, но послѣдній былъ ученикомъ перваго; они какъ говорятъ одними устами, такъ и одинъ ядъ изрыгаютъ изъ своего сердца. Ѳеодоръ имѣлъ хульный языкъ и перо послушное ему“ (Д. V. 173). Въ посланіи къ самому императору Ѳеодосію младшему Кириллъ прямо называетъ Ѳеодора „отцемъ нечестія Несторіева“ (Д. V. 174), и старается вызвать императора принять мѣры противъ сочиненій Ѳеодора (Д. V, 133). Кириллъ кромѣ этого писалъ сочиненіе противъ заблужденій Ѳеодора, въ которомъ онъ не находитъ довольно словъ для изображенія и изобличенія лжеученій Ѳеодора. Здѣсь онъ между прочимъ писалъ: „Ѳеодоръ хулитъ таинство Христа и какъбы порицаетъ Бога Слово за то, что Онъ ради насъ благоволилъ потерпѣть истощаніе. Онъ величается надъ неизреченною премудростію, почти говоря вмѣстѣ съ іудеями Спасителю всѣхъ: *о добрѣ дѣлѣ каменіе не мещемъ на тя, но о хулѣ*“ (Іоан. 10, 33). И въ другомъ мѣстѣ: „*Ужаснися небо о семъ* (Іер. 2, 12)! О невыносимое злословіе! о языкъ говорящій нечестіе противъ Бога и умъ крайне надмѣвающійся“! И еще: „трезвитеся пьяные отъ вина вашего; перестань воздвигать на высоту рогъ свой и говорить на Бога неправду (Пс. 74, 6)! Доколѣ ты будешь ругаться надъ страждущимъ Христомъ“ (Д. V, 111—112. 117)? Св. Проклъ, архіепископъ Константинопольскій, съ своей стороны вмѣ-

стѣ съ Кирилломъ вступаетъ въ борьбу съ еретическими мнѣніями Ѳеодора Мопсуестскаго. Онъ составилъ сочиненіе, въ которомъ собралъ извлеченія изъ сочиненій Ѳеодора, заключающія въ себѣ еретическія мнѣнія, и послалъ его въ Антіохійскій церковный округъ съ тѣмъ, чтобы эти мнѣнія были анаѳематствованы, при чемъ впрочемъ не было упомянуто самаго имени Ѳеодора (Д. V, 133). Въ тоже время рѣшительною борьбою съ мнѣніями Ѳеодора ознаменовываетъ себя епископъ Равула, въ Едессѣ въ Месопотаміи. Его ревность становится тѣмъ понятнѣе, когда возьмемъ во вниманіе, что Месопотамія сдѣлалась гнѣздомъ несторіанства; здѣсь осѣлись Несторіане и начали переводить сочиненія Ѳеодора на сирскій, персидскій и армянскій языки. Равула, требуя содѣйствія Кириллова въ борьбѣ съ ученіемъ Ѳеодора, писалъ ему: „какая-то скрытая болѣзнь застарѣла на востокѣ, подобно неизлѣчимой ранѣ, истощающая тѣло Церкви и весьма многимъ неизвѣстная, а у тѣхъ, которые какъ будто ревностны къ учености, тайно уважаемая, ибо епископъ Киликійскій Ѳеодоръ, мужъ умѣющій убѣждать, иное говорилъ на трибуналѣ церкви и иныя козни на погибель изложилъ въ сочиненіяхъ“ (Д. V, 137). Государственная власть временъ св. Кирилла также не оставалась безучастною зрительницею распространенія ученія и сочиненій Ѳеодора Мопсуестскаго: она вооружалась на нихъ прещеніями. Въ „Дѣяніяхъ“ пятаго вселенскаго собора встрѣчаемъ два указа, которые изданы были Ѳеодосіемъ младшимъ противъ Ѳеодора, вмѣстѣ съ Несторіемъ *). Въ одномъ указѣ этого императора читаемъ: „ученіе нечестиваго и заразительнаго Ѳеодора (и Несторія) показалось намъ омерзительнымъ; подобнымъ образомъ и всѣ, кто слѣдуетъ его заблужденію и

*) Если только эти указы дѣйствительно изданы были во времена Ѳеодосія въ томъ видѣ, какъ они читаются въ Дѣяніяхъ V вс. собора, т.-е. если въ нихъ и прежде рядомъ съ именемъ Несторія стояло имя Ѳеодора, чего однакожъ ученый Гефеле не признаетъ. Ibidem. стр. 779.

соглашается съ его нечестіемъ, справедливо и сами заслуживаютъ тоже названіе и облекаются срамомъ. Поэтому симъ нашимъ закономъ мы повелѣваемъ, чтобы тѣ, которые по всей землѣ находятся въ согласіи съ нечестивѣйшимъ и несостоятельнѣйшимъ ученіемъ Θеодора, отнынѣ назывались симоніанами. Пусть никто не дерзаетъ читать или имѣть у себя или списывать святотатственныя книги изложенныя Θеодоромъ (и Несторіемъ), противныя правому ученію и изложенію епископовъ, собравшихся въ Ефесѣ (на III вс. соборъ). Надлежитъ, чтобы эти книги были отыскиваемы со всѣмъ тщаніемъ и найденныя были публично предъ всѣми сожигаемы" (Д. V, 141—142). Въ томъже родѣ полагаются угрозы и въ другомъ указѣ тогоже императора на ученіе и сочиненія Θеодора Мопсуестскаго (Д. V, 143—144). Почитатели Θеодора въ своемъ уваженіи къ этому лицу выходили изъ предѣловъ законности, къ соблазну для истинныхъ сыновъ церкви. Вотъ какой былъ случай въ городѣ Кирѣ, въ Антіохійскомъ патріархатѣ, въ царствованіе предшественника Юстиніанова Юстина. Распространилась молва, что епископъ города Кира Сергій совершилъ какое-то небывалое празднество въ честь Θеодора Мопсуестскаго и другихъ представителей несторіанства. Правительство было поражено неожиданностію такого извѣстія. Началось разслѣдованіе дѣла; слухъ подтвердился; епископъ Сергій былъ лишенъ своей каθедры (Д. V, 329—330; 353—355). Всѣ эти вышеизложенные нами факты, какъ говорящіе не въ пользу Θеодора, могли быть обращаемы и дѣйствительно обращались въ средство къ осужденію этого епископа, какъ скоро Юстиніанъ своимъ указомъ поднялъ вопросъ о Θеодорѣ. Въ этихъ фактахъ партія порицателей Θеодора находила богатый матеріалъ для осужденія и порицанія памяти Θеодора.—Но и партія защитниковъ Θеодора не оставалась не при чемъ: въ ея распоряженіи также могли быть факты, которые давали достаточныя основанія для охраненія памяти Θеодора отъ порицаній и анаθематствованія. Θеодоръ умеръ (428 г.)

прежде третьяго вселенскаго собора (431 г.), на которомъ разсматривалось ученіе Несторія, родственное съ ученіемъ Ѳеодора. Такимъ образомъ хотя его идеи и были не православны, онъ умеръ пребывая въ мирѣ съ св. церковію. Два вселенскіе собора III и IV, хотя имѣли нѣкоторые поводы выразить свое сужденіе о неправославіи Ѳеодора, однакожь не сдѣлали этого, какъ бы считая это незаконнымъ и неправильнымъ. Главный руководитель III всел. собора Кириллъ, конечно, хорошо зналъ родство идей Ѳеодора съ несторіевыми мнѣніями, однакожь вопроса о Ѳеодорѣ не поднималъ на соборѣ, быть можетъ потому, что Ѳеодора не было въ живыхъ въ это время. Когда на соборѣ III вселенскомъ представленъ и прочтенъ былъ символъ, выдаваемый за символъ Ѳеодора, хотя въ немъ были выраженія не совсѣмъ точныя въ догматическомъ отношеніи, отцы собора не произнесли осужденія на символъ *). Это обстоятельство казалось защитникамъ Ѳеодора весьма благопріятнымъ для памяти его; соборъ, казалось, своимъ молчаніемъ ограждалъ отъ порицаній символъ Ѳеодоровъ. Въ выгодномъ для Ѳеодора свѣтѣ приверженцы его старались выставить *10-е дѣяніе* Халкидонскаго собора, на которомъ разсматривалось дѣло Ивы Едесскаго, при чемъ на соборѣ былъ прочитанъ такой, хотя неправильный, отзывъ о Ѳеодорѣ изъ посланія Ивы: „тиранъ нашего города (еп. Равула) подъ предлогомъ вѣры наказываетъ не только живыхъ, но и тѣхъ, которые давно отошли къ Богу. Одинъ изъ сихъ послѣднихъ есть блаженный Ѳеодоръ (Мопсуестскій), проповѣдникъ истины и учитель церкви, который не только при жизни своей обращалъ еретиковъ къ истинной вѣрѣ своей, но и послѣ смерти въ своихъ сочиненіяхъ оставилъ сынамъ церкви духовное оружіе. Его-то дерзнулъ онъ (Равула) открыто анаѳематствовать предъ церковію, его, который по ревности Божіей не только свой собственный городъ

*) Гефеле. Ibidem. стр. 190—191.

отъ заблужденія обратилъ къ истинѣ, но и отдаленныя церкви научилъ своимъ ученіемъ" (Д. IV, 227—8). Соборъ Халкидонскій, выслушивая эти хвалы Θеодору, ничего не сказалъ противъ нихъ. Это могло давать поводъ поклонникамъ Θеодора защищать его, какъ лицо, похваламъ котораго не счелъ долгомъ противорѣчить соборъ вселенскій. Подобные люди могли въ пользу Θеодора истолковать и то, что отъ Ивы соборъ Халкидонскій требовалъ произнести анаθему на Несторія, а ничуть не потребовалъ анаθемы на Θеодора, несмотря на сродство ученія обоихъ лицъ (Д. IV, 244). Это можно было истолковывать такъ: соборъ Халкидонскій не считалъ законнымъ анаθематствовать Θеодора. Но это еще не все, въ чемъ можно было находить опору для защиты Θеодора, изъ чего можно было видѣть, что церковь какбы еще охраняла память Θеодора отъ осужденія. Извѣстно было, что и порицатели Θеодора изъ 5-го вѣка, каковы св. Кириллъ, св. Проклъ, императоръ Θеодосій младшій, щадили память Θеодора. Въ то время, когда Кириллъ и Проклъ послѣ III вселенскаго собора начали борьбу противъ Θеодора и противъ его сочиненій, какъ зараженныхъ несторіанствомъ, появились и другіе борцы противъ тогоже Θеодора, но борцы неразумные, не разсудительные, которые въ своемъ противодѣйствіи Θеодору заходили такъ далеко, что даже и православныя мнѣнія его провозглашали еретическими; это были монахи и клирики изъ Арменіи и Персіи зараженные монофизитствомъ *). Они обратились къ Проклу и самому императору съ прошеніемъ, въ которомъ энергически умоляли ихъ подвергнуть осужденію Θеодора: „просимъ, дабы было у васъ единство противъ Θеодора и святотатственныхъ главъ и мнѣній его и тѣхъ, которые думаютъ или учатъ подобному. Просимъ, чтобы чрезъ васъ осужденъ былъ

*) Гефеле. Ibidem стр 269. Дѣян. V, 126.

по имени еще прежде осужденный безъименно (т.-е. въ сочиненіи Прокла противъ Θеодора), болѣе Несторія святотатственный въ различномъ нечестіи Θеодоръ" (Д. V, 130). Составители прошенія писали: „мы опредѣлили признать Θеодора уклоняющимся *во всемъ* отъ правоты догматовъ" (Д. V, 128). Голосъ этихъ неразумныхъ противниковъ Θеодора, мысливших монофизитски, заставилъ быть болѣе осторожными, болѣе мягкими въ отношеніи къ Θеодору прежнихъ жаркихъ порицателей его, именно Прокла и Кирилла. Къ этому присоединились и другія обстоятельства, которыя также требовали особенной осторожности отъ вождей православія въ образѣ дѣятельности противъ Θеодора. Мы имѣемъ въ виду указать высокое уваженіе, какимъ имя и сочиненія Θеодора пользовались въ цѣломъ обширномъ патріархатѣ Антіохійскомъ. Какъ оно было высоко и глубоко у Антіохійцевъ къ Θеодору, это видно изъ слѣдующихъ фактовъ. Антіохійская церковь, какъ скоро узнала, что Кириллъ и Проклъ поражаютъ проклятіемъ Θеодора, начала заступаться за честь этого представителя антіохійской богословской школы. Кириллу писали, что Θеодоръ во многомъ училъ согласно съ Аθанасіемъ Великимъ, Василіемъ Великимъ, Григоріемъ Богословомъ, что если осуждать Θеодора, то придется осуждать и этихъ величайшихъ учителей церкви. Кириллъ узналъ, что церковь Антіохійская сильно заволновалась при извѣстіи объ анаθематствованіи Θеодора; начались въ церковномъ Антіохійскомъ округѣ сходки христіанъ, на которыхъ народъ провозглашалъ: да умножится вѣра Θеодора! Такъ вѣруемъ, какъ Θеодоръ! (Д. V, 400—401). Этого мало: архіепископъ Антіохійскій Іоаннъ и епископы его округа собрались на соборъ, на которомъ положено было твердо стоять за Θеодора и ходатайствовать за него предъ Прокломъ и императоромъ Θеодосіемъ. Съ этою цѣлію соборъ составилъ слѣдующее защитительное за Θеодора письмо къ Проклу: „наши души поражены, что распространяются клеветы не только противъ живыхъ, но и противъ блаженнаго Θеодора, добрѣ отошедшаго отъ

сей жизни, противъ Θеодора, который 45 лѣтъ блисталъ своимъ ученіемъ, ниспровергая всякую ересь, который умеръ совершивши многія борьбы съ ересями и написавши 10,000 книгъ, который былъ въ уваженіи у священниковъ, царей и народовъ и считался у нихъ первымъ. Теперь же поднялось смятеніе не только между нами (епископами), но и между всѣмъ народомъ христіанскимъ; не проходитъ ни однаго церковнаго празднества безъ замѣшательства, поднимаются возстанія противъ насъ самихъ, и все потому, что не хотятъ слышать, чтобы подвергались анаѳемѣ умершіе отцы" *). Съ подобнымъ же сильнымъ письмомъ въ защиту Θеодора обращается соборъ Антіохійскій и къ Θеодосію младшему. Въ немъ между прочимъ говорилось: „священный императоръ, если найдется что-либо темное въ сочиненіяхъ его (Θеодора) или другихъ лицъ, за это не слѣдуетъ порицать непремѣнно. Кто жизнь свою окончилъ наилучшимъ образомъ, тѣмъ мы должны воздавать полную славу и судить о нихъ не на основаніи того, въ чемъ обвиняютъ ихъ. Да и возможно ли, чтобы учители церкви, будучи людьми, избѣгли клеветъ? Даже самое евангеліе, и то еретики перетолковываютъ въ своихъ видахъ, извращая божественныя слова. Вотъ что говоримъ мы всѣ епископы антіохійскіе, собравшіеся на соборъ" **). При такой ревности, съ какою отцы церкви антіохійской отстаивали Θеодора, представителямъ духовной и свѣтской власти въ имперіи ничего не оставалось дѣлать, какъ въ видахъ мира церковнаго уступить до извѣстной степени друзьямъ Θеодора по вопросу о немъ. Такъ именно и было. Кириллъ пишетъ къ Іоанну архіепископу антіохійскому, успокоиваетъ его относительно Θеодора, называетъ Θеодора „мужемъ удивительнымъ, пріобрѣтшимъ величайшую славу", не одобряетъ тѣхъ, которые „вопіютъ противъ него, ненавидятъ

*) Facundus. Ibidem. p. 109—710.

**) Facundns. Ibidem. p. 715.

его; онъ называетъ такихъ стремящимися неизвѣстно на кого и поражающими воздухъ“ (Дѣян. V, 168—9). Въ другомъ посланіи къ самому Проклу Кириллъ относится снисходительнѣе, кротче прежняго къ памяти Θеодора; прямо высказывается противъ анаθематствованія Θеодора. Вотъ что писалъ онъ къ Проклу: „самый третій вселенскій соборъ не подвергнулъ анаθемѣ его Θеодора, но именно для того, чтобы нѣкоторые, относящіеся съ уваженіемъ къ этому мужу, не отдѣлились отъ церквей. Благоразуміе въ этомъ есть прекрасное и мудрое дѣло, ибо еслибы онъ былъ въ живыхъ и благопріятствовалъ хуламъ Несторія или хотѣлъ бы подавать голосъ за то, что онъ написалъ, то онъ и въ собственномъ лицѣ подвергся бы анаθемѣ. А такъ какъ онъ *отошелъ къ Богу*, то достаточно, какъ я думаю, чтобы только нелѣпо написанное имъ было отвергаемо тѣми, которые имѣютъ правыя мысли“ (Дѣян. V, 403). „Скройтесь вы сами, натягивающіе луки противъ праха, ибо нѣтъ того, кто обвиняется вами. Я уступаю тѣмъ, кто говоритъ, что тяжко ругаться надъ умершими, хотябы они были мірскіе, и еще болѣе надъ тѣми, которые отошли отъ жизни въ епископскомъ санѣ“ (Дѣян. V, 170. 403). Съ своей стороны и Проклъ началъ иначе относиться къ вопросу объ осужденіи Θеодора. До насъ сохранились отрывки письма его къ Іоанну антіохійскому, въ которомъ онъ пишетъ: „когда я писалъ тебѣ, что должно анаθематствовать Θеодора или кого-либо другаго изъ умершихъ уже? Когда я сообщалъ тебѣ, чтобы имена Θеодора и другихъ лицъ были анаθематствованы? Они отошли къ Богу; излишне тѣхъ подвергать оскорбленію по смерти, на кого при жизни мы не возводили никакой вины“ *). Императоръ Θеодосій издаетъ указъ, которымъ онъ въ свою очередь хочетъ оградить честь и имя Θеодора отъ проклятій. Этотъ указъ обращенъ къ Іоанну антіохійскому; призывая въ немъ всѣхъ къ миру

*) Facundus. Ibidem. 728.

и спокойствію, императоръ пишетъ: „пусть никто не осмѣливается предначинать что-либо противъ тѣхъ, которые скончались въ мирѣ съ церковію“ *).

Спорить такимъ образомъ о Θеодорѣ было возможно: противники Θеодора могли въ предшествующей исторіи указывать одни факты, а защитники другіе.

Не менѣе было возможности спорить за и противъ Θеодорита Кирскаго. Жизнь и дѣятельность его была исполнена треволненій: его можно было съ одинаковымъ правомъ выставлять и еретикомъ и ревностнымъ православнымъ. Въ порицаніе Θеодорита могли указывать на слѣдующіе факты изъ исторіи его жизни. Предъ третьимъ вселенскимъ соборомъ, во время его и вскорѣ послѣ него, Θеодоритъ оставался приверженцемъ несторіанства **). Приверженность его къ Несторію съ ясностію можно видѣть изъ нѣкоторыхъ писемъ его, писанныхъ къ разнымъ лицамъ и самому Несторію. Такъ въ письмѣ къ этому послѣднему онъ писалъ: „съ тѣмъ, что несправедливо и противозаконно совершено было противъ твоей святости, я не позволю себѣ согласиться и тогда, еслибы кто-нибудь отсѣкъ мнѣ обѣ руки“. Въ другомъ письмѣ къ одному никомидійскому епископу, Θеодоритъ говоритъ: „на осужденіе достопочтеннаго и святѣйшаго епископа Несторія, которое, говорятъ, сдѣлано, мы не должны давать согласія“. Въ письмѣ къ Александру епископу іерапольскому, также говоритъ: „я и прежде говорилъ твоей святости, что если ученіе господина моего достопочтеннаго и святѣйшаго епископа Несторія будетъ осуждено, я не буду имѣть общенія съ тѣми, которые это сдѣлаютъ“. О своемъ отношеніи къ III вселенскому собору въ одномъ письмѣ Θеодоритъ объявляетъ: „я никакимъ образомъ не соглашаюсь на осужденіе Несторія, которое постановлено въ Ефесѣ“

*) Facundus. Ibidem. 717—718. **) Іоанна еписк. Исторія св. всел. соборовъ, стр. 207, 223, 224.

(Дѣян. V, 448—449). Θеодоритъ, стоя на сторонѣ Несторія и раздѣляя, хотя и не до крайности, ученіе этого еретика, въ тоже время съ яростію нападалъ на главнаго борца противъ несторіанства—Кирилла Александрійскаго. Онъ разбиралъ знаменитое сочиненіе Кирилла—анаθематизмы противъ Несторія и порицалъ Кирилла за его ученіе, считая его еретикомъ, послѣдователемъ Аполлинарія, который отрицалъ въ Богочеловѣкѣ Христѣ душу человѣческую и допускалъ страданіе Христа по божеству. Приводимъ нѣкоторые отрывки изъ полемики Θеодорита противъ Кирилла. „Мужъ (т.-е. Кириллъ), которому поручено пасти и ввѣрено такое стадо и повелѣно врачевать немощныхъ овецъ, не только самъ боленъ и весьма сильно, но и старался заразить болѣзнію и овецъ и хуже дикихъ звѣрей терзаетъ своихъ овецъ. Меня особенно сокрушаетъ то, что подъ именемъ и видомъ благочествія и состоя въ достоинствѣ пастыря, онъ изрыгаетъ еретическія и хульныя слова и возобновляетъ уничтоженное прежде пустое и вмѣстѣ нечестивое ученіе Аполлинарія". Самаго Кирилла называетъ человѣкомъ „дерзкимъ, коварнымъ", его ученіе нелѣпостію, снопами еретическихъ сѣменъ (Дѣян. II, стр. 126—7; 139). При другомъ случаѣ, пиша въ защиту Θеодора Мопсуестскаго, котораго опровергалъ Кириллъ, Θеодоритъ порицалъ Кирилла, этого защитника истины, съ неменьшею яростію. Онъ писалъ: „что воспламенило въ тебѣ, защитникъ истины, столько ревности, что ты такъ и столько высокопарничаешь противъ Θеодора и представляешь его нечестивѣйшимъ язычниковъ и вмѣстѣ іудеевъ и содомлянъ? Что новаго (еретическаго) сказалъ Θеодоръ, что ты забросалъ его столькими хулами, приказывая ему обуздывать языкъ, а самъ пустилъ его бѣжать безъ узды? Какою нескладною рѣчью, какъ съ похмѣлья, и сколько хуленій ты излилъ противъ него"! (Дѣян. V, 148). Кириллъ въ свою очередь, опровергая возраженія, какія представлялъ Θеодоритъ противъ него, дѣлаетъ самые

строгіе отзывы о характерѣ и ученіи епископа кирскаго. Онъ писалъ противъ Θеодорита: „ты, который разверзаешь противъ насъ величественныя уста, ты утонченно созерцаешь таинство едва-едва въ бодрственномъ состояніи, какъ будтобы сквозь сонъ и въ опьянѣлости". Кириллъ называетъ его „клеветникомъ, дерзкимъ, коварнымъ, блуждающимъ въ непотребныхъ умствованіяхъ", и ученіе его „странными и противными истинѣ словами, безстыднымъ сопротивленіемъ слову Божію, извращеніемъ догматовъ истины" (Дѣян. II. 131, 143, 145, 155); наконецъ прямо объявляетъ его послѣдователемъ Несторія: „ты усердный подражатель мерзости Несторія" (Ibid. 184). Такимъ образомъ склонность Θеодорита къ несторіанству, его борьба съ Кирилломъ, противленіе его собору III вселенскому, и авторитетный отзывъ о немъ Кирилла, давали сильное оружіе порицателямъ Θеодорита въ спорѣ о трехъ главахъ. Но съ другой стороны не безъ оружія въ рукахъ оставались въ борьбѣ съ противниками Θеодорита и защитники его чести и памяти. Θеодорита съ полнымъ правомъ можно было отстаивать, какъ мужа послужившаго благу церкви и какъ приверженца православія. Θеодоритъ не остался навсегда слѣпымъ приверженцемъ Несторія; когда характеръ дѣятельности и ученія Кирилловыхъ выяснился для Θеодорита, онъ пересталъ враждебно относится къ Кириллу и собору III вселенскому, возсоединился съ вселенскою церковію *). Когда начало развиваться монофизитство, онъ сдѣлался первою жертвою происковъ монофизитовъ; сдѣлался исповѣдникомъ за православіе, ибо соборъ разбойничій 449 года лишилъ Θеодорита епископскаго сана, а императоръ Θеодосій II сослалъ его въ ссылку **). Но важнѣйшимъ обстоятельствомъ, какимъ можно было пользоваться для защиты Θеодорита—должно было быть оправданіе Θеодорита на соборѣ Халкидонскомъ, IV вселен-

*) Іоаннъ еп. Исторія св. всел. собор. стр. 242.

**) Гефеле. Ibid. s. 782.

скомъ. Дѣло было такъ: Θеодоритъ на соборѣ разбойничьемъ лишенъ былъ епископства; соборъ Халкидонскій по прошенію Θеодорита, долженъ былъ пересмотрѣть этотъ приговоръ, что имъ и сдѣлано было въ *8-мъ дѣяніи*. Лишь только явился Θеодоритъ на это засѣданіе, отцы потребовали: пусть Θеодоритъ тотчасъ анаθематствуетъ Несторія. Θеодоритъ на это объявилъ, что пусть прочтутся документы, на основаніи которыхъ теперь разбирается его дѣло, и отцы увидятъ, что онъ не погрѣшаетъ въ вѣрѣ. Отцы снова повторили свое требованіе: „мы не хотимъ ничего читать, анаθематствуй сейчасъ Несторія". Тогда Θеодоритъ сказалъ: „я и воспитался между православными и наученъ православно и проповѣдывалъ православно, и не только Несторія и Евтихія, но и всякаго человѣка, не право мудрствующаго отвращаюсь и считаю отлученнымъ". Но отцы не удовлетворились такимъ объясненіемъ и говорили: „ясно скажи: анаθема Несторію и ученію его, анаθема Несторію и друзьямъ его"! Θеодоритъ продолжалъ уклоняться отъ такого рѣшительнаго анаθематствованія на Несторія. Епископы снова восклицали: „скажи ясно: анаθема Несторію и одинаково съ нимъ думающимъ". Θеодоритъ, вмѣсто исполненія требованій, заявилъ, что онъ изложитъ сначала, какъ именно онъ вѣруетъ. Отцы прервали его снова, восклицая съ негодованіемъ: онъ еретикъ, несторіанинъ, вонъ еретика. Теперь Θеодоритъ безъ всякихъ уклоненій ясно и выразительно произноситъ анаθему на Несторія: „анаθема Несторію и тому, кто не признаетъ св. Дѣву Марію Богородицею, и тому, кто единаго и единороднаго Сына раздѣляетъ на двухъ сыновъ. Такъ я мудрствую"! При этомъ Θеодоритъ заявилъ, что онъ принимаетъ догматическое посланіе папы Льва. Соборъ единодушно призналъ его оправданнымъ. Отцы восклицали: „Θеодоритъ достоинъ престола, православный учитель да пріиметъ церковь, Θеодориту епископу пусть будетъ возвращена церковь" (Дѣян. IV, 179—181). Изъ этого изслѣдованія дѣла Θеодоритова, какое проис-

ходило на соборѣ Халкидонскомъ, видно, что отцы собора встрѣтили Ѳеодорита подозрительно, считая его тайнымъ несторіаниномъ, что Ѳеодоритъ не вдругъ произнесъ анаѳему на Несторія, а колебался и тѣмъ доказывалъ, что подозрѣнія собора относительно его личности не напрасны (этимъ могли пользоваться во вредъ Ѳеодорита противники его), но что наконецъ истина взяла верхъ въ душѣ Ѳеодорита надъ всякою склонностію къ ереси, какъ и признали это отцы собора (а это было вѣрнымъ ручательствомъ, которымъ могущественно могли пользоваться въ своихъ интересахъ защитники этого епископа). Защитники Ѳеодорита, принимая во вниманіе приговоръ собора Халкидонскаго надъ нимъ, могли указывать на осужденіе Ѳеодорита, котораго требовалъ указъ Юстиніана, какъ на прямое сопротивленіе этому собору, какъ на стремленіе поколебать авторитетъ его, какъ на вредную попытку перемѣнить рѣшенное голосомъ всей церкви. Притомъ въ пользу Ѳеодорита современники Юстиніана съ правомъ могли указывать на то, что онъ своими богословскими сочиненіями слишкомъ много послужилъ церкви, чтобы осуждать его за немногія сочиненія, написанныя имъ не въ пользу православія, и что онъ умеръ въ мирѣ съ церковію. Слѣдовательно и о Ѳеодоритѣ спорить было можно: церковь знала за нимъ не мало непохвальнаго; но знала и много похвальнаго.

Третье лицо, о которомъ поднимается споръ въ церкви, по изданіи указа Юстиніанова, содержащаго въ себѣ осужденіе трехъ главъ, былъ Ива епископъ едесскій. Его жизнь давала много доказательствъ и въ пользу его несторіанства и въ пользу его православія. Вскорѣ послѣ собора III вселенскаго, сдѣлавшись епископомъ едесскимъ, Ива сталъ извѣстенъ, какъ приверженецъ мнѣній Несторія, старался о переводѣ сочиненій несторіанскихъ на сирскій языкъ и приносилъ явный вредъ церкви, въ чемъ и былъ укоряемъ Прокломъ (Дѣян. V, 182. 232). Кромѣ того собирались два помѣстные собора для разсмотрѣнія между

прочими преступленіями Ивы и еретическихъ несторіанскихъ его воззрѣній, въ Беритѣ и Тирѣ (около 448 г.). На соборѣ въ Беритѣ на него донесено было, что онъ несторіанинъ и св. Кирилла называлъ еретикомъ (Дѣян. IV, 211). Здѣсь же одинъ изъ обвинителей раскавывалъ слѣдующее о нечестивыхъ мнѣніяхъ Ивы: „есть обычай въ св. Церкви, по которому Ива въ день Пасхи или за день раздаетъ клирикамъ собственноручно кое-что для праздника. Намѣреваясь дѣлать это, онъ прежде бесѣдуетъ и такимъ образомъ раздаетъ. Онъ бесѣдовалъ предъ всѣми клириками присутствовавшими для принятія того, что раздается для праздника. Произнося бесѣду, онъ сказалъ: „не завидую Христу, сдѣлавшемуся Богомъ, ибо насколько сдѣлался Онъ, сдѣлался и я“. Чтобы понять это изреченіе въ его настоящемъ смыслѣ, нужно принять во вниманіе, что, если Ива мыслилъ несторіански, то могъ сказать эти слова, основываясь на ученіи о раздѣленіи во Христѣ двухъ естествъ (Дѣян. IV, 214—215). На соборѣ въ Тирѣ онъ обвинялся, какъ мыслящій неправо, учащій иному вопреки ученію благочестія, т.-е. понесторіански (Дѣян. IV, 188). Подобныя обвиненія, какія возводились на Иву въ его время, должны были выставлять его, какъ человѣка подозрительнаго по отношенію къ ученію вѣры. Но однакожь ни соборъ въ Беритѣ, ни соборъ въ Тирѣ не объявилъ его еретикомъ. На первомъ соборѣ, когда его обвиняли въ томъ, что онъ называлъ Кирилла еретикомъ, Ива сознался, что онъ дѣйствительно называлъ его еретикомъ, но только тогда, когда еще не произошло примиренія между нимъ (Кирилломъ) и Іоанномъ архіепископомъ антіохійскимъ (по поводу осужденія Несторія); когда же Кириллъ и Іоаннъ, въ вѣдомствѣ котораго жилъ Ива, примирились между собою и первый истолковалъ свои анаѳематизмы, соблазнявшіе епископовъ антіохійскаго округа, мы, заявилъ Ива, были во взаимной перепискѣ съ Кирилломъ и общеніи съ нимъ (Дѣян. IV, 220—221). Что касается до обвиненія, какое возводилось на

Иву на томъже соборѣ, что будто онъ публично въ проповѣди говорилъ: „я не завидую Христу“ и пр., то Ива рѣшительно отвергалъ силу этого обвиненія. На соборѣ онъ говорилъ: „анаѳема говорящему это и клевещущему; ибо я это не говорилъ. Нѣтъ, я дозволю разсѣчь себя десять тысячь разъ, чѣмъ сказать эти слова; мнѣ даже не думалось этого“ (Дѣян. IV, 214). На соборѣ въ Тирѣ Ива также защищалъ себя противъ обвиненій въ неправославіи и не безъ успѣха. Соборъ удовлетворился его объясненіями, именно когда онъ обѣщался торжественно въ своей едесской церкви проклясть Несторія и тѣхъ, кои увлекались его сочиненіями или его словами, когда объяснилъ, что онъ подобно Іоанну антіохійскому примирился съ теченіемъ времени съ Кирилломъ и считаетъ III вселенскій соборъ соборомъ движимымъ отъ Духа Святаго и равнымъ съ Никейскимъ I вселенскимъ соборомъ (Дѣян. IV, 189). Однако дѣло о чистотѣ вѣры епископа Ивы на этомъ не окончилось. Обвинителями его оно было перенесено на соборъ Ефесскій 449 года или разбойничій, гдѣ исканія обвинителей увѣнчались успѣхомъ. Ива былъ лишенъ епископства, разумѣется потому, что соборъ этотъ призналъ его мыслящимъ понесторіански. Окончательный судъ по дѣлу Ивы постановленъ былъ уже на соборѣ Халкидонскомъ въ 9 и 10 его засѣданіи. Приговоръ собора разбойничьяго касательно Ивы признанъ здѣсь не имѣющимъ никакой силы и значенія (Дѣян. IV, 193—4; 236—7). Для того, чтобы испытать степень православія Ивы, Халкидонскій соборъ потребовалъ отъ него, чтобы онъ проклялъ Несторія и Евтихія, что Ива и исполнилъ съ готовностію и полною искренностію. Халкидонскіе отцы говорили ему: пусть онъ анаѳематствуетъ Несторія и Евтихія и ихъ ученіе. Ива отвѣчалъ: „я уже письменно анаѳематствовалъ Несторія и его ученіе и нынѣ анаѳематствую его десять тысячь разъ. Ибо что однажды сдѣлано въ удовлетвореніе (собора), то хотябы дѣлалось десять тысячь разъ, не причиняетъ скорби. Анаѳема и са-

мому Несторію и Евтихію. Анаѳематствую и всякаго, кто мудрствуетъ не такъ, какъ мудрствуетъ этотъ святой соборъ" (Дѣян. IV, 245). Кромѣ того на соборѣ Халкидонскомъ прочитано было заявленіе клириковъ едесской церкви, что Ива былъ православенъ. „Да будемъ мы прокляты, писали они, если мы знаемъ, что Ивою сказано было нѣчто противное каѳолической вѣрѣ" (Дѣян. IV, 230—231). Послѣ этого Ива, какъ мужъ неподозрительный въ отношеніи къ православію, былъ возстановленъ въ своемъ епископскомъ достоинствѣ. Всѣ эти, изложенные нами факты касательно Ивы могли давать пищу для неодинаковыхъ сужденій о немъ; съ одной стороны было несомнѣнно, что было время, когда Ива подобно Ѳеодориту являлся противникомъ Кирилла и III вселенскаго собора; но съ другой стороны не могло быть сомнѣній и въ томъ, что Ива свои заблужденія очистилъ исправленіемъ себя и объявленъ человѣкомъ мыслящимъ правильно отъ самаго Халкидонскаго собора. Если обращали болѣе вниманія на первый періодъ его жизни и на показанія его обвинителей, то могли осуждать его; если же болѣе обращали вниманія на второй періодъ его жизни и на приговоръ о немъ Халкидонскаго собора, могли оправдывать и защищать его. Значитъ спорить и объ Ивѣ было можно. Впрочемъ всѣ эти факты могли имѣть только второстепенное значеніе въ спорѣ объ Ивѣ. Главнымъ предметомъ спора по поводу Ивы было его *посланіе къ Марію Персу* *). Это посланіе въ числѣ доказательствъ несторіанскихъ воззрѣній Ивы было представляемо обвинителями этого епископа и ранѣе IV вселенскаго собора, было читано и на Халкидонскомъ соборѣ. Посланіе это было такого содержанія, что на немъ можно было построивать и обвиненіе противъ Ивы и защиту его. Первая половина посланія прямо и рѣшительно говорила противъ Ивы, во вредъ ему. Здѣсь 1) Кириллъ порицался самымъ недостойнымъ образомъ; онъ описывался

*) Епископъ Гардаширскій въ Персіи.

смутотворцемъ и еретикомъ. Ива писалъ: „произошелъ споръ между двумя человѣками—Несторіемъ и Кирилломъ. Они написали одинъ противъ другаго пагубныя книги. Ибо Несторій сказалъ въ своихъ книгахъ, что блаженная Марія не есть Богородица, такъ что многіе думали, что онъ былъ послѣдователь Павла Самосатскаго (еретикъ III в.), который говорилъ, что Христосъ былъ чистый человѣкъ. А Кириллъ, желая опровергнуть книги Несторія, погрѣшилъ и оказался впавшимъ въ ученіе Аполлинарія. Ибо онъ говорилъ подобно ему, что самъ Богъ Слово сдѣлался человѣкомъ, такъ что не было различія между храмомъ, т.-е. человѣчествомъ Христа, и обитающимъ въ немъ, т.-е. Божествомъ. Онъ написалъ двѣнадцать главъ о томъ, что естество божества и человѣчества Господа нашего Іисуса Христа одно. Это полно всякаго нечестія“ (Д. IV, 225; V, 233). 2) О соборѣ Ефесскомъ третьемъ вселенскомъ письмо отзывается съ неуваженіемъ; дѣятельность его оно считаетъ выраженіемъ личныхъ происковъ Кирилла и причиною нескончаемыхъ волненій въ церкви. Ива писалъ: „вслѣдствіе преній положено было обратиться въ Ефесъ и сообща разсудить о книгахъ Несторія и Кирилла. Но прежде чѣмъ всѣ епископы, которымъ повелѣно было собраться, прибыли въ Ефесъ, этотъ Кириллъ, предупредивъ, овладѣлъ слухомъ всѣхъ посредствомъ какой-то отравы, ослѣпляющей очи мудрыхъ. Онъ воспользовался ненавистію, какую питали къ Несторію, и безъ суда и слѣдствія низложилъ его. Отъ этого произошла великая скорбь; епископы были во враждѣ съ епископами и народы съ народами. Каждый преслѣдовалъ ближняго своего, какъ врага“ (Д. IV, 226—7. V, 234—5). 3) Въ своемъ письмѣ Ива превозноситъ Ѳеодора Мопсуестскаго, несмотря на его еретическія мнѣнія, такими похвалами, какія были совершенно неумѣстны въ устахъ человѣка истинно православнаго, при чемъ порицаетъ тѣхъ, кто, стоя на точкѣ зрѣнія православія, осуждалъ сочиненія и ученіе Ѳеодора. Въ письмѣ читаемъ: „многіе, не имѣя предъ

очами страха Божія, подъ предлогомъ ревности о церквахъ спѣшили привести въ дѣйствіе вражду, которую скрывали въ сердцахъ своихъ. Одинъ изъ таковыхъ есть тираннъ нашего города (т.-е. епископъ Равула). Онъ подъ предлогомъ вѣры не только наказываетъ живыхъ, но и тѣхъ, которые давно отошли къ Богу. Одинъ изъ сихъ послѣднихъ есть блаженный Θеодоръ, проповѣдникъ истины и учитель церкви, который не только при жизни своей обращалъ еретиковъ къ истинной вѣрѣ, но и послѣ смерти оставилъ сынамъ церкви духовное оружіе. Его-то, Θеодора, дерзнулъ онъ, на все дерзающій, открыто анаѳематствовать предъ церковію, его, который по ревности Божіей не только свой собственный городъ отъ заблужденія обратилъ къ истинѣ, но и отдаленныя церкви научилъ своимъ ученіемъ. И о книгахъ его повсюду было произведено много изслѣдованій, не потому чтобы онѣ были чужды истинной вѣры, но по причинѣ скрытой вражды, которую тотъ (Равула) имѣлъ противъ него за то, что онъ открыто обличалъ его на соборѣ“ (Д. IV, 227—8. V, 235). Таково содержаніе первой половины письма; вторая же половина письма могла быть обращаема въ защиту Ивы. Въ ней говорится о томъ, что Ива съ сочувствіемъ относится къ примиренію, которое послѣ III вселенскаго собора состоялось между Кирилломъ, защитникомъ православнаго ученія, и Іоанномъ Антіохійскимъ (который ранѣе былъ сторонникомъ Несторія), и послѣ котораго наступаетъ въ церкви миръ и спокойствіе. Т.-е. вторая половина письма показываетъ, что Ива, если сначала и стоялъ на сторонѣ несторіанской, то въ послѣдствіи перешелъ на сторону православныхъ. Здѣсь онъ писалъ: „Богъ, всегда пекущійся о своей церкви, восхотѣлъ, чтобы сердце Кирилла умягчилось. Кириллъ и Іоаннъ вошли въ общеніе другъ съ другомъ; распря прекратилась; въ церкви водворился миръ. И въ церкви нѣтъ раскола, но миръ, какъ было прежде. Распря уже успокоилась и средостѣніе вражды разрушено“ (Д. IV, 229; V, 236). Кромѣ того въ посланіи за-

ключается хоть краткое, но ясное, противонесторіанское исповѣданіе вѣры, изъ котораго можно видѣть, что ученіе Ивы, по крайней мѣрѣ за позднѣйшій періодъ его жизни, было чуждо подозрѣній. Онъ говоритъ, что онъ наученъ и утвержденъ божественнымъ ученіемъ, что „два естества, одна сила, одно лицо, которое есть одинъ Сынъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ" (Д. IV, 226. Д. V, 234). Теперь, если судить объ Ивѣ на основаніи этого посланія, то можно было считать его заслуживающимъ порицанія и снисхожденія. И правду сказать, Ива за это посланіе болѣе заслуживалъ осужденія, чѣмъ снисхожденія, потому что и послѣ того какъ онъ перешелъ на сторону православныхъ, о чемъ говоритъ его посланіе, онъ однакожь позволяетъ себѣ выражаться о Кириллѣ и III вселенскомъ соборѣ въ тонѣ вражды. Какъ бы то ни было, соборъ Халкидонскій, принимая во вниманіе другія свидѣтельства чистоты вѣры Ивиной, какъ мы замѣтили выше, оправдалъ Иву. Но самое это оправданіе, когда поднялся во время Юстиніана вопросъ объ Ивѣ, сдѣлалось предметомъ не одинаковыхъ толкованій. Въ приговорѣ, который произнесли отцы халкидонскіе объ этомъ епископѣ, спорящія стороны находили опору для защиты и осужденія Ивы (Д. V, 247—9). Одни (защитники Ивы) находили, что отцы собора признали Иву православнымъ и самое его посланіе не предосудительнымъ; другіе (противники его) утверждали, что отцы собора не одобряли посланіе Ивы и смотрѣли на Иву, какъ на раскаявшагося еретика, и только потому заслужившаго прощеніе собора. Основанія для такого разнорѣчія могли давать сужденія отцевъ Халкидонскаго собора, въ которыхъ они выразили свой приговоръ о немъ. Напримѣръ, папскіе легаты и Максимъ патріархъ Антіохійскій, повидимому безусловно признали Иву православнымъ; говорили: „по прочтеніи хартіи, мы узнали изъ заявленій епископовъ, что Ива оказывается невиннымъ. Прочитавши его посланіе, мы узнали, что онъ православенъ" (Д. IV, 240—241). Другіе отцы, произносившіе свой

судъ надъ Ивою, иначе выразили свой приговоръ надъ нимъ, напр. Анатолій патріархъ Константинопольскій и Ювеналій патріархъ Іерусалимскій. Они говорили (слова Ювеналія): „божественное писаніе повелѣваетъ принимать обращающихся изъ еретиковъ. Посему мы находимъ справедливымъ оказать милосердіе Ивѣ, который притомъ старъ, возвративъ ему, какъ православному, достоинство епископства“ (Д. IV, ibidem). На основаніи этихъ не одинаковыхъ сужденій объ Ивѣ, защитникамъ Ивы казалось необходимымъ защищать не только лицо Ивы отъ осужденія, но и самое его посланіе; осуждать посланіе, казалось имъ, значило посягать на авторитетъ IV вселенскаго собора. Наоборотъ, противники Ивы, обращая вниманіе на голоса Анатолія и Ювеналія, находили, что осужденіемъ посланія Ивина не только не наносится никакого оскорбленія IV всел. собору, а именно и дѣлается то, что сдѣлалъ самъ соборъ.

Изъ раскрытыхъ нами фактовъ касательно Θеодора, Θеодорита и Ивы открывается, что споръ о трехъ главахъ имѣлъ большой запасъ матеріала. Какъ скоро изданъ былъ указъ Юстиніана, споръ могъ возгорѣться и дѣйствительно возгорѣлся.

II. *Исторія спора о трехъ главахъ.*

Согласіе епископовъ Востока на осужденіе трехъ главъ.—Первоначальное сопротивленіе церкви западной осужденію трехъ главъ: латинскіе духовные въ Константинополѣ, епископъ Африканскій Понтіанъ и его посланіе —Римская церковь и посланіе къ ней Ферранда.—Стремленіе Юстиніана склонить папу Вигилія на осужденіе трехъ главъ, прибытіе папы въ Константинополь и поведеніе его здѣсь; папа склоняется къ осужденію трехъ главъ.—Дальнѣйшее сопротивленіе Запада осужденію трехъ главъ: діаконы Рустикъ и Севастіанъ, Африканскій и Иллирійскій соборы.—Факундъ и изложеніе его сочиненія „въ защиту трехъ главъ".—Новыя мѣры Юстиніана къ достиженію согласія церкви на осужденіе трехъ главъ: соборъ Мопсуестскій 550 г.,—религіозный указъ Юстиніана съ разборомъ возраженій объ осужденіи трехъ главъ.—Необходимость новаго вселенскаго собора.

Своему указу, изданному въ 544 году, въ которомъ произносилась анаѳема на лицо и сочиненія Ѳеодора мопсуестскаго, на нѣкоторыя сочиненія Ѳеодорита и письмо Ивы къ Марію Персу, императоръ Юстиніанъ хотѣлъ придать общецерковное значеніе. Съ этою цѣлью онъ потребовалъ, чтобы подъ нимъ подписались всѣ представители церковной власти—патріархи и епископы. Но этого достигнуть было не легко. Мысль о томъ, что подобнымъ осужденіемъ наносится оскорбленіе собору Халкидонскому и даже колеблется авторитетъ его, однихъ изъ епископовъ сдѣлала медлительными въ исполненіи императорскаго повелѣнія и желанія, другихъ—явными врагами указа.

Патріархи восточные сначала приняли указъ недовѣрчиво и колебались подписаться подъ нимъ, но только на короткое время. Впослѣдствіи они подписались и начали

дѣйствовать единодушно съ императоромъ. Первое лицо, отъ котораго императоръ потребовалъ подписи указа, былъ патріархъ Константинопольскій Мина. Онъ подписался не вдругъ; онъ находилъ сначала, что осужденіе трехъ главъ, чего желалъ императоръ, грозитъ опасностью авторитету собора Халкидонскаго. Но потомъ онъ подписался на условіи, что онъ признаетъ свою подпись недѣйствительною, если папа Римскій не согласится на подпись указа *). Другой патріархъ восточный Зоилъ Александрійскій подписался подъ указомъ Юстиніана также не безъ колебаніи и только послѣ понужденій со стороны Юстиніана **). Третій патріархъ восточный Ефремъ Антіохійскій сначала объявилъ себя врагомъ указа Юстиніанова, отказался отъ подписи его, и только опасность лишиться своей патріаршеской каѳедры побудила его исполнить требованіе ***). Въ подобномъ же отношеніи находился къ указу при изданіи его и патріархъ Іерусалимскій Петръ. Онъ объявилъ предъ Іерусалимскими монахами, что кто подпишетъ указъ, тотъ врагъ Халкидонскаго собора. Но наконецъ и онъ согласился исполнить волю императора ****). За этими главами церкви такъ или иначе подписались и прочіе епископы Востока †). Такимъ образомъ согласіе на осужденіе трехъ главъ на востокѣ императоромъ было пріобрѣтено. Большая часть церкви поддержала, хотя и не безъ колебанія, волю Юстиніана.

Иначе отнеслась церковь западная къ указу. Западъ, какъ одинъ человѣкъ, поднялся на борьбу съ указомъ. Это противленіе своей волѣ императоръ встрѣтилъ прежде

*) Къ сожалѣнію, извѣстія о томъ, при какихъ условіяхъ подписались епископы восточные, сохранились въ свидѣтельствахъ только западныхъ писателей, пристрастныхъ въ вопросѣ о трехъ главахъ; дѣйствительно ли такъ было дѣло, какъ представляютъ они—судить невозможно. — Facundus, pro defensione trium capitulorum p. 625 Migne, Cursus patrol. Lat. Series, tom 67. **) Facundus, ibidem, p. 626. ***) Facundus. Ibidem. ****) Facundus. Ibidem. †) Liberatus, Breviarium. Causae Nestorianorum et Eutychianorum p. 1049. Migne, Cursus patr. Lat. ser. tom 68.

всего въ самомъ Константинополѣ отъ латинскихъ духовныхъ: апокрисіарій (повѣренный) папскій въ Константинополѣ Стефанъ по изданіи указа императорскаго прервалъ церковное общеніе съ патріархомъ Миною и запрещалъ другимъ имѣть общеніе съ нимъ, послѣ того какъ узналъ о подписи Миною указа. Противъ указа возсталъ и епископъ Дакій Медіоланскій, который былъ въ это время въ столицѣ востока *). Но это было только начало сопротивленія указу, которое нашло себѣ поддержку на всемъ западѣ. Съ особенною ревностью сопротивлялись осужденію трехъ главъ епископы африканскіе. Когда и отъ нихъ потребовали подписанія указа, они высказали себя рѣшительно противъ указа. Отъ лица епископовъ африканскихъ императору было написано посланіе епископомъ Понтіаномъ, въ которомъ онъ высказалъ свое несогласіе съ намѣреніемъ Юстиніана. Въ этомъ посланіи, послѣ привѣтственныхъ словъ императору, Понтіанъ писалъ: „изъ вашего послѣдняго указа мы узнали, что̀ насъ сильно смутило, что мы должны осудить Ѳеодора, сочиненія Ѳеодорита и письмо Ивы. Сочиненія ихъ намъ мало извѣстны. Если они дойдутъ до насъ и мы прочтемъ ихъ, а равно и другія сочиненія противныя правой вѣрѣ, то мы осудимъ ихъ, но не самихъ авторовъ, уже умершихъ. Еслибы они живы были доселѣ и не захотѣли осудить своихъ погрѣшностей, то только въ такомъ случаѣ они сами могли бы подлежать справедливому осужденію. Къ чему послужитъ осужденіе наше, если они не могутъ исправиться въ своихъ заблужденіяхъ? Боимся, государь, чтобы осужденіе ихъ не послужило въ пользу монофизитовъ, и какъ бы не желая пренебрегать небольшимъ, не придти къ большей ереси и затрудненіямъ. Да и къ чему намъ вести войну съ умершими? Они предъ лицемъ Судіи истиннаго, выше котораго нѣтъ другаго судіи. Оставь, государь, миръ церквамъ! Осуждая уже умершихъ, ты дол-

*) Facundus. Ibidem p. 623. 624.

женъ будешь наказывать и живыхъ за непослушаніе, и за нихъ дать отвѣтъ Тому, Кто придетъ судить живыхъ и умершихъ“ *). Въ Римѣ указъ императора также встрѣтилъ сопротивленіе. Когда Римскому папѣ Вигилію сдѣлался извѣстнымъ указъ Юстиніана, онъ не подписался подъ нимъ, но вмѣсто того заставилъ двухъ своихъ діаконовъ (Пелагія и Анатолія) освѣдомиться у африканскихъ епископовъ о томъ, какъ смотрятъ они на вопросъ объ осужденіи трехъ главъ. Въ отвѣтъ на эти вопросы ученый карѳагенскій діаконъ Фульгенцій Феррандъ написалъ посланіе въ Римъ, въ которомъ высказалъ свое несогласіе съ указомъ Юстиніана и которое сдѣлалось руководительнымъ для церкви Римской **). Главныя мысли, которыя высказаны Феррандомъ въ его посланіи, слѣдующія: 1) согласиться съ указомъ Юстиніана значитъ нападать на авторитетъ собора Халкиконскаго. „Не должно отметать судъ, перемѣнять сужденія древнихъ отцевъ, которые собирались въ Халкидонѣ. Не долженъ соборъ, относительно котораго не было никакого сомнѣнія столь много лѣтъ, вдругъ терять свое уваженіе; опредѣленія его не могутъ оставаться твердыми, если затронутъ хоть одну часть его и почтутъ достойною порицанія. Все, что утверждено на этомъ соборѣ, должно имѣть постоянно твердость. Если кто захочетъ поколебать одно въ соборѣ, тотъ колеблетъ всѣ его опредѣленія. Если въ опредѣленіяхъ вѣры этого собора какъбы нѣкая вода сладкая истекла изъ устъ прежнихъ епископовъ, то какимъ образомъ возможно, чтобы изъ тѣхъже самыхъ устъ по дѣлу Ивы епископа истекла не вода сладкая, а горчайшая желчи? Напрасно намъ стали бы говорить: отцы Халкидонскіе въ вѣрѣ были хороши, но худо сдѣлали, что приняли посланіе Ивы. Если одна часть въ соборѣ не одобряется кѣмъ-либо, грозитъ опасность, что будутъ не одобрять и весь соборъ. Апостолъ сказалъ· *малъ квасъ все смѣшеніе квиситъ*.

*) Pontiani, epistola ad Iustinianum. Migne, cursus patr. L. series. tom. 67, p. 994—998. **) Facundus. Ibidem. p. 624.

(1 Кор. 5, 6). Поэтому если въ цѣлой массѣ опредѣленій святоотеческихъ откроется хотя небольшая доля кислой смѣси, всю массу нужно будетъ признать вредною. Вотъ что одинъ епископъ города Юстиніаны Карѳагенской,— говоритъ Феррандъ,—писалъ императору Ѳеодосію: „какъ въ дѣлахъ божественныхъ, такъ и свѣтскихъ ничто не будетъ удерживать своей крѣпости, если что-либо однажды должнымъ образомъ рѣшенное потомство возмечтаетъ исправлять“. Итакъ какимъ образомъ снова будемъ обсуждать то, что уже обсуждено древле? Каждый обвинитель имѣетъ право на аппелляцію только тогда, когда можетъ обратиться къ высшему суду; но къ кому обратимся въ данномъ случаѣ? Гдѣ мы найдемъ высшихъ судей въ церкви? Изъ какихъ странъ или городовъ соберемъ мы епископовъ, которые были бы лучше прежнихъ епископовъ, которые имѣли бы власть исправлять приговоры предковъ? Скажу еще: если подвергаются укоризнамъ опредѣленія Халкидонскаго собора, какъ бы не подвергся подобной опасности и соборъ Никейскій. Нужно помнить, что соборы вселенскіе занимаютъ по церковному авторитету второе мѣсто послѣ книгъ св. Писанія“ *). 2) Умершихъ осуждать не должно. „Что пользы вести борьбу уже съ умершими или производить смуты въ церкви изъ-за таковыхъ? Если человѣкъ, будучи еще въ живыхъ, обвиненъ и осужденъ и прежде чѣмъ успѣлъ заслужить разрѣшеніе, взятъ отъ міра сего; то относительно такого человѣка не можетъ быть сдѣлано разрѣшеніе никѣмъ. Если же кто обвинялся въ чемъ-либо и потомъ получилъ разрѣшеніе и въ мирѣ съ церковью отошелъ къ Богу, такого судъ человѣческій не можетъ уже осуждать„ **). 3) Императоръ своимъ указомъ дѣлаетъ насиліе надъ совѣстью членовъ церкви. „Никто не можетъ навязывать своего мнѣнія другимъ иначе мыслящимъ. Конечно каждый мо-

*) Fulgentii Ferrandi epistola ad Pelagium et Anatolium diaconos urbis Romae, p. 922—926. Migne, Cursus patrol. Lat. ser. tom. 67.

**) Ferrandi. Ibidem p. 926.

жетъ въ видахъ утвержденія вѣры излагать письменно, что̀ онъ думаетъ, но однакоже не съ тѣмъ, чтобы написанное имъ заставлять принимать другихъ. Сколь много святые и достославные учители трудились въ проповѣдываніи слова, которыхъ самъ Господь чрезъ Духа мудрости и вѣдѣнія призвалъ къ наученію вѣрующихъ и къ борьбѣ съ еретиками,—но и они никогда не требовали подписи подъ своими книгами. Апостолъ говоритъ: *пророцы два или тріе да глаголютъ, и друзіи да разсуждаютъ* (1 Кор. 14, 29). Но онъ нигдѣ не говоритъ: пусть подписываются, или пусть вынуждаются къ подписи. Онъ повелѣваетъ прилежно испытывать изреченное, чтобы по легковѣрію не впасть въ заблужденіе. Никто не принуждается кѣмъ-либо сказанное принимать наравнѣ съ изреченіями св. Писанія, но продоставляется разсужденію каждаго, что̀ онъ приметъ, что̀ отвергнетъ. Уже потому одному нѣтъ необходимости въ подпискѣ сказаннаго кѣмъ-либо, что этимъ отнимается возможность впослѣдствіи мыслить иначе, хотя бы послѣ истина и открылась во всемъ свѣтѣ. Благочестивый изслѣдоваталь отыскиваетъ истину, но не спѣшитъ, чтобы отысканное имъ тотчасъ было принято другими, а еще самъ готовъ согласиться съ тѣми, кто лучше мыслитъ по данному вопросу" *). Какъ принятъ былъ указъ Юстиніана въ Римѣ, такъ же, т.-е. враждебно, онъ былъ принятъ и въ другихъ мѣстахъ, напр. въ Элладѣ и Иллирикѣ **).

Такимъ образомъ въ началѣ споръ о трехъ главахъ имѣлъ такое положеніе: восточная церковь приняла сторону императорскаго указа и согласилась на осужденіе трехъ главъ; напротивъ западная церковь заявила себя сопротивленіемъ желанію Юстиніана. Общецерковнаго значенія, какъ желалъ того императоръ, указъ не пріобрѣлъ. Это побуждаетъ Юстиніана дѣйствовать рѣшительно въ отношеніи къ Западу. Такъ какъ во главѣ западныхъ епископовъ стоялъ римскій папа, какъ патріархъ западный, то

*) F. Ferrandi. Ibidem p. 926—7. **) Facundus. Ibidem p. 624.

императоръ и рѣшился всѣми мѣрами перетянуть его на свою сторону. Пока папа оставался вдали отъ столицы восточной Константинополя, дѣйствовать на него въ интересахъ дѣла было не легко; поэтому императоръ вызвалъ тогдашняго папу Вигилія (547 г.) въ Константинополь *). Но въ первое время и въ Константинополѣ папа показывалъ себя противникомъ осужденія трехъ главъ. Онъ позволилъ себѣ даже болѣе того. Обласканный при дворѣ Юстиніана, окруженный почестями, папа не только не думалъ согласиться на осужденіе трехъ главъ, но даже свое мнѣніе хотѣлъ навязать и всей восточной церкви. Отсюда, прибывши въ Константинополь, онъ отлучилъ патріарха константинопольскаго Мину на четыре мѣсяца отъ церковнаго общенія за его согласіе на осужденіе трехъ главъ; съ своей стороны Мина сдѣлалъ тоже самое съ Вигиліемъ **). Неизвѣстно, какой оборотъ приняло бы дѣло, если бы папа оставался упоренъ въ своемъ мнѣніи по вопросу о трехъ главахъ. Но папа не могъ не уступить; отчасти по слабохарактерности, отчасти по вліянію на него двора, отчасти въ виду согласія восточныхъ епископовъ на осужденіе трехъ главъ, и самъ Вигилій согласился на осужденіе ихъ. Свое измѣнившееся мнѣніе онъ высказалъ въ обнародованномъ имъ документѣ, гдѣ онъ совершенно соглашался съ волею Юстиніана и рѣшеніемъ церкви восточной, осудилъ Ѳеодора за его ученіе и со-

*) Объ условіяхъ прибытія папы Вигилія въ Константинополь историческія извѣстія не одинаковы: хронографъ Ѳеофанъ говоритъ, что папа потому прибылъ въ Константинополь, что Римъ былъ взятъ Готами (Theophanes chronographia, p. 496. Migne, cursus patrol. graeca ser. tom. 108); Гефеле въ „исторіи соборовъ" на основаніи писателя 9-вѣка Анастасія библіотекаря разсказываетъ трагическія обстоятельства, при которыхъ папа, какъ плѣнникъ, отправленъ былъ въ Константинополь (Гефеле, Band. II, S. 792); проще передаетъ дѣло въ своей хроникѣ латинскій писатель Викторъ, когда говоритъ, что императоръ, распорядился, чтобы папа съ поспѣшностію прибылъ въ столицу Юстиніана (Victor Trunonensis, chronicon, p. 958. Migne, cursus patr. lat. ser. tom. 68). **) Theophanes. Ibidem.

ченія, Θеодорита за его нѣкоторыя сочиненія написанныя противъ православія, и Иву за его извѣстное письмо *). Когда папа Вигилій присоединилъ свой голосъ къ голосу четырехъ патріарховъ восточныхъ, казалось вопросъ о трехъ главахъ приходилъ къ концу, но этого однакожъ на самомъ дѣлѣ не было. Согласіе Вигилія на осужденіе трехъ главъ послужило на Западѣ къ сильнѣйшему возбужденію сопротивленія подобному осужденію. Измѣна папы Вигилія воззрѣніямъ, какихъ, какъ мы видѣли, держался Западъ, вызвала западное духовенство на борьбу съ самимъ папою, какъ отступникомъ отъ вѣры. Сопротивленіе папѣ обнаружилось въ самомъ Константинополѣ въ лицахъ принадлежащихъ къ свитѣ Вигилія. Таковы были діаконы Рустикъ, родной племянникъ папы, и Севастіанъ. Эти діаконы начали свое сопротивленіе распоряженію папы сообща, вступили въ общеніе съ другими противниками осужденія трехъ главъ, ободряли тѣхъ, кто писалъ въ подобномъ духѣ на Западѣ. Они стали осуждать Кирилла Александрійскаго, вѣроятно, за его стараніе подвергнуть анаθемѣ сочиненія Θеодора, ревностно защищали сочиненія Θеодора, объявляли, что папа становился противникомъ опредѣленій Халкидонскаго собора, писали письма въ разныя мѣста, въ которыхъ доказывали неправильность осужденія трехъ главъ и тѣмъ настолько возмутили церковь, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣло между спорящими доходило до кровопролитія. Они обращались съ прошеніемъ къ императору Юстиніану и доказывали ему, что современникъ IV вселенскаго собора св. Левъ папа былъ защитникомъ сочиненій Θеодора Мопсуестскаго. За все это діаконы Рустикъ и Севастіанъ вмѣстѣ со многими другими участниками ихъ „заговора и скопа“ лишены были своего церковнаго достоинства (Д. V, 337. 339. 340. 342). Этимъ

*) Гефеле въ „исторіи соборовъ“. Ibidem. S. 794. 797. Документъ, въ которомъ папа выразилъ публичное свое осужденіе трехъ главъ, называется: Judicatum.

дѣло сопротивленія папѣ Вигилію не ограничилось. Чѣмъ болѣе распространялся слухъ на Западѣ о поведеніи папы въ Константинополѣ, тѣмъ болѣе возрастали церковныя смуты тамъ. Епископы африканскіе оставались вѣрными своему прежнему убѣжденію. Они собрали соборъ (въ 550 г.), папу Вигилія за его согласіе осудить трехъ главъ отлучили отъ церковнаго общенія, пока онъ не принесетъ покаянія, писали императору Юстиніану въ защиту трехъ главъ *). Иллирійскіе епископы также подняли свой голосъ въ защиту трехъ главъ. Иллирійскій соборъ (въ 549 г.) написалъ также посланіе къ императору, въ которомъ доказывалась неправота осужденія трехъ главъ; тотъже соборъ осудилъ одного изъ епископовъ (Бенената) за то, что онъ осмѣливался порицать три главы **). Въ отдаленной Галліи также обнаружилось церковное возмущеніе противъ папы, о которомъ распространился слухъ, что онъ идетъ вопреки постановленій своихъ предшественниковъ (Д. V, 349 и др.); тоже было и въ другихъ мѣстахъ (Д. V, 345).

Но самымъ сильнымъ борцемъ противъ осужденія трехъ главъ былъ на западѣ епископъ африканскій Факундъ, который около этого времени издалъ свое обширное сочиненіе подъ заглавіемъ „Въ защиту трехъ главъ“ ***). Въ немъ онъ вооружается всею своею ученостью и своимъ остроуміемъ на защиту каждаго изъ трехъ лицъ, осужденіе которыхъ требовалось. Изложимъ главнѣйшія мысли этого сочиненія. Въ защиту Ѳеодора мопсуестскаго Факундъ писалъ: Ѳеодоръ умеръ въ мирѣ съ церковію; онъ былъ хвалимъ мужами достоуважаемыми, цѣлый соборъ антіохійскихъ епископовъ писалъ въ его защиту. О немъ не произнесъ осужденія соборъ Халкидонскій, когда читалось на немъ посланіе Ивы, въ которомъ осыпается похвалами Ѳеодоръ; соборъ потребовалъ отъ Ивы, чтобы

*) Victor Trun. Ibidem p. 958. **) Victor Trun. Ibidem.
***) Victor Trun. Ibidem p. 959.

онъ произнесъ анаѳему на Несторія; что же касается до Ѳеодора, то соборъ, несмотря на то, что слышалъ хвалы ему, не потребовалъ осужденія Ѳеодора, значитъ соборъ щадилъ его *). Напрасно, изыскивая основанія для осужденія Ѳеодора, ссылаются на примѣръ Кирилла, который порицалъ Ѳеодора. Кириллъ порицалъ и защищалъ Ѳеодора,— и притомъ какъ будемъ слѣдовать Кириллу въ осужденіи Ѳеодора, когда это будетъ нападеніемъ на соборъ Халкидонскій, на которомъ не осужденъ Ѳеодоръ? Если въ точности слѣдовать по стопамъ Кирилла, пришлось бы порицать и осуждать и Іоанна Златоустаго, архіепископа Константинопольскаго; ибо когда Аттикъ архіепископъ Константинопольскій внесъ имя Іоанна въ церковные помянники, Кириллъ писалъ ему: „прикажи вычеркнуть имя Іоанна изъ списка епископовъ. Если же это позволительно, то позволительно внести и имя предателя Іуды въ число именъ апостольскихъ“. Теперь почему же въ отношеніи къ Іоанну Златоусту неслѣдуете Кириллу, а въ отношеніи къ Ѳеодору хочете слѣдовать? **). Напрасно дѣлаютъ, когда хотятъ осудить Ѳеодора какъ еретика, принимая во вниманіе его заблужденія: еретикъ не тотъ, кто заблуждается, но тотъ, кто, будучи уличенъ въ неправославіи, однакожь остается упорнымъ ***). Св. отцы, прежде чѣмъ осудить кого-либо какъ еретика, сначала увѣщевали его, чтобы онъ измѣнилъ свои мысли къ лучшему; когда же онъ не образумливался, угрожали ему осужденіемъ, давали ему срокъ на размышленіе, какой находили нужнымъ. Въ этомъ смыслѣ и Апостолъ говоритъ: *еретика человѣка по первомъ и второмъ наказаніи отрицайся* (Тит. 3, 10). Какъ же осуждать Ѳеодора какъ еретика, когда онъ умеръ? Не значитъ ли это поступать вопрски примѣру отцевъ и къ нарушенію заповѣди Апостола? И могутъ ли быть соблюдены правильныя формы церковнаго судопроизводства? Пусть явится

*) Facundi Hermionensis episcopi, pro defensione trium capitulorum p. 581, 583—4. **) Ibid. 607—610. ***) Ibid. 771.

обвинитель против Өеодора и въ доказательство своего обвиненія сошлется на сочиненія его; но можетъ ли онъ съ клятвою подтвердить, что все, что выдается за сочиненія Өеодора, дѣйствительно написано Өеодоромъ? Потомъ, соборъ Халкидонскій по дѣлу Ивы, осужденнаго соборомъ разбойничьимъ заочно, заявилъ: „никто да не судитъ отсутствующаго", а вы хотите судить не только отсутствующаго, но даже умершаго. Неужели легче впасть въ ошибку касательно живаго, и труднѣе впасть въ ошибку касательно умершаго? Далѣе, на судѣ церковномъ каждый подсудимый можетъ отрекаться, что онъ не дѣлалъ того въ чемъ его обвиняютъ, или какъ-нибудь объяснить дѣло къ своей выгодѣ, или наконецъ отказаться отъ заблужденій, въ какихъ обвиняется. Но Өеодоръ не можетъ воспользоваться всѣми этими выгодами подсудимаго живаго. Развѣ Өеодоръ, будучи въ живыхъ, не могъ бы произнести осужденія на свои заблужденія, или, исправившись въ своихъ мысляхъ,—считаться оправданнымъ? Но какія средства къ оправданію имѣетъ Өеодоръ при настоящихъ условіяхъ осужденія? Наконецъ, самъ Христосъ сказалъ: *аще разрѣшите на земли, разрѣшена будутъ на небеси*, и *аще свяжете на земли, связана будутъ на небеси* (Мө. 18, 18). Этимъ дается знать, что какъ не должно по смерти разрѣшать тѣхъ, кто связаны были на землѣ, такъ не должно связывать по смерти тѣхъ, кто не были связаны на землѣ. Поэтому-то св. отцы и запрещали судить тѣхъ, кто уже умерли *). Въ доказательство непозволительности осужденія Өеодора Факундъ ссылается также на то, что у Өеодора въ сочиненіяхъ много мыслей правильныхъ, общихъ съ замѣчательными изъ отцевъ церкви; поэтому осуждать сочиненія Өеодора значитъ осуждать и св. отцевъ писавшихъ въ одномъ и томъже родѣ и духѣ съ Өеодоромъ **).

Въ защиту епископа Ивы и его спорнаго посланія

*) Ibidem 778—783. **) Ibidem 793 и дал.

Факундъ говорилъ: осужденіе письма Ивы есть нападеніе на Халкидонскій соборъ, а цѣлость, неприкосновенность и авторитетъ этого собора защищаетъ Юстиніанъ самъ въ одномъ своемъ указѣ, когда говоритъ: „св. Халкидонскій соборъ мы принимаемъ и утверждаемъ". Если же соборъ Халкидонскій, какъ и другіе прежніе вселенскіе соборы, не должны подвергаться никакому нарушенію, то, заключаетъ Факундъ, какимъ образомъ письмо Ивы можетъ быть осуждено, какъ нечестивое и несторіанское, когда сего не сдѣлалъ соборъ этотъ *)? Церковь съ своей стороны также утверждаетъ неприкосновенность собора Халкидонскаго, ибо и папа Левъ и всѣ восточные епископы утверждали, чтобы не было никакихъ добавленій къ опредѣленіямъ его. Но императоръ, несмотря на это, хочетъ сдѣлать такія постановленія относительно рѣшеннаго на соборѣ, какія будутъ прямою прибавкою къ нему **). Императоръ въ своемъ осужденіи посланія Ивы, разсуждаетъ Факундъ, впадаетъ въ преувеличеніе, говоритъ ложь. Онъ говоритъ: „посланіе Ивы все нечестиво и безбожно". Развѣ нечестивы и безбожны здѣсь слѣдующія слова: „церковь говоритъ, такъ и я наученъ отъ начала и утвержденъ божественнымъ ученіемъ. Два естества, одна сила, одно лице, которое есть одинъ Сынъ Господь нашъ І. Христосъ". Неужели исповѣданіе двухъ природъ въ Христѣ есть безбожіе и нечестіе ***)? Говорятъ, что надлежитъ осудить Иву и предать анаѳемѣ, потому что онъ худо отзывается о св. Кириллѣ, писалъ противъ Кирилла и его 12 анаѳематизмовъ. Положимъ такъ; но въ такомъ случаѣ нужно осудить не одного Иву, но и св. Геннадія архіепископа константинопольскаго и св. Исидора Пелусіота, потому что и они худо отывались о Кириллѣ. Геннадій вотъ какъ писалъ противъ Кирилла: „горе мнѣ отъ злыхъ; увы, увы! я встрѣчаюсь съ какими-то Кириллами египетскими и съ какими богохульными, какія богохульства я

*) Facundus ibid p. 561. **) Facundus ibid 574 и далѣе.

***) Facundus ibid 566.

слышалъ! Кто дастъ мнѣ плачь и очамъ моимъ слезы, и вѣждямъ моимъ воду“ (Iер. 9, 18)? Исидоръ Пелусiотъ писалъ Кириллу: „страсть притупляетъ остроту зрѣнiя, зависть же совершенно ослѣпляетъ. Допускай, чтобы дѣла подвергались справедливому испытанiю. Самъ Богъ, хотя знаетъ все прежде совершенiя, попустилъ однакожь себѣ снизойти и видѣтъ плачь садомлянъ, давая тѣмъ образецъ намъ прилежнаго изслѣдованiя. Многiе изъ тѣхъ, кои собирались на соборъ Ефесскiй (III всел.), осмѣиваютъ тебя какъ въ комедiи, потому что ты не изыскивалъ того, что православно и Христово, но лишь отмщалъ за свои личныя обиды. Говорятъ: ты дѣйствовалъ, какъ родственникъ Ѳеофила (архiепископа Александрiйскаго враждовавшаго противъ Златоуста) и подражатель его воли“. Если осуждать Иву, хочетъ сказать Факундъ, то нужно осуждать и Геннадiя и Исидора; почему же не дѣлаютъ этого *)? Въ защиту Ѳеодорита Факундъ говоритъ очень немного; оправданiе его онъ основываетъ на дѣянiяхъ Халкидонскаго собора и отношенiи отцевъ этого собора къ Ѳеодориту **).

Императоръ Юстинiанъ, предначавшiй дѣло о трехъ главахъ, встрѣчая такое сильное сопротивленiе своей волѣ въ церкви западной, не останавливается на полдорогѣ. Съ своей стороны онъ принимаетъ новыя мѣры, которыя еще рѣшительнѣе должны были послужить къ цѣли. Чѣмъ болѣе западные находили основанiй къ оправданiю трехъ главъ, тѣмъ съ большею ревностiю Юстинiанъ отыскиваетъ факты, которые бы убѣждали церковь въ правильности и законности осужденiя трехъ главъ. Съ этимъ намѣренiемъ императоръ собираетъ помѣстный соборъ въ Мопсуестѣ, мѣстѣ епископствованiя Ѳеодора Мопсуестскаго; соборъ долженъ былъ изслѣдовать вопросъ, было ли имя Ѳеодора внесено здѣсь въ церковные диптихи? Отрицательный отвѣтъ, который данъ былъ соборомъ, долженъ былъ сдѣлатся новымъ оружiемъ для Юстинiана

*) Facundus ibid 571—4. **) Facundus ibid 637 и дал.

въ борьбѣ съ защитниками трехъ главъ и лучшимъ оправданіемъ его стремленій. Соборъ этотъ происходилъ въ 550 году, въ маѣ мѣсяцѣ. Предсѣдателемъ собора былъ митрополитъ Іоаннъ изъ города Аназарва, членами собора были 8 епископовъ. На соборѣ были пресвитеры, діаконы, иподіаконы и чтецы мопсуестской церкви; также въ немъ приняли участіе нѣсколько представителей свѣтской власти (Дѣян. V, 191). Сюда призвано было множество свидѣтелей изъ людей пожилыхъ духовнаго и свѣтскаго чина, которые должны были дать отвѣтъ на вопросы: помнятъ ли они, чтобы имя Ѳеодора читалось въ церковныхъ диптихахъ и не знаютъ ли, когда оно исключено изъ нихъ? Свидѣтелями со стороны духовнаго чина явилось одинадцать пресвитеровъ, одинъ архидіаконъ, пять діаконовъ; нѣкоторымъ изъ этихъ свидѣтелей было около 80 лѣтъ и слѣдовательно они могли сообщить свѣдѣнія относящіяся къ отдаленному прошедшему. Со стороны лицъ свѣтскаго чина явилось на соборъ 17 человѣкъ, по роду своихъ занятій начальники, военачальники, царедворцы, архитекторы, адвокаты, носильщики умершихъ. Нѣкоторымъ изъ нихъ было болѣе 70 лѣтъ (Дѣян. V, 195—6; 199, 209). Всѣ свидѣтели духовнаго чина показали слѣдующее: „не знаемъ и не слыхали, что Ѳеодоръ, бывшій нѣкогда епископомъ сего города, былъ провозглашаемъ въ церковныхъ диптихахъ; но слышали, что св. Кириллъ, бывшій епископъ великаго города Александріи, помѣщенъ вмѣсто Ѳеодора въ диптихахъ, въ которые внесены умершіе епископы, и даже доселѣ онъ вписанъ и провозглашается съ другими епископами (т.-е. вмѣсто Ѳеодора учителя Несторіева помѣщенъ противникъ этого еретика Кириллъ). Ибо не знаемъ и не слыхали, чтобы въ нашемъ городѣ былъ епископъ по имени Кириллъ. А тотъ Ѳеодоръ епископъ, который читается въ диптихахъ, умеръ три года тому назадъ“, и значитъ былъ другой Ѳеодоръ, а не тотъ, о комъ шло изысканіе (Дѣян. V, 199—200). Показаніе свидѣтелей свѣтскаго чина ничѣмъ не отличалось отъ показаній клири-

ковъ (Дѣян. V, 207 и д.). На соборѣ разсмотрѣны были диптихи, въ которыхъ записаны были имена епископовъ города Мопсуеста, поминаемыхъ въ этомъ городѣ, и которые хранились вмѣстѣ съ священными сосудами въ ризницѣ; кромѣ этихъ диптиховъ принесены были на соборъ и другіе два диптиха болѣе древніе, которые уже не употреблялись и которые писаны были на пергаментѣ. Диптихи, по требованію собора, прочтены были въ слухъ всѣхъ; въ нихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ слѣдовало быть, по порядку времени, имени Ѳеодора, о которомъ шла рѣчь, помѣщено было имя Кирилла. Правда, въ нихъ упоминалось имя Ѳеодора, но, какъ показывалъ порядокъ именъ, это былъ Ѳеодоръ епископъ, недавно умершій. По прочтеніи диптиховъ, каждый изъ присутствовавшихъ епископовъ и самъ лично разсматривалъ диптихи, во избѣжаніе всякаго сомнѣнія. Затѣмъ епископы потребовали отъ ризничаго, чтобы онъ клятвенно предъ Евангеліемъ засвидѣтельствовалъ, что у него нѣтъ другихъ диптиховъ болѣе древнихъ, что̀ тотъ и исполнилъ (Дѣян. V, 197—198). Тогда предсѣдатель собора митрополитъ Іоаннъ такъ изложилъ результаты изслѣдованій собора: „ясно показано, что прежній Ѳеодоръ, который былъ епископомъ въ семъ городѣ, въ древнія времена не былъ провозглашаемъ при божественномъ таинствѣ, и исключенъ былъ изъ священныхъ диптиховъ и вмѣсто его имени вписанъ былъ святой памяти Кириллъ. Ибо это ясно и несомнѣнно доказало произнесенное съ клятвою свидѣтельство мужей, которые теперь поставлены на средину (въ качествѣ свидѣтелей). И сами мы, имѣя подъ руками диптихи предшествовавшихъ епископовъ сего города, поистинѣ нашли, что о прежнемъ Ѳеодорѣ не было внесено совершенно никакого упоминанія, а внесено было имя Кирилла; а что священные диптихи, которые представлены были, не подложны, это мы усмотрѣли по самому виду. Они ясно показали, что Кириллъ внесенъ на мѣсто другаго, потому что въ этомъ городѣ не было никакого пастыря тогоже

имени, согласно тому, что выясняетъ сила свидѣтельствъ. Утвержденіе свидѣтелей сдѣлало яснымъ и то, что Өеодоръ, который написанъ въ концѣ диптиховъ, не прежній Өеодоръ, но тотъ Өеодоръ, который умеръ три года тому назадъ" (Дѣян. V, 212). О результатѣ собора сообщено было императору и папѣ (Дѣян. V, 214 и д. 216 и д.).

Съ тоюже цѣлію, съ какою собранъ былъ соборъ мопсуестскій, т.-е. съ цѣлію подорвать довѣріе къ защитникамъ трехъ главъ, выставить неосновательность ихъ притязаній, императоръ Юстиніанъ, вѣроятно въ 551 году, обнародовалъ религіозный указъ, который въ особенности замѣчателенъ тѣмъ, что онъ съ большею тщательностію устраняетъ возраженія, какія дѣлались противъ осужденія трехъ главъ. Этотъ указъ Юстиніана состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой заключается богословствованіе о св. Троицѣ и о соединеніи во Христѣ двухъ естествъ божескаго и человѣческаго, причемъ императоръ устраняетъ всѣ хитросплетенія, какими монофизиты защищали свое лжеученіе (Дѣян. V, 508—528). Въ второй части заключаются анаөематства на различныя заблужденія и различныхъ еретиковъ современной и древней церкви. Между этими анаөематствами замѣчательны анаөематства 11, 12 и 13, въ которыхъ произносится анаөема на Өеодора мопсуестскаго, нѣкоторыя сочиненія Өеодорита и извѣстное письмо Ивы. Анаөематство 11-е гласило: „если кто защищаетъ Өеодора мопсуестскаго, говорившаго, что иной былъ Богъ Слово и иной Христосъ, который былъ обуреваемъ страстями душевными и вожделѣніями плотскими и преуспѣвая въ дѣлахъ улучшался, и крестился во имя Отца, Сына и Св. Духа, и чрезъ крещеніе получилъ благодать Св. Духа, и удостоился усыновленія, и по подобію царскаго изображенія принимаетъ поклоненіе въ лицѣ Бога Слова, и послѣ воскресенія сдѣлался неизмѣннымъ въ помышленіяхъ и совершенно безгрѣшнымъ,—и еще говорившаго, что соединеніе Бога Слова со Христомъ было такое же, о которомъ говоритъ апостолъ относительно

мужа и жены: *будета два въ плоть едину* (Еф. 5, 31),— итакъ, если кто защищаетъ этого Θеодора, который такъ богохульствовалъ, а не анаѳематствуетъ его и его сочиненія, и тѣхъ, которые мудрствовали и мудрствуютъ подобно ему, тотъ да будетъ анаѳема“. Анаѳематство 12-е гласило: „если кто защищаетъ сочиненія Θеодорита, которыя онъ написалъ въ защиту еретика Несторія, противъ правой вѣры и противъ III вселенскаго собора и 12 главъ его, а въ тѣхъ нечестивыхъ сочиненіяхъ онъ говоритъ, что соединеніе Бога Слова было только соотносительное съ какимъ-то человѣкомъ, и по причинѣ этого онъ, Θеодоритъ, называетъ нечестивыми учителей церкви, которые исповѣдуютъ ѵпостасное соединеніе Бога Слова съ плотію, и сверхъ того не признаетъ Богородицею святую Приснодѣву Марію,—итакъ если, кто защищаетъ упомянутыя сочиненія Θеодорита, а не анаѳематствуетъ ихъ, тотъ да будетъ анаѳема“. Въ анаѳематствѣ 13-мъ говорилось: „если кто защищаетъ нечестивое посланіе, которое, говорятъ, написалъ Ива къ Марію Персу еретику, которое отвергаетъ, что Богъ Слово содѣлался человѣкомъ и говоритъ, что не Богъ Слово воплотившійся отъ Дѣвы родился, а родился отъ нея простой человѣкъ, котораго называетъ храмомъ, такъ что иной есть Богъ Слово и иной человѣкъ, и сверхъ того обвиняетъ св. Ефесскій соборъ, будто онъ безъ суда и слѣдствія осудилъ Несторія, и называетъ св. Кирилла еретикомъ, а Несторія и Θеодора съ нечестивыми ихъ сочиненіями восхваляетъ и защищаетъ,— итакъ, если кто защищаетъ упомянутое нечестивое посланіе или называетъ его правымъ или часть его, а не анаѳематствуетъ, тотъ анаѳема“ (Дѣян. V, 532—4). Въ третьей самой замѣчательной части указъ разбираетъ возраженія, какія дѣлались противниками указа императорскаго въ защиту трехъ главъ. Такъ касательно Θеодора Мопсуестскаго эти противники возражали: 1) что хотя сочиненія Θеодора и заключаютъ въ себѣ заблужденія, однакожъ отсюда не слѣдуетъ, что вмѣстѣ съ сочиненіями

нужно анаѳематствовать и *лице* сочинителя; достаточно анаѳематствовать одни сочиненія Ѳеодора. Юстиніанъ отвѣчаетъ на это возраженіе: кто мыслитъ такъ, тотъ не знаетъ священнаго Писанія, въ которомъ говорится, что *въ равнѣ ненавидима суть Богу и нечествуяй и нечестіе его* (Прем. 14, 9). Дѣйствіе накажется вмѣстѣ съ тѣмъ, кто его сдѣлалъ. Далѣе возражали: 2) нельзя анаѳематствовать Ѳеодора, ибо онъ уже умеръ. Въ устраненіе этого возраженія указъ говоритъ, что ничто не препятствуетъ еретика, остающагося въ своемъ заблужденіи всю жизнь, анаѳематствовать послѣ смерти. Это совершалось надъ многими, какъ древнѣйшими, такъ и болѣе близкими къ нашему времени еретиками, т.-е. Валентиномъ, Василидомъ, Маркіономъ, Кериноомъ, Манихеемъ, Евноміемъ. Что нечестивые, хотя бы лично при своей жизни не подвергались анаѳемѣ, однакоже послѣ смерти анаѳематствуются каѳолическою церковію, это видно изъ дѣяній св. соборовъ. Такъ Никейскій соборъ безъименно анаѳематствовалъ тѣхъ, которые слѣдуютъ нечестивому ученію Арія. Въ доказательство тойже мысли указъ ссылается на слова Августина, который такъ писалъ епископамъ африканскимъ, когда поднялся вопросъ о томъ, что одинъ изъ прежнихъ епископовъ карѳагенскихъ Цециліанъ уклонился отъ церковнаго преданія, изъ-за чего происходили раздѣленія въ церкви карѳагенской: „не слѣдовало-бы изъ-за него отдѣляться отъ церкви, потому что еслибы было справедливо, что возносили на Цециліана, и еслибы открылось, что онъ мыслитъ въ чемъ-либо вопреки церкви, то онъ, Августинъ, подвергъ бы его анаѳемѣ и послѣ смерти“. Притомъ, продолжаетъ разсуждать Юстиніанъ, если не должно анаѳематствовать еретиковъ по ихъ смерти, то въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ и оправдывать по смерти тѣхъ, кто при жизни осуждены несправедливо. А еслибы было такъ, то не былъ бы оправданъ ни Іоаннъ Златоустъ, котораго церковь оправдала послѣ смерти, ни Флавіанъ архіепископъ константинопольскій, который также

оправданъ послѣ смерти соборомъ Халкидонскимъ. Далѣе противъ осужденія Θеодора возражали: 3) не слѣдуетъ анаѳематствовать Θеодора, потому что онъ умеръ въ общеніи съ церковію. Въ отвѣтъ на это возраженіе Юстиніанъ прежде всего разъясняетъ понятіе общенія съ церковію, изъ котораго вытекало, что несправедливо Θеодора считать умершимъ въ общеніи съ церковію. Въ общеніи съ церковію находятся только тѣ, которые до конца соблюдаютъ общее ученіе благочестія, проповѣдуемое въ церкви; а такъ какъ Θеодоръ постоянно пребывалъ въ нечестіи, то и умеръ внѣ общенія съ церковію. Да и соборъ, собранный въ Мопсуестѣ, показалъ, что церковь не считала его умершимъ въ общеніи съ церковію, ибо имя его въ его церкви, въ которой онъ былъ епископомъ, было вычеркнуто изъ церковныхъ диптиховъ. Наконецъ защитники трехъ главъ въ противодѣйствіе осужденію трехъ главъ указывали, что 4) нельзя осуждать Θеодора, такъ какъ о немъ хорошо отзывались нѣкоторые представители церковнаго авторитета, наприм. св. Кириллъ, Іоаннъ Антіохійскій съ соборомъ. Юстиніанъ беретъ на себя задачу отстранить и это возраженіе. Юстиніанъ соглашается съ тѣмъ, что Кириллъ нѣчто говорилъ за Θеодора, но замѣчаетъ, что еще больше Кирилломъ было высказано противъ Θеодора, такъ что сказанное Кирилломъ въ пользу Θеодора не освобождаетъ этого отъ осужденія. Что же касается до того, что Θеодора хвалитъ Іоаннъ Антіохійскій и соборъ антіохійскихъ епископовъ, то Юстиніанъ обращаетъ вниманіе на то, что Іоаннъ и епископы ему подвѣдомственные были врагами Кирилла и защитниками Несторія и потому писали въ пользу Θеодора изъ вражды къ Кириллу, по заблужденію. Да если кто-либо изъ лицъ достойныхъ уваженія въ церкви и хвалилъ Θеодора, то это мало можетъ служить къ оправданію Θеодора; ибо исторія находитъ, что многіе изъ святыхъ отцевъ хвалили нѣкоторыхъ еретиковъ, какъ напр. святые Дамасъ (папа), Аѳанасій и Василій Аполлинарія, а папа Левъ Евтихія; и однако послѣ того какъ узнано

было ихъ нечестіе, еретики изъ-за того не избѣгли осужденія и анаѳемы, которая въ послѣдствіи была произнесена противъ ихъ лица и нечестія. Письмо Григорія Богослова къ Ѳеодору, на которое также ссылались защитники трехъ главъ въ своихъ видахъ, указъ признаетъ подложнымъ (Дѣян. V, 541—551). Въ тойже третьей части своего указа императоръ съ подобною же тщательностію разбираетъ и тѣ возраженія, которыя противники осужденія трехъ главъ дѣлали—въ намѣреніи показать незаконность осужденія посланія Ивина. Сторонники трехъ главъ по поводу Ивы возражали: 1) что посланіе Ивы принято святымъ Халкидонскимъ соборомъ. Императоръ въ указѣ не соглашается съ подобнымъ воззрѣніемъ и говоритъ: какимъ образомъ можно считать посланіе это принятымъ отъ собора, когда соборъ по прочтеніи посланія прямо и рѣшительно потребовалъ отъ Ивы анаѳематствованія Несторія и его ученія, которыхъ имѣло въ виду защитить оно? Еслибы соборъ принялъ посланіе, то осужденіемъ Несторія, которое было вытребовано отъ Ивы, онъ въ такомъ случаѣ подвергъ бы осужденію и самого себя. Далѣе защитники трехъ главъ говорили: что 2) нельзя осуждать посланія потому, что въ немъ есть выраженія православныя, именно говорится: во Христѣ два естества, одна сила (власть), одно лице. Императоръ находитъ, что это изреченіе не можетъ свидѣтельствовать объ истинной вѣрѣ автора посланія, прежде всего потому, что посланіе исполнено мыслей несторіанскихъ, и слѣдовательно и выраженія „два естества“ нужно понимать также въ смыслѣ несторіанскомъ, т.-е. выраженіе „два естества“ употреблено вмѣсто выраженія „два лица“; далѣе въ томъже посланіи авторъ его называетъ Христа храмомъ, въ которомъ обиталъ Богъ-Слово, и слѣдовательно онъ проповѣдуетъ ученіе о томъ, что во Христѣ два лица, ученіе несторіанское; наконецъ и Несторій училъ о двухъ естествахъ во Христѣ, и однакожь осужденъ,—недостаточно исповѣдывать два естества

во Христѣ, но нужно признавать и ѵпостасное ихъ соединеніе, чего не дѣлаетъ посланіе Ивы. Наконецъ защитники трехъ главъ утверждали, что 3) нельзя порицать посланія на томъ основаніи, что оно внесено въ соборные кодексы (записи). Возраженіе конечно ничтожно, и Юстиніану не стоило большаго труда опровергнуть его. Юстиніанъ говоритъ: еслибы эта мысль была правильна, то пришлось бы оправдать и Несторія и Евтихія, потому что изъ ихъ сочиненій и изреченій много приведено въ дѣяніяхъ соборныхъ; но кто не знаетъ, что это приводится не для того, чтобы выставить ихъ ученіе правильнымъ но для того, чтобы изобличить оное? Притомъ нужно принять во вниманіе и то, что на соборахъ нѣкоторые изъ собиравшихся на нихъ высказываютъ что-либо или по пристрастію, или по незнанію; но никто не внимаетъ тому, кто скажетъ что либо отъ себя частнымъ образомъ, а всѣ устремляютъ вниманіе только на то, что опредѣлено всѣми съ общаго согласія (Д. V, 535—540).

Такимъ образомъ императоръ Юстиніанъ не щадилъ силъ для того, чтобы склонить церковь къ осужденію трехъ главъ. Но дѣло мало подвигалось впередъ. Западная церковь не оставляла своего сопротивленія этому осужденію. Самъ папа Вигилій, подъ вліяніемъ западныхъ епископовъ и духовенства, началъ колебаться въ своемъ рѣшеніи — произнести анаѳему на три главы. При такомъ положеніи дѣла императоръ для окончательнаго рѣшенія вопроса вознамѣрился составить новый вселенскій соборъ, пятый.

V ВСЕЛЕНСКІЙ СОБОРЪ.

Составъ собора.—Отказъ папы Вигилія и иныхъ западныхъ епископовъ отъ участія на соборѣ.—Императорскій указъ собору и его отношеніе къ дѣятельности онаго. — Соборное изслѣдованіе о заблужденіяхъ Θеодора,—„Сокровища нечестія Θеодорова,“—разборъ возраженій, направленныхъ защитниками Θеодора противъ его осужденія.—Соборное изслѣдованіе нѣкоторыхъ сочиненій Θеодорита, заключавшихъ несторіанское ученіе, порицанія на св. Кирилла и соборъ III вселенскій, и защиту еретика Несторія.—Соборное изслѣдованіе посланія Ивы къ Марію. — Соборное опредѣленіе о трехъ главахъ.—Признаніе V вселенскаго собора на Западѣ и окончаніе спора о трехъ главахъ.

Пятый вселенскій соборъ собранъ былъ императоромъ Юстиніаномъ для рѣшенія вопроса о трехъ главахъ Θеодорѣ Мопсуестскомъ, Θеодоритѣ Кирскомъ и Ивѣ Едесскомъ. Онъ происходилъ въ Константинополѣ и имѣлъ восемь засѣданій *). Первое засѣданіе происходило 5 мая 553 года. Число отцевъ на соборѣ при открытіи его было 150, при заключеніи 164 (Д. V, 18—26, 381 и д.). Предсѣдателемъ собора былъ Евтихій патріархъ Константинопольскій; болѣе замѣчательными членами его Аполлинарій патріархъ Александрійскій, Домникъ патріархъ антіохійскій; мѣсто патріарха Іерусалимскаго занимали трое палестинскихъ епископовъ. Число западныхъ епископовъ на соборѣ было не велико (отъ 6 до 8),—всѣ они были изъ Африки; одинъ изъ этихъ епископовъ Секстиліанъ Тунійскій занималъ мѣсто епископа Карθагенскаго и былъ представителемъ

*) Засѣданія происходили мая 5, 8, 9, 12, или 13, 17, 19, 26 и іюня 2.

отъ собора области проконсульской въ Африкѣ (Д. V, 382). Императору Юстиніану угодно было, чтобы въ соборѣ принялъ участіе и папа Римскій Вигилій, который въ это время все еще проживалъ въ Константинополѣ; но папа подъ разными предлогами отклонилъ отъ себя приглашеніе императора. Когда въ первый разъ отправлено было къ нему посольство отъ собора съ приглашеніемъ явиться на соборъ и разсудить о трехъ главахъ, папа объявилъ, что онъ боленъ и потому не можетъ исполнить требованія, впрочемъ обѣщался выразить свое мнѣніе по вопросу (Д. V, 44—45). Соборъ по обыкновенію отправлялъ и другое посольство къ томуже папѣ съ тѣмъже приглашеніемъ, но снова встрѣтилъ отказъ со стороны папы. Папа на этотъ разъ иначе объяснилъ свое нежеланіе прибыть на соборъ. Онъ говорилъ, что онъ не можетъ явиться на соборъ потому, что здѣсь восточныхъ епископовъ очень много, а съ нимъ западныхъ мало, и обѣщался письменно изложить свое мнѣніе по дѣлу о трехъ главахъ. Напрасно посланные отъ собора къ папѣ увѣщавали его принять участіе въ соборѣ, ссылаясь на то, что самъ папа ранѣе изъявлялъ желаніе быть на соборѣ; напрасно указывали ему на то, что и на прежнихъ вселенскихъ соборахъ епископовъ западныхъ всегда было не много—по два, по три, да нѣсколько клириковъ. Папа стоялъ на своемъ. Тогда посланные объявили, что соборъ принужденъ будетъ открыть свои засѣданія безъ папы и выразить свое мнѣніе о трехъ главахъ (Д. V, 47—48). Сообразно съ соборными порядками къ папѣ отослано было и третье посольство отъ собора съ приглашеніемъ придти на соборъ, но результатъ былъ тотъже; папа снова отказался присутствовать на соборѣ (Д. V, 49—52). Вслѣдъ за папою Вигиліемъ отказались прибыть на соборъ и нѣкоторые другіе западные епископы подъ разными предлогами. Такъ одинъ посланнымъ отъ собора заявлялъ: „такъ какъ папа не предсѣдательствуетъ, то я не пойду“; другой: „такъ какъ нѣтъ на лицо его митрополита, то онъ не можетъ отпра-

виться на соборъ безъ его разрѣшенія (Д. V, 52—55). Истинною причиною, по которой папа Вигилій и другіе западные епископы отклоняли отъ себя предложеніе—участвовать въ дѣяніяхъ собора, состояла въ томъ, что папа въ это время перемѣнилъ свое мнѣніе объ осужденіи трехъ главъ: прежде онъ высказывалъ себя за осужденіе трехъ главъ, а теперь началъ высказывать себя снова противъ осужденія трехъ главъ. А такъ какъ папѣ извѣстно было совершенно противоположное воззрѣніе восточныхъ епископовъ на дѣло, то онъ считалъ за лучшее устранить себя отъ собора *). Другіе западные епископы, отказавшіеся отъ засѣданій на соборѣ, стояли на той же точкѣ зрѣнія.

Программа дѣятельности собора начертана была въ указѣ Юстиніановомъ, съ которымъ онъ обратился къ отцамъ собора и который былъ читанъ при открытіи его. Въ этомъ указѣ обозначалось, съ какихъ именно сторонъ слѣдовало разсмотрѣть спорный вопросъ о трехъ главахъ. 1) Относительно Θеодора Мопсуестскаго требовалось слѣдующее: просимъ васъ разсмотрѣть то, что написано какъ въ другихъ сочиненіяхъ такъ и въ его символѣ; просимъ также разсмотрѣть и то, что объ немъ и его хуленіяхъ написали св. отцы и обнародовали наши предшественники, равно и то, что написали о немъ писатели церковной исторіи. Изъ всего этого вы узнаете, что какъ самъ онъ, такъ и его хуленія съ давняго времени осуждены св. отцами и что за его хулы въ предшествующія времена даже имя его было исключено изъ церковныхъ диптиховъ церкви, въ которой онъ былъ епископомъ. Просимъ васъ поразсудить и о мнѣніи тѣхъ, которые утверждаютъ, будто

*) Свидѣтелемъ того, что папа во время собора началъ быть защитникомъ трехъ главъ, служитъ его сочиненіе, съ какимъ онъ обратился къ императору въ это время (сочиненіе это носитъ названіе constitutum) и въ которомъ онъ высказалъ себя противъ осужденія трехъ главъ. Гефеле въ „исторіи соборовъ“ (Band II Ausgabe 1856), стр. 856—862.

не слѣдуетъ анаѳематствовать еретиковъ по смерти, и просимъ держаться въ этомъ случаѣ ученія св. отцовъ, которые и по смерти анаѳематствовали умершихъ въ своемъ нечестіи. 2) Относительно Ѳеодорита императоръ писалъ собору: просимъ васъ обратить вниманіе на то, что нечестиво написано Ѳеодоритомъ противъ правой вѣры и противъ Ефесскаго собора, противъ памяти Кирилла и противъ 12 его главъ, и что тотъже Ѳеодоритъ написалъ въ защиту Ѳеодора и Несторія и ихъ хуленій противъ памяти Кирилла. 3) Относительно Ивы и его посланія въ указѣ говорилось: просимъ также сдѣлать изслѣдованіе и о нечестивомъ посланіи, которое написалъ Ива къ Марію Персу. И такъ какъ нѣкоторые дерзаютъ утверждать, что посланіе это, содержащее нечестіе, принято и св. Халкидонскимъ соборомъ, то просимъ васъ сличить то, что сказано этимъ св. соборомъ въ опредѣленіяхъ его, изложенныхъ въ защиту вѣры, и то, что содержится въ нечестивомъ посланіи, чтобы всесторонне доказать справедливое, а нечестивое осудить (Д. V, 35—37).

Указъ сдѣлался программою и руководящею нитью въ дѣяніяхъ собора. Такъ какъ въ указѣ прежде всего предписывалось сдѣлать разсмотрѣніе нечестія Ѳеодора, то соборъ, по своемъ открытіи, тотчасъ и занимается этимъ дѣломъ. Изъ многочисленныхъ сочиненій Ѳеодора извлечено было и прочитано множество мѣстъ, которыя ясно свидѣтельствовали, что Ѳеодорово ученіе въ сущности было ученіемъ Несторія, которое осуждено было на III вселенскомъ соборѣ. Неправославныя мнѣнія Ѳеодора соборъ назвалъ „сокровищами нечестія“ (Д. V, 102). Главныя заблужденія Ѳеодора касались ученія о двухъ естествахъ во Христѣ и образѣ ихъ соединенія. Вотъ эти заблужденія, открытыя и изобличенныя соборомъ: 1) отъ Пресвятой Дѣвы Маріи родился не Богъ, но человѣкъ. „Мы не должны думать, говоритъ Ѳеодоръ, что отъ Дѣвы родился Богъ. Говорить, что Богъ родился отъ Маріи — безуміе, ибо это не иное что, какъ утверждать, что самъ

Богъ родился отъ сѣмени Давидова изъ существа Дѣвы и въ ней былъ зачатъ; такъ какъ то, что отъ сѣмени Давидова и изъ существа Дѣвы, находилось во чревѣ матери и зачатое наитіемъ Св. Духа родилось отъ дѣвы; да престанутъ поэтому говорить намъ, что Богъ отъ Бога и единосущный Отцу родился отъ Дѣвы. Не божеское естество родилось отъ Дѣвы, а родился отъ Дѣвы тотъ, кто произошелъ изъ существа Дѣвы (человѣкъ). Не Богъ-Слово родился отъ Маріи, родился же отъ Маріи тотъ, кто отъ сѣмени Давидова“ (Д. V, 60—61). 2) Богъ Слово не раждался отъ Маріи Дѣвы, Онъ только присутствовалъ въ человѣкѣ Іисусѣ при его рожденіи и во время остальной жизни Его. Ѳеодоръ говоритъ: „тотчасъ же при самомъ зачатіи въ человѣкѣ Іисусѣ началъ быть Богъ Слово; ибо присутствовалъ въ немъ не только во время вознесенія на небо, но и при воскресеніи изъ мертвыхъ, именно какъ воскрешающій Его. И не при воскресеніи только изъ мертвыхъ присутствовалъ въ немъ (т.-е. не въ состояніи только прославленія), но и при пригвожденіи ко кресту и при крещеніи и послѣ крещенія—при совершеніи имъ дѣла Евангелія, а равно и до крещенія при выполненіи имъ постановленій закона, при представленіи его во храмъ по закону, и при обрѣзаніи, и при обвитіи пеленами во время рожденія; находился въ немъ Богъ Слово, также когда онъ (человѣкъ Іисусъ) находился во чревѣ матери съ перваго момента его зачатія“ (Д. V, 62). Такое ученіе Ѳеодора о томъ, что Слово-Богъ только соприсутствовало человѣку Іисусу, во время его рожденія и земной жизни его, приводило его 3) къ ученію о раздѣленіи естествъ въ Богочеловѣкѣ, къ ученію, по которому въ Богочеловѣкѣ какбы допускалось два лица божеское и человѣческое, не пришедшія къ единенію (сущность несторіанства). Ѳеодоръ писалъ: „нужно полагать различіе между храмомъ (человѣкомъ-Христомъ) и тѣмъ, кто вселился въ храмъ (Богомъ-Словомъ),—между тѣмъ, кто освобожденъ отъ узъ смерти и тѣмъ, кто освободилъ, — между тѣмъ,

кто въ страданіяхъ сталъ совершеннымъ, и тѣмъ, кто сдѣлалъ совершеннымъ,—между тѣмъ, кто *малымъ чимъ умаленъ отъ ангелъ*, и тѣмъ, кто умалилъ, — между тѣмъ, кто увѣнчанъ славою и честію, и тѣмъ, кто увѣнчалъ,— между тѣмъ, кому дѣла рукъ Божіихъ покорены, и тѣмъ, кто покорилъ“ (Пс. 8, 5—8). Божественное писаніе учитъ насъ, что иное Богъ-Слово, и иное человѣкъ, и показываетъ намъ, что различіе между ними большое. Когда мы различаемъ естества, то говоримъ, что *естество Бога* Слова совершенно; совершенно и *лице*, потому что нельзя сказать, чтобы совершенное Его существо было безлично, — но также говоримъ, что и *естество человѣческое* совершенно, равно какъ и *лице.* А когда обращаемъ взоръ на соединеніе, тогда говоримъ: одно лице. Но мнѣ скажутъ: не раздѣляй человѣка и Бога, не называй однимъ именемъ какъ того, кто одного со мною естества, такъ и Бога. Если я долженъ называть Христа единосущнымъ Богу, то спрашиваю, какимъ образомъ человѣкъ и Богъ одно? Ужели одно естество у человѣка и Бога, у Господа и раба, у Творца и твари? Человѣкъ одного существа съ человѣкомъ, Богъ одного существа съ Богомъ. Итакъ какимъ образомъ чрезъ единеніе могутъ стать однимъ и человѣкъ и Богъ“ (Д. V, 66—67; 75; 82; 89—90)? Раздѣливъ во Христѣ естества, какъ два отличныя одно отъ другаго лица, 4) Ѳеодоръ описываетъ человѣчество Христа въ такихъ чертахъ, которыя неприличествуютъ православному ученію о Богочеловѣкѣ; человѣкъ Христосъ, по нему, ничѣмъ не отличался отъ всякаго другаго человѣка,—борьба со страстьми и похотьми была свойственна человѣку Іисусу, какъ и каждому человѣку. Ѳеодоръ учитъ: „Господь негодовалъ и сражался противъ болѣзней болѣе душевныхъ, чѣмъ тѣлесныхъ, и охотнѣе побѣждалъ страсти. Противъ болѣзней душевныхъ онъ назначилъ труднѣе подвигъ, а противъ тѣлесныхъ легче; чаще и болѣе ему приходилось побѣждать первыя, такъ какъ важнѣе та болѣзнь, которая требуетъ болѣе серьез-

наго леченія. Воспріявъ и тѣло и душу, Онъ тѣмъ и другимъ подвизался за то и другое; умерщвлялъ въ плоти грѣхъ и укрощалъ ея похоти; душу же наставлялъ и побуждалъ— и свои страсти побѣждать и обуздывать плотскія похоти. Только чрезъ свое воскресеніе Христосъ, какъ человѣкъ, сдѣлался неизмѣняемымъ, т.-е. неудобопреклоннымъ ко злу. Почему до воскресенія изъ мертвыхъ Онъ укорялъ Петра за то, что этотъ соблазняетъ его своими словами (Мѳ. 16, 23). Чрезъ воскресеніе же Христосъ содѣлался совершенно непорочнымъ" (Д. V, 80; 68; 85). Какъ человѣкъ, борющійся со страстьми и похотьми, какъ человѣкъ, недостигшій полноты совершенства, 5) Христосъ нуждался въ руководительствѣ Духа Святаго и въ подкрѣпленіи отъ самого Бога Слова. Онъ нуждался въ руководствѣ Духа Святаго. Разъясняя эту мысль Ѳеодоръ говоритъ: „выраженіе: *возведенъ бысть Духомъ* (Мѳ. 4, 1) обозначаетъ, что Христосъ какъ человѣкъ былъ руководимъ Духомъ, Имъ былъ направляемъ къ должному; Имъ былъ научаемъ тому, чему слѣдовало; Имъ былъ укрѣпляемъ, такъ что способнымъ сталъ на столь трудное состязаніе. Чрезъ помазаніе Духа онъ не только творилъ чудеса, но и зналъ отчетливо, какимъ образомъ слѣдуетъ пользоваться чудесами, чтобы возвѣстить народамъ благочестіе, понести слабости труждающихся и такимъ образомъ привести свое намѣреніе въ исполненіе; поэтому онъ и оправдался и явился непорочнымъ частію чрезъ удаленіе отъ худаго и стремленія къ лучшему, частію чрезъ постепенное усовершенствованіе" (Д. V, 64. 69). Подобное же содѣйствіе оказывалъ человѣку Христу и Богъ-Слово, соприсутствовавшій въ немъ; Богъ Слово помогаетъ ему, какъ существу иному, чуждому. Ѳеодоръ пишетъ: „Богъ-Слово много возлюбилъ его и все его усвоилъ себѣ и все перенесъ, сопровождалъ его во всѣхъ страданіяхъ, силою своею сдѣлалъ его чрезъ нихъ совершеннымъ; и онъ возсталъ изъ мертвыхъ не по закону своего естества, но Богъ-Слово своимъ присутствіемъ, своимъ дѣйствіемъ и

по своей милости освобождаетъ его отъ смерти и отъ тѣхъ горькихъ послѣдствій, которыя отсюда происходятъ, — воскрешаетъ его изъ мертвыхъ и приводитъ къ высшей цѣли. Пребывая въ немъ, Богъ-Слово даровалъ ему безсмертную жизнь и сдѣлалъ его невредимымъ, безсмертнымъ и неизмѣннымъ, возвелъ на небо" (Д. V, 85—86). Основное воззрѣніе Феодора, которое проходитъ чрезъ все ученіе его и которое состоитъ въ томъ, что Христосъ человѣкъ какъ въ рожденіи, такъ и во время земной жизни, не приходилъ въ личное единеніе съ Богомъ Словомъ,— отражается и на его ученіи о Богородицѣ. 6) Феодоръ уклонялся отъ названія Богородицы, усвоеннаго церковію Дѣвѣ Маріи. Феодоръ разсуждаетъ: „когда спросятъ: мать человѣка или матерь Бога — Марія? — мы должны отвѣчать: и то и другое, первое по естеству, второе относительно. Она матерь человѣка, потому что человѣкъ былъ во чревѣ ея; но она—матерь Бога, потому что Богъ былъ въ рожденномъ человѣкѣ, но Онъ былъ въ немъ по благоизволенію". При другомъ случаѣ Феодоръ еще яснѣе говоритъ: „когда вопросъ будетъ о рожденіи по плоти, тогда не слѣдуетъ считать Бога-Слово Сыномъ Маріи, потому что отъ смертнаго раждается смертное и отъ плоти подобное ей" (Д. V, 87—88). Кромѣ нечестія, указаннаго соборомъ въ ученіи Феодора касательно соединенія двухъ естествъ въ Богочеловѣкѣ, отцы этого собора поставляютъ въ укоръ Феодору и нѣкоторыя другія второстепенныя, но все же важныя заблужденія, открытыя въ его сочиненіяхъ. Открыто было, что Феодоръ, 7) хульно отзывался о нѣкоторыхъ книгахъ, принятыхъ въ канонъ священный,—о книгахъ Іова и Пѣсни пѣсней. О писателѣ книги Іова и о содержаніи ея Феодоръ дѣлаетъ такой отзывъ: „То, что необходимо было выставить на видъ при изложеніи книги Іова, все это могъ бы кто-нибудь представить въ лучшемъ свѣтѣ и сдѣлать его ревнителемъ добра. А такъ какъ онъ этого не сдѣлалъ, безъ нужды увлекшись любовію къ тщетной славѣ, то онъ не мало

повредилъ мнѣнію о праведникѣ у тѣхъ, которые о божественныхъ писаніяхъ судятъ обыкновенно не съ должнымъ благоговѣніемъ, и тѣмъ многихъ заставляетъ порицать написанное. О самыхъ начальныхъ словахъ, которыя писатель влагаетъ въ уста Іова, когда пришли къ нему друзья (Іов. гл. 3), какой человѣкъ вѣрно смотрящій на все или здраво обо всемъ разсуждающій можетъ думать или утверждать, что слова эти приличны мужу праведному? Собирать съ перваго раза такъ много злословій и обрушивать ихъ на такіе предметы, которые не могутъ принять злословія—кто подумаетъ, что это прилично мужу богобоязненному? Но этотъ позоръ еще малъ въ сравненіи съ тѣмъ, что находится въ концѣ книги (гл. 42). Тамъ говорится, что Іовъ третью дочь свою назвалъ „Амалѳеевъ рогъ". Это значитъ показать, что Іовъ вѣрилъ въ языческія басни и уважалъ вымыслы идолослуженія, тогда какъ несомнѣнно, что Іовъ человѣкъ необразованный, по происхожденію идумеянинъ—не могъ даже и знать языческихъ басней о Юпитерѣ, Сатурнѣ и Юнонѣ. Въ этомъ названіи обнаружился писатель, проникнутый сильною, но грубою любовью къ тщеславію. Ибо чтобы показать себя и знающимъ иностранныя ученія и свѣдущимъ въ басняхъ язычниковъ, которыя они считали вѣрными, онъ не усомнился нисколько заимствованное оттуда имя приписать праведнику, который будто бы хотѣлъ украсить имъ свою дочь. Да и все вообще изложеніе книги, по моему мнѣнію, ясно показываетъ, что писатель образованъ былъ языческими ученіями" (Д. V, 95—97). Еще рѣзче, еще безцеремоннѣе отзывъ Ѳеодора о книгѣ *Пѣснь пѣсней*. Онъ и ей отказываетъ въ каноническомъ достоинствѣ, какъ и книгѣ Іова, и относится къ ней съ полнымъ глумленіемъ. Ѳеодоръ писалъ объ этой книгѣ: „Досадно мнѣ было перечитывать Пѣснь пѣсней, потому что она составлена не по подобію пророческой книги и не по историческому преданію, какъ книги Царствъ, и не представляетъ убѣдительнаго увѣщанія къ подвигамъ. При чтеніи ея я усердно зѣваю

и дремлю, какъ очарованный брачнымъ пиромъ этой книги". Содержаніе и цѣль написанія этой книги Θеодоръ объясняетъ такимъ образомъ: „Соломонъ устроиваетъ египетское пиршество, вступая въ бракъ съ египтянкой, чрезъ что дѣлается человѣкомъ порочнымъ между іудеями и нарушителемъ отечественныхъ законовъ, возбраняющихъ браки съ иноплеменниками. Допустивши нарушеніе закона и раздраженный укоризнами за это со стороны израильтянъ, Соломонъ въ пѣсненной формѣ излагаетъ оправданіе самого себя, чтобы тѣмъ пріятнѣе сдѣлаться для своей супруги, увеселяясь пѣснопѣніями, написанными для нея. Своимъ сочиненіемъ Соломонъ хотѣлъ сказать: такъ какъ думаютъ меня и невѣсту поссорить своими поношеніями и раздѣлить своими злословіями, то пусть же послушаютъ, съ какимъ жаромъ мы воспѣваемъ свои объятія, и пусть при этомъ обоняютъ запахъ нашихъ брачныхъ благовонныхъ мастей; пусть раздаются во всѣ стороны звуки величественныхъ пѣсней о нашихъ лобзаніяхъ; воспѣвай невѣста твою пріятную пурпуровую черноту!—Все это надобно имѣть въ виду читающимъ эту книгу, замѣчаетъ Θеодоръ,— и не должно думать, что эта книга мудрѣйшаго есть увѣщаніе къ безстыдству и потому ненужно ненавидѣть ее, но не надобно и хвалить ее, какъ будтобы содержащую въ себѣ пророческое изображеніе благъ церкви. Ибо еслибы онъ заслужилъ пророческую благодать, то сдѣлалъ бы гдѣнибудь упоминаніе о Богѣ (потому что во всякомъ пророческомъ писаніи непремѣнно упоминается о Богѣ); но должны знать всѣ, что книга эта есть застольная пѣснь, подобно тому, какъ Платонъ впослѣдствіи написалъ пиршество любви. Отъ того ни у іудеевъ, ни у насъ Пѣснь пѣсней не читалась публично" (Д. V, 99—102). 8) Соборъ ставитъ также въ вину Θеодору то, что онъ многихъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ не относитъ ко Христу и Его царству. Θеодоръ худо отзывается о тѣхъ толкователяхъ свящ. писанія, которые съ особенною ревностію изъясняли ветхозавѣтныя пророчества въ смыслѣ мессіан-

скомъ; онъ говоритъ о нихъ: „многіе стараются отнести всѣ пророчества къ Господу Христу; такъ что и то, что сказано о народѣ іудейскомъ, понимаютъ подобнымъ образомъ и предоставляютъ іудеямъ поводъ смѣяться, когда указываютъ на пророчества, нисколько не относящіяся къ Господу Христу. Къ числу такихъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ, не относящихся ко Христу, Θеодоръ относитъ несомнѣнно мессіанскій псаломъ двадцать первый: *Боже, Боже мой, вонми ми, вскую мя еси оставилъ.* Θеодоръ говоритъ, что этотъ псаломъ никакимъ образомъ не относится ко Господу. Если же апостолы слова этого псалма: *раздѣлиша ризы моя себѣ и о одежди моей меташа жребій* (ст. 19), отнесли ко Христу, то отнесли потому, что на самомъ дѣлѣ съ Господомъ Христомъ случилось то, что прежде преувеличенно сказано было Давидомъ по поводу перенесенныхъ имъ несчастій (Д. V, 75—77). 9) Наконецъ соборъ не оставляетъ безъ вниманія и того, что Θеодоръ позволялъ себѣ считать именованіе: христіане, равнозначительнымъ съ именованіями: платоники, епикурейцы, манихеи. На соборѣ прочитано было слѣдующее мѣсто изъ сочиненій Θеодора: „у всѣхъ людей, слѣдующихъ какой-либо сектѣ, есть обычій называться именемъ основателей секты; таковы названія епикурейцевъ, платониковъ, манихеевъ и тому подобныхъ. Точно также и апостолы присудили намъ именоваться христіанами, такъ какъ намъ слѣдуетъ внимать ученію Христа“ (Д. V, 71—72).

Всѣ эти заблужденія Θеодора, извлеченныя изъ его сочиненій, найдены соборомъ заслуживающими крайняго порицанія; почему соборъ чтеніе иза сочиненій Θеодора иногда прерываетъ восклицаніями въ родѣ слѣдующихъ: „Это мы уже осудили, это уже предали анаθемѣ, анаθема Θеодору мопсуестскому и его сочиненіямъ; они чужды церкви, они чужды православнымъ, они чужды отцамъ, они полны нечестія, они возстаютъ на св. Писаніе. Одинъ Θеодоръ, одинъ Іуда. Анаθема Θеодору; онъ опозорилъ

Евангелія, онъ поругался надъ домостроительствомъ нашего спасенія. Анаѳема тѣмъ, которые не анаѳематствовали его. Защитники его іудеи, послѣдователи его язычники!“ (Д. V, 81; 106—107).

Основаніемъ для сужденія о виновности Ѳеодора въ еретическихъ заблужденіяхъ, кромѣ самыхъ сочиненій его, для собора служили историческія свидѣтельства, въ которыхъ выразился голосъ церкви по поводу Ѳеодора. Сюда относились посланія и сочиненія Кирилла Александрійскаго противъ Ѳеодора, сочиненіе Прокла Константинопольскаго, Равулы Едесскаго и пр., которыя также были читаны на соборѣ *).

Послѣ того, какъ во всѣхъ этихъ документахъ собраны были достаточныя данныя для уясненія еретическаго образа мыслей Ѳеодора, соборъ прежде, чѣмъ осудить Ѳеодора, считаетъ своимъ долгомъ разобрать возраженія, какія дѣлались въ защиту его противниками осужденія трехъ главъ. Соборъ выставлялъ самыя возраженія и затѣмъ по порядку опровергалъ ихъ. Прежде всего противники осужденія трехъ главъ указывали, что нельзя осуждать Ѳеодора, когда о немъ отзывался хорошо св. Кириллъ. Кириллъ, говорили они, называлъ Ѳеодора „добрымъ Ѳеодоромъ“. Соборъ счелъ за нужное прочесть посланіе Кирилла, гдѣ Ѳеодоръ названъ этимъ именемъ. Но чтеніе посланія ясно показало, что хотя Кириллъ и называетъ Ѳеодора „добрымъ“, принимая въ уваженіе его борьбу съ аріанами и его истолковательные труды по Св. Писанію, но въ то же время въ томъже посланіи порицаетъ его за его неправильныя мысли о соединеніи двухъ естествъ во Христѣ. Ссылка защитниковъ Ѳеодора на то, что Ѳеодора хвалитъ въ своемъ письмѣ Григорій Богословъ, найдена ложною, потому что Григорій Богословъ писалъ свои похвальныя письма другому Ѳеодору, епископу Тіан-

*) Съ содержаніемъ ихъ мы уже знакомы. См. выше „происхожденіе спора“.

скому, а не Мопсуестскому (Д. V, 150—159). Да и вообще соборъ находитъ, что хорошій отзывъ какого-либо достоуважаемаго лица о другомъ, оказавшемся еретикомъ, не можетъ освобождать послѣдняго отъ осужденія. Такъ Василій Великій говорилъ о еретикѣ Аполлинаріи: „Аполлинарія не почиталъ я врагомъ, а за иное и уважаю этого человѣка; но это однакожъ не избавило его отъ осужденія. А также Левъ папа Римскій сначала принялъ сторону Евтихія и въ своемъ посланіи одобрялъ его, однако послѣ осудилъ его и анаѳематствовалъ какъ еретика (Д. V, 185—6). Притомъ соборъ находилъ, что снисходительный отзывъ объ извѣстномъ заблуждающемся лицѣ тѣмъ меньше можетъ освобождать его отъ осужденія, что такой отзывъ иногда дѣлается не въ видахъ восхваленія его, а въ видахъ мира и спокойствія церковнаго. Такъ напр. Кириллъ кротко отзывался о Ѳеодорѣ единственно для того, чтобы не раздувать еще болѣе вражды у несторіанъ къ церкви (Д. V, 179). Защитники трехъ главъ далѣе возражали относительно Ѳеодора: Ѳеодора нельзя осуждать, потому что онъ умеръ. Соборъ находитъ подобное сужденіе неосновательнымъ и многими примѣрами доказываетъ, что еретика не безвременно осуждать и по смерти. Въ особенности соборъ ссылается въ этомъ случаѣ на свидѣтельства св. Кирилла и Блаженнаго Августина. Кириллъ писалъ: „Итакъ должно осуждать тѣхъ, которые повинны въ дурныхъ поступкахъ, въ живыхъ ли они находятся или нѣтъ (Д. V, 161). Блаженный Августинъ, когда одного изъ прежнихъ епископовъ—Цециліана Карѳагенскаго—выставляли виновникомъ нарушенія мира церковнаго, объявлялъ: „еслибы это когда нибудь было доказано намъ, мы сами анаѳематствовали бы его по смерти". При другомъ случаѣ Августинъ писалъ: „предателей я тѣломъ и душой отвергаюсь даже послѣ ихъ смерти" (Д. V, 164. 165). Въ доказательство позволительности осуждать лицъ, заслужившихъ того, послѣ ихъ смерти, отцы собора ссылались на одно постановленіе собора

Африканскаго, которымъ предписывалось епископовъ, предоставившихъ свое имущество еретикамъ, подвергать анаѳемѣ послѣ ихъ смерти (Д. V, 162). Кромѣ того соборомъ представлены были и многія другія свидѣтельства въ томъже родѣ,—указывали на то, что Аѳанасій Великій осудилъ еретика Аполлинарія уже по смерти его; Ѳеофилъ архіепископъ Александрійскій—Оригена, давно уже умершаго; Равула—Ѳеодора мопсуестскаго; подобнымъ же образомъ были анаѳематствованы гностики Валентинъ, Маркіонъ, Василидъ (Д. V, 166; 186). Третье возраженіе, съ какимъ выступали защитники Ѳеодора противъ осужденія его, состояло въ томъ, что указывали на то, что онъ умеръ въ мирѣ съ церковью. Соборъ не придавалъ этому возраженію никакой силы, считая умершими въ мирѣ съ церковью только тѣхъ, кто до конца жизни соблюдалъ догматы вѣры. Главнымъ же аргументомъ, служащимъ къ отстраненію этого возраженія, были дѣянія собора мопсуестскаго, которыя показали, что въ Монсуестѣ съ давнихъ временъ имя Ѳеодора было вычеркнуто изъ диптиховъ церковныхъ. Дѣянія эти были перечитаны на соборѣ *).

Сообразно плану, какой начертанъ былъ въ указѣ императорскомъ, по окончаніи соборныхъ сужденій о Ѳеодорѣ мопсуестскомъ (самое осужденіе его отложено до времени разсмотрѣнія дѣла всѣхъ трехъ главъ), соборъ занялся вопросомъ о Ѳеодоритѣ Кирскомъ. Нужно было разсмотрѣть нѣкоторыя сочиненія Ѳеодорита, написанныя противъ правой вѣры и въ интересахъ несторіанства; это именно и дѣлаетъ соборъ. Сочиненіями, заслуживающими особеннаго порицанія со стороны собора, признаны слѣдующія:

1) его разборъ двѣнадцати анаѳематизмъ Кирилловыхъ, гдѣ Ѳеодоритъ прямо выразилъ свой несторіанскій образъ воззрѣній. Здѣсь встрѣчались мѣста чисто несторіанскія, напр.: „Богъ-Слово не родился отъ Дѣвы

*) См. выше: «Исторія спора».

естествомъ, зачавшись и образовавшись, и съ того времени получивши начало существованія, но образовавшій себѣ храмъ въ дѣвической утробѣ былъ вмѣстѣ съ образованнымъ и рожденнымъ. Поэтому и святую Дѣву называемъ Богородицей, не потому что она родила Бога по естеству, но потому что она родила человѣка, соединеннаго съ Богомъ, который образовалъ его". И еще: „мы называемъ Христа Богомъ и человѣкомъ; единства же ѵпостаснаго, какъ страннаго и чуждаго, не знаемъ никакимъ образомъ, ни изъ божестваннаго писанія, ни изъ отцевъ, изъяснявшихъ писаніе" (Д. Ѵ, 218—219).

2) Нѣкоторыя посланія его, въ которыхъ св. Кириллъ, защитникъ вѣры, поносился самымъ безпощаднымъ образомъ. Такъ прочитано было его посланіе „къ монастырямъ", въ которомъ Кириллъ назывался послѣдователемъ Аполлинарія, его ученіе считалось нечуждымъ безумія гностиковъ Валентина и Маркіона; онъ уравнивался съ еретиками: Аріемъ, Евноміемъ, Македоніемъ; приписывается ему мысль, будто бы имъ раскрываемая, что „само безстрастное и неизмѣняемое Божество страдало, пригвождено было ко кресту и умерло" (Дѣян. Ѵ, 221—222). На соборѣ разсмотрѣно было и еще другое посланіе Θеодорита, осыпающее бранью и насмѣшками Кирилла, уже умершаго *). Въ посланіи говорилось: „наконецъ поздно и насилу умеръ злой человѣкъ. Ибо добрые и благодѣтельные люди переселяются туда прежде времени, а злые живутъ долго. А его несчастнаго (Кирилла) Правитель нашихъ душъ не оставилъ подобно другимъ долѣе наслаждаться тѣмъ, что кажется увеселительннымъ, но зная злобу сего мужа, ежедневно возраставшую и вредившую тѣлу церкви, отрѣзалъ какъбы какую-нибудь язву и отъялъ поношеніе отъ сыновъ израиля. Отшествіе его обрадовало оставшихся въ живыхъ, но

*) Одни считаютъ это посланіе подложнымъ, напр. *Лаббе*, издатель дѣяній соборныхъ въ подлинникѣ (Дѣян. Ѵ, 227); но другіе считаютъ его подлиннымъ (Neander, Allgemeine Geschichte der Religion und Kirche, Band. 1, S. 995, Ausgabe 1856).

опечалило, быть можетъ, умершихъ и можно опасаться, чтобы они, слишкомъ отягченные его сообществомъ, опять не отослали его къ намъ, или чтобы онъ не убѣжалъ отъ тѣхъ, которые отводятъ его, подобно тому какъ тиранъ циника Лукіана (въ одномъ сатирическомъ произведеніи). Итакъ надобно позаботиться, и нужно въ особенности предпринять эту поспѣшность—приказать обществу носильщиковъ умершихъ положить какой-нибудь величайшій и тяжелѣйшій камень на гробницу чтобы онъ опять сюда не пришелъ и снова не сталъ доказывать нетвердыя мнѣнія. Пусть возвѣщаетъ новые догматы находящимся въ аду и пусть тамъ разглагольствуетъ днемъ и ночью какъ хочетъ. Я радуюсь и услаждаюсь, видя общество церковное освобожденнымъ отъ такого рода заразы (Кирилла); но печалюсь и рыдаю, помышляя, что онъ жалкій не успокоился отъ золъ, но умеръ покушаясь на большія и худшія. Но Богъ видитъ и не презрѣлъ: Онъ положилъ узду на его уста и удила на его губы, и возвратилъ въ землю, изъ которой онъ взятъ" (Дѣян. V, 227—229).

3) Посланіе Θеодорита къ Андрею епископу Самосатскому. Все это посланіе исполнено самыхъ страшныхъ хуленій на III вселенскій соборъ; въ немъ сторона православныхъ этого собора описывается какъ злодѣи; сторона несторіанская, какъ страждущая за истину и вѣру. „Пишу изъ Ефеса (гдѣ былъ III вселенскій соборъ) о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя произошли здѣсь—бѣдствіяхъ превышающихъ всю силу разума и превосходящихъ историческое повѣствованіе и достойныхъ постоянныхъ слезъ и непрерывнаго плача. Ибо тѣлу церкви грозитъ опасность быть разодраннымъ, скорѣе же оно получило уже разрѣзъ, если мудрый Врачъ не поправитъ отдѣлившіеся и загнившіе члены и не соединитъ ихъ. Опять безумствуетъ Египетъ (Кириллъ) противъ Бога, воюетъ съ Моисеемъ и Аарономъ и слугами его, и весьма большая часть израиля соглашается съ противниками; здравомыслящихъ же, которые добровольно подъемлютъ труды за благочестіе,

чрезвычайно мало. Поругано достопочтенное благочестіе. Надъ такимъ соборомъ смѣются египтяне и палестинцы, и понтійцы, и азійцы и съ ними Западъ. Какіе смѣхотворцы во время нечестія такъ осмѣивали благочестіе въ комедіи? Какой писатель комедіи прочитаетъ когда-либо такую басню? Какой трагическій поэтъ достойно опишетъ плачъ объ этомъ? Столь великія и такія бѣдствія обрушились на церковь Божію, а лучше сказать: я расказалъ самую малую частицу того, что сдѣлано (Дѣян". V, 224—5)

4) На соборѣ прочитано было его посланіе къ Несторію. писанное послѣ III вселенскаго собора. Оно показывало, что Θеодоритъ оставался послѣдователемъ Несторія и послѣ того какъ вселенская церковь произнесла анаθему на этого еретика; въ посланіи къ Несторію Θеодоритъ говоритъ языкомъ друга и преданнаго ученика. Посланіе озаглавлялось: „господину моему достопочтеннѣйшему и благочестивѣйшему и святѣйшему отцу, епископу Несторію", и затѣмъ говорилось: „съ тѣмъ, что несправедливо и противозаконно совершено противъ твоей святости, я непозволю себѣ согласиться и тогда, еслибы кто-нибудь отсѣкъ мнѣ обѣ руки, при помощи мнѣ божественной благодати, поддерживающей немощь души. Это я письменно сдѣлалъ извѣстнымъ и тѣмъ, которые требовали; но никакое время по милости Божіей не измѣнило насъ" (Дѣян. V, 225—226). Соборомъ выслушано было также и то, что написано было Θеодоритомъ въ защиту Θеодора Мопсуестскаго (Дѣян. 146 и д.).

По заключеніи разсмотрѣнія нѣкоторыхъ направленныхъ противъ вѣры и церкви сочиненій Θеодорита, очередь наконецъ дошла до разсмотрѣнія дѣла третьей главы— Ивы Едесскаго съ его посланіемъ къ Марію Персу. Главнымъ вопросомъ при разсмотрѣніи былъ вопросъ, который намѣченъ былъ указомъ Юстиніана, именно—можно ли утверждать, какъ утверждаютъ нѣкоторые, что посланіе Ивы принято соборомъ Халкидонскимъ (Дѣян. V, 232)? Съ этою цѣлію соборъ останавливаетъ свое вниманіе на

томъ, какъ поступлено было съ Ивою на соборѣ Халкидонскомъ. Нѣкоторые епископы—ораторы въ своихъ рѣчахъ раскрыли мысль, что хотя Ива и былъ оправданъ на соборѣ Халкидонскомъ, но это оправданіе не простиралось на посланіе его, такъ какъ онъ прямо заявлялъ, что онъ неповиненъ въ томъ, въ чемъ его обвиняютъ; значитъ онъ отказывался и отъ самаго посланія, какъ невыражающаго его дѣйствительнаго образа мыслей (Дѣян. V, 246). Однимъ изъ важнѣйшихъ доказательствъ того, что посланіе Ивы будто бы было принято соборомъ Халкидонскимъ, для противниковъ осужденія трехъ главъ служили сужденія, въ которыхъ отцы Халкидонскаго собора выразили свое мнѣніе объ Ивѣ и посланіи его, ибо нѣкоторыя сужденія говорили, что и Ива невиненъ и посланіе его православно. Соборъ разсматриваетъ это возраженіе противъ осужденія Ивы и находитъ, что хотя нѣкоторые немногіе епископы и отзывались подобнымъ образомъ объ Ивѣ, но большинство смотрѣло на него, какъ на заблуждающагося, но раскаивавшагося человѣка, а на соборахъ, объявляли отцы V вселенскаго собора, должно внимать не тѣмъ или другимъ рѣчамъ (отдѣльныхъ лицъ), но тому, что опредѣляется всѣми вообще или большинствомъ (Дѣян. V, 247). Для лучшаго же удостовѣренія въ томъ, что посланіе Ивино не было принято въ Халкидонѣ соборомъ, произведено было сличеніе посланія этого съ опредѣленіями Халкидонскаго собора. Между мнѣніями, высказанными въ посланіи, и между опредѣленіями этого собора не было сходства: мнѣнія высказанныя въ первомъ отвергались отцами Халкидонскаго собора. Напримѣръ, Халкидонскій соборъ въ своихъ опредѣленіяхъ о вѣрѣ говоритъ, что Богъ-Слово воплотился и сталъ человѣкомъ, который есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ, а посланіе называетъ еретиками и аполлинаристами тѣхъ, которые говорятъ, что Богъ-Слово воплотился и сталъ человѣкомъ. Халкидонскій соборъ проповѣдуетъ, что св. Дѣва Марія есть Богородица, а посланіе отвергаетъ, что св. Дѣва

есть Богородица. Халкидонскій соборъ говоритъ, что онъ слѣдуетъ во всемъ образцу Ефесскаго собора, а посланіе порицаетъ этотъ соборъ. Халкидонскій соборъ признаетъ Кирилла своимъ учителемъ, а посланіе называетъ его еретикомъ и говоритъ о немъ, что онъ впалъ въ ученіе Аполлинарія (Дѣян. V; 316—18; 323). Когда сдѣлано было это сличеніе посланія съ опредѣленіями Халкидонскаго собора, отцы единодушно провозгласили посланіе Ивино еретическимъ: это всѣ мы сказали—восклицали они—посланіе еретическое; всѣ мы осуждаемъ посланіе; всѣ мы анаѳематствуемъ оное, посланіе чуждо собору, посланіе противно опредѣленіямъ, все посланіе еретическое, все богохульное. Кто его не анаѳематствуетъ, тотъ еретикъ. Кто принимаетъ посланіе, тотъ отвергаетъ св. Халкидонскихъ отцевъ (Дѣян. V, 325—326).

По окончаніи разсмотрѣнія вопроса объ Ивѣ и его посланіи, соборъ приступилъ къ произнесенію приговора относительно трехъ главъ. Это происходило на 8 засѣданіи собора. Въ опредѣленіи соборномъ говорилось:

„Осуждаемъ и анаѳематствуемъ вмѣстѣ со всѣми другими еретиками и Ѳеодора, который былъ епископомъ въ Мопсуестѣ и его нечестивыя сочиненія, и то, что нечестиво написалъ Ѳеодоритъ противъ правой вѣры, противъ 12 главъ святаго Кирилла и противъ Ефесскаго собора, и что написано имъ въ защиту Несторія. Кромѣ того анаѳематствуемъ и нечестивое посланіе, которое написалъ Ива къ Марію, отвергающее, что Богъ-Слово, воплотившись отъ св. Богородицы и Приснодѣвы Маріи, сдѣлался человѣкомъ, и порицающее св. памяти Кирилла, учившаго православно, какъ еретика и какъ писавшаго подобно Аполлинарію, и обвиняющее Ефесскій соборъ въ томъ, что имъ низложенъ Несторій безъ суда и слѣдствія, и защищающее Ѳеодора и Несторія и ихъ нечестивыя ученія и сочиненія. Итакъ анаѳематствуемъ вышеупомянутыя три главы, т.-е. нечестиваго *Ѳеодора* съ его непотребными *сочиненіями*, и то, что нечестиво *написалъ* Ѳеодоритъ,

и нечестивое *посланіе*, которое приписывается Ивѣ, и ихъ защитниковъ, и тѣхъ, которые писали или пишутъ въ защиту ихъ, или дерзаютъ называть ихъ православными, или вообще защищая ихъ, стараются защитить ихъ нечестіе именемъ св. отцевъ и св. Халкидонскаго собора" (Дѣян. V, 371—372).

Отсюда видно, что соборъ, осудивъ лицо и сочиненія Θеодора, не осудилъ лица Θеодорита и Ивы, пощадилъ ихъ, а осудилъ только нѣкоторыя сочиненія одного и одно письмо другаго.

На востокѣ, гдѣ съ самаго начала церковь соглашалась на осужденіе трехъ главъ, утвержденіе V вселенскаго собора не встрѣтило себѣ противодѣйствія. Иначе дѣло было на западѣ. Западъ до времени и во время V вселенскаго собора рѣшительно противился осужденію трехъ главъ, даже самъ папа колебался осудить ихъ, и скорѣе склонялся къ требованіямъ запада, чѣмъ востока. Поэтому соборъ V вселенскій не тотчасъ пріобрѣлъ себѣ авторитетъ на западѣ наравнѣ съ прежними четырьмя вселенскими соборами. Проходитъ цѣлое полстолѣтіе прежде чѣмъ защитники трехъ главъ согласились на признаніе V вселенскаго собора. Римскіе папы показали себя дѣятельными защитниками авторитета V вселенскаго собора. Самъ папа Вигилій, который даже во время собора не чуждъ былъ симпатій къ тремъ главамъ, послѣ собора оказался поборникомъ осужденія трехъ главъ. Папа этотъ писалъ патріарху Константинопольскому: „итакъ нечестивыя три главы мы анаθематствуемъ и осуждаемъ, т.-е. нечестиваго Θеодора вмѣстѣ съ его сочиненіями, и все, что нечестиво написалъ Θеодоритъ, и посланіе, которое написано Ивою, и въ которомъ содержатся нечестивыя хулы". При этомъ папа прибавляетъ: „что же сдѣлано было или мною или другими въ защиту трехъ главъ, то мы упраздняемъ опредѣленіемъ настоящей нашей граматы" (Дѣян. V, 408, 409). Въ томъже духѣ дѣйствовалъ и преемникъ Вигилія папа Пелагій I. Онъ обращается къ

нѣкоторымъ западнымъ епископамъ (въ Истріи) съ увѣщаніемъ послѣдовать V вселенскому собору. Изъ его посланія къ этимъ епископамъ видно, что въ это время большинство западныхъ епископовъ соглашались уже на признаніе V вселенскаго собора, ибо папа замѣчаетъ въ этомъ посланіи, что „хотя послѣ долгаго труда и послѣ долгаго времени, прошедшаго въ препирательствахъ даже до обидъ, западные епископы однакоже согласились на осужденіе трехъ главъ, дознавъ истину". Причиною такого сопротивленія Пелагій выставляетъ незнаніе латинянами греческаго языка, вслѣдствіе чего они долгое время должны были руководится ошибочными слухами (Дѣян. V, 421—422). Папа Григорій Великій (въ концѣ VI вѣка) борется съ остальными защитниками трехъ главъ. Это были отдаленные епископы Ирландскіе. Григорій разъясняетъ имъ, что въ вопросѣ о трехъ главахъ „ничего не было нарушено въ дѣлѣ вѣры или какимъ-нибудь образомъ измѣнено"; призываетъ ихъ къ единенію съ церковію и надѣется, что они послушно послѣдуютъ ея голосу (Дѣян. V, 458—9). Послѣ временъ папы Григорія авторитетъ V вселенскаго собора непререкаемо утверждается во всей церкви наравнѣ съ первыми четырьмя вселенскими соборами.

МОНОѲЕЛИТСТВО И VI ВСЕЛЕНСКІЙ СОБОРЪ.

1. Моноѳелитство и поборники православія до VI вселенскаго собора.

А. Моноѳелитство.

Происхожденіе ереси.—Моноѳелиты Ираклій, Сергій, Киръ.—Киръ и его унія въ Египтѣ.—Еретичество папы Гонорія.—„Изложеніе.“—„Образецъ“.—Сила моноѳелитства.

Ересь седьмаго вѣка—моноѳелитство находится въ самой родственной связи съ ересью монофизитовъ. Хотя надъ монофизитствомъ церковь давно уже, еще въ V вѣкѣ на соборѣ Халкидонскомъ, четвертомъ вселенскомъ, произнесла свой судъ, однакожь ересь эта не переставала имѣть многочисленныхъ приверженцевъ въ VI и VII вѣкѣ. Въ этомъ послѣднемъ вѣкѣ монофизитство является въ новомъ видѣ своего развитія,—изъ него выраждается ересь моноѳелитская. Моноѳелиты утверждали, что во Христѣ одна воля и одно дѣйствіе божеское, человѣческой же воли и человѣческой дѣятельности не признавали въ Богочеловѣкѣ. Такой переходъ монофизитства въ моноѳелитство былъ весьма естественъ. Въ самомъ дѣлѣ монофизитское ученіе объ одной природѣ во Христѣ—божественной и непризнаніе въ Немъ природы человѣческой само собой вело къ ученію объ одной волѣ во Христѣ тоже божественной, и къ непризнанію въ Немъ воли человѣческой. Одно естество необходимо имѣло и одну волю. Одинъ современникъ VI вселенскаго собора *) (папа Агаѳонъ)

*) Исторія VI вселенскато собора и моноѳелитства изложена въ VI томѣ „Дѣяній вселенскихъ соборовъ“, переведенныхъ при Казанской дух. академіи.

именно объявляетъ монофелитство плодомъ монофизитства. Онъ говоритъ: „Тѣ, кои сливаютъ таинство святаго воплощенія, уже тѣмъ самымъ, что исповѣдуютъ единое естество (монофизитство) во Христѣ, составившееся изъ Божескаго и человѣческаго, стремятся признать въ Немъ, какъ единомъ, *единую волю* и *единое личное дѣйствіе*“ (Дѣян. т. VI, стр. 71). Но и въ средѣ самихъ православныхъ лицъ нашлись такія, которыя посредствомъ неправильныхъ умозаключеній отъ истиннаго ученія о Богочеловѣкѣ, утвержденнаго на 3 и 4 вселенскихъ соборахъ, также приходили къ монофелитству. Церковь въ борьбѣ съ несторіанствомъ и монофизитствомъ выразила свое православное ученіе въ такомъ родѣ, что въ противоположность къ несторіанству утвердила единство лица (ипостаси) Богочеловѣка, а въ противоположность монофизитству—двойство природъ во Христѣ. Нѣкоторые изъ среды православныхъ, обращая вниманіе лишь на одну сторону этого ученія, — именно на ученіе о единствѣ ипостаси Богочеловѣка, дѣлали отсюда неправильное заключеніе, что признаніе единства лица требовало допущенія и единства воли во Христѣ. Подобные люди разсуждали такимъ образомъ: „Господь нашъ Іисусъ Христосъ и по воплощеніи пребываетъ въ двухъ совершенныхъ естестваахъ неслитно и нераздѣльно въ одномъ лицѣ и одной ипостаси; особенности того и другаго естества стеклись въ одно лицо, въ одну ипостась; поэтому мы исповѣдуемъ Христа въ новомъ образѣ *безъ* тѣлесныхъ хотѣній и человѣческихъ помысловъ, исповѣдуемъ въ Немъ *одно* ипостасное *хотѣніе* и дѣйствіе“ (Дѣян. VI. 177). Но это было монофелитство, а не истинно-православное ученіе, хотя оно и выводилось изъ ученія вселенской церкви. Правильное же церковное ученіе заключалось въ признаніи во Христѣ двухъ воль Божеской и человѣческой; эта истина была необходимымъ выводомъ изъ утвердившагося въ церкви ученія о двухъ природахъ во Христѣ: если во Христѣ двѣ природы полныя, всецѣлыя, со всѣми своими

свойствами, то онѣ не могли быть безъ ихъ принадлежностей—воли божественой и человѣческой; иначе онѣ были бы неполны, несовершенны, лишены своихъ необходимыхъ свойствъ (Дѣян. VI, 314. 315).

Мысли монофелитскія нерѣдко высказывались и ранѣе VII вѣка (Д. VI, 101. 102), но онѣ не достигали ни особенной силы и развитія, ни особеннаго распространенія. Широкое распространеніе монофелитство пріобрѣло лишь съ царствованія императора Ираклія, который захотѣлъ воспользоваться этимъ ученіемъ для своихъ цѣлей чисто государственныхъ. Политическое единство имперіи могло основываться только на единствѣ религіозномъ въ Греческомъ государствѣ; но этого единства религіознаго не было, какъ скоро цѣлые милліоны подданныхъ исповѣдывали монофизитство. Императоръ хотѣлъ помирить монофизитовъ съ православными и для сего воспользовался монофелитскимъ ученіемъ. Онъ надѣялся, что если монофизитамъ сдѣлать нѣкоторую уступку, ввести въ церковь ученіе объ одной волѣ во Христѣ, то этимъ будутъ довольны они и примкнутъ къ обществу православныхъ, при чемъ, казалось ему, и православные не потерпятъ ущерба въ своихъ основныхъ убѣжденіяхъ; ибо истина, за которую со всею ревностію стояло православіе о двойствѣ естествъ во Христѣ, не устранялась подобнымъ ученіемъ. Можно догадываться, что къ осуществленію этой мысли Ираклій пришелъ подъ вліяніемъ знакомства съ мыслями и расположеніями монофизитовъ въ Арменіи и Колхидѣ, гдѣ императоръ въ 622 и послѣдующихъ годахъ находился по военнымъ обстоятельствамъ. Императоръ былъ человѣкомъ свѣдущимъ въ религіозныхъ вопросахъ; во время пребыванія своего въ названныхъ странахъ, гдѣ сильно было монофизитство, онъ вступалъ со многими представителями этого лжеученія въ религіозные бесѣды и споры, вѣроятно выспрашивалъ ихъ: не присоединятся ли они и ихъ послѣдователи къ церкви православной, если въ послѣдней будетъ провозглашено ученіе сходное съ

монофизитствомъ,—объ одной волѣ и дѣйствіи во Христѣ. Нужно полагать, что его собесѣдники подали ему въ этомъ случаѣ добрыя надежды. Въ особенно близкихъ отношеніяхъ стоялъ императоръ въ Колхидѣ съ митрополитомъ монофизитомъ Киромъ. Подъ вліяніемъ своихъ бесѣдъ съ представителями монофизитовъ, которые возбуждали въ немъ лестныя для него и его плановъ надежды, Ираклій письменно обращается къ патріарху константинопольскому Сергію, вѣроятно дѣлясь съ нимъ мыслями и чувствами по данному дѣлу (Дѣян. VI, 366 — 367). Сергій безъ сомнѣнія и раньше еще столковался съ императоромъ о томъ, какъ моноѳелитскимъ ученіемъ воспользоваться къ выгодѣ имперіи. Безъ подобнаго предположенія нельзя объяснить той готовности, съ какою Сергій становится на защиту моноѳелитства. Сергій на письмо изъ Колхиды отвѣчаетъ увѣреніемъ, что ученіе объ одной волѣ и одномъ дѣйствіи во Христѣ есть ученіе, которое не только не противно преданіямъ церкви, напротивъ гораздо сообразнѣе съ ними, чѣмъ ученіе о двухъ воляхъ и двухъ дѣйствіяхъ во Христѣ (Д. ibidem.). Мысли патріарха объ одной и двухъ воляхъ во Христѣ выразились въ одномъ его посланіи въ слѣдующемъ видѣ: „слѣдовать ученію о двухъ воляхъ, значило бы предположить во Христѣ двѣ противоположныя одна другой воли, напримѣръ, волю Бога Слова, желающаго совершить спасительное страданіе, и волю его человѣчества, противящуюся Его волѣ и такимъ образомъ вводить двухъ желающихъ противоположнаго другъ другу, что̀ нечестиво. Невозможно, чтобы въ одномъ лицѣ находились вмѣстѣ двѣ противоположныя одна другой воли. Ученіе св. отцевъ ясно внушаетъ, что одушевленная плоть Господа никогда не дѣлала своего естественнаго движенія сама по себѣ и по собственному стремленію, вопреки мановенію соединеннаго съ нею Бога Слова, но дѣлала движеніе, когда, какое и сколько хотѣлъ самъ Богъ Слово; говоря яснѣе, какъ наше тѣло управляется и упорядочивается разумною душею, такъ и въ Господѣ Христѣ че-

ловѣческая Его природа руководилась всегда и во всемъ Божествомъ Его Слова, была богодвижима“ (Дѣян. VI, 371. 372.).

Такимъ образомъ главными лицами, наиболѣе заинтересованными ученіемъ объ одной волѣ и одномъ дѣйствіи во Христѣ—были императоръ Ираклій, патріархъ Константинопольскій Сергій и митрополитъ въ Колхидѣ Киръ; душою всего дѣла былъ самъ императоръ.

Слѣдовало сдѣлать опытъ примѣненія монофелитскихъ воззрѣній для политической цѣли—объединенія монофизитовъ съ православными. Это и сдѣлано было въ Египтѣ въ 633 году. Египетъ одно изъ гнѣздъ монофизитства, болѣе, чѣмъ какая другая страна въ имперіи, вызываетъ императора на попытку ввести монофелитскую унію въ указанномъ смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ въ Египтѣ въ это время на какихъ-нибудь 300.000 православныхъ приходилось 5 или 6,000,000 монофизитовъ *). Орудіемъ императорскихъ намѣреній сдѣлался Киръ, прежде митрополитъ въ Колхидѣ, а теперь патріархъ Александрійскій, человѣкъ ловкій и искусный. Унія велась подъ самымъ тщательнымъ наблюденіемъ императора Ираклія и Сергія, которымъ Киръ безъ сомнѣнія и обязанъ своимъ возведеніемъ въ патріарха. Ираклію и Сергію доносимо было о каждой мелочи, о каждой подробности въ ходѣ дѣла; съ своей стороны они спѣшили съ скорѣйшею помощію къ Киру, если нужно было что-либо исправить въ его дѣятельности, указать (Дѣян. VI, 398). Дѣло уніи пошло успѣшно; по крайней мѣрѣ такъ свидѣтельствуютъ Сергій и Киръ. Они говорятъ, что много трудовъ, много искусства употреблено было для достиженія цѣли, но за то цѣль достигалась. Въ Александріи цѣлыя тысячи монофизитовъ примкнули къ уніи. Всѣ клирики вмѣстѣ съ сановниками города и военачальниками и со всѣмъ народомъ присоединились къ церкви, въ знакъ чего приняли причастіе

*) Гефеле въ „Исторіи Соборовъ“ (Band. III Ausgabe 1858), стр. 119.

изъ рукъ патріарха Кира. И такъ было не въ одной Александріи, но и во всемъ Египтѣ: почти весь Египетъ, Өиваида и Ливія подали руку примиренія православнымъ въ церкви Александрійской и ея вождю Киру. Въ своемъ восторгѣ, по поводу событія Киръ писалъ (къ Сергію): „такимъ образомъ составился праздникъ, какъ написано, праздникъ во учащающихъ до рогъ олтарсвыхъ (Псал. 117, 27), а если сказать правдивѣе, то не до рогъ олтаревыхъ, но до самыхъ облаковъ и за облаками до небесныхъ чиновъ, радующихся о мирѣ церквей и обращающихся къ нему“ (Д. VI, 367—8; 397—8). Теперь вглядимся точнѣе, какими жертвами покупалось возсоединеніе монофизитовъ въ Египтѣ съ православною церковію. Чтобы привлечь монофизитовъ къ православію, Киръ издаетъ въ Египтѣ исповѣданіе вѣры, которое должно было удовлетворить и ту и другую сторону — православныхъ и монофизитовъ. Но исповѣданіе это, если и могло удовлетворить монофизитовъ, то отнюдь не могло удовлетворить православныхъ. Исповѣданіе беретъ на себя невозможное дѣло — примирить монофизитское ученіе съ православнымъ. Въ исповѣданіи, напримѣръ, говорилось: признаемъ во Христѣ соединеніе двухъ природъ „физическое (мысль монофизитская) и ипостасное“ (мысль православная); или: Христосъ „*созерцается* въ двухъ естествахъ“ (мысль монофизитская); еще: „одно естество Бога-Слова воплощенное“ (чистое монофизитство), во Христѣ „одна составная ипостась“ (чистое православіе); и еще „Христосъ страдалъ тѣмъ и другимъ естествомъ“ (монофизитство), и вслѣдъ за этимъ замѣчается: „Христосъ страдалъ плотію какъ человѣкъ, а какъ Богъ пребывалъ безстрастнымъ въ страданіяхъ собственной плоти“ (православіе). Но, главное, въ разсматриваемомъ исповѣданіи прямо и рѣшительно провозглашено монофелитское ученіе; здѣсь говорилось: „одинъ и тотъже Христосъ и Сынъ производилъ, что̀ прилично Богу и человѣку, *однимъ* богомужнымъ *) *дѣй-*

*) Выраженіе „богомужное“ дѣйствіе, повидимому доказывающее

ствіемъ" (Дѣян. VI, 399—401). Вотъ мысли положенныя въ основѣ уніи монофизитовъ съ православными! Онѣ были благопріятны для монофизитовъ, и потому нисколько не удивительно, если монофизиты въ Египтѣ цѣлыми тысячами стали обращаться здѣсь къ церкви. Но съ другой стороны для православныхъ было ясно, что унія египетская есть полнѣйшая измѣна вѣрѣ и православію. Поэтому тоже неудивительно, если унія эта встрѣчаетъ противодѣйствіе на всемъ востокѣ и западѣ, противодѣйствіе устрашившее самихъ зачинщиковъ дѣла и заставившее ихъ искать разныя мѣры, чтобы поддержать свое дѣло. Въ средѣ православныхъ для этой уніи не было другаго имени какъ „водяная" унія,—ироническое названіе, указывающее на непрочность затѣи монофелитовъ. Такимъ названіемъ православные отвѣчали на самохвальные возгласы монофизитовъ, говорившихъ послѣ этой уніи, что самъ „соборъ Халкидонскій (т.-е. почитатели его) пришелъ къ намъ, а не мы къ нему", указывая этимъ на большія уступки, какія партія монофелитствующихъ сдѣлала монофизитамъ относительно ученія вѣры *).

Сергій увидѣлъ, что не легко привести въ сознаніе православныхъ христіанъ еретическое ученіе объ одной волѣ и одномъ дѣйствіи во Христѣ, что эта новость возбудила въ церкви сильныя „пренія" и „любопренія" (Д. VI, 370), и въ виду этого старался съ одной стороны сколько возможно потушить возгоравшіеся споры, не отказываясь впрочемъ отъ своего лжеученія, съ другой стороны пріобрѣсти оному вліятельныхъ защитниковъ. Чтобы потушить споры, онъ писалъ Киру Александрійскому, внушая

монофелитское ученіе, монофизиты заимствовали изъ сочиненій извѣстныхъ съ именемъ Діонисія Ареопагита; но они выраженію этому придавали другой, ложный смыслъ, чѣмъ какой оно имѣло въ самихъ названныхъ сочиненіяхъ. См. Гефеле въ „Исторіи соборовъ" (тамъ же) стр. 117.

*) Theophanes Chronographia. p. 679 (Migne, Cursus patr. tom. 108); Combefis. Opera Maximi. tom I. p. VIII.

ему, что „не должно никому позволять проповѣдывать объ одномъ или двухъ дѣйствіяхъ во Христѣ Богѣ"; въ томъже родѣ были его внушенія и самому императору (Дѣян. VI, 370. 373). Вслѣдъ за тѣмъ Сергій вступаетъ въ сношенія съ папою Гоноріемъ. Этимъ онъ хочетъ привлечь его на свою сторону, на сторону монофелитовъ, и тѣмъ придать своему дѣлу важность и силу въ церкви. Сергій писалъ къ Гонорію, и въ письмѣ раскрывалъ, какъ необходимо было все то, что предпринято Киромъ въ Египтѣ; жаловался на тѣхъ, кто поднималъ споры по вопросу о воляхъ во Христѣ, но въ тоже время необинуясь заявлялъ, что ученіе объ одной волѣ и объ одномъ дѣйствіи во Христѣ лучше ученія о двухъ воляхъ и двухъ дѣйствіяхъ въ Немъ (Д. VI, 366—374). Сергій повелъ такъ искусно свои сношенія съ Гоноріемъ, что этотъ легко запутался въ еретическихъ сѣтяхъ, разставленныхъ ему патріархомъ Константинопольскимъ. Гонорій, какъ видно, былъ неискуснымъ богословомъ, не сумѣлъ распутать всѣхъ хитросплетеній Сергія и, повѣривъ его сладкимъ словамъ, принялъ сторону монофелитствующихъ. Папа въ отвѣтномъ посланіи Сергію хвалитъ его за его осторожность и предусмотрительность, совершенно соглашается съ нимъ, что не слѣдуетъ спорить о вопросѣ, который не былъ разъясненъ доселѣ соборами, и въ заключеніе прямо признаетъ ученіе объ одной волѣ во Христѣ правильнымъ. „Если нѣкоторые, такъ-сказать, косноязычные вздумали выдать себя за учителей и публично проповѣдывать, чтобы произвести впечатлѣніе на умы слушателей, то не должно обращать въ церковные догматы того, чего не изслѣдовали соборы, чтобы кто-нибудь осмѣлился проповѣдывать въ Господѣ Іисусѣ Христѣ одно или два дѣйствія, о чемъ не рѣшили ни евангельскія, ни апостольскія писанія, ни соборныя опредѣленія, а развѣ учили что-то какіе-то, какъ мы сказали, косноязычные, нисходя къ понятіямъ и мыслямъ младенчествующихъ. Какъ нужно говорить и мыслить, одно или два дѣйствія во Христѣ,

это насъ не касается, предоставимъ это грамматикамъ или писателямъ по ремеслу“; и называетъ подобныхъ лицъ „философами разражающимися возгласами лягушекъ“. Свое собственное мнѣніе по вопросу Гоноріи выражаетъ въ такихъ словахъ: „будемъ исповѣдывать Господа нашего Іисуса Христа *одного дѣйствующаго* въ божественномъ и человѣческомъ естествѣ,“ и прямо провозглашаетъ: „мы исповѣдуемъ въ Господѣ Іисусѣ *одну волю*“ (Д. VI, 374—380). Такимъ образомъ и папа Гоноріи объявилъ себя монооелитомъ; партія монооелитовъ крѣпла и усиливалась. Но это не могло утишить споровъ, которые такъ непріятны были монооелитамъ, потому что эти споры грозили превратить въ прахъ всѣ начинанія ихъ касательно соединенія монофизитовъ съ церковію. Чтобы утишить волненія, императоръ Ираклій въ 638 году издаетъ указъ, извѣстный съ именемъ „Изложенія“ (*эктесисъ*). Указъ имѣлъ въ виду достигнуть того, чтобы всѣ замолкли въ своихъ спорахъ о двухъ и одной волѣ во Христѣ, но это было недостижимо. Съ своей стороны „Изложеніе“ даже давало новые поводы къ распрямъ. Въ самомъ дѣлѣ „Изложеніе“ требовало, чтобы умолкли споры о двухъ и одной волѣ во Христѣ, и въ тоже время само провозглашало ученіе объ одной волѣ, какъ ученіе правильное. „Изложеніе“ было такого содержанія: „мы совершенно не позволяемъ, чтобы кто-нибудь утверждалъ и училъ объ одномъ и двухъ дѣйствіяхъ вочеловѣчавшагося Господа. Ибо хотя выраженіе: *одно дѣйствіе*, употребляется нѣкоторыми отцами, однакожь для слуха *нѣкоторыхъ* лицъ оно чуждо и безпокоитъ ихъ: таковымъ кажется, что оно употребляется для того, чтобы подорвать ученіе о двухъ природахъ во Христѣ, которыя соединены въ Немъ ипостасно. Что же касается до выраженія: два дѣйствія, оно соблазняетъ *многихъ*, ни у кого изъ отцевъ его не встрѣчается, оно ведетъ къ допущенію ученія о двухъ одна другой противодѣйствующихъ воляхъ во Христѣ, какъ будто бы Слово Божіе, имѣя въ виду наше спасеніе, хотѣло претерпѣть страда-

ніе за насъ, а Его человѣчество противодѣйствовало этому Его намѣренію; но это нечестиво и чуждо христіанскому ученію; самъ нечестивый Несторій хотя и вводилъ въ ученіе о Христѣ ученіе о двухъ сынахъ, но онъ не дерзалъ утверждать двухъ воль въ Немъ. Мы должны—гласило Изложеніе—признавать *одну волю* Господа нашего І. Христа истиннаго Бога; ни въ какое время Его плоть не противодѣствовала Слову Божію, ипостасно соединенному съ нею" *). Но православные не думали исполнять незаконную волю императора; не хотѣли молчать, когда великая опасность грозила вѣрѣ. Все время царствованія императора Ираклія прошло въ спорахъ и безпокойствахъ; мира церковнаго не было и не могло быть. Въ такомъ положеніи имперію находитъ новый императоръ Констансъ II; но онъ вмѣсто того, чтобы уступить справедливымъ требованіямъ церкви—возстановить истину христіанскую, съ большею ревностію продолжалъ дѣйствовать въ духѣ своего предшественника Ираклія. Въ виду нескончаемыхъ споровъ догматистовъ Констансъ издаетъ новый религіозный указъ. Императоръ собственно хотѣлъ доставить побѣду монофелитству, но пошелъ къ этой цѣли не прямо, а косвенно: онъ задумалъ вообще запретить споры объ одной и двухъ воляхъ, но съ этимъ онъ давалъ первенствующее значеніе монофелитству, такъ какъ обстоятельствами времени оно поставлено въ болѣе выгодныя условія, чѣмъ православіе. Этотъ указъ извѣстенъ съ именемъ „Образца" *(типоса)*. Содержаніе его было таково: „такъ какъ мы привыкли употреблять всякое стараніе о томъ, что служитъ благосостоянію нашего христіанскаго государства, и въ особенности о томъ, что касается непреложнаго христіанскаго ученія, то мы узнавши, что нашъ народъ пришелъ въ великое движеніе, что одни въ вочеловѣчившемся Богѣ признаютъ одну волю, другіе двѣ воли, объявляемъ: съ настоящаго времени пусть никто себѣ не

*) Binii Concilia tom IV p. 696—7.

позволяетъ вступать въ споры съ другими объ одной волѣ и объ одномъ дѣйствіи и двухъ воляхъ и двухъ дѣйствіяхъ;—никто не долженъ возбранять и обвинять тѣхъ, кои признаютъ одну волю и одно дѣйствіе, ни тѣхъ, кто признаютъ двѣ воли и два дѣйствія. Кто настоящія повелѣнія преступитъ, тотъ прежде всего будетъ подлежать суду страшнаго Бога; но онъ также не избѣгнетъ наказаній опредѣленныхъ для презрителей императорскихъ законовъ. Если презрителемъ будетъ клирикъ или епископъ, таковый будетъ отставленъ отъ должности; если монахъ, отлученъ отъ церкви и изгнанъ изъ монастыря; если гражданскій чиновникъ и офицеръ, будутъ лишены своего достоинства; если частный человѣкъ изъ привиллегированнаго сословія, будетъ наказанъ отнятіемъ имущества; если же изъ низшихъ сословій, то по тѣлесномъ наказаніи будетъ сосланъ въ вѣчную ссылку“ *). Изданіе „Образца“ было бѣдственно для церкви; многіе за сопротивленіе ему поплатились жизнію. „Образецъ“ и его появленіе представляютъ послѣднее изъ болѣе замѣчательныхъ мѣропріятій, при помощи которыхъ еретическая партія хотѣла утвердить свое господство и подавить православіе.

При энергическихъ дѣйствіяхъ императоровъ, патріарха константинопольскаго Сергія и нѣкоторыхъ другихъ епископовъ, монофелитство успѣло пустить довольно глубокіе корни на востокѣ. Въ церкви константинопольской, которая была тогда руководительницей всѣхъ другихъ церквей востока, встрѣчаемъ цѣлый рядъ патріарховъ еретиковъ. Таковъ былъ Пирръ, преемникъ Сергія, умершаго въ 638 году. Онъ дважды восходилъ на патріаршій престолъ и оба раза являлся ревностнымъ поборникомъ монофелитской ереси. Изгнанный изъ Константинополя по подозрѣніямъ выставляющимъ очень невыгодно поведеніе Пирра, онъ предпринимаетъ путешествіе въ Африку и Римъ, и во время своего путешествія посѣеваетъ сѣмена

*) Binii. Concilia. tom IV. p. 706.

своего нечестія; такъ по крайней мѣрѣ было въ Африкѣ. Какъ свидѣтельство о своемъ еретическомъ заблужденіи, онъ оставилъ послѣ себя сочиненіе: „о волѣ и дѣйствіи“ во Христѣ (Д. VI, 405). Еретикомъ былъ и преемникъ Пирра на константинопольской каѳедрѣ Павелъ. Въ одномъ своемъ посланіи онъ прямо говоритъ: „мы мыслимъ во Христѣ одну волю, чтобы не приписывать одному и тому-же лицу противоположности или разности воль, или не учить, что Онъ борется самъ съ собою, или не вводить двухъ хотящихъ“ (Д. VI, 406). Еретика Павла смѣнилъ также еретикъ на тойже каѳедрѣ Петръ (ib. 407). Какими печальными послѣдствіями отразилось на общемъ теченіи дѣлъ церковныхъ господствовавшее моноѳелитство, объ этомъ встрѣчаемъ слѣдующее краснорѣчивое свидѣтельство современника. „Іерархи сдѣлались ересіархами и вмѣсто мира возвѣщали народу распрю, сѣяли на церковной нивѣ вмѣсто пшеницы плевелы; вино (истина) мѣшалось съ водою (ересью) и поили ближняго мутною смѣсью; волкъ принимался за ягненка, ягненокъ за волка; ложь считалась истиною и истина ложью; нечестіе пожирало благочестіе. Перепутались всѣ дѣла церкви“ (Д. VI, 546).

Б. Поборники православія.

Св. Софроній и его борьба съ моноѳелитствомъ.—Дѣятельность св. Максима исповѣдника въ пользу православія.—Страданія св. Мартина за вѣру.—Страданія за вѣру св. Максима.—Необходимость созванія новаго вселенскаго собора.

Съ самыхъ первыхъ поръ своего открытаго появленія ересь встрѣтила себѣ въ рядахъ православныхъ могущественныхъ противниковъ. Ревность къ вѣрѣ и ученость дѣлала этихъ противниковъ непобѣдимыми въ ихъ борьбѣ съ лжеученіемъ. Первымъ защитникомъ православія противъ моноѳелитовъ былъ св. Софроній патріархъ іеруса-

лимскій *). Свою дѣятельпость въ пользу православія Софроній обнаруживаетъ еще ранѣе возведенія на патріаршество, будучи простымъ палестинскимъ монахомъ. Софроній имѣлъ несчастіе видѣть первое открытое провозглашеніе монофелитства. Онъ былъ въ Египтѣ, когда Киръ патріархъ александрійскій обнародовалъ свою извѣстную намъ грамату единенія, въ которой во всеуслышаніе объявлялось новое лжеученіе. Кажется самъ Киръ захотѣлъ узнать мнѣніе Софронія относительно новаго ученія и встрѣтилъ въ немъ ревностнаго противника. Напрасно Киръ старался убѣдить Софронія принять сторону монофелитовъ, приводя въ свою пользу нѣкоторыя не совсѣмъ опредѣленныя мѣста изъ писаній отцевъ; напрасно выставлялъ на видъ, что будто св. отцы въ цѣляхъ спасенія душъ многихъ изъ вѣрующихъ всегда готовы были на уступки, и что теперь въ особенности не стоитъ спорить изъ-за выраженій, когда дѣло идетъ о спасеніи душъ столь многихъ тысячъ вѣрующихъ; — Софроній оставался непреклоннымъ въ своихъ убѣжденіяхъ (Д. VI, 368—9). По другому свидѣтельству, самъ Софроній, какъ скоро узналъ о содержаніи граматы единенія, отправился къ Киру, палъ къ ногамъ его и умолялъ его не возвѣщать въ церкви того члена вѣры въ граматѣ, въ которомъ говорилось объ одномъ дѣйствіи во Христѣ; это ученіе онъ называлъ аполлинаріанскою ересью **). Послѣ того какъ Софроній увидѣлъ, что всѣ его попытки побудить Кира выбросить изъ граматы единенія слова, заключающія въ себѣ монофелитское ученіе, были безуспѣшны, онъ отправляется въ Константинополь, думая найдти себѣ опору противъ Кира въ Сергіи патріархѣ константинопольскомъ. Не зная того, что Сергій самъ былъ зараженъ монофелитствомъ, онъ надѣялся, что новое лжеученіе,

*) О Софроніи въ руск. литературѣ существуетъ сочиненіе г. Галина подъ заглавіемъ: „св. Софроній патр. іерусалимскій". Кіевъ. 1853.

**) Combefis. S. Maximi opera. t. 2, p. 75.

по вліянію Сергія, не будетъ распространяемо. Понятно, что Софроній обманулся въ своихъ надеждахъ. Долго и много разсуждалъ онъ съ Сергіемъ *), но Сергій не хотѣлъ уничтоженіемъ ученія объ одномъ дѣйствіи во Христѣ разрушить дѣло египетской уніи (Д. VI, 369—370). Болѣе и вліятельнымъ и сильнымъ борцомъ противъ монофелитовъ становился Софроній, когда онъ взошелъ на престолъ патріаршій въ Іерусалимѣ (ок. 634 г.). Въ своемъ окружномъ посланіи, которое, по обыкновенію всѣхъ вновь занимающихъ патріаршіе престолы, разослалъ Софроній къ другимъ патріархамъ, онъ съ замѣчательною силою и ясностію изложилъ ученіе православное. Посланіе начиналось слѣдующими выразительными словами: „отцы! отцы! всеблаженнѣйшіе! Вижу поднявшуюся волну и за волною слѣдующую опасность". Ученіе церкви о двухъ воляхъ и двухъ дѣйствіяхъ во Христѣ излагаетъ св. отецъ въ слѣдующихъ чертахъ: „называя Христа состоящимъ изъ божества и человѣчества, мы проповѣдуемъ, что Онъ и Богъ и человѣкъ, состоитъ изъ двухъ естествъ, и двойственъ по отношенію къ естествамъ, и естественно совершаетъ то, что свойственно тому и другому существу, въ силу присущаго тому и другому существеннаго качества и естественной особенности". Двойство естествъ выражается въ двойственности дѣйствій. „Еммануилъ, будучи единымъ и въ одномъ и томъже будучи тѣлѣ и другимъ, то-есть и Богомъ и человѣкомъ, поистинѣ совершаетъ свойственное тому и другому естеству, произ-

*) Сергій въ письмѣ къ папѣ Гонорію разсказываетъ, что въ разговорѣ съ Софроніемъ онъ потребовалъ отъ послѣдняго привести какое-нибудь ясное свидѣтельство изъ писаній отцевъ о двухъ дѣйствіяхъ во Христѣ, и что будто Софроній не въ состояніи былъ сдѣлать этого (Д. VI, 370); но это показаніе не истинно. Невѣроятно, чтобы Софроній, позднѣе составившій сочиненіе, въ которомъ онъ изложилъ 600 свидѣтельствъ въ пользу ученія о двухъ воляхъ во Христѣ (Гефеле въ „исторіи соборовъ", тамъже, стр. 132), не могъ привести должныхъ свидѣтельствъ по требованію Сергія.

водя совершаемое имъ одно такъ, другое иначе. Какъ Богъ, совершалъ Онъ божественное,—какъ человѣкъ,—человѣческое" (Д. VI, 296. 315. 16). Посланіе замѣчательно, кромѣ своей обширности, еще тѣмъ, что не указываетъ прямо на монофелитовъ, но въ духѣ кротости, обходя лица, возстаетъ на защиту истины.—Посланіе Софронія произвело сильное впечатлѣніе на умы; монофелиты заволновались и въ отпоръ Софронію издаютъ „Изложеніе". Недолго однакожъ Софроній оставался стражемъ вѣры. Магометанское владычество, подчинившее себѣ іерусалимскій патріархатъ въ это время, оторвало іерусалимскую церковь отъ связей съ христіанскимъ востокомъ. Важнѣйшимъ распоряженіемъ Софронія при видѣ стѣснительныхъ обстоятельствъ времени было посольство одного палестинскаго епископа въ Римъ, съ цѣлію найдти здѣсь защитниковъ истины и побудить ихъ къ борьбѣ съ лжеученіемъ. Софроній призвалъ къ себѣ епископа дорійскаго Стефана и поручилъ ему это дѣло. Чтобы возбудить въ посланникѣ должную ревность къ защитѣ истины и обязать его къ точному исполненію возложеннаго на него порученія, патріархъ привелъ Стефана на Голгоѳу и тамъ на мѣстѣ крестныхъ страданій Христа заповѣдалъ ему, по свидѣтельству самого же Стефана, слѣдующее: „помни, что ты дашь отвѣтъ Распятому на семъ самомъ мѣстѣ, когда Онъ пріидетъ во славѣ судить живыхъ и мертвыхъ, если вознерадишь и пренебрежешь опасностію, въ которой находится Его св. вѣра. Соверши то, чего я не могу сдѣлать самъ по причинѣ нашествія сарацынъ. Обойди въ случаѣ нужды всю вселенную, потщись преодолѣть всѣ препятствія, чтобы достигнуть Рима; открой тамъ предъ мужами благочестивыми по сущей правдѣ все, что дѣлается въ нашихъ странахъ, и не переставай умолять, пока они не возстанутъ на пораженіе враговъ вѣры и совершенно не отвергнутъ нововведеннаго ученія". Стефанъ исполнилъ просьбу патріарха, отправился въ Римъ и вызывалъ соборъ римскій къ ревностному охраненію истины, хотя много прошло времени

прежде чѣмъ его усилія привели къ цѣли *), ибо между самими папами были еретики, напр. Гонорій. Софроній скончался около 640 года.

Вмѣстѣ съ Софроніемъ на чреду служенія православію выступаетъ св. Максимъ исповѣдникъ и мученикъ **) за ученіе о двухъ воляхъ во Христѣ. Максимъ сначала занималъ высокую государственную должность императорскаго секретаря, за свои таланты и познанія высоко цѣнился императоромъ Иракліемъ. Впослѣдствіи онъ сдѣлался монахомъ и былъ игуменомъ въ одномъ константинопольскомъ монастырѣ. Когда появилось монофелитство, Максимъ покинулъ зараженный лжеученіемъ Константинополь и жилъ частію въ Африкѣ, частію въ Римѣ, ревностно подкрѣпляя православныхъ своими богословскими познаніями и твердостью своихъ убѣжденій. Пребываніе его въ Африкѣ было особенно плодотворно для православія. Самые епископы африканскіе охотно поставляли себя въ число учениковъ Максима, несмотря на то, что онъ былъ простой монахъ. Его жизнеописатель говоритъ: „разсуждая съ африканскими епископами, онъ утверждалъ ихъ въ вѣрѣ, наставлялъ и вразумлялъ; потому что хотя они превышали его саномъ, но мудростію были гораздо ниже его“ ***). На время пребыванія Максима въ Африкѣ падаетъ его знаменитое состязаніе съ отставленнымъ патріархомъ костантинопольскимъ Пирромъ. Это было въ 645 году. Состязаніе между защитникомъ православія Максимомъ и защитникомъ монофелитства Пирромъ ведено было публично; на немъ присутствовалъ самъ намѣстникъ провинціи и многіе епископы. Для ознакомленія съ содержаніемъ состязанія, мы приведемъ нѣкоторые отрывки изъ

*) Binii. Concilia. tom. IV p. 673.

**) Въ журналѣ „Прав. Собесѣдникъ“ за 1857 г. помѣщена основательная монографія о Максимѣ подъ заглавіемъ: Жизнь препод. Максима исповѣдника.

***) Combefis (opera Maximi t. I), Acta Maximi p. XI.

него. Оно открылось вопросомъ со стороны Пирра: „что сдѣлалъ тебѣ я и предшественникъ мой (патр. Сергій), что ты вездѣ выставляешь насъ еретиками“? — Максимъ: „съ тѣхъ поръ какъ вы извратили христіанское ученіе, я счелъ долгомъ истину предпочитать расположенію къ вамъ. Ваше ученіе объ одной волѣ противно христіанству, ибо это—нечестіе, когда вы утверждаете, что та самая воля, которая создала все, по воплощеніи, стремилась къ пищѣ и питію“. — Пирръ: „если Христосъ есть одно лице, то и хочетъ чего-либо это единое лице, слѣдовательно находится въ немъ только одна воля“.—Максимъ: „Это смѣшеніе. Правда, Христосъ одинъ по ипостаси, но Онъ есть притомъ Богъ и человѣкъ. И если двойство природъ не вноситъ раздѣленія въ единаго Христа, то къ этому не ведетъ и двойство воль и дѣйствій“. — Пирръ говорилъ: „дѣйствіямъ, говоритъ Несторій, соотвѣтствуютъ лица; поэтому вы чрезъ ученіе о двухъ дѣйствіяхъ впадаете въ несторіанство“. — Максимъ отвѣчалъ: „прежде всего Несторій при двухъ лицахъ во Христѣ допускалъ лишь одну волю; но еслибы и дѣйствительно было такъ, какъ ты говоришь, что дѣйствіямъ соотвѣтствуютъ лица, то и наоборотъ лицамъ должны соотвѣтствовать дѣйствія; а если такъ, то ты въ Троицѣ ради трехъ лицъ долженъ бы признать три дѣйствія, и ради одного дѣйствія въ Ней долженъ бы признать лишь одно лице“... Впродолженіи этого состязанія Максимъ съ замѣчательною проницательностію опровергаетъ ученіе монофелитовъ объ одной волѣ, запутывая это ученіе въ неразрѣшимыхъ противорѣчіяхъ. „Если принимаете одно дѣйствіе во Христѣ, какое оно должно быть,—божеское или человѣческое, или ни то ни другое“? спрашиваетъ Максимъ. „Если божеское, то выйдетъ, что Христосъ былъ только Богомъ; если человѣческое, то Онъ былъ только человѣкъ; если же дѣйствіе Его ни божеское, ни человѣческое, то Христосъ былъ ни Богъ, ни человѣкъ“. Дальше: „какъ ты назовешь это единое дѣйствіе, спрашиваетъ Максимъ, созданнымъ или несозданнымъ? Если

созданнымъ (тварнымъ), то единое дѣйствіе будетъ относиться лишь къ одной созданной природѣ Христа; во второмъ случаѣ оно будетъ указывать лишь на несозданную (истинно-божескую) природу Его; но какъ можетъ дѣйствіе созданной природы быть дѣйствіемъ не созданнымъ, и наоборотъ" *) и т. п. Дѣйствіе состязанія Максима съ Пирромъ было громадное: православіе одержало верхъ надъ монофелитствомъ въ данномъ случаѣ. Максимъ вышелъ рѣшительнымъ побѣдителемъ въ своихъ спорахъ съ Пирромъ.

Одновременно и частію совмѣстно съ Максимомъ велъ сильную борьбу съ новымъ лжеученіемъ папа римскій, св. Мартинъ. Мартинъ, еще прежде чѣмъ сдѣлаться папою, имѣлъ случай тщательно изучить всѣ самыя сокровенныя дѣйствія монофелитовъ на востокѣ: онъ былъ папскимъ повѣреннымъ (апокрисіаріемъ) въ Константинополѣ, изучилъ темныя стороны явленія, и потому возведенный впослѣдствіи въ папы явился жаркимъ борцомъ противъ ереси. Онъ собираетъ многочисленный соборъ въ Латеранѣ, въ Римѣ, въ 648 году. На этомъ соборѣ составлено было 20 правилъ противъ монофелитства, утверждено было ученіе о двухъ воляхъ и двухъ дѣйствіяхъ во Христѣ, а защитники противоположнаго воззрѣнія, патріархи константинопольскіе, начиная съ Сергія, подверглись осужденію; таже участь постигла и два императорскіе указа „изложеніе" и „образецъ" **). Между тѣмъ какъ это происходило въ Римѣ, сюда прибылъ новый экзархъ Равеннскій, отъ имени восточнаго императора управлявшій Италіею, Олимпій съ полномочіемъ побудить всѣхъ къ принятію указа императорскаго, „образца", а главное самого папу, и если онъ будетъ сопротивляться, приказано было Олимпію арестовать его. Впрочемъ этотъ экзархъ не

*) Combefis. Maximi opera t, II, disputatio cum Pyrrho, p. 159, 160. 185—8.

**) О соборѣ въ Латеранѣ см. Binii concilia, t. IV.

выполнилъ императорскаго приказанія: онъ самъ затѣялъ возмущеніе противъ императора въ Италіи и оставилъ папу и всѣхъ православныхъ въ покоѣ *). Тяжелыя времена для Мартина начались съ прибытіемъ другаго экзарха, Ѳеодора Калліопы, который вступилъ въ Римъ (въ 653 г.), съ многочисленнымъ войскомъ. Мартинъ былъ въ то время сильно боленъ, и, предвидя свою печальную участь, искалъ себѣ убѣжища въ храмѣ Спасителя, извѣстномъ съ именемъ Константиновскаго, такъ какъ онъ былъ построенъ Константиномъ великимъ. Нѣсколько клириковъ римскихъ, по распоряженію папы, съ честію встрѣтили новаго экзарха при его вступленіи въ городъ. Узнавъ, что папа боленъ, Калліопа объявилъ клирикамъ, что на другой день онъ самъ навѣститъ папу и будетъ привѣтствовать его. На другой день было Воскресенье. Множество христіанъ собралось въ храмъ для богослуженія, гдѣ лежалъ удрученный болѣзнію папа. Намѣреніе Калліопы было захватить Мартина силою и отправить въ Константинополь; но онъ не осмѣлился этого сдѣлать въ Воскресенье, боясь возмущенія со стороны собравшагося народа. Онъ оставилъ папу въ покоѣ, объявя его приближеннымъ, что онъ не можетъ нынче посѣтить его, по причинѣ усталости съ дороги. Наступилъ понедѣльникъ, но и въ этотъ день Калліопа не тотчасъ принялся за исполненіе своего намѣренія. Ему кто-то наговорилъ, что въ храмѣ будто собрано много оружія и камней, для защиты Мартина. Поэтому подозрительный Калліопа сначала отправилъ къ папѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ приближенныхъ съ вопросомъ: зачѣмъ онъ собралъ оружіе и камни въ храмъ? Такъ какъ этотъ слухъ былъ совершенно неоснователенъ, то папа позволилъ осмотрѣть всѣ мѣста, гдѣ бы могло находиться оружіе. Когда подозрѣніе оказалось ложнымъ, Калліопа болѣе уже не медлилъ взятіемъ папы. Калліопа съ многочисленнымъ войскомъ вступилъ въ храмъ; громъ оружія

*) Binii Concilia, t. IV, p. 644—5 слич. 662.

исполнилъ мѣсто молитвъ; онъ объявилъ папѣ, что по императорскому приказанію онъ будетъ арестованъ и отправленъ въ столицу, и что его папскій престолъ нужно считать празднымъ. Нѣкоторые изъ клириковъ въ пылу своей приверженности къ Мартину, хотѣли было защищать папу силою; но онъ рѣшительно воспротивился такому дѣлу, говоря, что онъ лучше десять разъ приметъ смерть, чѣмъ допуститъ пролить хотя бы каплю крови изъ-за него. Изъ храма Мартинъ переведенъ былъ во дворецъ подъ стражу *). Когда отводили папу въ заключеніе, римскіе духовные смѣло восклицали: „анаѳема тому, кто думаетъ, что папа измѣнилъ, или намѣренъ измѣнить вѣрѣ; анаѳема тому, кто не пребудетъ въ правой вѣрѣ, даже если за это пришлось бы принять смерть“. Калліопа, чтобы утишить смятеніе, объявилъ, что на востокѣ держатся тойже самой вѣры, какой и сами Римляне **). Многіе изъ лицъ дудуховныхъ по любви къ Мартину хотѣли сопровождать его куда бы его ни повезли,—они самоотверженно возглашали: „съ нимъ мы пойдемъ, съ нимъ мы и умремъ“. Хитрый Калліопа сначала обѣщалъ было, что позволено будетъ отправиться всѣмъ, кто хочетъ И вотъ на другой день множество клириковъ, возымѣвшихъ желаніе сопровождать папу, собралось къ нему во дворецъ, чтобы выразить папѣ свое рѣшительное намѣреніе отправиться съ нимъ, когда наступитъ для того время. Многіе изъ нихъ уже собрали свои пожитки на лодки, чтобы быть готовыми во всякое время перевезти ихъ на корабль и двинуться въ путь. Но подобному намѣренію клириковъ не суждено было совершиться; Калліопа только обманывалъ ихъ. Ночью на середу онъ тайкомъ схватилъ папу и вывелъ его за городъ. Чтобы кто-нибудь не вздумалъ послѣдовать за ними, онъ приказалъ запереть ворота Рима. Мартинъ посаженъ былъ на корабль, который онъ называетъ тюрьмою, потому что онъ лишенъ былъ всякихъ жизненныхъ удобствъ,

*) Binii ibidem. p. 660. **) Binii ibidem. p. 659.

особенно необходимыхъ въ его болѣзненномъ положеніи. Съ нимъ было лишь нѣсколько служителей. Путешествіе его въ Константинополь было продолжительно и крайне тяжело. Цѣлый годъ онъ долженъ былъ прожить на островѣ Наксосѣ. Здѣсь онъ былъ помѣщенъ въ какой-то гостинницѣ. Какъ особенную милость, позволили ему въ продолженіе цѣлаго года совершить два-три раза омовеніе. Во всемъ онъ долженъ былъ терпѣть недостатокъ. Хотя многіе сострадательные клирики римскіе и пріѣзжали къ нему, привозя все, что нужно было для несчастнаго страдальца, но ничего изъ этого не доходило до Мартина. Стражи, которые по своему нраву уподоблялись звѣрямъ, брали приносимое себѣ, а приносителей съ стыдомъ и безчестіемъ выгоняли вонъ, говоря: вы враги императора, когда выражаете любовь ко врагу императора *). Въ Константинополь привезенъ былъ папа въ сентябрѣ 654 года. Вступленіе въ портъ уже ознаменоввно было печалями для папы: здѣсь онъ подвергся оскорбленіямъ и насмѣшкамъ. Къ вечеру онъ переправленъ былъ въ городскую тюрьму. 93 дня остается въ заключеніи Мартинъ, при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Стража была самая строгая; ей запрещено было даже говорить, кого она стерегла. Лишенія продолжались. Несмотря на то, что свойства его болѣзни требовали возможно-частыхъ омовеній, первые 47 дней ему не давали не только теплой, но даже и холодной воды **). Въ 93 день своего заключенія папа Мартинъ наконецъ потребованъ былъ на судъ. Онъ былъ настолько слабъ отъ болѣзни, что не могъ двигаться, и его принесли въ засѣданіе на носилкахъ; но суровые судьи потребовали, чтобы онъ снятъ былъ съ носилокъ и давалъ показанія стоя. Допросъ открылся словами: „скажи, жалкій человѣкъ, какое зло тебѣ сдѣлалъ императоръ“? Папа молчалъ. Тогда ему сказали: „ты молчишь, но вотъ свидѣтели, которые изложатъ обвиненія на тебя“. И были

* Binii ibidem p. 660—661. **) Binii ibidem, p. 661—662.

приведены многія лица, которыя, вопреки собственной совѣсти, обвиняли его въ томъ, что онъ былъ союзникомъ въ заговорѣ экзарха Олимпія. Свидѣтелей хотѣли привести къ присягѣ, но папа, не желая, чтобы свидѣтели приняли на свою душу грѣхъ клятвопреступничества, объявилъ: „къ чему погублять души этихъ людей“? Мартинъ самъ захотѣлъ изложить всѣ обстоятельства дѣла, въ которомъ его считали виновнымъ, и началъ свою рѣчь такъ: „когда составленъ былъ „образецъ“ и посланъ отъ императора въ Римъ“,—но едва папа выговорилъ эти слова, какъ судьи объявили: „ничего не говори о вѣрѣ, мы сами христіане и православные“. Тогда папа съ мужествомъ объявилъ: „дѣлайте со мною, что хотите, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; знаетъ Богъ, что не можете болѣе облагодѣтельствовать меня, какъ если отсѣчете мою голову мечемъ“. О происходившемъ на судѣ было дано знать императору. Чиновникъ, ходившій къ императору, прежде чѣмъ объявить волю императора, позволилъ себѣ обратиться къ Мартину съ нѣкоторыми насмѣшливыми словами: „смотри, Господь привелъ тебя и отдалъ въ наши руки. Ты шелъ противъ императора, какую можешь ты имѣть надежду? Ты оставилъ Господа, и Господь оставилъ тебя“. Затѣмъ онъ объявилъ волю императора относительно Мартина; она состояла въ томъ, что съ Мартина должно совлечь первосвященническія одежды и предать его казни. Призвавъ префекта городскаго, онъ сказалъ: „возьми Мартина и разсѣки его на части“. Разоблаченіе папы произошло публично; съ него сняли принадлежности первосвященническаго достоинства, разодрали на немъ даже нижнюю одежду, такъ что онъ оставался полуобнаженнымъ. Въ такомъ видѣ онъ долженъ былъ проходить по улицамъ столицы, на шею ему надѣли желѣзныя кандалы, предъ нимъ несли обнаженный мечъ *). Папа ввергнутъ былъ въ тюрьму. Стояла суровая зима, и Мартинъ едва не

*) Binii ibidem. p. 662—3.

умиралъ отъ холода. Съ нимъ оставался одинъ юный клирикъ, который и услуживалъ ему. Во весь остальной день Мартинъ не промолвилъ ни слова. Поздно вечеромъ префектъ города доставилъ ему нѣкоторые съѣстные припасы и прибавилъ при этомъ: „мы надѣемся на Бога, что ты не умрешь". Папѣ однакожь не суждено было умереть отъ меча. Когда все это происходило, патріархъ константинопольскій Пирръ лежалъ на смертномъ одрѣ. Императоръ Констансъ посѣтилъ тяжко больнаго Пирра и передалъ ему, что Мартина опредѣлено казнить. Умирающій Пирръ выпросилъ у императора, чтобы Мартина пощадили. Когда Мартинъ услыхалъ объ этомъ, опечалился, потому что смерть для него была сладостнѣе тѣхъ страданій, какія переносилъ онъ. Во второй темницѣ папа пробылъ 85 дней. Наконецъ ему объявлено, что онъ будетъ сосланъ въ ссылку. Произошло трогательное прощаніе папы съ лицами, его окружавшими. Когда всѣ плакали, папа одинъ оставался мужественнымъ и говорилъ имъ: не плакать слѣдуетъ, а радоваться и благодарить Бога, что я удостоенъ страдать за святое имя Божіе". Мѣстомъ ссылки назначенъ былъ Херсонесъ въ Крыму. Мартинъ отправленъ былъ въ Херсонесъ въ мартѣ, а въ маѣ прибылъ на мѣсто заточенія. Среди варваровъ страны положеніе папы было совершенно безутѣшнымъ и крайне бѣдственнымъ *). У него не было даже хлѣба и не было денегъ, чтобы купить его на корабляхъ, которые случайно сюда заходили. По словамъ Мартина, „хлѣбъ здѣсь былъ больше извѣстенъ только по имени". Онъ надѣялся было, что вѣрные изъ его паствы снабдятъ его всѣмъ необходимымъ въ жизни, но надежды его были напрасны. Всѣ жалобы свои на состояніе, въ какомъ онъ былъ въ заточеніи, папа излилъ въ двухъ письмахъ, которыя онъ писалъ къ своимъ друзьямъ въ Константинополь. Въ особенности въ нихъ онъ высказываетъ скорбь о томъ, что Римляне ни въ чемъ не выражаютъ своего

*) Binii. ibidem. 663—4.

участія къ нему, изъ боязни къ императору. „Я удивлялся и удивляюсь, писалъ онъ, безучастію моихъ друзей и родственниковъ; они совершенно забыли о моемъ несчастіи; кажется, не хотятъ даже знать, существую еще я на свѣтѣ или нѣтъ. Хотя церковь римская и не имѣетъ денегъ, но она богата, по благости Божіей, хлѣбомъ, виномъ и всѣмъ нужнымъ для жизни", и однакожь Римляне ничего изъ этого не присылали ему. „На людей напалъ страхъ, такъ что они чуждаются исполненія даже заповѣдей Божіихъ, страхъ, гдѣ не должно быть никакого страха". Этими словами папа указываетъ на рабственную боязнь Римлянъ предъ императоромъ. Въ заключеніе одного своего письма папа писалъ: „я надѣюсь на милосердіе Божіе, что жизненный путь мой скоро достигнетъ цѣли, отъ Бога предназначенной" *). Надежды папы скоро исполнились. Въ сентябрѣ 655 года папа скончался.

Одновременно съ папою Мартиномъ взятъ былъ въ Римѣ, уже извѣстный намъ поборникъ православія, Максимъ и былъ представленъ для допроса въ Константинополь. Этотъ исповѣдникъ вѣры претерпѣлъ не меньшія страданія за вѣру, какъ и Мартинъ. Страданія Максима начались тотчасъ по прибытіи его въ Константинополь, а это было въ сентябрѣ 654 года. Едва корабль, на которомъ онъ отправленъ былъ изъ Рима, прибылъ въ Константиноноль и вошелъ въ пристань, какъ явился отрядъ вооруженныхъ воиновъ, которые съ грубостью повлекли его босаго и полунагаго по улицамъ города, потомъ какъ злодѣя бросили его въ мрачную темницу **). Судъ надъ Максимомъ не разъ имѣлъ случай убѣдиться въ мужествѣ и терпѣніи его. Такъ когда однажды судъ обвинялъ его въ политическихъ преступленіяхъ, онъ не счелъ даже нужнымъ и защищаться, и прямо сказалъ: „я уже говорилъ вамъ и опять скажу, дѣлайте со мной что хотите; кто,

*) Binii ibidem. 664—5.

**) Combefis. (opera Maximi t. 1), acta Maximi p. XIV, XV.

какъ я, почитаетъ Бога, тотъ не боится обидъ и неправды отъ людей". Но развѣ ты не анаѳематствовалъ „образецъ"? спросили его.—„Нѣсколько разъ говорилъ вамъ и теперь говорю: анаѳематствовалъ".—„Слѣдовательно и императора анаѳематствовалъ"? — Я императора не анаѳематствовалъ, но лишь хартію, чуждую православной вѣры *). Когда представители власти въ Константинополѣ увидали, что преклонить Максима къ принятію монофелитскихъ хитросплетеній нѣтъ возможности, тогда хотѣли по крайней мѣрѣ достигнуть хотя внѣшняго, только видимаго соглашенія съ Максимомъ. Такъ съ подобной цѣлію приходитъ къ Максиму депутація, которая предлагаетъ ему подписать исповѣданіе вѣры, въ которомъ вмѣстѣ съ монофелитскимъ ученіемъ заключалось и чисто православное ученіе о двухъ воляхъ. Исповѣданіе гласило: „исповѣдуемъ во Христѣ двѣ воли и два дѣйствія по причинѣ различія естествъ, и одну волю и одно дѣйствіе, по причинѣ соединенія ихъ". Но это была странная формула, которою вводили какое-то двувѣріе въ одномъ и томъже догматѣ. Максимъ не принялъ ее **). Послѣ этого исповѣдникъ былъ сосланъ въ ссылку во Ѳракію. Но на этомъ дѣло не кончилось. По прошествіи нѣкотораго времени Максима снова приводятъ въ Константинополь, и пышными и лестными обѣщаніями хотятъ склонить его принять „образецъ". Дѣло происходило такъ: по прибытіи въ Константинополь, Максимъ былъ помѣщенъ въ одномъ монастырѣ. Сюда на другой день пришли къ нему два патриція Епифаній и Троилъ. Съ ними былъ нѣкто епископъ Ѳеодосій. Троилъ тотчасъ объявилъ Максиму, что они посланы къ нему самимъ императоромъ, чтобы передать его волю. „Но скажи намъ прежде, объявилъ онъ, исполнишь ли ты волю государя или нѣтъ". Максимъ сказалъ, что пусть напередъ скажутъ, въ чемъ заключается эта

*) Combefis. ibid. Acta Max. p. XXXIX.
**) Combefis. Acta Max. p. XLII.

воля государя. Но патриціи отказывались отъ этого. Тогда Максимъ сказалъ: „объявляю вамъ предъ лицомъ Бога и его св. ангеловъ, что если государь повелитъ мнѣ что бы то ни было касательно дѣлъ міра сего, я охотно исполню его волю“. Другой патрицій Епифаній взялъ на себя объявить волю Констанса. „Вотъ что государь приказалъ объявить тебѣ: такъ какъ весь западъ и на востокѣ тѣ, которые увлечены въ соблазнъ, взирая на тебя, производятъ смуты и смятенія и не хотятъ въ дѣлахъ вѣры имѣть съ нами общенія, то да вразумитъ тебя Господь принять изданный нами „образецъ“ и вступить съ нами въ общеніе. Тогда мы лично пойдемъ къ тебѣ на встрѣчу, предъ лицомъ всѣхъ будемъ привѣтствовать тебя, подадимъ тебѣ нашу руку, съ честію и славою введемъ тебя въ великую церковь (Софійскую), поставимъ на нашемъ императорскомъ мѣстѣ, вмѣстѣ выслушаемъ литургію и пріобщимся тѣла и крови Христовой, потомъ провозгласимъ тебя нашимъ отцомъ, и будетъ радость не только въ этомъ городѣ, но и во всемъ христіанскомъ мірѣ. Ибо мы твердо увѣрены, что когда ты вступишь въ общеніе съ нами, то присоединятся къ намъ всѣ, которые ради тебя и подъ твоимъ руководствомъ отпали отъ общенія“. Но всѣ эти пышныя обѣщанія ничуть не тронули мужа православія. Онъ ни мало не медля объявилъ: „поистинѣ меня всѣ силы небесныя не убѣдятъ сдѣлать то, что вы предлагаете, ибо какой отвѣтъ дамъ, я не говорю, Богу, но моей совѣсти, если изъ пустой славы и мнѣнія людскаго отвергну спасительную вѣру“. Эти слова сильно не понравились патриціямъ. Они съ яростію набросились на старца, влачили его по полу, терзали руками, топтали ногами, оплевали всего съ головы до ногъ. Епископъ Ѳеодосій едва могъ остановить ихъ безчеловѣчіе. Тогда патриціи начали осыпать св. мужа всяческими ругательствами и хвалились своимъ православіемъ и христіанствомъ. „Ты считаешь насъ еретиками, говорили они, но знай, что мы болѣе тебя христіане и болѣе тебя православные; мы признаемъ во

Христѣ божественную и человѣческую волю.“ „Если вы вѣрите, замѣтилъ на это Максимъ, какъ учитъ церковь, то зачѣмъ вынуждаете меня принять „образецъ“, который уничтожаетъ эту вѣру“?—„Не уничтожаетъ, вскричали патриціи, а только заставляетъ молчать о спорныхъ выраженіяхъ ради мира церкви“. Затѣмъ патриціи снова перешли къ злословію на Максима. Одинъ изъ нихъ говорилъ: „по моему мнѣнію тебя слѣдуетъ вывести въ городъ и поставивъ на площади, собрать всѣхъ шутовъ, балаганныхъ комедіантовъ, непотребныхъ, всю вообще городскую чернь и заставить ихъ бить тебя по щекамъ и плевать тебѣ въ лицо“. Переговоры съ Максимомъ и на этотъ разъ окончились ничѣмъ *). Преподобный опять сосланъ въ ссылку во Ѳракію. Долго томился Максимъ въ заключеніи, но гонители его еще не удовлетворились, не насытились его страданіями. Еще разъ и послѣдній разъ Максимъ былъ вызванъ изъ ссылки въ Константинополь, съ единственною цѣлію излить на старца тиранническую злобу. Максимъ привезенъ былъ въ Константинополь, и безъ всякихъ разсужденій приведенъ въ преторію, наказанъ воловьими жилами, ему отрѣзали до корня языкъ, отсѣчена правая рука; изувѣченный такимъ образомъ, онъ былъ проведенъ по всѣмъ многочисленнымъ кварталамъ Константинополя. Послѣ всего этого онъ сосланъ въ ссылку въ Колхиду **), гдѣ и окончилъ свою многострадальную жизнь.

Прошло цѣлыхъ два царствованія—Ираклія и Констанса, изъ которыхъ каждое было продолжительно (первое 610—641, второе 641—669), въ борьбѣ съ православіемъ, но цѣль, съ какою боролись, не достигалась. Слѣдствіемъ борьбы было лишь разстройство дѣлъ церковныхъ. „Всѣ дѣла церкви перепутались“. Благоразуміе требовало оставить мѣры свѣтскія, которыми хотѣли достигнуть единенія церковнаго, и, чтобы умиротворить церковь, обратиться

*) Combefis. Acta Maximi. p. LXI—LXIII.

**) Combefis. ibidem. p. LXVI.

къ самой церкви. За осуществленіе этой благоразумной мысли и взялся новый императоръ Константинъ Погонатъ. Онъ рѣшился, какъ онъ самъ говоритъ, „созвать глаза церкви, іереевъ, къ разсмотрѣнію истины“ (Д. VI, 546).

II. Константинопольскій VI вселенскій соборъ 680 года.

Свѣдѣнія о внѣшней исторіи собора.—Монофелитъ Макарій.—Пренія съ нимъ.—Исповѣданіе вѣры Макарія. — Его же три свитка.— Свитокъ папскихъ легатовъ. — Изобличеніе и осужденіе Макарія.— Другіе еретики на соборѣ.— Фанатикъ Полихроній. — Еретикъ Константинъ. — Осужденіе монофелитскихъ сочиненій. — Поддѣльныя „дѣянія“.—Утвержденіе православія.—Значеніе посланія папы Агафона. — Вѣроопредѣленіе. — Провозглашеніе вѣроопредѣленія. — Рѣчи.—Указъ.—Храненіе „дѣяній“ собора.—Замѣчаніе о пято шестомъ или Трулльскомъ соборѣ.

Мысль о созваніи собора вселенскаго родилась у императора Константина Погоната много ранѣе осуществленія этой мысли: предшественникъ современнаго собору патріарха константинопольскаго Феодоръ патріархъ тойже церкви внушалъ Константину мысль о созваніи собора (Дѣян. 7. VI, стр. 20), и эта мысль принесла свой плодъ Стараніями императора Константина собранъ былъ въ 680 году многочисленный соборъ въ Константинополѣ. Въ числѣ замѣчательнѣйшихъ представителей собора были: патріархъ константинопольскій Георгій, патріархъ антіохійскій Макарій; лицо патріарха Александрійскаго представлялъ пресвитеръ Петръ; лицо патріарха іерусалимскаго представлялъ пресвитеръ Феодоръ. Императоръ, какъ обычно, требовалъ представителей папскаго престола для собора, при чемъ онъ проситъ папу обратить вниманіе на умственное достоинство легатовъ, какіе будутъ назначены на соборъ. Императоръ писалъ: „просимъ прислать благопотребныхъ и способныхъ мужей, имѣющихъ познаніе во

всякомъ богодухновенномъ писаніи и обладающихъ безупречнымъ знаніемъ догматовъ, мужей, которые бы принесли съ собою нужныя книги“ (Дѣян. VI, 21). Посылая своихъ представителей на соборъ, папа Агаѳонъ съ скромностію объявлялъ, что быть можетъ онъ и не удовлетворитъ желаніямъ императора относительно присылки на соборъ людей ученыхъ, потому что, по его словамъ, обстоятельства не благопріятствовали процвѣтанію науки въ Римѣ. Папа писалъ въ Константинополь: „можно ли у людей живущихъ среди народа (бѣднаго) и трудами рукъ своихъ съ большими усиліями снискивающихъ себѣ насущный хлѣбъ искать полнаго знанія писаній? Мы сохраняемъ законно составленныя опредѣленія св. нашихъ предшественниковъ и св. соборовъ,—опредѣленія въ простотѣ сердца и безъ всякой двусмысленности. Что же касается свѣтскаго краснорѣчія, то не думаемъ, чтобы въ наше время можно было найти кого-либо, могущаго похвалиться высокими познаніями, потому что въ нашихъ странахъ постоянно свирѣпствуетъ возстаніе различныхъ народовъ, которые то борются между собой, то бѣгутъ врознь и грабятъ. Мірскаго краснорѣчія нѣтъ у людей неученыхъ“. Но не хвалясь знаніемъ лицъ посылаемыхъ, папа въ тоже время даетъ знать о глубокой вѣрѣ, которою проникнуты посланные имъ (Д. VI, 63—65; 117). Представителями папскаго престола на соборѣ были пресвитеры Ѳеодоръ и Георгій и діаконъ Іоаннъ, которые несмотря на опасенія папы показали себя глубоко знающими писаніе и отеческое ученіе и не чуждыми краснорѣчія. Всѣхъ присутствовавшихъ на соборѣ епископовъ и представлявшихъ ихъ лицо пресвитеровъ къ концу собора было 153 (Дѣян. VI, 500 и д.). На большей части засѣданій собора присутствовалъ и самъ императоръ Константинъ. Соборъ происходилъ во дворцѣ, въ залѣ, называемой отъ сводчатой формы потолка, Труллою. Всѣхъ засѣданій было 18. Соборъ длился почти цѣлый годъ *).

*) Засѣданія собора происходили въ 680 году: 7, 10, 13, 15 но-

Дѣятельность собора VI вселенскаго распадается на два отдѣла: съ одной стороны соборъ внимательно и подробно изслѣдуетъ лжеученіе еретиковъ монофелистовъ, съ другой —излагаетъ, по надлежащемъ изслѣдованіи, православное ученіе, направленное противъ заблужденія.

Въ составѣ самого собора нашлись лица, которыя со всѣмъ жаромъ рѣшились защищать лжеученіе монофелитское. Таковъ былъ прежде всего патріархъ Антіохійскій Макарій. До извѣстной степени ему сочувствуетъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ собора, и патріархъ Константинопольскій Георгій *). Борьба собора съ патріархомъ Макаріемъ составляетъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ сторонъ въ дѣятельности собора. Съ нимъ ведутся постоянные диспуты, его произведенія разбираются, его сочиненіямъ противопоставляются другія сочиненія православныя, которыя составляются въ теченіе самаго собора.

На самомъ первомъ засѣданіи собора мы встрѣчаемъ открытое заявленіе Макарія объ его монофелитскихъ убѣжденіяхъ. Это заявленіе онъ дѣлаетъ не только отъ своего лица, но и отъ лица церкви константинопольской съ антіохійскою. Макарій говорилъ: „Мы не дѣлаемъ никакихъ нововведеній въ ученіи, но какъ приняли отъ вселенскихъ соборовъ и святыхъ уважаемыхъ отцевъ, также и отъ представителей сего города Сергія, Павла, Пирра и Петра, также отъ Гонорія, бывшаго папы города Рима и Кира **),

ября, 7 декабря; въ 681 году: 12 и 13 февраля, 7, 8, 18, 20, 22, 28 марта, 5 и 26 апрѣля, 9 августа, 11 и 16 сентября.

*) Свѣдѣнія о Георгіи въ „Дѣяніяхъ“ не многочисленны. Вотъ они: Георгій сначала не хотѣлъ поминать въ церкви папъ, извѣстныхъ своимъ православіемъ (Дѣян. VI, 23), держался стороны Макарія Антіохійскаго, еретика, и подозрительно смотрѣлъ на папское посланіе православное, принесенное легатами изъ Рима (159—160), просилъ соборъ, чтобы онъ не возглашалъ анафемы вождямъ монофелитства Сергію и Пирру (458), потомъ согласился съ православнымъ посланіемъ папы Римскаго (163—4) и принялъ въ церковные помянники имена православныхъ папъ Римскихъ (172—173).

**) Всѣ поименованныя Макаріемъ лица были монофелитами. См. выше „Монофелитство“.

бывшаго патріарха Александрійскаго, тоесть о волѣ и дѣйствіи, такъ и увѣровали, вѣруемъ и проповѣдуемъ и готовы отстаивать это". Когда Макарій заявилъ о своемъ лжеученіи, соборъ потребовалъ отъ него доказательствъ. Въ отвѣтъ на это требованіе Макарій сказалъ, что его доказательства заключаются въ дѣяніяхъ вселенскихъ соборовъ. Поэтому приступлено было къ чтенію дѣяній III и IV вселенскихъ соборовъ, на которыхъ шло изслѣдованіе о двухъ естествахъ во Христѣ - Богочеловѣкѣ. Въ дѣяніяхъ III вселенскаго собора Макарій объявилъ слѣдующее свидѣтельство изъ писаній Кирилла Александрійскаго, будто бы говорящимъ въ пользу монофелитства. „Господь нашъ Іисусъ Христосъ.... чрезъ Него цари царствуютъ и сильные творятъ правду, какъ сказано въ писаніи, ибо воля Его всемогуща". При чтеніи этихъ словъ изъ дѣяній соборныхъ Макарій воскликнулъ: „Вотъ мое доказательство, что во Христѣ одна воля!" Соборъ съ своей стороны въ лицѣ папскихъ легатовъ и нѣкоторыхъ пископовъ восточныхъ, опровергъ такое неправильное толкованіе словъ Кирилла. Соборъ говорилъ: „Макарій преувеличенно и неосновательно полагаетъ на основаніи прочитаннаго сейчасъ текста, что въ двухъ естествахъ Іисуса Христа, въ Божествѣ и человѣчествѣ, одна воля. Святый Кириллъ, пиша эти слова, имѣлъ въ виду лишь Божественное естество Христа, которое у него общее со Отцемъ и Св. Духомъ, а потому всемогущее. Говоря о Божественномъ естествѣ Іисуса Христа, Кириллъ назвалъ и волю, принадлежащую этому естеству, всемогущею. Здѣсь нѣтъ рѣчи о томъ, одна или двѣ воли во Христѣ" (Дѣян. VI, стр. 42—44). При чтеніи дѣяній IV вселенскаго собора снова возникаютъ пренія между Макаріемъ и соборомъ. Именно, когда читалось въ дѣяніяхъ этого собора посланіе папы Льва, въ которомъ говорилось: „То и другое естество во взаимномъ общеніи обнаруживаютъ дѣйствія, свойственныя ихъ природѣ: Слово дѣйствуетъ такъ, какъ свойственно Слову, плоть такъ, какъ свойственно

плоти, одно изъ нихъ блистаетъ чудесами, другое подвергается уничиженіямъ",— соборъ заявилъ, что это мѣсто служитъ изобличеніемъ монофелитства; при чемъ соборъ потребовалъ, чтобы Макарій высказалъ, какъ онъ понимаетъ это мѣсто изъ посланія Льва. Макарій при этомъ случаѣ опять обнаруживаетъ свой еретическій образъ воззрѣній, говоря: „Я не исповѣдую двухъ дѣйствій и не думаю, чтобы св. Левъ въ этихъ словахъ говорилъ о двухъ дѣйствіяхъ". На дальнѣйшія требованія, чтобы онъ точнѣе опровергъ мнѣніе Льва и яснѣе выразилъ основанія для своего ученія, Макарій кратко отвѣчалъ: „Я не считаю нужнымъ разсуждать" (Д. IV, 48—9). На одномъ изъ позднѣйшихъ засѣданій собора Макарій однакожъ не отказывается вступить въ болѣе подробныя пренія съ защитниками православія, при чемъ онъ во всей ясности обнаружилъ шаткость и неосновательность своего монофелитскаго ученія. Противникомъ Макарія на этотъ разъ является нѣкто Феофанъ монахъ изъ Сициліи. Диспутъ происходилъ такъ: Феофанъ обращается къ Макарію съ вопросомъ: „Имѣлъ ли Іисусъ Христосъ человѣческое хотѣніе?" — Макарій отвѣчалъ: „мы не допускаемъ человѣческаго хотѣнія во Христѣ, а Божественное допускаемъ, притомъ безъ плотскихъ пожеланій и человѣческихъ помысловъ; хотѣніе во Христѣ принадлежало только Божеству".— Феофанъ: „Какъ вы понимаете плотскія пожеланія и человѣческіе помыслы, которые не признаете во Христѣ"?— Макарій: „Плотскія пожеланія и человѣческіе помыслы принадлежатъ подобнымъ намъ людямъ и во Христѣ ихъ не было". Феофанъ съ своей стороны совершенно соглашается, что во Христѣ не было человѣческихъ помысловъ, въ смыслѣ помысловъ грѣховныхъ и подобныхъ же хотѣній, словомъ всего того, что явилось въ человѣкѣ вслѣдствіе грѣха. И чтобы вывести вопросъ на прямой путь, замѣтилъ, что дѣло идетъ не о той человѣческой волѣ во Христѣ, которая есть въ человѣкѣ согрѣшившемъ, но о той, которая была въ Адамѣ до грѣха. Такой

волѣ необходимо должно было быть во Христѣ, какъ скоро Онъ принялъ на себя полное естество человѣческое. Чтобы устранить себя отъ этого сильнаго возраженія, Макарій, какъ оказалось, не хотѣлъ признавать въ Адамѣ, какъ ни странно это, естественной воли человѣческой, до времени грѣха. На вопросъ Ѳеофана: имѣлъ ли Адамъ „естественное хотѣніе?"—Макарій отвѣчалъ: Адамъ имѣлъ „хотѣніе самовластное и свободное, потому что до преступленія онъ имѣлъ *Божественное* хотѣніе, желалъ того же, чего и Богъ". Противъ странности подобнаго мнѣнія возвысилъ свой голосъ весь соборъ. Отцы говорили: „Какое нелѣпое богохульство! Если Адамъ до паденія имѣлъ божественное хотѣніе, то значитъ онъ былъ единосущенъ Богу и хотѣніе Адама было неизмѣняемымъ. А если такъ, какъ же онъ измѣнился, преступилъ заповѣди и подвергся смерти? Имѣющій одно хотѣніе съ Богомъ неизмѣняемъ". Когда кончились замѣчанія собора по поводу мнѣнія Макарія о волѣ Адама до паденія его, Ѳеофанъ возобновилъ свой прерванный съ Макаріемъ диспутъ. Ѳеофанъ видѣлъ ясно, что Макарій, высказывая свое странное мнѣніе о волѣ Адама до паденія, тѣмъ самымъ хотѣлъ лишь избѣгнуть прямаго отвѣта на вопросъ, потому что прямой и естественный отвѣтъ былъ бы не выгоденъ для развиваемаго имъ монеѳелитскаго ученія.—Поэтому Ѳеофанъ съ особенною настойчивостію началъ допрашивать Макарія: „Естественное ли (т. е. вложенное въ самой природѣ перваго человѣка) хотѣніе имѣлъ Адамъ? Да, или нѣтъ?"—Макарій уклончиво отвѣтилъ: „Я уже сказалъ свое мнѣніе".—Тогда Ѳеофанъ еще разъ предлагаетъ тотъже вопросъ Макарію, говоря: „Или согласитесь, что Адамъ имѣлъ естественное хотѣніе, или отвергните это?" Макарій упорствовалъ и не хотѣлъ ни согласиться, ни отвергнуть ученія о человѣческой волѣ въ Адамѣ до его паденія. Соборъ, слушавшій эти пренія Ѳеофана и Макарія, по окончаніи ихъ объявилъ себя вполнѣ согласнымъ съ мнѣніями Ѳеофана (Д. VI, 195—198).

Въ борьбѣ съ еретикомъ Макаріемъ собору надлежало не только опровергать неоднократныя еретическія словесныя заявленія его на соборѣ, но нужно было подвергнуть разбору и осужденію немалочисленныя сочиненія его, написанныя имъ съ цѣлію убѣдить соборъ и церковь въ своемъ заблужденіи. Эта задача много потребовала времени и трудовъ отъ отцевъ собора, но ради обнаруженія истины соборъ взялъ на себя и эту задачу. Для сужденія о заблужденіи Макарія соборъ долженъ былъ выслушать довольно обширное „исповѣданіе“ Макарія, которое онъ подалъ императору Константину и которое этотъ передалъ отцамъ собора. Исповѣданіе это знакомитъ насъ съ основными воззрѣніями еретика и потому заслуживаетъ вниманія. Основаніемъ, изъ котораго вытекало его монофелитство, не было лжеученіе монофизитское, потому что Макарій въ своемъ исповѣданіи ясно осуждаетъ монофизитство,—онъ говоритъ: „Мы не говоримъ того, чтобы плоть обратилась въ естество божеское во Христѣ; чрезъ соединеніе нимало не уничтожается различіе естествъ, а скорѣе сохраняется особенность того или другаго естества въ одномъ лицѣ и одной ипостаси“,—и прямо проклинаетъ еретиковъ Аполлинарія, Евтихія, Діоскора. Основаніемъ для еретическаго ученія Макарія служило неправильно истолкованное имъ учечіе православное объ единствѣ лица или ипостаси въ Богочеловѣкѣ. Это видно изъ слѣдующихъ замѣчаній его исповѣданія. „Невозможно, чтобы въ одномъ Христѣ Богѣ находились одновременно два хотѣнія, или взаимно противоположныя или совершенно одинаковыя. Ученіе церкви научаетъ насъ, что плоть Господа никогда не производила естественнаго своего движенія отдѣльно и по своему стремленію, вопреки указанію соединеннаго съ нею въ *ипостась* Бога Слова,—и сказать прямо: какъ наше тѣло управляется, украшается и приводится въ порядокъ разумною и мыслящею душею, такъ и въ Господѣ Христѣ весь человѣческій составъ Его управляется всегда и во всемъ Божествомъ самого Слова“. Отправляясь отъ этихъ

послѣднихъ воззрѣній, Макарій считалъ правильнымъ провозглашать свое моноѳелитское ученіе. „Воплотившійся Богъ Слово, говоритъ онъ, не совершаетъ ни Божескаго какъ Богъ, ни человѣческаго какъ человѣкъ, совершаетъ нѣкое новое богомужное дѣйствіе и все это дѣйствіе являетъ животворнымъ. Онъ совершаетъ наше спасеніе однимъ и единымъ божественнымъ хотѣніемъ“. Къ этому письменному исповѣданію своему Макарій на словахъ добавилъ: „Я не скажу, что два естественныя хотѣнія или два естественныя дѣйствія въ домостроительствѣ воплощенія Господа нашего Іисуса Христа, хотя бы меня разрубили на мелкія части и бросили въ море“ (Дѣян. VI, 178—187). Кромѣ этого „исповѣданія“ Макарій для доказательства правоты своихъ убѣжденій представлялъ собору и нѣсколько другихъ своихъ произведеній. Сначала онъ представилъ собору „два свитка“, въ которыхъ онъ изложилъ доказательства своего ученія и которые носили заглавіе: „свидѣтельства св. отцевъ учащія объ одной волѣ Господа нашего Іисуса Христа, которая есть также воля Отца и Св. Духа“. (Д. VI, 148 — 149). Чрезъ нѣсколько времени Макарій представилъ еще третій небольшой свитокъ съ тоюже цѣлію. Онъ носитъ такое заглавіе: „Дальнѣйшія свидѣтельства о волѣ“. При чемъ Макарій заявилъ, что онъ считаетъ свидѣтельства, заключающіяся въ поданныхъ имъ свиткахъ, совершенно достаточными для утвержденія моноѳелитскаго ученія. Свитки были прочтены и потомъ запечатаны печатями какъ Макарія, такъ и стороны православныхъ (Дѣян. VI, 152—153). Соборомъ заявлено было, что свидѣтельства заключающіяся въ свиткахъ Макарія не имѣютъ силы доказательства, потому что съ одной стороны Макарій выдалъ за свидѣтельства, говорящія объ одной волѣ Господа Христа, такія, которыя говорятъ объ одной волѣ въ Троицѣ; съ другой стороны свидѣтельства отеческія дѣйствительно идущія къ дѣлу и говорящія о домостроительствѣ нашего спасенія искажены Макаріемъ и въ смыслѣ и въ выраженіяхъ. Соборъ беретъ

на себя трудъ доказать, что заявленія его дѣйствительно справедливы, и съ этою цѣлію отцы рѣшаются сличить свидѣтельства Макарія съ свидѣтельствами самихъ отцевъ церкви въ ихъ подлинныхъ писаніяхъ (Д. VI, 154). Этого мало—соборъ, въ лицѣ папскихъ легатовъ, съ своей стороны представилъ также разсужденіе, въ которомъ заключались доказательства истинности ученія о двухъ воляхъ во Христѣ. „Свитокъ" легатовъ носилъ такое заглавіе: „Свидѣтельства святыхъ и достоуважаемыхъ отцевъ, доказывающія, что въ Господѣ Іисусѣ Христѣ два хотѣнія и два дѣйствія". Свитокъ былъ прочтенъ и запечатанъ печатями сторонъ Макарія и православныхъ. Партія Макарія при этомъ объявила, что она разсмотритъ свидѣтельства, приводимыя легатами, сличитъ ихъ съ подлинными сочиненіями отеческими, для удостовѣренія въ истинности ихъ (Д. VI, 158. 159). Въ дальнѣйшемъ теченіи соборныхъ дѣяній сторона православная послѣ тщательнаго сличенія свидѣтельствъ, заключающихся въ трехъ свиткахъ Макарія, съ подлинными свидѣтельствами отцевъ, дѣйствительно нашла, что свидѣтельства отцевъ приводятся Макаріемъ или не полно, или отрывочно, безъ связи съ цѣлымъ текстомъ. Такъ при сличеніи перваго свитка Макаріева съ писаніями отцевъ найдено, что въ такомъ родѣ искажены были свидѣтельства св. Аѳанасія, св. Амвросія, Кирилла Александрійскаго, Златоуста и пр. Когда все это выяснилось, соборъ спрашивалъ Макарія: „зачѣмъ онъ опускалъ мѣста нужныя изъ свидѣтельствъ отцевъ"? Макарій вмѣсто всякихъ оправданій объявлялъ, что онъ приводилъ только такія мѣста, какія могли доказывать его ученіе (Дѣян. VI, 188. 191. 193. 198 и пр.). Соборъ нашелъ потомъ, что сличенія одного перваго свитка Макаріева съ писаніями отцевъ совершенно достаточно для изобличенія нечестія этого еретика, и счелъ за излишнее дѣлать подобное же сличеніе и другихъ двухъ свитковъ Макарія (Д. VI, 217). Въ интересахъ обращенія заблуждающихся къ истинѣ православія, отцы собора съ дру-

гой стороны приняли на себя провѣрку свидѣтельствъ, заключающихся въ свиткѣ легатовъ и доказывающихъ истинность ученія о двухъ воляхъ и дѣйствіяхъ во Христѣ. Свидѣтельства легатовъ оказались согласными съ подлинниками; это были свидѣтельства изъ Льва, Амвросія, Аѳанасія, Златоуста, Григорія Нисскаго, Григорія Богослова, Епифанія Кипрскаго, Августина и другихъ (Д. VI, 222. 229. 244 и пр.). Чтобы не оставить ничего не разсмотрѣннымъ изъ всего, что написано было Макаріемъ, нѣкоторыми членами собора заявлено было, что есть и еще нѣкоторыя сочиненія Макарія, которыя заключаютъ туже монофелитскую ересь и хранятся въ патріаршей библіотекѣ. При этомъ заявленіи нѣкоторыми прибавлено было, что сочиненія свои Макарій во множествѣ списковъ старался распространить повсюду, и они зашли даже въ Римъ и Сардинію. По этому положено было принести изъ библіотеки и другія сочиненія Макарія и изслѣдовать ихъ. Сочиненія эти найдены также исполненными лжеученія, но соборъ не счелъ нужнымъ прочитывать ихъ въ цѣломъ составѣ, такъ какъ это было бы очень утомительно, и ограничился чтеніемъ извлеченій изъ нихъ. Сочиненія были осуждены (Д. VI, 347—354). Въ продолженіе разсмотрѣнія мнѣній и сочиненій Макарія соборъ не разъ обращался къ нему съ убѣжденіями исповѣдывать во Христѣ два естественныя хотѣнія и дѣйствія неслитно и нераздѣльно, но Макарій оставался при своемъ заблужденіи (Д. 173—4). Тогда соборъ, видя упорство его, видя, по образному выраженію „дѣяній“ собора, что онъ „шею natянулъ, какъ желѣзный нервъ, лицо сдѣлалъ мѣднымъ, уши заградилъ отъ слушанія, сердце сдѣлалъ упорнымъ въ непослушаніи закону“ (Д. VI, 542), рѣшился сначала лишить его омофора (Д. VI, 195), а потомъ произнести надъ нимъ судъ церковный во всей строгости. Соборъ объявилъ: „боженное правило отнюдь не дозволяетъ сидѣть на учительскомъ престолѣ Макарію, состарѣвшемуся въ догматахъ нечестія и не только наполнившему подпольнымъ извра-

щеніемъ весь христолюбивый народъ и поддѣлавшему свидѣтельства св. и славныхъ отцевъ, но и возмутившему посредствомъ своихъ писемъ и посланныхъ людей всѣхъ отъ востока солнца до запада, и справедливо и законно лишенному святительскаго облаченія". Макарій признанъ лишеннымъ святительства, низложеннымъ и анаѳематствованнымъ, при чемъ положено было просить императора, чтобы онъ изгналъ Макарія изъ Константинополя. На мѣсто низложеннаго Макарія выбранъ былъ новый патріархъ въ Антіохію—Ѳеофанъ, который и принялъ участіе въ дѣяніяхъ собора (Д. VI, 384. 385).

Осужденіе Макарія и изобличеніе его лжеученія было однимъ изъ важнѣйшихъ дѣлъ собора, но этимъ борьба отцевъ собора съ еретиками лично не ограничилась. Кромѣ этого главнаго ересіарха моноѳелита, на соборѣ являлись и нѣкоторые другіе, мыслившіе помоноѳелитски. Борьба съ ними требовала также не мало труда и времени со стороны собора. На соборѣ обнаружились такіе моноѳелиты, которые въ своихъ воззрѣніяхъ стояли на точкѣ зрѣнія указа Констанса II, на точкѣ зрѣнія „Образца", т.-е. такіе, которые считали не нужнымъ какія бы то ни было разсужденія религіозныя объ одной и двухъ воляхъ во Христѣ, и полагали незаконнымъ осуждать какъ тѣхъ, кто учитъ объ одной волѣ, такъ и тѣхъ, кто учитъ о двухъ воляхъ. Во главѣ этихъ моноѳелитовъ стоялъ епископъ Мелитинскій Ѳеодоръ, называвшій себя „человѣкомъ деревенскимъ". Около него сгруппировалось нѣсколько другихъ епископовъ и клириковъ. Ѳеодоръ представилъ на соборъ хартію, въ которой на основаніи опредѣленій пятаго вселенскаго собора о томъ, чтобы не было производимо новыхъ изысканій въ области вѣры, требовалъ, „чтобы никто не смѣлъ преступать или прелагать древніе предѣлы (вѣры), постановленные отцами для спасенія всѣхъ, также чтобы кто-нибудь не подвергался осужденію или обвиненію, которому подвергались нѣкоторые изъ прежде бывшихъ, учившихъ или объ одномъ дѣйствіи и

хотѣніи, или о двухъ дѣйствіяхъ и двухъ хотѣніяхъ. И пусть никто изъ лицъ той или другой стороны не подвергается осужденію или обвиненію за это" (Д. VI, 167—9). Этихъ лицъ, отдѣляющихся отъ общенія съ остальнымъ соборомъ, сначала сочли за сторонниковъ Макарія, но оказалось, что они стояли особо, составляли отдѣльную партію (Д. VI, 170—172). Партія эта не долго отдѣлялась отъ собора. Послѣ того, какъ произошло на соборѣ сличеніе перваго свитка Макаріева, которое обнаружило неосновательность монофелитства, епископы и клирики, принадлежавшіе къ этой партіи, объявили себя стоящими заодно съ соборомъ православныхъ и подавъ собору свое „исповѣданіе вѣры", они дѣйствительно возсоединены были съ церковію (Д. VI, 216—288 и дал.).

Къ концу соборной дѣятельности отцамъ собора пришлось имѣть дѣло съ отдѣльными монофелитами, которые по своей волѣ представлялись на соборъ и хотѣли защищать лжеученіе.

Таковъ былъ монахъ Полихроній, котораго справедливо Дѣянія называютъ человѣкомъ „дѣтскаго и сумасброднаго ума" и „глупѣйшимъ" (Д. VI, 497—557). Этотъ монахъ явившись на соборъ объявилъ, что онъ исповѣдуетъ монофелитство и для доказательства истинности ученія этого готовъ воскресить мертваго. Это, разумѣется, была затѣя, но соборъ однакожъ согласился на предложеніе Полихронія, дозволилъ совершить ему „несбыточную затѣю" для удостовѣренія народа, изъ котораго очень многихъ обольщали и онъ (Полихроній) и его единомышленники (Д. VI, 443). Подробности событія состоятъ въ слѣдующемъ. Одинъ изъ епископовъ собора заявилъ, что одинъ монахъ Полихроній желаетъ войти на соборъ и изложить свою вѣру. Соборъ соизволилъ на это предложеніе. Полихроній вошелъ. Отъ него потребовали, чтобы онъ исповѣдалъ свою вѣру въ домостроительство воплощенія Іисуса Христа. Въ отвѣтъ на это Полихроній сказалъ: „Я дамъ свое исповѣданіе на гробѣ мертвеца, съ

призываніемъ Сына Божія, чтобы Онъ воскресилъ мертвеца; если же мертвецъ не встанетъ, то соборъ и императоръ пусть дѣлаютъ со мной, что угодно!“ Соборъ сказалъ, что ему необходимо знать, какое именно исповѣданіе вѣры положитъ Полихроній на мертвеца. На это Полихроній сказалъ: „Я положу мое исповѣданіе поверхъ мертвеца, и тогда вы его прочтете“. Соборъ распорядился, чтобы былъ приготовленъ мертвецъ, надъ которымъ Полихроній долженъ былъ сдѣлать свой странный опытъ. Тогда онъ передалъ собору свою хартію, запечатанную печатію и заключавшую его исповѣданіе, прибавивъ: „Въ этомъ моя вѣра, такъ вразумилъ меня Богъ“. Хартія была однакожъ прочтена и заключала въ себѣ описаніе какихъ-то галлюцинацій престарѣлаго монаха. Въ хартіи читалось: „Я Полихроній покланяюсь императору Константину такъ, какъ бы я былъ въ его присутствіи. Видѣлъ я (въ видѣніи) множество мужей въ бѣлыхъ одеждахъ и въ срединѣ ихъ мужа, о доблести котораго я не могу разсказать, который говорилъ мнѣ: онъ (императоръ) устрояетъ новую вѣру, поспѣшай, скажи императору, чтобы онъ не выдумывалъ новой вѣры и не принималъ. И когда я шелъ изъ города Иракліи въ Хризополь и остановился подъ палящимъ солнцемъ, видѣлъ я мужа страшнаго, очень блистающаго. Онъ сталъ противъ меня, говоря: кто не исповѣдуетъ одной и воли и богомужнаго дѣйствія, тотъ не христіанинъ. Я сказалъ: это именно предопредѣлилъ императоръ Константинъ: одна воля и одно богомужное дѣйствіе. Тотъ сказалъ: очень хорошо и богоугодно“. На вопросъ собора: самъ ли Полихроній писалъ эту хартію, онъ отвѣчалъ, что это писано его собственною рукой. Затѣмъ происходилъ самый актъ воскрешенія мертвеца. Соборъ, сановники и многочисленный народъ собрались на площади, которая находилась предъ одной народной банею; на богатыхъ посеребренныхъ носилкахъ положенъ былъ мертвецъ. Полихроній возложилъ на трупъ свое исповѣданіе вѣры, которое представлено было собору, и ждалъ воскресенія умер-

шаго, но тщетно. Проходили часы, а мертвецъ оставался недвижимъ. Напрасно Полихроній сталъ нашептывать мертвецу, чудо не совершалось. Тогда Полихроній всенародно объявилъ: „Я не могу воскресить мертваго". Присутствовавшій народъ съ негодованіемъ кричалъ: „Анаѳема новому Симону (волхву), анаѳема обольстителю народа". Соборъ возвратился назадъ, во дворецъ, гдѣ происходили его прежнія засѣданія. Полихроній былъ посрамленъ. Лживость его увѣреній открылась воочію всѣхъ. Однакожь упорный монахъ и теперь остался упорствующимъ въ своемъ нечестіи. Ибо когда соборъ спросилъ его, послѣ всего случившагося: „пусть Полихроній скажетъ, исповѣдуетъ ли онъ двѣ естественныя воли и два естественныя дѣйствія во Христѣ", упорный отвѣчалъ: „Какъ говорится въ хартіи, которую я подалъ и положилъ на мертвеца, такъ я вѣрую въ одну волю и одно богомужное дѣйствіе, а другаго ничего не говорю". Послѣ этого соборъ изрекаетъ свой судъ надъ Полихроніемъ „соблазнителемъ и обольстителемъ народа и явнымъ еретикомъ": онъ лишенъ былъ священнаго сана, которымъ былъ облеченъ (Дѣян. IV, 439—444).

Послѣднимъ еретикомъ, съ которымъ лично вступаетъ въ борьбу соборъ, былъ пресвитеръ Константинъ изъ города Апамеи въ Сиріи. Онъ пожелалъ представиться на соборъ и представился. Прежде всего онъ объявилъ, что имперія не имѣла бы тѣхъ несчастій, напр. войны съ Болгаріею, еслибы миръ и любовь господствовали между подданными государя, а они господствовали бы, еслибы не подвергались порицанію ни исповѣдующіе одну волю, ни исповѣдующіе двѣ воли; затѣмъ онъ просилъ позволенія изложить свою вѣру, но для сего требовалъ шестидневной отсрочки. Но соборъ такой отсрочки Константину не далъ, объясняя свой отказъ тѣмъ, что Константинъ по своей волѣ пришелъ и слѣдовательно долженъ былъ знать, за чѣмъ идетъ на соборъ, и потребовалъ, чтобы онъ сейчасъ же изложилъ свою вѣру на словахъ. Константинъ долженъ

былъ повиноваться. Изложеніе вѣры, высказанное этимъ еретикомъ, показало, что онъ въ своихъ богословскихъ представленіяхъ не имѣлъ достаточной ясности и опредѣленности и не чуждъ былъ странныхъ понятій, показывающихъ его невѣжество. Какъ на сколько-нибудь достойную вниманія особенность его исповѣданія, можно указать развѣ на то, что онъ предлагалъ, вмѣсто выраженія: двѣ воли, употреблять выраженіе: два свойства. Онъ говорилъ собору: „я признаю два естества во Христѣ, какъ изречено на соборѣ Халкидонскомъ, и два свойства, и о дѣйствіяхъ спорить не буду, если соборъ назоветъ ихъ свойствами. Я признаю одну волю въ лицѣ Бога Слова и послѣ воплощенія, ибо Отецъ, Сынъ и Св. Духъ есть одна воля". Послѣ произнесенія Константиномъ этого исповѣданія, между нимъ и соборомъ завязались пренія, которыя еще яснѣе показали несостоятельность воззрѣній этого еретика.—Соборъ спросилъ: „одна воля, которую ты признаешь въ воплотившемся Богѣ Словѣ, принадлежитъ ли къ божественному Его естеству или къ человѣческому"?—Константинъ отвѣчалъ: „я признаю, что воля принадлежитъ божеству во Христѣ."—Соборъ: „а человѣческое естество Господа Христа имѣло ли волю или нѣтъ?"—Констинтинъ: „да, естество человѣческое (во Христѣ) имѣло ее, но временно, отъ чрева матери до креста, и притомъ я признаю это свойствомъ, и она есть только свойство". Изъ такого отвѣта раждался вопросъ: допускаетъ ли Константинъ, что Христосъ имѣлъ человѣческое естество послѣ страданій, такъ какъ недопущеніе воли человѣческой во Христѣ послѣ страданій наводило на мысль, что онъ отрицаетъ и человѣчество во Христѣ послѣ этого событія.—Соборъ спросилъ: „такъ что же? развѣ послѣ креста Христосъ покинулъ человѣческое естество?" Отвѣтъ Константина показалъ, что подозрѣнія собора имѣли основанія. Константинъ хотя и не совсѣмъ ясно, однакожъ отрицалъ человѣчество во Христѣ по окончаніи страданій.—Онъ сказалъ: „при Немъ не осталось человѣческой воли, а поки-

нута она съ плотію и кровію, какъ скоро Онъ не имѣлъ нужды ни ѣсть, ни пить, ни спать, ни ходить". Какъ ни мало было ясности въ представленіяхъ Константина, тѣмъ не менѣе изъ сказаннаго имъ выходило, что онъ хотя временно, но все же допускалъ бытіе двухъ волей во Христѣ, именно до событія страданій. На это противорѣчіе въ ученіи Константина, который выдавалъ себя за монофелита, и указывалъ соборъ. — „На какомъ основаніи ты утверждаешь, что во Христѣ одна воля, когда ты самъ допускаешь, что во Христѣ была и воля божественная и хотѣніе человѣческое, хотя бы и до страданій?"— Константинъ отвѣчалъ, „что хотя во Христѣ и была кромѣ воли божественной, и человѣческая, но теперь ея нѣтъ болѣе во Христѣ. Христосъ оставилъ ее и совлекъ съ Себя вмѣстѣ съ кровію и плотію". Отвѣтъ этотъ показалъ, что Константинъ, несмотря на допускаемое имъ ученіе о двухъ воляхъ во Христѣ до страданія, упорно оставался при мнѣніи, что во Христѣ одна воля божеская, и что воля человѣческая какъ-то прешла во Христѣ вмѣстѣ съ плотію и кровію Его. Монофелитство Константина не подлежало сомнѣнію. Надлежало только точнѣе опредѣлить, какъ понимаетъ онъ оставленіе Христомъ собственнаго тѣла по страданіи.— Поэтому соборъ и спрашивалъ Константина. „Гдѣ остались плоть и кровь Христовы"? Константинъ отвѣчалъ на это темною фразой: „Христосъ совлекъ ее съ Себя." — Соборъ снова спросилъ его: „и съ плотію совлекъ и человѣческую волю?" Константинъ подтвердилъ: „да, господа, и волю." Въ видахъ исправленія и покаянія Константина, ему объявлено было отъ собора, что подобное ученіе — ересь. Константинъ и при этомъ не хотѣлъ отказаться отъ своего ученія. Еретикъ былъ анафематствованъ (Д. VI, 449—452).

Борьба собора вселенскаго съ еретиками, которые лично защищали на соборѣ свои монофелитскія убѣжденія, должна была имѣть важныя послѣдствія для искорененія ереси. Послѣ этого никто не могъ осмѣливаться утверждать,

что соборъ не выслушалъ и не опровергъ всѣхъ возраженій, какія могли сдѣлать еретики противъ истины православія. Но съ этимъ еще не совершенно уничтожился корень ереси. Въ продолжительное время господства своего ересь успѣла создать литературу, которая могла имѣть читателей и послѣдователей; по этому слѣдовало разсмотрѣть и изобличить все написанное въ пользу ереси. Это и дѣйствительно было не маловажною задачею въ дѣятельности собора. Слѣдовало прежде всего разсмотрѣть разныя произведенія написанныя главами монофелитства — Сергіемъ, Гоноріемъ, Пирромъ, Киромъ и другими зачинщиками ереси. Соборъ взялъ на себя подобный трудъ и разсмотрѣвъ тщательно посланія и сочиненія вождей монофелитства, нашелъ ихъ „душевредными, положилъ отвергать ихъ и гнушаться, проклялъ и объявилъ подлежащими уничтоженію“ (Д. VI, 390. 408). Когда окончилось разсмотрѣніе этихъ важнѣйшихъ документовъ еретическихъ, на соборѣ было заявлено, что въ патріаршей библіотекѣ хранится и еще не мало монофелитскихъ сочиненій, написанныхъ епископами, клириками, монахами и простыми мірянами. Соборъ приказалъ, чтобы всѣ эти сочиненія представлены были на разсмотрѣніе отцевъ. Разсмотрѣніе показало, что они одного и тогоже рода съ сочиненіями Сергія, Пирра и другихъ, и потому соборъ, почитая ихъ невѣжественными и душевредными, положилъ предать ихъ сожженію, что и было исполнено (Д. VI, 409. 412. 416).

Документами, которыми, какъ документами первой важности, пользовались монофелиты для доказательства правоты своего лжеученія—были: письмо патріарха Константинопольскаго Мины къ Вигилію, папѣ Римскому и двѣ статьи, писанныя папою Вигиліемъ къ императору Юстиніану и его супругѣ Феодорѣ. Эти сочиненія заключали въ себѣ мысли монофелитскія. Такъ посланіе Мины заглавлялось: „Слово Мины къ Вигилію о томъ, что во Христѣ *одна воля*“; въ статьяхъ же Вигилія между прочимъ говорилось: „Христосъ имѣетъ одно естество, одно лицо,

одно *дѣйствіе*". Документы эти найдены были въ дѣяніяхъ V вселенскаго собора, предложенныхъ для чтенія на VI вселенскомъ соборѣ, и хранившихся въ патріаршей библіотекѣ. Несмотря на то, они были рѣшительно подложны: подложность ихъ видна уже изъ того, что въ нихъ дѣло идетъ о такомъ вопросѣ, какъ вопросъ о воляхъ во Христѣ, о какомъ не было никакого изслѣдованія въ VI вѣкѣ, когда былъ соборъ V вселенскій. Тѣмъ не менѣе присутствіе этихъ документовъ въ дѣяніяхъ V вселенскаго собора служило средствомъ къ соблазну православныхъ. По этому шестой вселенскій соборъ берется съ одной стороны доказать, что посланіе Мины и сочиненія Вигилія подложны, съ другой—прослѣдить тѣ пути, какими эти документы проникли въ дѣянія. Все это совершено соборомъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Касательно подложности посланія Мины къ Вигилію соборъ представилъ нѣсколько сильныхъ доказательствъ: 1) патріархъ Мина скончался ранѣе V вселенскаго собора: Мина умеръ на 21 году царствованія Юстиніана, соборъ же V вселенскій былъ на 27 году царствованія Юстиніана, а въ это время патріархомъ Константинопольскимъ былъ Евтихій *). 2) первыя три четвертки дѣяній соборныхъ, въ которыхъ находилось посланіе Мины, носили на себѣ слѣды позднѣйшей прибавки къ остальнымъ дѣяніямъ; ибо эти три четвертки не имѣли нумераціи, которая начинается съ четвертой четвертки, съ какой начинались подлинныя дѣянія собора. 3) Каллиграфія первыхъ четвертокъ дѣяній, гдѣ написано разсматриваемое посланіе, отлична отъ каллиграфіи остальныхъ дѣяній,—знакъ, что тѣ привнесены въ дѣянія не

*) Хронологическія указанія собора въ данномъ случаѣ не совсѣмъ точны. Мина умеръ не за шесть лѣтъ до V вселенскаго собора, а за годъ только, именно онъ умеръ въ 552 году въ августѣ, а соборъ былъ въ 553 году въ маѣ. Это объясняется кажется тѣмъ, что счетъ производили папскіе легаты, которые, какъ люди запада, не точно знали исторію востока. Впрочемъ эта ошибка не имѣетъ существеннаго вліянія на доказательность аргумента соборнаго.

одновременно съ общею перепиской истинныхъ дѣяній. 4) Въ патріаршей библіотекѣ въ Константинополѣ сохранился реестръ посланій Мины, а въ этомъ реестрѣ не значится посланіе Мины къ Вигилію (Д. VI, 53. 54. 365). Подложность статей Вигилія, написанныхъ къ Юстиніану и Θеодорѣ, доказана была соборомъ слѣдующимъ образомъ: седьмое дѣяніе V вселенскаго собора, гдѣ заключались статьи Вигилія, составляли собой особый томъ, съ особымъ счетомъ страницъ. Но 15 четвертка этого тома была, какъ показалъ осмотръ, вырвана и вмѣсто нея вставлена новая, на которой написаны были статьи Вигилія. Что эти статьи въ первоначальномъ кодексѣ не заключались, а составлены позднѣе, это ясно усмотрѣно было изъ того, что эта 15 четвертка не имѣла должной нумераціи (Д. VI, 424). Наконецъ подложность всѣхъ разсматриваемыхъ нами документовъ,—посланія Мины и статей Вигилія, соборъ доказалъ еще тѣмъ, что въ патріаршей библіотекѣ открытъ былъ еще экземпляръ „дѣяній“ V вселенскаго собора, въ которомъ не было еретическихъ монοθелитскихъ прибавокъ (Д. VI, 423. 425). Изобличивъ подложность указанныхъ документовъ, соборъ старается опредѣлить и тѣ пути, какими привзошли эти вставки. Въ этомъ отношеніи соборъ открылъ многіе интересные факты, которые показали, что источникомъ этихъ поддѣлокъ были козни монοθелита Макарія патріарха Антіохійскаго. Одинъ изъ членовъ собора епископъ Селевкійскій указалъ первые слѣды, по которымъ можно было прослѣдить за происхожденіемъ поддѣлокъ. Онъ заявилъ, что нѣкогда онъ получилъ экземпляръ Дѣяній V вселенскаго собора отъ одного военачальника Филиппа. Экземпляръ этотъ оказался поддѣльнымъ въ седьмомъ „дѣяній“ (статьи Вигилія). Изъ разговора по этому случаю съ Филиппомъ онъ узналъ, что экземпляръ этотъ былъ въ рукахъ ученика Макарія, Стефана, а изъ собственнаго разсмотрѣнія почерка, какимъ сдѣланы поддѣлки, открылъ, что поддѣлки писаны хорошо извѣстнымъ

ему почеркомъ монаха Георгія, тоже ученика Макаріева. При этомъ заявленіи епископомъ Селевкійскимъ представленъ былъ и самый поддѣльный экземпляръ. Георгій, упомянутый епископомъ Селевкійскимъ, будучи призванъ на соборъ, даетъ дальнѣйшія нити для опредѣленія происхожденія вставокъ. На соборѣ, по требованію отцевъ, онъ показалъ, что подобныя вставки ведутъ, сколько ему извѣстно, свое происхожденіе отъ Макарія и Стефана. Именно когда возникъ споръ о воляхъ между патріархомъ Константинопольскимъ Θедоромъ и Макаріемъ, то Макарій началъ переписывать статьи Вигилія, говоря, что они заимствованы изъ патріаршей библіотеки; одинъ такой экземпляръ переданъ былъ императору Константину. Затѣмъ Макарій и Стефанъ начали вставлять эти статьи Вигилія во всѣ списки V вселенскаго собора, какіе только имъ встрѣчались. Такъ онѣ вставлены въ экземпляръ принадлежащій Филиппу военачальнику. Георгій сознался, что и онъ самъ, по приказанію Макарія, переписывалъ отдѣльные листы статей Вигилія. Изъ показаній другаго клирика открылось, что подобныя вставки сдѣланы были и въ одномъ латинскомъ экземплярѣ дѣяній V вселенскаго собора. Послѣ этихъ изысканій Соборъ провозгласилъ анаθему на поддѣлывателей дѣяній и на самыя поддѣлки (Д. VI, 425—9).

Переходимъ къ обозрѣнію второй стороны въ дѣятельности собора. Соборъ въ личныхъ бесѣдахъ съ еретиками опровергъ всѣ доводы, какими они хотѣли подтвердить свое ученіе, разобралъ тщательно всѣ сочиненія моноθелитскія, какія могли служить къ поддержанію моноθелитской ереси, отнялъ у нихъ средства ссылаться на дѣянія V вселенскаго собора, какъ на опору ихъ лжеученія. Послѣ всего этого оставалось только провозгласить истину православія въ противоположность ереси. Это и составляетъ вѣнецъ и конецъ въ дѣяніяхъ VI вселенскаго собора. Въ основу вѣроопредѣленія VI вселенскаго собора, кромѣ многочисленныхъ писаній прежнихъ отцевъ

и учителей, которые впрочемъ разсматривали спорный вопросъ о воляхъ болѣе или менѣе косвенно, легли два замѣчательныя богословскія творенія VII вѣка—окружное посланіе Софронія патріарха Іерусалимскаго, и посланіе папы Агаѳона, которое онъ отсылаетъ къ отцамъ VI вселенскаго собора. Съ особенною ясностію и силою ученіе о двухъ воляхъ и двухъ дѣйствіяхъ во Христѣ раскрывается въ посланіи Агаѳона *). Приводимъ нѣкоторыя замѣчательныя мысли изъ этого посланія. Агаѳонъ училъ: „исповѣдуемъ, что каждое изъ естествъ Христа имѣетъ естественныя свойства, Божеское имѣетъ всѣ божескія свойства, человѣческое всѣ человѣческія, кромѣ грѣха. Но исповѣдуя два естества, два естественныя хотѣнія, въ единомъ Господѣ Іисусѣ, мы не учимъ, что они противны и враждебны другъ другу, какъ заблуждающіеся отъ пути истины обвиняютъ апостольское преданіе, не учимъ, что они раздѣлены какъбы на два лица или ипостаси, а говоримъ, что одинъ и тотъже Господь Христосъ имѣетъ въ себѣ какъ два естества, такъ и два естественныя хотѣнія и дѣйствія, т.-е. божеское и человѣческое, что божеское хотѣніе и дѣйствіе Онъ имѣетъ отъ вѣчности общее съ единосущнымъ Ему Отцомъ, человѣческое же принято отъ насъ вмѣстѣ съ нашимъ естествомъ во времени. Какъ естествъ, соединившихся въ одномъ Христѣ, два, такъ поистинѣ два ихъ и дѣйствія, которыя съ своими естествами присущи одному и томуже Господу Іисусу Христу“. И въ опроверженіе ереси Агаѳонъ писалъ: „Когда утверждаютъ, что во Христѣ одна воля (что нелѣпо), тогда необходимо, чтобы утверждающіе это признали ее или божественною или человѣческою или составленною изъ той и другой, смѣшанною и слитною, или же (какъ исповѣдуютъ всѣ еретики) признали, что Христосъ имѣетъ одно хотѣніе и одно дѣй-

*) О посланіи Софронія была уже рѣчь. См. выше „Монофелитство“.

ствіе, какъ проистекающія изъ одного составнаго естества. Во всякомъ случаѣ здѣсь уничтожается естественное различіе, которое и послѣ чуднаго соединенія св. соборы утвердили и велѣли намъ сохранять. Ибо хотя они учили, что Христосъ одинъ и одно Его лицо или ипостась, именно по причинѣ ипостаснаго соединенія естествъ, но въ тоже время предали намъ познавать и проповѣдывать различіе самыхъ естествъ, въ Немъ соединенныхъ, и послѣ чуднаго ихъ соединенія. Итакъ если въ одномъ и томъже Господѣ I. Христѣ сохраняются свойства естествъ по причинѣ различія, то съ полною вѣрою требуется признавать и различіе Его естественныхъ хотѣній и естественныхъ дѣйствій, дабы намъ не допускать никакой еретической новизны въ Христову церковь" (Д. VI, 66. 67. 85. 97). Этимъ посланіемъ Агаѳона главнѣйше и руководился соборъ при составленіи своего православнаго исповѣданія вѣры. Въ „дѣяніяхъ" говорится, что отцы собора приняли посланіе Агаѳона „съ распростертыми объятіями" (Д. VI, 470), какъ „объяснившее тайну богословія" (Д. VI, 498). Въ вѣроопредѣленіи собора касательно спорнаго пункта о воляхъ и дѣйствіяхъ во Христѣ читаемъ слѣдующее:

„Проповѣдуемъ согласно ученію св. отцовъ, что въ Немъ (Христѣ) два естественныя хотѣнія или воли нераздѣльно, неизмѣнно, неразлучно, неслитно и двѣ естественныя воли не противоположныя, какъ говорили нечестивые еретики, да не будетъ, но человѣческая Его воля уступаетъ, не противорѣчитъ, или противоборствуетъ, а подчиняется Его божественной и всемогущей волѣ. Утверждаемъ, что въ одномъ и томъже Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, истинномъ Богѣ нашемъ, два естественныя дѣйствія нераздѣльно, неизмѣнно, неразлучно, неслитно *).

*) Отсюда видно, что соборъ ученіе о двухъ воляхъ во Христѣ излагаетъ въ тѣхъже самыхъ выраженіяхъ, въ какихъ на четвертомъ вселенскомъ соборѣ изложено было ученіе о двухъ естествахъ во Христѣ (Дѣян. томъ IV, стр. 109).

Мы признаемъ двѣ естественныя воли и дѣйствія (во Христѣ), согласно сочетавшіяся между собою для спасенія рода человѣческаго" (Д. VI, 471—3).

Это вѣроопредѣленіе собора торжественно было провозглашено и утверждено 16 сентября 681 года. Свое полное согласіе съ вѣроопредѣленіемъ отцы выразили въ отвѣтѣ на вопросъ императора Константина, присутствовавшаго на этомъ засѣданіи собора: „Пусть св. и вселенскій соборъ скажетъ, по согласію ли всѣхъ епископовъ провозглашено опредѣленіе?" Отцы воскликнули: „всѣ такъ вѣруемъ, всѣ такъ думаемъ, всѣ мы подписали по согласію и сочувствію, всѣ вѣруемъ православно! Проповѣдывавшимъ, проповѣдующимъ и имѣющимъ проповѣдывать одну волю и одно дѣйствіе въ воплотившемся Христѣ Богѣ, анаѳема!" Императоръ почтилъ дѣятельность отцовъ церкви привѣтственною рѣчью, въ которой, между прочимъ, выразилъ увѣренность, что вѣроопредѣленіе составлено съ полною сообразностію съ истиною. Онъ говорилъ: „Мы не избѣгнемъ съ вами суда на страшномъ судилищѣ Божіемъ, когда Онъ будетъ судить живыхъ и мертвыхъ, если вы знаете, что есть какой-нибудь пропускъ въ вѣроизложеніи или если что-нибудь въ немъ не договорено" (Д. VI, 488—9). Въ отвѣтъ на рѣчь императора соборъ съ своей стороны также сказалъ рѣчь, исполненную краснорѣчія и радости по случаю ниспроверженія ереси и утвержденія вѣры. Въ рѣчи говорилось: „Римъ—старецъ простеръ тебѣ (императору) богоначертанное исповѣданіе, хартія превратила въ отношеніи догматовъ вечеръ въ день, чернила издавали свѣтъ, чрезъ Агаѳона говорилъ Петръ и вмѣстѣ съ социарствующимъ Вседержителемъ постановлялъ ты самодержецъ—ты богопоставленный. Симоны (еретики), замѣтные по-перью отступленія, упали съ высоты полета и памятникомъ сего служитъ низложеніе, а вѣра встаетъ и согласіе народовъ возстановляется въ собственную красоту. *Воздвижеся солнце и луна ста въ чинѣ своемъ* (Авв. 3, 11). Воздви-

жеся солнце къ свѣту—это значитъ: вашъ умъ поднялся къ солнцу правды, чисто узрѣвъ Чистѣйшаго и принесъ намъ оттуда умиротвореніе. И луна ста въ чинѣ своемъ—это значитъ: церковь и невѣста Христова одѣвается въ свое благолѣпіе и украшается благочестіемъ и вполнѣ возстановивъ чистоту православія, блистаетъ міру прочнымъ спокойствіемъ“ (Д. VI, 498—9). Такъ произошло провозглашеніе православія въ противодѣйствіе ереси монофелитской, болѣе полустолѣтія волновавшей церковь! *).

Радость церкви по случаю ниспроверженія ереси, въ такой силѣ выразившаяся въ рѣчи отцовъ на соборѣ при утвержденіи вѣроопредѣленія, слышится и въ восторженномъ посланіи, которымъ Востокъ извѣщалъ церковь Римскую о событіи торжества вѣры. Вотъ немногія слова изъ этого посланія: „Гдѣ произведшіе соблазнъ сокрушенной ереси? Сняты покровы съ лицъ, обличены поддѣлки обольстителей. Волкъ (Макарій) снялъ съ себя кожу и торжественно выступаетъ нагимъ волкомъ. Истина торжествуетъ, ложь ниспровергнута. Сѣятель плевельныхъ догматовъ отлученъ. Пшеница, христолюбивый народъ, собрана въ одну житницу церкви Христовой. Свѣтъ православія взошелъ, тьма заблужденія скрылась изъ глазъ. Кончилось время траура, печаль превратилась въ веселіе, скорбь въ радость. Посему и мы, сорадуясь церквамъ Божіимъ, принявшимъ благодать мира, взываемъ по-апостольски: радуйтеся, радуйтеся, и паки реку: радуйтеся“ (Фил. 4, 4. Дѣян. VI, 549).

Императоръ Константинъ ревностно содѣйствовалъ утвержденію вѣры въ имперіи, провозглашенной на соборѣ вселенскомъ. До насъ сохранился его указъ, который для публикаціи былъ прибитъ въ притворѣ Софійской церкви

*) Небольшіе остатки послѣдователей монофелитскаго ученія сохранились и до нашего времени на востокѣ съ именемъ маронитовъ, такъ названныхъ отъ имени ихъ первоначальнаго главы Марона. См. о Маронитахъ статью свящ. *Андреевскаго* въ „Правосл. Обозр.“ за 1869 г., кн. 4.

къ стѣнѣ и которымъ объявлялось императорское покровительство и защита опредѣленіямъ собора Константинопольскаго. Въ указѣ, послѣ исчисленія всего, что сдѣлано было на соборѣ на пользу вѣры и церкви, постановлялось: „Кто любитъ Бога и желаетъ будущаго спасенія, тотъ пусть держится этой православной вѣры. Если же кто не окажетъ ревностной любви къ Богу и презритъ настоящее наше благочестивое объявленіе, тотъ, если онъ епископъ или клирикъ или одѣтъ въ монашеское одѣяніе, подвергается изверженію; если же состоитъ въ чинѣ должностныхъ людей, будетъ наказанъ конфискаціею имущества и лишеніемъ пояса (знакъ воинскаго достоинства); если же находится въ состояніи частнаго человѣка, будетъ осужденъ на изгнаніе изъ столицы и вообще изъ всякаго города, и сверхъ всего этого не избѣжитъ наказанія отъ страшнаго и праведнаго суда“ (Д. VI, 538—539).

Какимъ уваженіемъ, почтеніемъ и благоговѣніемъ пользовались „дѣянія“ VI вселенскаго собора въ тогдашнемъ восточномъ обществѣ, объ этомъ можетъ свидѣтельствовать слѣдующій фактъ, совершившійся въ царствованіе преемника Константина Погоната,-Юстиніана II. Юстиніанъ узналъ, что подлинный экземпляръ актовъ собора какимъ-то образомъ попалъ въ частныя руки, въ руки какихъ-то сановниковъ. Императоръ торжественно возвращаетъ ихъ въ свои собственныя руки для храненія въ императорскомъ дворцѣ, такъ какъ императоръ находилъ, что такая драгоцѣнность можетъ храниться только въ его рукахъ. Юстиніанъ собралъ соборъ изъ патріарховъ, апокрисіарія (уполномоченнаго) папскаго, который всегда находился въ столицѣ, изъ митрополитовъ и епископовъ, какіе только находились въ Константинополѣ; сюда же приглашенъ былъ сенатъ, представители народа, почетная императорская стража, военачальники различныхъ областей. Дѣянія собора были взяты отъ тѣхъ лицъ, у кого они хранились, и прочтены на соборѣ. По прочтеніи документы были запечатаны; затѣмъ они переданы были въ

руки императора на храненіе, чтобы кто-нибудь не осмѣлился ихъ попортить или подмѣнить. Императоръ говорилъ: „Эти бумаги мы всегда будемъ сохранять неприкосновенными и неизмѣнными, доколѣ положено Богомъ пребывать въ насъ нашему духу“ (Д. VI, 561—563).

Въ тѣсной связи съ шестымъ вселенскимъ соборомъ стоитъ такъ называемый пятошестой или трулльскій, опредѣленія котораго восточною церковію считаются равными съ опредѣленіями вселенскихъ соборовъ. Этотъ соборъ называется пятошестымъ, потому что на немъ составлены были правила, касающіяся положенія церкви и христіанской жизни, въ дополненіе къ догматическимъ опредѣленіямъ V и VI вселенскихъ соборовъ, на которыхъ не было составлено никакихъ подобныхъ правилъ. Онъ называется Трулльскимъ, потому что собирался въ императорскомъ дворцѣ въ Константинополѣ—въ залѣ, носившей имя Труллы. Соборъ составился въ царствованіе императора Юстиніана II, въ 691 или 692 году. Предсѣдателемъ на немъ былъ патріархъ Константинопольскій Павелъ; на немъ присутствовали патріархи Александрійскій, Антіохійскій и Іерусалимскій (Д. VI, 631). Лицо Римскаго папы замѣщалъ на немъ Василій, митрополитъ Гортинскій съ о. Крита, имѣя полномочіе отъ всей Римской церкви (Д. VI, 632). Всѣхъ отцовъ подписавшихся подъ опредѣленіями соборными было числомъ 213 (Д. VI, 631—647). Цѣль собранія собора состояла исключительно въ томъ, чтобы пополнить опредѣленія V и VI вселенскихъ соборовъ, такъ какъ ни на томъ, ни на другомъ не было составлено въ руководство церкви никакихъ правилъ по вопросамъ церковной практики (Д. VI. 576, 565). Поводъ къ нему данъ былъ сильнымъ разстройствомъ дѣлъ церковныхъ и упадкомъ религіозной жизни между вѣрующими. Въ этомъ отношеніи въ „привѣтственномъ словѣ“ отцовъ къ императору говорилось, что явилась настоятельная потребность отвратить „народъ отъ худаго и порочнаго поведенія и

обратить къ лучшей и чистой жизни“, ибо „народъ, раздираемый и истощаемый страданіями, происходящими отъ безчинія, мало-по-малу отторгся отъ божественнаго стада, блуждаетъ въ невѣдѣніи и забвеніи успѣховъ въ добродѣтели, говоря поапостольски: *Сына Божія попираютъ, не почитаютъ за святыню кровь завѣта и Духа благодати оскорбляютъ* (Евр. 10, 29); въ зрѣлую пшеницу истины, замѣшались кой-какіе остатки языческой или іудейской незрѣлости“. Въ виду этихъ недостатковъ вкравшихся въ церковь соборъ долженъ былъ „обсудить всѣ средста къ обращенію народа на путь спасенія“, долженъ былъ „по подобію пастыря Христа разыскать заблудшую овцу по горамъ, возвратить въ домъ Его и убѣдить сохранять заповѣди и божественныя повелѣнія (Д. VI, 576—577). И дѣйствительно, если правила Трулльскаго собора всегда направлялись въ самомъ дѣлѣ противъ существовавшихъ, а не возможныхъ только недостатковъ въ церкви, то положеніе церкви этого времени было существенно печально. Изъ правилъ видно, что въ духовномъ чинѣ нравы были въ упадкѣ, дисциплина разшаталась. Такъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ епископы позволяли себѣ жить съ женами (прав. 12); священики вступали во второй бракъ или прежде посвященія женились на вдовахъ, блудницахъ и актрисахъ (пр. 3); діаконы и ѵподіаконы вступали въ бракъ послѣ посвященія въ санъ (пр. 6); во священники, діаконы и ѵподіаконы посвящались лица недостигшія узаконеннаго для сего возраста (пр. 14 и 15); священники и монахи позволяли себѣ ходить на конскія ристалища и въ театръ (пр. 24); въ клиръ по обычаю іудейскому принимались только лица происходившія отъ клириковъ (пр. 33); митрополиты и епископы являлись корыстолюбцами (пр. 22. 35). Въ отправленіе богослуженія вкрались непорядки: священники нерадѣли о проповѣди или составляли проповѣди не въ соотвѣтствіи съ строгимъ православіемъ (пр. 19); св. Причастіе раздавалось за деньги (пр. 23); людямъ богатымъ позволялось принимать причастіе не прямо въ уста, а въ зо-

лотые и серебряные сосуды, изъ которыхъ они собственноручно и пріобщались (пр. 101); выдумали причащать даже умершихъ (пр. 83); къ безкровной жертвѣ примѣшивался виноградъ, и то и другое преподавали народу (пр. 28); въ нѣкоторыхъ церквахъ къ *Трисвятому* при пѣніи прибавляли слова, выражающія монофизитское ученіе: „распныйся за ны" (пр. 81); поучать въ церкви позволяли себѣ міряне, и даже женщины (пр. 64. 70); во время общественнаго пѣнія въ церкви, нѣкоторые изъ народа позволяли себѣ козлогласованіе (пр. 75); великимъ постомъ нѣкоторые по субботамъ и воскресеньямъ разрѣшали себѣ сыръ и яйца (пр. 56); въ храмахъ ставили скотъ (пр. 88). Въ чинъ монашескій также привзошли безпорядки: такъ называемые пустынники съ отращенными волосами и въ черныхъ одеждахъ бродили по городамъ, ночевали гдѣ пришлось (пр. 42); монахи покидали свое званіе и женились (пр. 44); монахини къ постриженію наряжались въ самыя пышныя одежды, вѣроятно изображая собою невѣстъ Христовыхъ (пр. 45). Трудно исчислить пороки и отступленія отъ христіанской жизни, какія замѣчались въ мірянахъ,—ихъ было великое множество. Народъ пристрастился къ театрамъ (пр. 51), предавался азартнымъ играмъ (пр. 50), допускалъ браки въ самыхъ близкихъ степеняхъ родства (пр. 54), охотно занимался языческими гаданіями и волхвованіями (пр. 61, 62, 65); празднованіе Рождества Христова сопровождалось какими-то житейскими обрядами, какъ бы Богородица была обыкновенною родительницею (пр. 79); вошла въ употребленіе языческая клятва (пр. 94); распространились соблазнительныя картины (пр. 100); появились вытравители человѣческаго плода (пр. 91) и пр. Всѣхъ правилъ соборомъ было составлено 102 *). Правила собора Трулльскаго не были приняты

*) Въ нашу задачу не можетъ входить разсмотрѣніе правилъ собора Трулльскаго. Толкованіе правилъ см. въ „Опытѣ курса церковнаго законовѣдѣнія", вып. 2, стр. 334—507. Архимандрита (епископа) *Іоанна*. 1851. Петербургъ.

церковію западною и не признаются ею за одинаковыя съ правилами вселенскихъ соборовъ. Причина этого лежитъ въ томъ, что нѣкоторыя изъ правилъ трулльскихъ направлены были противъ обычаевъ и ученія церкви Римской. Напр. соборъ принималъ въ руководство церкви 85 правилъ апостольскихъ, а западная принимала только 50 (пр. 2); онъ обличаетъ римское ученіе объ обязательности безбрачія священниковъ (пр. 13); онъ осуждаетъ посты, какіе ввела римская церковь во дни субботніе (пр. 55); онъ именно противъ римской церкви направляетъ узаконенія, чтобы въ церквахъ не употреблялось изображенія Христа въ видѣ агнца, ибо такія изображенія были приняты на западѣ (пр. 82). Вслѣдствіе этого тогдашній папа Римскій Сергій отказался подписать и принять правила собора Трулльскаго (Д. VI, 567).

ИКОНОБОРЧЕСТВО И VII ВСЕЛЕНСКІЙ СОБОРЪ.

1) *Происхожденіе иконоборчества.*

Вопросъ объ отношеніи иконоборчества къ предшествующимъ спорамъ догматическимъ.—Исторія иконоупотребленія и иконопочитанія въ церкви.—Иконоборцы до эпохи иконоборчества.—Левъ Исавряninъ и его характеръ.—Кружокъ иконоборцевъ при Львѣ.—Иконоборческая дѣятельность Льва.—Противодѣйствіе православныхъ.—Воззрѣнія иконоборцевъ и иконопочитателей по вопросу объ иконахъ.—Значеніе споровъ.

Иконоборчество, начавшись въ началѣ VIII столѣтія, окончилось около средины IX вѣка и такимъ образомъ волновало церковь больше столѣтія. Явленіе иконоборчества въ своемъ историческомъ бытіи непосредственно слѣдуетъ за такими движеніями, какъ движенія церковныя, вызванныя вопросами о лицѣ Богочеловѣка и воляхъ въ Немъ. Неоспоримо, эти движенія были слишкомъ сильны и положили на умы неизгладимое опечатлѣніе. Но можно ли иконоборчество ставить въ родственную связь съ ними, можно ли допускать, что такъ или иначе они подготовили и развили изъ себя иконоборчество? Едва ли. Нельзя найти ни одного факта во всей исторіи иконоборчества, который бы указывалъ, что между иконоборчествомъ и предшествующими ересями, касавшимися лица Христа и дѣйствій въ Немъ и бывшими предметомъ осужденія на вселенскихъ соборахъ, существовала причинная связь. Напротивъ скорѣе можно усматривать положительно враждебныя отношенія между иконоборчествомъ и ересями несторіанскою и монофизитскою съ монофелитскою. Иконоборцы не себя, а иконопочитателей поставляли въ

родственныя связи съ несторіанствомъ и монофизитствомъ. Они объявляли, что иконопочитаніе явилось и развилось подъ вліяніемъ идей несторіанскихъ; именно они провозглашали: „Живопись (религіозная) напоминаетъ намъ Несторія, раздѣлявшаго одного Сына и Бога Слово, воплотившагося ради насъ, на двоицу сыновъ“ (Дѣян. вс. соборовъ, томъ VII, стр. 462) *). Съ другой стороны тѣже иконоборцы находили, что приверженцы иконопочитанія впадаютъ и въ ересь монофизитскую. „Живопись—говорили они въ упрекъ православнымъ—напоминаетъ собою Діоскора и Евтихія, учившихъ, что два естества единаго Христа слились и смѣшались. Вотъ живописецъ сдѣлалъ икону Христа—представляютъ доказательство своей мысли иконоборцы,—и икона эта есть икона Бога и человѣка, а слѣдовательно онъ слилъ неслитное соединеніе и впалъ въ нечестивое заблужденіе сліянія. Томуже самому богохульству подпадаетъ и покланяющійся иконамъ“ (Д. VII, 463. 469). Нѣтъ надобности говорить о томъ, что подобныя укоризны православнымъ рѣшительно несправедливы; для насъ однакожъ онѣ важны какъ доказательство, что иконоборцы ставили себя вдали отъ ересей предшествующей эпохи. И значитъ нѣтъ основаній допускать, что иконоборцы стояли подъ вліяніемъ лжеученій, которымъ они ни мало не сочувствовали **). Иконоборчество по своему происхожденію стоитъ внѣ связи съ еретическими заблужденіями прежнихъ временъ. Оно составляетъ явленіе совершенно оригинальное и независимое отъ нихъ. Оно подготовлялось цѣлыми вѣками, но могло и вовсе не воз-

*) Рус. переводъ. Изданіе Казанской Дух. Академіи.

**) Иногда историки ставятъ въ связь иконоборство съ монофелитствомъ на томъ основаніи, что императоръ Филиппикъ монофелитъ (нач. VIII вѣка) приказалъ вынести изъ дворца изображеніе отцевъ, бывшихъ на VI вс. соборѣ; но это не есть фактъ иконоборчества, а есть только выраженіе ненависти къ врагамъ монофелитства, иначе бы онъ приказалъ выбросить всѣ религіозныя изображенія, а не изображеніе только отцевъ VI вс. собора.

никать. Если же оно возникло, то этимъ оно обязано стечению благопріятныхъ для сего обстоятельствъ въ VIII вѣкѣ.

Чѣмъ же подготовилось иконоборство въ исторіи предшествующей, и какія благопріятныя обстоятельства встрѣтило оно для себя въ VIII вѣкѣ, вѣкѣ своего развитія?

Иконоупотребленіе развилось въ церкви не вдругъ, но постепенно. Въ первые три вѣка христіанства искусство дѣлало еще довольно нерѣшительные шаги въ дѣлѣ служенія интересамъ религіи. Христіане для выраженія своихъ идей довольствовались разнообразными символами, какими были для нихъ изображенія корабля, лиры, голубя, рыбы съ христіанскимъ такимъ или другимъ знаменованіемъ. Только къ концу первыхъ трехъ вѣковъ христіанское искусство отъ символическихъ изображеній перешло къ типическимъ, т.-е. такимъ, въ которыхъ чрезъ живописаніе человѣческихъ фигуръ, преимущественно ветхозавѣтныхъ праведниковъ, дѣлалось напоминаніе о важнѣйшихъ событіяхъ новозавѣтнаго домостроительства. Что же касается до иконоупотребленія въ собственномъ смыслѣ, т.-е. изображенія новозавѣтныхъ и ветхозавѣтныхъ лицъ и событій и Основателя христіанства прямо, безъ посредства символики, образности, то эпоха 4-го и 5-го вѣковъ есть время утвержденія и распространенія онаго *). Теперь въ 4-мъ и 5-мъ вѣкѣ, всѣ великіе мужи, прославившіе себя христіанскою ученостію, поддерживаютъ и восхваляютъ обычай живописать въ храмахъ лица и событія, достойныя памяти всякаго хри-

*) Гефеле въ „исторіи соборовъ“ (Band 3, s. 336—7; Ausgabe 1858). Исключительное положеніе первохристіанской церкви среди враждебнаго ей міра языческаго (въ первые 3 вѣка) располагало ее не рѣдко облекать поклоненіе истинному Богу аллегорическими покровами. Такъ *Орфей* играющій на лирѣ и своею игрою укрощающій звѣрей означалъ Христа, своимъ ученіемъ привлекающаго сердца людей; *геніи* вѣроятно напоминали ангеловъ небесныхъ и пр. *Прав. Обозрѣніе*, 1872 г. іюнь. *Озерецкаго*: „Миѳологическіе сюжеты въ христіанскихъ археологическихъ памятникахъ“, стр. 898. 903 904. 916.

стіанина. Св. Василій Великій прямо приглашаетъ художника своими красками и кистью дополнить то, чего ораторъ не можетъ высказать словами. Въ словѣ на память мученика Варлаама Василій говоритъ: „возтаньте теперь предо мною вы, славные живописатели подвижническихъ заслугъ. Добавьте своимъ искусствомъ это неполное изображеніе военачальника. Красками вашей мудрости освѣтите неясно представленнаго мною вѣнценосца. Пусть буду побѣжденъ вашимъ живописаніемъ доблестныхъ дѣлъ мученика; радъ буду признать надъ собою и нынѣ подобную побѣду вашей крѣпости. Посмотрю на этого борца, живѣе изображеннаго на вашей картинѣ“ (Дѣян. VII 305). Призывъ такихъ великихъ мужей, какъ Василій, чтобы искусство служило дѣлу религіи, дѣйствительно нашелъ себѣ громкій откликъ въ обществѣ христіанскомъ. Св. Златоустъ свидѣтельствуетъ о широкомъ распространеніи образовъ св. Мелетія. „Многіе, говоритъ онъ, начертывали образъ св. Мелетія и на чашечкахъ, и на перстняхъ, и на печатяхъ, и на чашахъ брачныхъ чертоговъ, и на стѣнахъ и вездѣ, чтобы вездѣ видѣть тѣлесный образъ его и такимъ образомъ имѣть утѣшеніе въ разлукѣ съ нимъ“ (Дѣян. VII, 233). Тоже самое блаж. Θеодоритъ свидѣтельствуетъ объ образахъ Симеона столпника. „Говорятъ, что въ великомъ Римѣ—замѣчаетъ онъ—этотъ мужъ былъ такъ славенъ, что на всѣхъ преддверіяхъ ремесленныхъ заведеній ставили маленькія изображенія его, ожидая себѣ отъ этого защиты и покровительства“ (Дѣян. VII, 299). Св. отцы и учители церкви разсматриваемыхъ вѣковъ въ своихъ сочиненіяхъ говорятъ съ великимъ умиленіемъ и благоговѣніемъ объ образахъ, какіе имъ приходилось видѣть. Св. Григорій Нисскій не могъ безъ слезъ умиленія видѣть изображеніе принесенія Исаака въ жертву Авраамомъ. Григорій говоритъ: „нерѣдко видѣлъ я живописное изображеніе этого страданія и никогда не проходилъ безъ слезъ мимо сего зрѣлища; такъ живо эту исторію представляетъ взору искусство“ (Дѣян. VII, 235). Астерій

епископъ Амасійскій (IV в.) съ чувствомъ глубокимъ описываетъ впечатлѣніе, какое произвела на него картина изображающая страданія мученицы Евѳиміи. „Нѣкоторый благочестивый живописецъ, по его словамъ, съ великимъ искусствомъ и весьма живо представилъ на картинѣ исторію всѣхъ ея страданій и повѣсилъ картину сію около гроба ея, чтобы всѣ смотрѣли на оную“. „При воспоминаніи о картинѣ я невольно проливаю слезы и чувство сильной горести прерываетъ мое повѣствованіе“ — о ней замѣчаетъ Астерій (Дѣян. VII, 241—3). Св. Кириллъ александрійскій вопрошаетъ: „Итакъ кто не пожелалъ бы изъ насъ видѣть изображенную на доскѣ исторію Авраама, какъбы ни изобразилъ ее художникъ, или по частямъ или отдѣльно“? (Дѣян. VII, 237). Св. отцы IV и V вѣка ясно свидѣтельствовали о той пользѣ, какую иконоупотребленіе должно было приносить и приносило въ дѣлѣ христіанскаго назиданія и просвѣщенія. Григорій Богословъ разсказываетъ въ одномъ своемъ стихотвореніи слѣдующій случай поразительнаго впечатлѣнія, какое икона иногда производитъ на душу человѣка. „Какой-то невоздержный юноша приглашаетъ непотребную женщину. Когда она подошла близко къ воротамъ, на которыхъ находилась икона внимательно смотрѣвшаго св. Полемона, то увидѣвъ эту икону, тотчасъ, говорятъ, воротилась, бывъ побѣждена этимъ взглядомъ; изображеннаго на иконѣ она устыдилась какъбы живаго“ (Дѣян. VII, 238—9). Другіе отцы церкви находили особенно полезными иконы для наставленія въ вѣрѣ людей неграмотныхъ: иконы для такихъ могли служить вмѣсто книгъ. Нѣкто Олимпіодоръ извѣщалъ письмомъ св. Нила Синаита (5 в.), что онъ Олимпіодоръ строитъ храмъ и хочетъ украсить стѣны его изображеніями, которыя бы услаждали глазъ, именно изобразить ловлю звѣрей, спасающихся бѣгствомъ зайцевъ и сернъ, мрежи, извлекающія рыбу изъ моря и тому подобное. Нилъ неодобряетъ его за это и находитъ, что гораздо лучше украсить стѣны храма изображеніями священными. „Пусть, говоритъ онъ,

рука живописца наполнитъ храмъ исторіями ветхаго и новаго завѣта,—для чего? Чтобы и тѣ, кто не знаютъ грамоты и не могутъ читать божественныхъ писаній, разсматривая живописныя изображенія, приводили себѣ на память мужественные подвиги искренно послужившихъ Богу и возбуждались къ соревнованію достославнымъ и приснопамятнымъ доблестямъ, по которымъ землю обмѣняли на небо, предпочтя видимому, невидимое" (Дѣян. VII, 260—261). Св. отцы изучаемой эпохи не ограничиваются впрочемъ сужденіями о пользѣ, важности и душеспасительности употребленія иконъ, но и прямо призываютъ къ почитанію и поклоненію иконамъ. Святый Василій Великій говоритъ: „принимаю святыхъ пророковъ, апостоловъ и мучениковъ и призываю ихъ къ предстательству предъ Богомъ, чтобы чрезъ нихъ, чрезъ ходатайство ихъ, Богъ былъ милосердъ ко мнѣ. Посему и изображенія ихъ на иконахъ почитаю и покланяюсь имъ" (Дѣян. VII, 299).

Четвертый и пятый вѣка составляютъ время утвержденія и распространенія иконоупотребленія въ церкви и время полнаго и яснаго раскрытія ученія о почитаніи иконъ. Но съ этихъ же вѣковъ начинается и непрестающее противодѣйстіе иконоупотребленію и иконопочитанію. Только это противодѣйствіе до VIII вѣка тлѣется подобно опасной искрѣ,—говоримъ—до VIII вѣка, когда эта искра вспыхиваетъ великимъ и страшнымъ пожаромъ. Считаемъ нужнымъ сообщить свѣдѣнія о томъ противодѣйствіи иконамъ и ихъ употребленію, какое имѣло мѣсто до VIII вѣка; потому что на это противодѣйствіе можно смотрѣть, какъ на настоящее подготовленіе къ иконоборчеству. Уже въ IV вѣкѣ, въ которомъ жили такіе глубомысленные защитники иконъ, какъ Василій Великій, Григорій Богословъ и Григорій Нисскій, появляются первые и притомъ тоже авторитетные противники иконоупотребленія. Мы говоримъ о знаменитомъ церковномъ историкѣ, другѣ и наперсникѣ Константина Великаго, мужѣ удивительномъ по учености, Евсевіи епископѣ Кесарійскомъ. Евсевій видѣлъ рас-

пространеніе и утвержденіе иконоупотребленія въ церкви и отнесся къ этому явленію отрицательно. До насъ сохранилось его посланіе къ императрицѣ Констанціи, сестрѣ Константина Великаго, вдовѣ императора Ликинія. Изъ письма Евсевія видно, что Констанція просила Евсевія прислать ей икону Спасителя. Что же отвѣчаетъ на это ей Евсевій? Евсевій не хочетъ удовлетворить ея желанія и находитъ оное предосудительномъ. Онъ писалъ къ ней: „такъ какъ ты писала относительно какой-то будто бы Христовой иконы и желала, чтобы я прислалъ тебѣ такую икону, то какую же эту икону разумѣешь ты, которую называешь Христовою? Истинную ли и неизмѣняемую и заключающую въ себѣ сущность божества, или же представляющую то естество Его, которое Онъ воспринялъ ради насъ, облекшись плотію, какъбы одеждою рабскаго вида? Но что касается образа Его какъ Бога, то я и самъ думаю, что не его ты ищешь; потому что ты научена Имъ, что ни Отца никто не знаетъ какъ только Сынъ, ни самого Сына никто не знаетъ какъ только родившій Его Отецъ. Конечно, ты ищешь икону, изображающую Его въ образѣ раба и во плоти, которою облекся ради насъ (художественное изображеніе внѣшняго вида Христа), но мы научены, что и она (плоть) растворена славою божества и смертное поглощено жизнію.“ Затѣмъ Евсевій старается доказать, что было бы тщетною попыткой со стороны художника изобразить Христа въ истинномъ видѣ: это недостижимая задача. „Итакъ, пишетъ онъ, кто же въ состояніи изобразить мертвыми и бездушными красками и тѣнями издающій сіяніе и испускающій блистательные лучи блескъ славы и достоинства Его, изобразить Его такимъ, какимъ Онъ есть? Даже избранные ученики Его не могли взирать на Него на горѣ, но пали лицомъ ницъ, признавъ, что блескъ свѣта для нихъ невыносимъ. Итакъ, если воспринятый Имъ въ воплощеніи образъ получилъ такую силу отъ обитавшаго въ немъ божества, то что сказать о томъ Его состояніи, когда Онъ, сложивъ съ себя смертность и

смывъ тлѣніе, видъ райскаго образа измѣнилъ въ славу Господа и Бога и возсѣлъ на царскомъ престолѣ одесную Отца" (Дѣян. VII, 530—531)? Отсюда видно, что Евсевій не сочувствовалъ иконоупотребленію *). Онъ не понималъ широты воззрѣній христіанскихъ, которыя назначены своимъ благотворнымъ вліяніемъ освятить и самую область искуства, сдѣлавъ изъ него средство къ служенію религіознымъ интересамъ. Въ томъже IV вѣкѣ въ своихъ послѣднихъ выводахъ должна была приходить къ иконоборчеству и секта аріанская — Евноміане, потому что они не чтили ни святыхъ, ни мощей **). Противодѣйствіе иконопочитанію не умолкаетъ и въ послѣдующіе вѣка Несторіанство и монофизитство, обязанныя своимъ происхожденіемъ дальнѣйшему пятому вѣку, выдѣлили изъ себя отдѣльныя секты съ иконоборческими стремленіями. Несторіане въ Индіи, извѣстные съ именемъ Ѳомистовъ (просвѣщенные Апостоломъ Ѳомою), были нечужды стремленій иконоборческихъ. Враждуя противъ св. Кирилла Александрійскаго, какъ главнаго противника несторіанства, эти несторіане, между прочимъ, поставляли въ упрекъ этому мужу иконопочитаніе, считая почему-то Кирилла главнымъ виновникомъ иконопочитанія въ церкви ***). Подобно несторіанамъ и нѣкоторыя секты монофизитскія враждебно относились къ иконопочитанію. Представитель одной монофизитской секты Филоксенъ говорилъ: „не слѣдуетъ безтелѣсныхъ ангеловъ дѣлать тѣлесными и изображать ихъ въ тѣлесномъ образѣ, какъ будтобы они имѣли человѣческія формы. Равнымъ образомъ не слѣдуетъ воздавать честь и славу Христу посредствомъ живописной иконы Его; напротивъ надобно

*) Изъ исторіи иконоборчества VIII вѣка видно, что иконоборцы дѣйствительно ссылались на авторитетъ Евсевія для доказательства правоты своихъ воззрѣній (Д. VII, стр. 400).

**) Neander. Allgemeine Geschichte der chr. Religion und Kirche. S. 635 (Band. I, Ausg. 1856).

***) Kurtz. Kirchengeschichte. S. 307 (Band. I, Abtheil. 2; Ausg. 1858).

знать, что Онъ принимаетъ одно только служеніе духомъ и истиною. Надобно знать и то, что изображать Всесвятаго Духа въ образѣ голубя есть признакъ дѣтской мысли, такъ какъ евангельскія сказанія нигдѣ не учатъ, чтобы Духъ Святый былъ голубемъ, но только говорятъ, что Онъ нѣкогда явился въ видѣ голубя. Если Онъ одинъ разъ явился въ такомъ видѣ, то изъ этого отнюдъ не слѣдуетъ, что благочестивымъ христіанамъ прилично дѣлать тѣлесный образъ Его" (Дѣян. VII, 404—5; 535). Отъ слова Филоксенъ переходитъ къ дѣлу; о немъ сохранилось свидѣтельство, что онъ низвергалъ иконы ангеловъ и уничтожалъ ихъ, а иконы Спасителя скрывалъ въ недоступныя мѣста (Д. VII, 405). Другой монофизитъ Северъ поступалъ подобнымъ же образомъ. Онъ низвергалъ св. жертвенники и св. сосуды,— первые истреблялъ, а вторые расплавлялъ. А золотыхъ и серебряныхъ голубей, изображающихъ Духа Святаго въ храмахъ, присвоилъ себѣ, говоря: изображеніе голубя не можетъ носить имени Духа Святаго (Дѣян. VII, 406—7). Утверждаютъ, что и императоръ Анастасій (491—518 г.) по стремленіямъ иконоборческимъ конфисковалъ въ свою пользу золотыя и серебряныя изображенія въ Константинополѣ (Дѣян. VII, 407). Церковные писатели позднѣйшаго времени, VI и VII вѣка, даютъ ясныя свѣдѣнія, изъ которыхъ можно выводить, что вражда противъ иконъ была явленіемъ, непрерывно продолжавшимся до самаго времени иконоборческой эпохи. Анастасій Синаитъ (VI вѣка) долженъ былъ защищать почитаніе иконъ противъ какихъ-то неизвѣстныхъ враговъ иконъ, позволявшихъ себѣ наносить безчестіе иконамъ. Анастасій писалъ: „какъ наносящій безчестіе портрету императора подвергается праведному наказанію, какъ будто бы нанесъ оскорбленіе самому императору, хотя портретъ есть не что иное какъ дерево и краски, смѣшанныя съ воскомъ, такъ точно и оказывающій безчестіе какому-либо образу (святаго), наноситъ оскорбленіе тому самому, чей это образъ" (Д. VII, 283). Въ томъже VI вѣкѣ св. Симеонъ Столпникъ-Младшій въ

посланіи къ императору Юстину II жалуется на святотатственные поступки такихъ-то Самарянъ, которыхъ онъ называетъ „нечистыми и мерзкими“, и которые позволяли себѣ безчиніе надъ образами въ одномъ храмѣ. Симеонъ писалъ: „не могу сказать, съ какою силою зла дерзали они дѣлать оскорбленія иконамъ Сына Божія и всесвятой преславной Богородицы, неоказывая имъ никакого состраданія“ (Д. VII, 383). Переходимъ къ седьмому вѣку. Изъ сочиненій Леонтія епископа Никопольскаго на о. Критѣ видно, что въ его время были люди, которые дѣлали многія и повидимому важныя возраженія противъ иконопочитанія, такъ что Леонтій пишетъ противъ подобныхъ лицъ отдѣльное сочиненіе. Люди эти, по словамъ Леонтія, возводили „неправду“ на христіанъ, „осуждали ихъ за иконы“. Возраженія этихъ иконоборцевъ противъ христіанскаго иконопочитанія состояли въ слѣдующемъ: не слѣдуетъ дѣлать и почитать иконы, ибо въ ветхомъ завѣтѣ Израилю заповѣдано было не дѣлать никакого изваянія, ни образа и подобія того, что на небѣ и что на землѣ; если же Богъ и приказалъ сдѣлать херувимовъ и изваянныхъ животныхъ, то этимъ подобіямъ Іудеи не покланялись какъ богамъ, какъ покланяются христіане иконамъ. Христіане поклоняются самому дереву иконы, какъ Богу. Христіане почитаютъ съ восторгомъ тѣ мѣста, по которымъ Христосъ ходилъ, на которыхъ садился или являлся, или къ которымъ прикоснулся; и значитъ почитаютъ простое мѣсто, домъ, страну, городъ, камни. Христіане въ этомъ случаѣ забываютъ, что не слѣдуетъ оказывать почтенія ничему рукотворному и созданному. Эти люди смѣялись и глумились надъ христіанами за то, что они почитали мощи св. угодниковъ, находя, что они почитаютъ простыя кости. Подобные иконоборцы, если видѣли, что христіане цѣлуютъ икону Христа и пресвятой Его Матери или какого-либо праведника, негодовали, и тотчасъ съ ругательствами отворачивались отъ иконопочитателей, называя ихъ идолопоклонниками (Д. VII, 268—

273; 277)*). Въ томъ же VII вѣкѣ о людяхъ иконоборческихъ стремленій даетъ свидѣтельство и еще писатель церковный Іоаннъ епископъ Ѳессалоникійскій. Изъ одного его „слова" видно, что нѣкоторыя лица называли христіанъ за иконопочитаніе язычниками и замѣчали: какимъ образомъ позволительно изображать въ чувственномъ видѣ Бога невидимаго, Бога Духа? Если же христіане въ свое оправданіе скажутъ, что Богъ явился во плоти, то на какомъ основаніи они изображаютъ ангеловъ, духовъ безплотныхъ, существъ разумныхъ? (Д. VII, 387—388)? **).

Наконецъ мусульманское владычество, начавшее распространяться въ VII вѣкѣ надъ христіанскимъ востокомъ, съ своей стороны, заявляло себя рѣшительнымъ иконоборчествомъ, къ соблазну для истинныхъ почитателей иконъ и къ удовольствію иконоборческихъ христіанъ. Случаи, подобные нижеслѣдующему, теперь начали встрѣчаться часто. Одинъ агарянинъ (мусульманинъ) входитъ въ христіанскій храмъ въ Сиріи, видитъ на стѣнѣ мозаическую икону, и съ замѣчаніемъ: къ чему эта икона? варварски выкалываетъ глаза изображенному на иконѣ лицу (Д. VII, 304—5).

Изъ этихъ указанныхъ нами фактовъ, свидѣтельствующихъ о существованіи противодѣйствія иконопочитанію во все время отъ эпохи утвержденія иконопочитанія до самаго

*) Сочиненіе Леонтія, изъ котораго заимствуются эти свѣдѣнія, написано въ діалогической формѣ; въ немъ ведется разговоръ между Іудеемъ-полемистомъ противъ иконъ—и христіаниномъ-апологетомъ иконопочитанія. Іудей обозначаетъ здѣсь христіанина, стоящаго на точкѣ зрѣнія іудейской. Иначе, какимъ образомъ къ дѣйствительному Іудею авторъ могъ бы обратиться съ вопросомъ: „скажи мнѣ, сколько происходило чудесныхъ истеченій крови отъ иконъ и мощей" (стр. 273)? Отсюда слѣдуетъ, что подъ образомъ Іудея авторъ изобличалъ иконоборствующихъ христіанъ своего времени.

**) Возраженія противъ иконопочитанія влагаются въ настоящемъ случаѣ въ уста язычника, подъ какимъ разумѣетъ писатель очевидно христіанъ, позволяющихъ себѣ иконопочитаніе считать за языческое идолопоклоненіе.

VIII вѣка, когда появилось иконоборчество въ обширнѣйшихъ размѣрахъ, видно, что неблагопріятныхъ отношеній къ иконопочитанію было не мало въ восточной имперіи. Можно положительно утверждать, что иконоборцевъ до времени иконоборчества (въ VIII в.) было много, и что они представляли собою силу, которой считала себя вправѣ опасаться сама церковь. Въ церкви даже ходили чьи-то предвѣщанія, что рано ли поздно ли иконоборцы должны пріобрѣсть могущество и сдѣлать много вреда церкви. Одинъ византійскій лѣтописецъ передаетъ разсказъ о бесѣдѣ патріарха Константинопольскаго Германа съ первымъ открытымъ иконоборцемъ—императоромъ Львомъ Исавряниномъ (въ VIII в.). Лѣтописецъ разсказываетъ: императоръ Левъ призвалъ къ себѣ патріарха Германа, вступилъ съ нимъ въ разговоръ объ иконахъ и давалъ ему понять, что хорошо бы уничтожить иконопочитаніе. Германъ на это отвѣчаетъ: „государь, мы слыхали, что истребленіе иконъ должно послѣдовать, но не въ твое царствованіе". Въ какое же, спросилъ Левъ? „Въ царствованіе Конона", объявилъ Германъ. Левъ на это сказалъ: „Кононъ—мое имя, его я получилъ при крещеніи". Тогда патріархъ воскликнулъ: „государь, удержись отъ такого зла, ибо исполнитель этого дѣла есть предтеча антихриста" *). Для насъ не особенно важенъ вопросъ, достовѣренъ ли фактъ, передаваемый лѣтописцемъ; важно то, что на основаніи этого разсказа можно заключать, что въ церкви еще ранѣе развитія иконоборчества было предчувствіе о возможности иконоборческаго погрома, и такое предчувствіе конечно основывалось на наблюденіи дѣйствительнаго состоянія умовъ въ христіанствѣ, на болѣе или менѣе широкомъ распространеніи иконоборческихъ мнѣній въ обществѣ христіанъ.

Слѣдовательно нужны были только благопріятныя усло-

*) Theophanes, Chronographia, p. 821 (Migne. Curs. patr. Graeca ser. t. 108).

вія, чтобы разрозненныя силы иконоборческія слились въ одно теченіе, нашли себѣ поддержку въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, и иконоборчество должно было открыться въ грозномъ видѣ. Подобныя благопріятныя условія для развитія иконоборчества въ самомъ дѣлѣ и встрѣчаются въ лицѣ императора Льва Исаврянина (717—741 г.). Левъ Исаврянинъ происходилъ изъ низшаго сословія, лишенъ былъ образованія, отличался грубостію въ нравахъ; воины составляли его общество, война была любимымъ его занятіемъ. Одинъ современникъ (папа Григорій II) называетъ его умъ „умомъ воинственнымъ, грубымъ и жестокимъ", называетъ его „человѣкомъ неученымъ, не знающимъ пріемовъ научныхъ" (Дѣян. VII, 42. 26). Этотъ человѣкъ какъбы въ самой своей природѣ носилъ задатки того вандализма, какимъ заявилъ себя въ иконоборчествѣ. Иконоборчество VIII вѣка было деспотическимъ вторженіемъ власти гражданской въ дѣла церкви. Насильственное приведеніе въ исполненіе своихъ плановъ въ дѣлахъ религіозныхъ, безъ всякаго уваженія къ правамъ совѣсти, было чертой характера Льва, какъ это показываетъ слѣдующій примѣчательный фактъ. На шестомъ году своего царствованія онъ приходилъ къ мысли привлечь къ крещенію Іудеевъ и монтанистовъ своего царства и для этого не находилъ другихъ мѣръ кромѣ мѣръ насилія. Слѣдствіемъ такого насилія было то, что Іудеи обратились къ христіанству лишь только по внѣшности, такъ что даже позволяли себѣ причащаться поѣвши; что же касается монтанистовъ, то они, не желая исполнить воли Льва, собравшись въ одно мѣсто, сожгли себя заживо *). Итакъ Левъ Исаврянинъ по своему характеру былъ личностію способною стать орудіемъ иконоборчества.

Оставалось только сдѣлать давленіе на волю императора, чтобы расположить его къ иконоборчеству и это дѣйствительно было сдѣлано. Въ это время въ Византій-

*) Cedrenus. Historiarum compendium p. 793 (Edit. Bonn).

скомъ царствѣ образуется вліятельный и не малочисленный кружокъ лицъ, которыя были глубоко проникнуты иконоборческими стремленіями. Этотъ кружокъ состоялъ изъ нѣсколькихъ высшихъ представителей духовенства съ присоединеніемъ многихъ лицъ изъ высшихъ, привиллегированныхъ сословій. Во главѣ иконоборцевъ изъ іерарховъ встрѣчаемъ епископа наколійскаго Константина изъ Фригіи. Константинъ представлялъ собою образъ человѣка, который наиболѣе могъ быть годенъ для всякой дѣятельности разрушительнаго характера, каково именно было иконоборчество въ отношеніи къ установившемуся положенію церкви. Онъ умѣлъ съ замѣчательнымъ искусствомъ, проводя свои еретическія идеи, въ тоже время до поры до времени оставаться въ возможно лучшихъ отношеніяхъ съ лицами, чьи интересы ближе всего затрогивались его differentiating кознями. Будучи въ душѣ и на дѣлѣ ревностнымъ иконоборцемъ, онъ умѣетъ однакожъ скрыть свои затѣи, отвратить отъ себя подозрѣніе, смягчить однихъ изъ своихъ противниковъ, обмануть другихъ. Такъ онъ иконоборецъ съ искусствомъ поддерживаетъ связи съ патріархомъ константинопольскимъ, человѣкомъ чистаго православія, и проводитъ мѣстнаго митрополита, человѣка такихъ же стремленій, какъ и патріархъ (Дѣян. VII, 325. 330—332). Благодаря такому своему характеру Константинъ легко сдѣлался главою иконоборческой партіи, главнымъ вожакомъ ея. Современная церковь прямо объявила, что „ересь (иконоборческая) получила отъ него свое начало“ (Дѣян. VII, 330). Другимъ лицомъ, изъ числа высшихъ представителей духовенства, ставшимъ во главѣ иконоборческаго движенія, былъ Ѳома епископъ клавдіопольскій *). Но это былъ человѣкъ иного характера,— человѣкъ рѣшительный и прямо идущій къ цѣли. Такой человѣкъ могъ быть полезенъ для иконоборцевъ, но не тогда, когда дѣло ихъ только начиналось, но тогда, когда

*) Или въ Исавріи, или въ Пафлагоніи, въ Малой Азіи.

оно достигло уже извѣстной зрѣлости, когда нуженъ былъ человѣкъ, который бы подалъ первый примѣръ энергической дѣятельности въ данномъ отношеніи. Такимъ именно и выступаетъ онъ предъ нами въ исторіи. Онъ первый рѣшается уничтожить иконы въ своей епархіи, какъ будто бы вопросъ объ иконахъ недопускалъ никакого другаго рѣшенія, кромѣ того, какое даетъ оному самъ Ѳома; онъ уничтожаетъ иконы, „какъ будто бы это было общимъ желаніемъ, какъ будтобы это не подлежало никакому сомнѣнію" (Дѣян. VII, 334). Въ числѣ первыхъ зачинщиковъ иконоборчества въ составѣ духовенства нужно назвать ефесскаго архіепископа Ѳеодосія и синкелла патріаршаго Анастасія, впослѣдствіи патріарха константинопольскаго. Въ какой мѣрѣ въ первоначальный кружокъ иконоборческій входили свѣтскія лица высшихъ сословій это можно видѣть изъ того, что сенатъ, созванный Львомъ для рѣшенія вопроса объ иконахъ, принялъ его предложеніе объ истребленіи иконъ съ живѣйшимъ единодушіемъ *). Какими цѣлями руководился подобный кружокъ, когда затѣвалъ иконоборчество, и почему императоръ былъ послушенъ внушеніямъ лицъ иконоборческаго характера? Иконоборцамъ представлялось, что истребленіе иконъ полезно и для церкви и для государства. Они полагали, что съ уничтоженіемъ иконъ христіанской церкви будетъ возвращенъ характеръ чистой духовности, который по ихъ понятію церковь теряла при существованіи иконопочитанія (Дѣян. VII, 325). Они находили, что съ уничтоженіемъ иконъ уничтожатся тѣ многочисленныя суевѣрія, какія развились въ обществѣ христіанскомъ и какія выражались въ поклоненіи иконамъ, именно какъ иконамъ, т.-е. какъ простымъ внѣшнимъ вещамъ **) (Дѣян. VII, 328—9). Они

*) Theophanes. Chronographia. p. 825.

**) Иконоборцы безъ сомнѣнія могли подыскать въ жизни общества много фактовъ свидѣтельствующихъ, что иконопочитаніе не свободно было отъ примѣси суевѣрія. Такъ извѣстно, что при самомъ началѣ распространенія и утвержденія иконопочитанія уже

могли полагать, что съ уничтоженіемъ иконопочитанія устранится опасность распространенія магометанства между христіанами, ибо со времени нашествія магометанъ на восточныя христіанскія провинціи не мечь только, но и коранъ началъ пріобрѣтать себѣ подчиненныхъ между христіанами. Коранъ, вооружаясь противъ идолопоклонства, вооружался и противъ христіанскаго иконопочитанія, какъ несоотвѣтствующаго духу религіи монотеистической (единобожія). Надѣялись, что уничтоженіе иконъ не только сохранитъ христіанъ вѣрными своей религіи, но и проложитъ путь къ обращенію самихъ магометанъ въ христіанство *). Такой-то пользы ждали иконоборцы отъ уничтоженія иконъ для церкви. Для цѣлей государственныхъ тоже дѣло представлялось на взглядъ тогдашнихъ иконоборцевъ весьма небезполезнымъ. Положеніе государства было очень плачевнымъ въ то время. Внѣшніе враги одолѣвали имперію, а въ гражданахъ между тѣмъ недоставало гражданскихъ доблестей и истиннаго мужества. Являлось желаніе искоренить все то, что могло отвлекать подданныхъ отъ исполненія ихъ гражданскихъ обязанно-

встрѣчались неправильныя представленія объ иконахъ. Писатель 4-го вѣка Амфилохій Иконійскій свидѣтельствуетъ, что въ его время нѣкоторые, ревностно украшая храмы иконами, считали это достаточнымъ для спасенія и не заботились объ украшеніи собственной души добродѣтелями (Дѣян. VII. 519—520). Другой пастырь тогоже вѣка Астерій Амасійскій свидѣтельствовалъ, что нѣкоторые иконописными изображеніями испещряли свои платья (Дѣян. VII, 522), вѣроятно считая это за выраженіе благочестія. Позднѣе суевѣрія возросли. Одинъ изъ иконоборческихъ императоровъ жаловался, что нѣкоторые христіане назначали иконы быть воспріемниками при крещеніи ихъ дѣтей, что тоже дѣлали и монахи при своемъ постриженіи, что нѣкоторые священники соскабливали краски съ образовъ, смѣшивали ихъ съ тѣломъ и кровію Христовою въ евхаристіи и раздавали народу, что нѣкоторые евхаристію начала клали на образа, а потомъ пріобщались ея, что священники служили на образахъ вмѣсто престоловъ (Гефеле въ „Исторіи соборовъ“ т. 4 стр. 387).

*) Гефеле „въ Исторіи соборовъ“ Band. 3. S. 344.

стей; „а такъ какъ суевѣріе распространено было въ народѣ въ такой степени, что иные обоготворяли св. иконы и ожидая отъ нихъ вѣрнаго спасенія отъ враговъ, нисколько не думали о необходимости внѣшней защиты, то иконоборцы и вооружились противъ иконъ, воображая, что онѣ-то и составляютъ причину такого настроенія народа“, невыгоднаго для интересовъ политическихъ *). Подобнымъ внушеніямъ и доказательствамъ не могъ не внимать императоръ Левъ. Онъ конечно хорошо зналъ, что внутреннее состояніе государства и общества византійскаго было далеко не блестяще. Притомъ Левъ началъ собою новую династію въ Византіи; нужно было поддержать и упрочить свой авторитетъ въ имперіи, а чѣмъ лучше было достигнуть этого, какъ не преобразованіями въ какомъ бы то ни было родѣ? Въ Византіи каждая новая династія на престолѣ спѣшила для пріобрѣтенія популярности въ народѣ заявить себя реформами; такъ долженъ былъ поступить и Левъ Исаврянинъ **). Можно было императору опасаться, что его иконоборческое дѣло потерпитъ неудачу, найдетъ себѣ слишкомъ сильное сопротивленіе въ обществѣ, сдѣлается источникомъ большихъ смятеній въ государствѣ; но иконоборческая партія въ успокоеніе императора могла указать на недавно совершенный опытъ иконоборчества въ Палестинѣ тамошнимъ емиромъ, на опытъ, который кончился удачно. Года за три до начала иконоборчества въ Константинополѣ, емиръ по имени Езидъ распорядился, чтобы истреблены были всѣ иконы въ подвластныхъ ему странахъ. И вотъ, „честныя

*) О. Герасима. Въ сочиненіи „Отзывы о Фотіѣ патріархѣ“, въ главѣ: „иконопочитатели и иконоборцы“. (Хр. Чтеніе 1872 года, часть I, стр. 714).

**) Византійскіе писатели: Левъ грамматикъ, Кедринъ и другіе разсказываютъ, что какіе-то іудеи, предсказавшіе Льву царствованіе, взяли съ него обѣщаніе уничтожить иконы, что онъ и счелъ долгомъ исполнить; но современная наука на достаточныхъ основаніяхъ отвергаетъ правдивость этихъ извѣстій. Гефеле. Ibidem. стр. 344.

иконы были сожжены, зданія же церковныя (украшенныя живописью) частію перекрасили, частію соскоблили въ нихъ живопись". Кромѣ того, онъ приказалъ „уничтожить и всѣ другія изображенія, какія существуютъ гдѣ-либо на городскихъ площадяхъ для красоты и благолѣпія" (Дѣян. VII, 421—2). Этотъ примѣръ для Льва былъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

Обращаемся къ краткому обозрѣнію дѣятельности иконоборцевъ въ царствованіе Льва съ одной стороны и дѣятельности православныхъ въ защиту иконъ съ другой.

Левъ издалъ два указа въ пользу иконоборчества одинъ въ 726 году, другой въ 730. Оба указа до насъ не дошли. Нѣтъ сомнѣнія, что содержаніе ихъ было одинаково: тотъ и другой равно провозгласили полное истребленіе иконъ. Касательно ихъ можно находить ту только разницу, что послѣ перваго указа иконоборцы не осмѣливались еще броситься на истребленіе всѣхъ иконъ вообще, а ограничились тѣми иконами, которыя воздвигнуты были на мѣстахъ публичныхъ; послѣ же втораго истребленіе иконъ сдѣлалось безусловнымъ; далѣе: первый указъ не былъ подкрѣпленъ подписью патріарха константинопольскаго (Германа), второй же имѣлъ подобное подкрѣпленіе со стороны патріарха (Анастасія) *). Во время и послѣ изданія этихъ указовъ Левъ ознаменовываетъ свое царствованіе гоненіями на православныхъ. Первой жертвой иконоборческаго нечестія былъ патріархъ константинопольскій Германъ, человѣкъ достойный во всѣхъ отношеніяхъ. Левъ хотѣлъ склонить его на свою сторону, но потерпѣлъ неудачу: сначала императоръ хотѣлъ усмирить его оскорбительными насмѣшками и бранью, называя и его самого и его предшественниковъ идолопоклонниками; потомъ хотѣлъ подѣйствовать на него временнымъ лишеніемъ каѳедры и патріархіи; наконецъ, видя его непреклоннымъ, Левъ низ-

*) Гефеле въ „исторіи соборовъ" (тамъ же), стр. 345. 347—8; 350—351.

вергъ его съ патріаршества, назначивъ преемникомъ ему Анастасія, синкелла патріаршаго, человѣка угоднаго императору и готоваго исполнять его волю *). Ссылкою поплатились за твердость въ вѣрѣ и многіе другіе епископы, не хотѣвшіе раздѣлять иконоборческихъ идей Льва **). Съ другими почитателями иконъ было поступлено также точно или еще хуже. Иконопочитателей, отличавшихся высокимъ происхожденіемъ или богатствомъ знанія, Левъ приказалъ мучить, наказывать бичами, изгонять; многіе получили мученическіе вѣнцы ***). Замѣчательнѣйшею мѣрою Льва въ борьбѣ съ иконопочитателями было закрытіе богословскихъ школъ въ Константинополѣ. Левъ очевидно понималъ, что нужно было лишить православныхъ того оружія въ борьбѣ съ иконоборцами, какимъ было для первыхъ основательное богословское образованіе. И вотъ теперь закрыты тѣ самыя школы, которыя имѣли за собою блестящую исторію. Эти школы были открыты еще Константиномъ Великимъ ****). Истребленіе иконъ производилось при Львѣ съ чрезвычайно-оскорбительною для христіанскаго чувства жестокостію. Вотъ какъ напримѣръ

*) Theophanes Chronographia p. 820—1. 823. 825.

**) Ioannes Damascenus. Oratio (11) de imaginibus p. 1297. Migne patr. cursus, Graeca ser. t. 94).

***) Theophanes. Chronographia p. 817. 825.

****) Theophanes, ibidem. p. 817. Такъ повѣствуетъ болѣе достовѣрный сказатель Θеофанъ. Что же касается разсказа о томъ, что Левъ сжегъ цѣлую библіотеку съ директоромъ ея и 12 профессорами, то онъ не заслуживаетъ вѣры. Ученый и серьезный Гефеле говоритъ: „Кедринъ, Зонара, Манассія и Глика разсказываютъ, что императоръ хотѣлъ перетянуть на свою сторону 12 профессоровъ съ ихъ директоромъ, которые жили вблизи Софійскаго храма въ великой библіотекѣ (состоящей изъ 36,000 томовъ); когда же императору неудалось это, онъ сжегъ и библіотеку и ученыхъ, при ней состоявшихъ. Такъ какъ объ этомъ событіи не упоминаютъ ни папа Григорій II (современникъ), ни Θеофанъ (IX в.), ни патр. Никифоръ (IX в.), вообще никто изъ древнихъ, описывающихъ жестокости Льва, то и самое извѣстіе нужно относить къ области вымысловъ“. Гефеле въ „исторіи соборовъ“ стр. 346.

происходило разрушеніе изваянія Спасителя, которое находилось надъ такъ называемыми мѣдными вратами въ Константинополѣ. Это изваяніе считалось чудотворнымъ, и однакожъ императоръ приказалъ своему чиновнику не снять только его, но разрушить. Исполнитель воли императора беретъ лѣстницу, всенародно поднимается къ изваянію, взмахиваетъ топоромъ на него и трижды ударяетъ въ лице изображеніе Спасителя. Такое оскорбленіе святыни произвело бунтъ въ народѣ и исполнитель нечестивой воли императора поплатился жизнію за иконоборческую ревность (Дѣян. VII, 36). Или вотъ какой случай иконоборчества былъ въ Никеѣ. Арабы напали на этотъ городъ; устрашенные жители прибѣгли за помощью къ иконѣ Богоматери: совершаемо было всенародное молебствіе. Въ это время одинъ изъ воиновъ, по имени Константинъ, взялъ камень, разбилъ икону и топталъ ее ногами *). Кромѣ этого, по сказанію историковъ, Левъ Исаврянинъ отвергалъ поклоненіе Божіей Матери и святымъ; вслѣдствіе чего мощи святыхъ предавалъ поруганію **).

Въ виду такой дѣятельности иконоборцевъ, часто переходившей всѣ предѣлы умѣренности и благоразумія, иконопочитатели съ своей стороны противодѣйствуютъ иконоборцамъ и выступаютъ на защиту своего дѣла. Замѣчательнѣйшимъ защитникомъ иконопочитанія, выступившимъ съ живымъ словомъ обличенія противъ иконоборцевъ, былъ Германъ патріархъ константинопольскій. Онъ съ достохвальною предусмотрительностію хочетъ подавить развитіе иконоборчества, когда оно только что начиналось (Дѣян. VII, 331—2), но тщетно: онъ вступаетъ въ неоднократныя бесѣды съ императоромъ Львомъ, и мужественно отклоняетъ его отъ его иконоборческихъ затѣй; императоръ не внималъ голосу благоразумія и благочестія. Примѣчательны слова, съ которыми патріархъ покидаетъ свою

*) Theophanes. Chronographia p. 820.

**) Ibidem.

каѳедру патріаршую: „если я Іона, бросьте меня въ море; но государь, безъ вселенскаго собора я не соглашусь ни на какія измѣненія въ вѣрѣ“ *). Этими словами Германъ выразилъ съ одной стороны готовность къ самопожертвованію для блага церковнаго, съ другой рѣшительный укоръ императору за вмѣшательство въ дѣла вѣры. Въ ревности къ вѣрѣ патріарху послѣдовали многіе клирики, монахи и благочестивые міряне въ Константинополѣ **). Въ цѣляхъ сопротивленія злу, православные собираютъ соборы, покрайней мѣрѣ такъ было на западѣ; на востокѣ на глазахъ у самаго императора такіе соборы конечно были невозможны. Папа Григорій II въ 727 г. собираетъ соборъ въ Римѣ, на которомъ позволеніемъ въ ветхозавѣтной скиніи имѣть херувимовъ доказывалась позволительность имѣть иконы въ храмахъ христіанскихъ. Преемникъ папы Григорія, Григорій III снова собираетъ соборъ (въ 731 г.) противъ иконоборцевъ; на немъ между прочимъ было опредѣлено: „кто будетъ отвергать, уничтожать, безчестить и презирать иконы Господа Христа, Его Матери или апостоловъ и проч.; тотъ лишается пріобщенія тѣла и крови Христовой и будетъ находиться внѣ церковнаго общенія“ ***).

Иконоборческое заблужденіе служитъ поводомъ къ развитію довольно широкой богословской литературы, которая съ своей стороны является провозвѣстницей истины. Папа Григорій II обращается съ нѣсколькими богословскими посланіями къ императору и патріарху Герману (Дѣян. VII); съ такими же посланіями Германъ обращается къ двумъ епископамъ восточнымъ защитникамъ иконоборчества. Еще превосходнѣе были сочиненія св. Іоанна Дамаскина. Это былъ сначала высокій государственный мужъ при калифѣ въ Дамаскѣ въ Сиріи, а потомъ монахъ и

*) Theophanes Chronographia p. 820. 825.

**) Ibidem p. 825.

***) Гефеле въ „исторіи соборовъ“ (тамъ же) S. 373—5.

пресвитеръ въ лаврѣ св. Саввы въ Палестинѣ. Онъ написалъ въ формѣ посланій три обширныхъ защитительныхъ по вопросу объ иконахъ рѣчи и отослалъ ихъ въ Константинополь *). Сочиненія Григорія отличаются смѣлостію и неустрашимостію въ обличеніи императора Льва. Сочиненія Германа дышатъ искреннимъ желаніемъ мира и духомъ кротости къ заблуждающимся. Сочиненія Іоанна Дамаскина носятъ на себѣ печать глубочайшей учености. Противодѣйствіе иконоборчеству со стороны православныхъ во многихъ мѣстахъ обнаруживается въ сильныхъ возстаніяхъ. Папа Григорій II, предвидя, какія сильныя движенія вызоветъ иконоборчество, писалъ императору: „заверни въ начальныя училища и скажи: я истребитель иконъ и тотчасъ ученики забросаютъ тебя своими дощечками" (письменными) (Дѣян. VII, 32). И дѣйствительно возстанія вспыхиваютъ во многихъ мѣстахъ, какъ скоро объявлено было иконоборчество. Такъ вспыхнуло сильнѣйшее возстаніе въ собственной Греціи и на Цикладскихъ островахъ,—здѣсь явился даже претендентъ на престолъ византійскій **). Въ Италіи при первыхъ же извѣстіяхъ объ иконоборчествѣ императора начали бросать портреты его на землю и попирать ногами (Дѣян. VII, 37); наконецъ и самъ папа Григорій съ Римлянами и со всею Италіей отложился отъ подданства Льву ***).

Изложимъ возрѣнія, въ кругу которыхъ вращались иконоборцы и иконопочитатели по вопросу объ иконахъ. Эти воззрѣнія высказаны были тѣми и другими при самомъ началѣ иконоборческихъ споровъ въ царствованіе Льва. 1) Иконоборцы находили, что иконопочитатели суть идолопоклонники и что иконы замѣняютъ мѣсто идоловъ (Дѣян. VII, 25). Иконопочитатели замѣчали на это: „Церковь

*) Одна изъ этихъ рѣчей (III) переведена на русскій языкъ. „Хр. Чтен." за 1823 годъ.

**) Theophanes. Chronograph. p. 817.

***) Theophanes. Chronogr. p. 816.

Христова не имѣетъ никакого общенія съ идолами; да не будетъ. Мы не покланяемся ни тельцамъ, ни тельцу, вылитому въ Хоривѣ, и тварь для насъ не Богъ" (Папа Григорій: Дѣян. VII, 322). 2) Иконоборцы говорили, что христіане поклоняются камнямъ, стѣнамъ и доскамъ. Въ опроверженіе этой мысли иконопочитатели разсуждали: „мы почитаемъ иконы не какъ боговъ; мы не на нихъ возлагаемъ надежды. Если предъ нами находится икона Господа, мы говоримъ: Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помоги намъ и спаси насъ! А если предъ нами икона святой Его Матери, то мы говоримъ: Святая Богородица, мати Господа, будь заступницею предъ Сыномъ Твоимъ. Если же икона мученика, напримѣръ Стефана, то говоримъ: Св. Стефане, изліявшій кровь твою за Христа и имѣющій предъ Богомъ дерзновеніе, будь нашимъ заступникомъ. Вотъ куда мы возсылаемъ молитвы при посредствѣ иконъ" (Григорій Дѣян. VII, 31). 3) Иконоборцы возражали: не должно покланяться творенію рукъ и *всякому подобію, елика на небеси горѣ и елика на земли низу*, какъ сказалъ Господь (Исх. 20, 4); притомъ: нельзя указать, кто повелѣлъ намъ почитать творенія рукъ и поклоняться имъ (Дѣян. VII, 26). Иконопочитатели, устраняя это возраженіе, говорили: въ Ветхомъ Завѣтѣ Богъ запретилъ „покланяться рукотвореннымъ дьявольскимъ образамъ, приносящимъ вредъ и достойнымъ проклятія", но не запрещалъ употреблять „рукотворенные образы, которые назначаются на служеніе Богу и во славу Его". Такъ Богъ приказалъ сдѣлать скрижали, кивотъ завѣта, херувимовъ, серафимовъ, стамну (Григорій: Дѣян. VII, 27). Другіе объясняли, почему запрещенное въ Ветхомъ Завѣтѣ позволительно въ Новомъ Завѣтѣ. Они разсуждали: „какъ искусный врачъ не всѣмъ и не всегда даетъ одно лекарство, но каждому приличное и полезное, смотря по свойству страны, болѣзни и времени, иное младенцу, иное возрастному: такъ и совершеннѣйшій Врачъ душъ тѣмъ, которые еще суть младенцы и страждутъ болѣзнію идоло-

служенія, которые идоловъ почитаютъ богами и поклоненіе Богу отвергаютъ и приличную Ему славу воздаютъ твари, воспретилъ дѣлать изображенія: такой законъ данъ былъ іудеямъ. Но мы, которые по удаленіи отъ суетнаго заблужденія, по принятіи истины, удостоились быть въ соединеніи съ Богомъ и по прошествіи младенчества достигнуть въ мужа совершенна, мы получили отъ Бога способность разсужденія, по которой знаемъ, что̀ можетъ быть изображаемо и что̀ не подлежитъ изображенію". Бога невидимаго конечно изобразить мы не можемъ, но когда увидѣли, что Безтѣлесный сдѣлался для насъ человѣкомъ, то уже можемъ изображать Его въ человѣческомъ видѣ. Богъ по неизреченной благости своей пріялъ плоть, явился въ оной на землѣ, жилъ между людьми, имѣя естество, твердость, видъ и цвѣтъ плоти человѣческій; посему мы, изображая Его, не погрѣшаемъ. Апостолы видѣли тѣлесно Христа, видѣли Его страданія и чудеса, также и мы желаемъ видѣть, и слышать и быть блаженными. Этому стремленію удовлетворяютъ книги евангельскія и иконы Христа" (Дамаскинъ) *). 4) Иконоборцы возражали: въ св. Писаніи нѣтъ предписанія, нѣтъ указанія на необходимость иконъ. На это возраженіе иконопочитатели отвѣчали слѣдующимъ многознаменательнымъ вопросомъ: но скажите сами: „гдѣ можно найдти въ Ветхомъ Завѣтѣ или въ Евангеліи, ясныя слова: Троица или: единосущный, или: одно естество Божества, или слово въ слово: три лица, или: одно лице Христа, или: два естества" **) (Дамаскинъ)? 5) Иконоборцы далѣе возражали: и на шести вселенскихъ соборахъ ничего неопредѣлено объ иконахъ,—почему это? Въ устраненіе этого возраженія иконопочитатели отвѣчали такимъ сравненіемъ: „на соборахъ ничего не сказано и о хлѣбѣ и водѣ; не сказано вѣдь, слѣдуетъ или не слѣдуетъ

*) Іоанна Дамаскина. „Слово (III) объ иконахъ". Стр. 117. 124. 125. 114. 132 (Хр. Чтеніе, 1823 г.).

**) Ibidem. стр. 131.

ѣсть, слѣдуетъ или нѣтъ пить. Но кто же не знаетъ, что это необходимо для поддержанія жизни? Притомъ, сами архіереи приносили иконы на соборы. И ни одинъ благочестивый человѣкъ, отправляясь въ путь, не совершалъ своего путешествія безъ иконъ“ (Григорій: Дѣян. VII, 44). 6) Уничтожая иконопочитаніе, иконоборцы въ замѣнъ того, кажется, съ особенною ревностію поощряли усиленіе проповѣдничества, религіозную поэзію и даже ввели при богослуженіи разнообразную музыку. Такъ покрайней мѣрѣ понимаютъ не совсѣмъ опредѣленное обвиненіе папы Григорія, съ которымъ онъ обращается къ иконоборцу Льву: „Ты приказалъ народу оставить все это (иконы и иконопочитаніе), сталъ занимать его пустяками, вздоромъ, свирѣлями, погромушками, гитарами и лирами, и вмѣсто благословеній и славословій, сталъ занимать его баснями“ (Дѣян. VII, 41). Въ виду этого иконопочитатели старались раскрывать высокое и глубокое значеніе иконопочитанія для развитія и воспитанія религіознаго чувства. Иконопочитаніе возбуждаетъ въ человѣкѣ чувство религіознаго благоговѣнія и умиленія, исторгаетъ слезы сокрушенія. „Когда мы сами, говоритъ о себѣ папа Григорій, входимъ въ церковь и разсматриваемъ изображенія чудесъ Господа Іисуса Христа, а также изображенія святой Его Матери, имѣющей на рукахъ питающагося млекомъ Господа, а равно и ангеловъ, то выходимъ изъ храма не безъ сердечнаго сокрушенія. Да и кто не будетъ подобно намъ сокрушаться и не прольетъ слезъ умиленія, взирая на таинственную вечерю, на исцѣленіе слѣпаго, на воскрешеніе Лазаря? Кто не будетъ сокрушаться и не прольетъ слезъ, взирая на изображеніе Авраама съ мечемъ грозно поднятымъ надъ шеей сына? Кто не будетъ сокрушаться и не прольетъ слезъ, взирая вообще на всѣ страданія Господа“? (Дѣян. VII, 33). Далѣе иконопочитатели раскрывали мысль, что въ особенности для людей необразованыхъ и малолѣтковъ иконы въ религіозно-практическомъ отношеніи ничѣмъ незамѣнимы. „Чѣмъ служитъ

книга для тѣхъ, кто научены, говорили иконопочитатели, тѣмъже служитъ икона для необразованныхъ; что слово для слуха, тоже икона для глаза" (Дамаскинъ) *). Другой писатель говорилъ въ защиту иконъ: „держа на своихъ рукахъ недавно крещеныхъ дѣтей, мущины и женщины пальцемъ указываютъ имъ, а также юношамъ и новобращеннымъ язычникамъ, на эти наглядныя изображенія и такимъ образомъ назидаютъ ихъ и возносятъ умы и сердца въ горняя, къ Богу" (Григорій: Дѣян. VII, 41). Или иконопочитатели говорили: „Іисусъ Навинъ повелѣлъ іудеямъ, чтобы они взяли изъ Іордана 12 камней, и объявилъ имъ при этомъ: когда ваши дѣти нѣкогда спросятъ отцевъ: что значатъ эти камни, то вы тогда имъ скажите, какъ вода по Божественному велѣнію разступилась, какъ прошелъ Кивотъ Завѣта и народъ Израильскій. Какимъ же образомъ мы не должны также начертывать изображеній страданій, чрезъ которыя совершено наше спасеніе, и чудесъ Христа, дабы, если спроситъ меня сынъ мой: что это такое, я могъ бы отвѣчать ему: Богъ содѣлался человѣкомъ" и проч. (Дамаскинъ) **). Другіе раскрываютъ мысль, что иконы въ церкви могутъ служить прекраснымъ подспорьемъ при усвоеніи слова Божія и проповѣди: „кто чрезъ слухъ узналъ дѣла, совершенныя святыми, того это созерцаніе будетъ побуждать къ припоминанію слышаннаго; кто не знаетъ еще объ нихъ, того оно будетъ приготовлять къ усердному слушанію о нихъ и возбуждать въ немъ сильную любовь къ нимъ и славословіе Богу" (Германъ: Дѣян. VII, 340). 7) Иконоборцы, какъ мы замѣтили выше, кромѣ иконопочитанія ставили въ упрекъ православнымъ и почитаніе святыхъ; они прямо говорили, что православные напримѣръ мучениковъ считаютъ за боговъ (Дѣян. VII, 31). Писатели

*) Ioan. Damascenus, oratio (I) de imaginibus, p. 1248 (Migne, cursus patr. t. 94, Graeca ser.).

**) Ioann. Damascenus. Ibidem. p. 1249.

церковные стараются устранить подобную укоризну, направленную на церковь. Они объясняли, и почему поклоняются святымъ, и какъ. „Какимъ образомъ святые, которые принимаютъ участіе въ страданіяхъ Господа, не должны, будучи друзьями Христа, принимать части въ прославленіи Его здѣсь на землѣ? Христосъ называетъ ихъ не своими слугами, но своими друзьями. Во времена Ветхаго Завѣта ни одинъ храмъ не могъ быть посвященъ имени какого-либо человѣка. Смерть праведнаго оплакивалась, а не торжествовалась; прикосновеніе къ мертвому считалось оскверненіемъ; но иначе теперь, послѣ того какъ человѣческая природа по явленіи въ ней Сына Божія возвысилась до участія въ божественной жизни“ (Дамаскинъ) *). Но при всемъ томъ, „мы не даемъ разумѣть, что они общники божественнаго естества, и не приписываемъ имъ чести поклоненія, приличествующаго божественной славѣ и могуществу, но показываемъ любовь свою къ нимъ“ (Германъ: Дѣян. VII, 328). 8). Наконецъ, какъ на замѣчательную черту въ воззрѣніяхъ иконоборцевъ, нужно указать на ихъ воззрѣніе объ отношеніи государства къ Церкви; по нимъ государство можетъ властно вмѣшиваться въ дѣла Церкви; это хотѣли они возвести въ начало (принципъ). Левъ прямо провозгласилъ правило: я царь и первосвященникъ (Дѣян. VII, 40). Эта мысль встрѣтила рѣшительный отпоръ въ представителяхъ Церкви. Они писали: „знай, императоръ, что догматы св. Церкви дѣло не императоровъ, но архіереевъ, и должны быть точно и вѣрно опредѣляемы. Для этого-то и поставлены въ церквахъ архіереи, мужи свободные отъ дѣлъ общественныхъ. И императоры поэтому должны удерживать себя отъ вмѣшательства въ дѣла церковныя и заниматься тѣмъ, что имъ поручено. Догматы — дѣло не царей, но архіеревъ, такъ какъ мы (епископы) имѣемъ умъ Христовъ (2 Кор. 2, 14, 17). Иное дѣло—пониманіе церковныхъ постановленій

*) Ioann. Damascenus, ibidem, p. 1252. 3.

и иное—разумѣніе въ мірскихъ дѣлахъ" (Григорій: Дѣян. VII, 35. 42). Другой богословъ говорилъ: „недостоитъ царю давать законы церкви. Апостолъ Павелъ между лицами, которымъ поручено отъ Бога водительство Церкви (1 Кор. 12),не поименовываетъ царя. Не цари, но апостолы, пророки, пастыри и учители возвѣщали божественное слово. Цари должны заботиться о процвѣтаніи государства, о благодинствіи же Церкви пастыри и учители" (Дамаскинъ) *).

Споры иконоборцевъ и иконопочитатей показали, что взглядъ первыхъ, кругъ идей, въ какомъ они вращались, былъ уже, замкнутѣе, а взглядъ и кругъ идей, въ какомъ вращались иконопочитатели, шире, многостороннѣе. Первые слишкомъ съуживали представленіе о воздѣйствіи Церкви на жизнь, и потому отрицали необходимость сближенія религіи съ искусствомъ (Дѣян. VII, 496); а вторые представляли идею христіанства настолько всеобъемлющею, что и самое искусство должно было стать въ тѣсныя отношенія къ религіи (Дѣян. VII, 286).

*) Ioann. Damascenus, oratio (II) de imag. Ibidem. p. 1296.

II. *Господство иконоборчества (741—775 г.).*

Взглядъ на состояніе церкви при Копронимѣ.—Церковь въ первые годы царствованія Копронима.—Лжевселенскій соборъ 754 года.— Свѣдѣнія о немъ.—Вѣроопредѣленіе лжевселенскаго собора и его содержаніе: происхожденіе иконопочитанія отъ діавола (!); употребленіе иконъ Христа есть несторіанство, оно также есть монофизитство;—Евхаристія—единственный образъ Христа;—причины почему неслѣдуетъ дѣлать иконъ Богоматери и святыхъ;—доказательства противъ иконопочитанія изъ свящ. писанія и церковнаго преданія.— Прещенія и анаѳематствованія.—Защита иконоборцами почитанія Богоматери и святыхъ.—Уничтоженіе религіозной живописи.—Истребленіе св. мощей.—Дерзновеніе монаховъ.—Гоненіе на монаховъ.— Михаилъ „драконъ".—Иконоборческая присяга.—Православіе въ иныхъ странахъ.

Продолжительное царствованіе императора Константина Копронима (741—775 г.), сына Льва Исаврянина, есть время, когда иконоборчество достигаетъ своего высшаго развитія и силы въ Византійской имперіи и церкви. Лишь немногія ереси прежнихъ временъ могутъ равняться съ иконоборчествомъ по тѣмъ бурнымъ движеніямъ, какія вызвало оно въ церкви, по той силѣ и тиранніи, въ какихъ выражало оно свое господство. Иконоборчество въ этомъ отношеніи подобно аріанству и монофизитству.

Самъ императоръ Константинъ Копронимъ *) былъ рев-

*) Сужденія древнихъ историковъ о названіи Константина копронимомъ не одинаковы. Одни (Кедринъ. Compendium Historiarum t. p. 792, edit. Bonn.) производятъ оное отъ κόπρος —навозъ, расказывая, что Константинъ при крещеніи его осквернилъ купель; другіе (Глика. Annabs p. 528, edit. Bonn.) замѣчаютъ, что есть

ностнѣйшимъ иконоборцемъ. Примѣръ его отца Льва Исаврянина и воспитаніе въ строгихъ иконоборческихъ началахъ сдѣлали его неумолимымъ врагомъ иконопочитанія. Ктому же Константинъ отличался характеромъ деспотическимъ *) и въ тоже время энергическимъ; взявшись за что либо, онъ не любилъ отступаться отъ дѣла, пока успѣхъ неувѣнчаетъ его дѣло. Но тѣмъ хуже было для церкви. Тронъ императора окружали лица, вполнѣ раздѣлявшія мысли новаго императора; управленіе провинцій поручалось лицамъ, извѣстнымъ своимъ иконоборчествомъ. Церковь константинопольская во все время царствованія Константина видѣла патріархами однихъ только иконоборцевъ. Патріархи Анастасій, Константинъ, Никита были людьми послушными волѣ императорской. Цѣлыя сотни другихъ епископовъ Константинопольскаго патріархата примкнули къ сторонѣ императора и враждовали противъ православія. Ревностные иконопочитатели должны были бѣжать за границу, въ особенности въ Римъ, или скрываться въ мѣстахъ уединенныхъ. Казалось, что иконопочитаніе доживало свои послѣдніе дни.

Легче дышалось православнымъ въ первыя десять лѣтъ царствованія Константина. Константинъ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ долженъ былъ дѣйствовать съ крайнею осторожностію. Главнѣйшимъ изъ такихъ обстоятельствъ было то, что на первыхъ порахъ императоръ совсѣмъ было лишился престола Византійскаго. Зять его Арта-

страна, называющаяся Кавала и всѣ происходившіе отсюда назывались кавалинами, а такъ какъ Константинъ родился въ этой же странѣ, то и онъ назывался кавалиномъ; но слово кавала происходитъ отъ καβαλλης —лошадь, вслѣдствіе чего для Константина названіе кавалина замѣнено было (конечно иронически) подходящимъ словомъ: Копронимъ.

*) Свой деспотизмъ императоръ выразилъ въ особенности въ тѣхъ жестокихъ отношеніяхъ, въ какія онъ становится къ патріархамъ Константинопольскимъ, несмотря на то, что они были иконоборцами. Theophanes. Chronographia (Migne. Cursus patr. Gr. s. tom. 108), p. 8843—4. 890—1.

вастъ, иконопочитатель, поддерживаемый, какъ оказалось, многочисленными противниками иконоборчества, на нѣкоторое время восходилъ на престолъ императорскій и, безъ сопротивленія, возстановлялъ иконопочитаніе. Артавастъ занималъ престолъ только годъ (742—3). Константинъ низвергъ его *), но это возстановленіе Артавастомъ иконопочитанія показывало, что иконопочитаніе было силою, съ которою требовалось обращеніе осторожное. Поэтому первые годы царствованія Константина проходятъ спокойно для православныхъ.

Иначе Константинъ повелъ дѣло въ отношеніи къ иконопочитателямъ съ 754 года, въ который совершилось видное событіе, заявлявшее о господствѣ иконоборчества въ церкви. Мы говоримъ о лжевселенскомъ соборѣ, собранномъ въ этотъ годъ и провозгласившемъ иконоборческое ученіе. Уже Левъ Исаврянинъ былъ убѣжденъ, что полезнѣе всего для иконоборчества было бы собрать соборъ вселенскій (Дѣян. VII, 35), но эта мысль почему-то не пришла къ осуществленію. Тѣхъже мыслей былъ и Константинъ. Онъ конечно хорошо зналъ, какимъ глубокимъ уваженіемъ пользовались соборы вселенскіе въ церкви, и потому самъ захотѣлъ собрать соборъ вселенскій иконоборческій. Но осторожный политикъ, Константинъ не вдругъ берется за приведеніе въ исполненіе своей мысли; онъ сначала тамъ и здѣсь въ провинціяхъ собираетъ общенародныя сходки, на которыхъ провозглашается отверженіе иконопочитанія. Такимъ образомъ народъ исподоволь приготовляется къ тому, что долженъ былъ по волѣ императора провозгласить соборъ вселенскій **). Соборъ же вселенскій созванъ Копронимомъ, какъ мы сказали, въ 754 году. О внѣшней исторіи этого собора извѣстно немного. Онъ былъ довольно продолжителенъ. Онъ открылся 10 февраля и закончился 27 августа. Засѣданія

*) Theophanes. Chronographia p. 835—7.

**) Theophanes ibidem. p. 861.

его происходили не въ одномъ мѣстѣ: сначала они происходили во дворцѣ, называемомъ Гіеріею, на Азіатскомъ берегу Босфора, вблизи столицы; при заключеніи же собора засѣданія его происходили во Влахернскомъ храмѣ Богородицы въ самомъ Константинополѣ. Число епископовъ на немъ было велико, какъ на немногихъ истинныхъ вселенскихъ соборахъ,—именно ихъ было 338 лицъ *). Предсѣдателемъ собора за смертію патріарха Константинопольскаго Анастасія былъ епископъ Ефесскій Θеодосій **). На засѣданіи собора 8 августа произошло избраніе новаго патріарха Константинопольскаго Константина, который былъ доселѣ епископомъ Силейскимъ во Фригіи, при чемъ самъ императоръ взялъ его за руку, возвелъ на амвонъ и провозгласилъ: „многая лѣта патріарху вселенскому Константину“. Засѣданіе 27 августа кончилось торжественно: императоръ и весь соборъ вышли на пло-

*) Всѣ они объявили себя за иконоборчество (Д. VII, 568). Какъ объяснить, что такое громадное число епископовъ отрекается отъ православія и становится въ ряды иконоборцевъ на соборѣ? Въ объясненіе этого прежде всего нужно сказать, что епископы этого времени далеки были отъ тѣхъ высокихъ образцовъ пастырства, какіе дала болѣе древняя церковь. По свидѣтельству одного неизвѣстнаго, но современнаго писателя, епископы тогдашняго времени ни о чемъ другомъ не заботились кромѣ лошадей, овцеводства, хлѣбопашества; они заботились какъ бы повыгоднѣе продать свой зерновый хлѣбъ, свои вина, масло, шерсть, шелкъ, а стада свои (духовныя) они оставляли въ пренебреженіи; казалось, что ихъ обязанность состоитъ въ удовлетвореніи чувственныхъ нуждъ людей, а не душевныхъ“ (Neander. Allgemeine Geschichte der Religion und Kirche. B. 11, S. 121. Ausg. 1856). Такіе пастыри мало могли понимать интересы церкви. Притомъ нужно помнить, что въ Византіи епископы находились подъ сильнѣйшимъ давленіемъ власти императорской: епископы не искренне соглашались съ волею императоровъ, щадя свою жизнь. Наконецъ мы не должны забывать, что вопросъ объ иконопочитаніи былъ доселѣ вопросомъ нерѣшеннымъ теоретически; это открывало возможность заблужденія.

**) На соборѣ не было представителей ни отъ папы Римскаго, ни отъ остальныхъ патріаршихъ каѳедръ Востока.

щадь, было прочитано публично вѣроопредѣленіе лжевселенскаго собора и провозглашена анаѳема на вождей православія и защитников иконопочитанія, св. Германа патріарха Константинопольскаго и св. Іоанна Дамаскина *).

Что касается догматической дѣятельности собора, она хорошо намъ извѣстна. Правда до насъ не дошло подробныхъ дѣяній собора, но за то сохранилось вѣроопредѣленіе его, которое знакомитъ насъ съ догматическою дѣятельностію собора въ достаточной мѣрѣ.

Вѣроопредѣленіе собора лжевселенскаго открывается вступленіемъ, въ которомъ дается знать о происхожденіи иконопочитанія, какъ явленія злаго, и о задачѣ собора. Мысли здѣсь высказанныя таковы: Всеблагій Богъ сотворилъ все въ наилучшемъ видѣ; такимъ созданъ былъ и человѣкъ. По этому люциферъ (діаволъ), самъ ниспавши отъ блаженства, изъ зависти захотѣлъ лишить и человѣка принадлежащей ему славы. Однимъ изъ таковыхъ средствъ и было введеніе идолопоклонства въ родѣ человѣческомъ. Противъ этого зла направлялось все ветхозавѣтное и новозавѣтное домостроительство вѣры. Для борьбы съ идолопоклонствомъ воззваны были Моусей и пророки; для тойже цѣли нисшелъ на землю и сынъ Божій Іисусъ Христосъ. Апостолы и св. отцы сохраняли въ неприкосновенности славу церкви, въ какую возвелъ вѣрующихъ Богочеловѣкъ Христосъ. Но эта слава человѣка снова сдѣлалась предметомъ зависти и злобы діавола. И вотъ онъ въ церкви Христовой вводитъ новый родъ идолопоклонства; это—иконопочитаніе. „Подъ личиною христіанства діаволъ ввелъ идолопоклонство, убѣдивъ своими лжемудрованіями пребывавшихъ въ христіанствѣ не отпадать отъ твари, но покланяться ей, чтить ее и почитать Богомъ тварь, подъ именемъ Христа.“ Въ виду этого императоръ собралъ соборъ, дабы „изслѣдовать писаніе о соблазнительныхъ обы-

*) Дѣян. VII, 432. 453. 571. Theophanes ibidem. 861.

чаяхъ дѣлать изображенія, отвлекающія умъ человѣческій отъ высокаго и угоднаго Богу служенія къ земному и вещественному почитанію твари, и по Божію мановенію изречь то, что будетъ опредѣлено епископами; такъ какъ они знаютъ, что у пророкоъ написано: *Понеже устнѣ іереовы сохранятъ разумъ и закона взыщутъ отъ устъ его: яко ангели Господа Вседержителя суть* (Мал. 2, 7). Такова была задача собора, по объясненію самого собора (Д. VII, 434—9; 443).

Затѣмъ слѣдуетъ въ вѣроопредѣленіи обстоятельное раскрытіе доказательствъ, почему иконопочитаніе не позволительно въ церкви. Это самая существенная часть вѣроопредѣленія. Слѣдуя логическимъ требованіямъ мысли, соборъ раздѣляетъ свои доказатества на два разряда: одни суть доказательства отъ разума человѣческаго, другія—доказательства документальныя отъ священнаго писанія и церковнаго преданія.

Обращаясь къ доказательствамъ отъ разума человѣческаго, которымъ соборъ отводитъ первое мѣсто, иконоборцы прежде всего доказываютъ: „почему нельзя допускать въ церкви изображеній самаго Іисуса Христа“. Христа нельзя изображать на иконахъ, мудровствовалъ соборъ, потому что это ведетъ къ несторіанству. Несторій раздѣлялъ во Христѣ естество человѣческое отъ естества Божескаго; тоже самое дѣлаютъ и художники изображающіе Христа, ибо они, изображая внѣшній видъ Христа, не въ состояніи изобразить Его Божества. „Живопись, говорилъ соборъ, напоминаетъ собой Несторія, раздѣлявшаго одного Богочеловѣка, воплотившагося ради насъ, на двоицу сыновъ“ (Д.VII. 462). Кромѣ этого, по мнѣнію собора, изображеніе Христа на иконахъ ведетъ и къ другой ереси—монофизитской. Монофизиты сливали естества во Христѣ; тоже дѣлаютъ и художники и иконопочитатели; ибо изобразивъ только одно естество Христа человѣческое, они полагаютъ, что съ тѣмъ вмѣстѣ они изображаютъ и его Божество. Соборъ говоритъ: живопись напоминаетъ собою и Діо-

скора и Евтихія, учившихъ, что два естества единаго Христа слились и смѣшались. Вотъ сдѣлалъ живописецъ икону и назвалъ ее *Христосъ*, а имя *Христосъ* есть имя Бога и человѣка. Слѣдовательно и икона есть икона и Бога и человѣка, и слѣдовательно онъ слилъ неслитное соединеніе и впалъ въ нечестивое заблужденіе сліянія. Къ тому же богохульству склоняются и поклоняющіеся иконамъ“ (Д. VII, 463. 469). Чтобы не впасть въ эти два лжеученія, несторіанское и монофизитское, заключаетъ соборъ, не слѣдуетъ дѣлать изображеній Христа. Нужно отказаться изображать Христа, потому что Онъ, какъ высочайшій предметъ вѣры, какъ Всевысочайшее Существо, неизобразимъ слабыми руками человѣческими. „Какая безумная мысль у живописца, замѣчаетъ соборъ, домогаться того, чего нельзя домогаться, т.-е. бренными руками изображать то, во что вѣруютъ сердцемъ и что исповѣдуютъ устами: Божество неописуемо“ (Д. VII, 465. 79). Высказывая мысль: Божество неописуемо, непостижимо и потому не подлежитъ изображенію, соборъ предвидитъ возраженіе, какое могла сторона противниковъ сдѣлать иконоборцамъ по этому поводу—и отсюда соборъ излагаетъ и самое возраженіе и опроверженіе его. Иконопочитатели скажутъ: но мы и не думаемъ изображать неописуемое Божество, „мы изображаемъ икону одной плоти Его, которую мы видѣли (во Христѣ) и осязали, и съ которой обращались“. Въ опроверженіе возраженія, которое по словамъ собора иконопочитатели непремѣнно сдѣлали бы, иконоборцы говорятъ: прежде всего говорить такъ, значитъ говорить языкомъ Несторія; далѣе: одну плоть Христа саму по себѣ безъ отношенія къ неописуемому Божеству изображать нельзя: плоть стала плотію Бога Слова: она обожествилась такъ, что гдѣ тѣло Христа, тамъ и Божество Его; какимъ же образомъ могутъ разорвать такое соединеніе иконопочитатели, изображая одну плоть Господа? Наконецъ изображая плоть Христа въ разлученіи отъ Его Божества, которое неизобразимо, иконопочитатели въ подобномъ

случаѣ представляютъ себѣ плоть какъ бы имѣющею собственную ѵпостась, какъ бы усвояютъ ей особое лице, а „этимъ они показываютъ, что они прибавляютъ къ Троицѣ четвертое лице“ (Д. VII, 473. 475—477). Послѣ всѣхъ этихъ разсужденій о непозволительности иконъ Христа, иконоборцы въ своемъ опредѣніи дѣлаютъ такой выводъ: „да постыдятся они (иконопочитатели) впадать въ богохульство и нечестіе, да обратятся и перестанутъ изображать, любить и почитать икону (Христа), которая ошибочно называется и существуетъ подъ именемъ Христовой“ (Д. VII, 477). Разсуждая такъ, иконоборцы приходятъ естественно къ вопросу: неужели нужно оставаться безъ всякаго образа, который бы напоминалъ намъ объ Искупителѣ? Нѣтъ, у насъ есть высочайшій образъ Христа, при немъ и нужно оставаться истиннымъ ученикамъ Христа. Этотъ образъ—Евхаристія. „Готовясь предать себя присно-памятной и животворящей смерти, Христосъ взялъ хлѣбъ, благословилъ, произнесъ благодареніе, преломилъ и отдавая его сказалъ: *пріимите, ядите, сіе есть тѣло мое* (Мѳ. 26, 26. 28). Такимъ же образомъ отдавая чашу, Онъ сказалъ: *Сія есть кровь моя* (Мѳ. 26, 28): *сіе творите въ мое воспоминаніе* (Лук. 22, 19). Изъ всего находящагося подъ небомъ неупомянуто другаго вида или образа, который могъ бы изображать воплощеніе Его. Итакъ вотъ что служитъ иконою животворящей плоти Его! Икона эта должна быть приготовляема съ молитвою и благоговѣніемъ. Что же хотѣлъ сдѣлать этимъ премудрый Богъ? Болѣе ничего, какъ наглядно показать и объяснить намъ людямъ то, что содѣлано Имъ въ таинствѣ домостроительства. Христосъ нарочито образомъ своего воплощенія избралъ хлѣбъ, не представляющій собой подобія человѣка, чтобы не ввелось идолопоклонства“ (Д. VII, 480—1). Рядъ доказательствъ противъ употребленія иконъ Христа вѣроопредѣленіе иконоборческаго собора заканчивается указаніемъ, что касательно употребленія ихъ нѣтъ положительной заповѣди въ церкви. „Учрежденіе иконъ Христа, говорится

въ вѣроопредѣленіи, не имѣетъ для себя основанія ни въ Христовомъ, ни въ апостольскомъ, ни въ отеческомъ преданіи; нѣтъ также и священной молитвы, освящающей ихъ, чтобы, сдѣлать ихъ изъ обыкновенныхъ предметовъ святыми; но постоянно остаются онѣ вещами обыкновенными, неимѣющими никакого особеннаго значенія, кромѣ того, какое сообщилъ имъ живописецъ“ (Д. VII, 486).

Послѣ того какъ соборъ развилъ рядъ доказательствъ, заимствованныхъ отъ разума человѣческаго, противъ иконъ Христа, онъ переходитъ къ раскрытію мысли, по какимъ разумнымъ основаніямъ не можетъ быть допускаемо иконъ Богоматери и прочихъ святыхъ. „Быть можетъ, писано въ вѣроопредѣленіи, нѣкоторые изъ иконопочитателей скажутъ, что все сказанное нами касательно иконы Христа сказано справедливо, потому что во Христѣ нераздѣльно и неслитно соединялись два естества въ одной ѵпостаси; но что возникаетъ недоумѣніе, почему мы порицаемъ существованіе иконъ пренепорочной Дѣвы Богородицы, пророковъ, апостоловъ, мучениковъ, такъ какъ они суть простые люди и не состоятъ изъ двухъ естествъ, Божескаго и человѣческаго, какъ это во Христѣ“ (Дѣян. VII, 489). Затѣмъ соборъ приводитъ нѣсколько доказательствъ, почему иконы Богородицы и святыхъ не должны имѣть мѣста въ церкви христіанской. 1) Если необходимо отвергнуть иконы Христа, то, послѣ того какъ отвергнуты эти иконы, было бы несправедливо признавать и всякія другія иконы (Дѣян. VII, 490). 2) Христіанство удаляется въ своихъ воззрѣніяхъ не только отъ іудейства, отвергая жертвы, но и отъ язычества, отвергая идолодѣяніе и идолослуженіе. Между тѣмъ, еслибы христіанство приняло иконопочитаніе, этимъ самымъ оно сблизилось бы съ язычествомъ, которое изобрѣло постыдное искусство дѣлать идолы. „Итакъ если въ Церкви нѣтъ ничего чуждаго (іудейскаго и языческаго), то должно извергнуть изъ нея и иконопочитаніе, какъ чуждое ей и какъ изобрѣтеніе людей, преданныхъ демонамъ“ (Дѣян. VII, 492). 3) Святые уго-

дившіе Богу хотя и преставились отсюда, однакожъ они всегда живы для Бога; кто же чрезъ мертвое искусство хочетъ ихъ оживить, тотъ богохульствуетъ. Т.-е. таковые хотятъ собственною силою оживлять ихъ, что̀ принадлежитъ одному Богу" (Дѣян. VII, 494). 4) Художники не въ состояніи дать намъ вѣрное понятіе ни о величайшей славѣ Богоматери, ни о блаженствѣ святыхъ; ихъ кисть не имѣетъ силы изобразить вѣрно небожителей. „Какъ можно даже осмѣлиться посредствомъ низкаго эллинскаго искусства изображать преславную Матерь Божію, въ которой вмѣстилась полнота Божества, высшую небесъ и славнѣйшую херувимъ? Или еще: какъ не стыдятся посредствомъ языческаго искусства изображать (святыхъ), имѣющихъ царствовать со Христомъ, содѣлаться сопрестольниками Ему, судить вселенную и уподобиться образу славы Его, когда ихъ, какъ говоритъ писаніе, *не бѣ достоинъ весь міръ* (Евр. 11, 38). 5) Вообще искусство неприлично Церкви, унижаетъ ее. „Недостойно христіанамъ получившимъ надежду воскресенія пользоваться обычаями народовъ, преданныхъ идолослуженію, и святыхъ, имѣющихъ возблистать такою славою, оскорблять безсловеснымъ и мертвымъ веществомъ (Дѣян. VII, 496).

Доселѣ мы разсматривали доказательства, какія иконоборцы заимствовали противъ иконъ изъ области разумнаго мышленія человѣческаго; теперь обратимся къ разсмотрѣнію доказательствъ, какія приводятся ими для той же цѣли изъ Св. Писанія и преданія, и какія находятся во второй части вѣроопредѣленія собора лжевселенскаго.

Иконоборческіе епископы высказываютъ полную увѣренность, что Св. Писаніе заключаетъ въ себѣ ясное и прямое запрещеніе иконопочитанія. „Изслѣдованіе писанія, говорятъ они, не противорѣчитъ нашимъ взглядамъ, и кто не знаетъ, что̀ говорится въ писаніи по этому поводу, тотъ пусть поучится изъ него, ибо оно отъ Бога". Доказательства изъ Св. Писанія, направленныя противъ иконопочитанія, иконоборцы берутъ изъ новаго и ветхаго

завѣта. „Въ новозавѣтномъ писаніи говорится: *Духъ есть Богъ, и иже кланяется ему, духомъ и истиною достоитъ кланятися* (Іоан. 4, 24), и еще: *Бога никтоже видѣ нигдѣже* (Іоан. 1, 18), *и ни гласа Его* (нигдѣ же) *слышасте, ни видѣнія Его видѣсте* (Іоан. 5, 37). Также и въ Ветхомъ Завѣтѣ сказано: *да не сотвориши себѣ кумира, ни всякаго подобія, елика на небеси горѣ, и елика на земли низу*" (Втор. 5, 8). Съ точки зрѣнія этихъ изреченій Св. Писанія иконоборцы именно къ христіанскимъ иконопочитателямъ относятъ слова Апостола Павла, съ которыми онъ обращается къ язычникамъ: *И измѣниша славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна человѣка* (Рим. 1, 23), *и почтоша и послужиша твари паче Творца* (ст. 25. Дѣян. VII, 498—9; 501. 503). Подобно какъ Св. Писаніе, иконоборцы и преданіе Церкви хотѣли также поставить на своей сторонѣ. Съ этою цѣлію въ ихъ вѣроопредѣленіи встрѣчаемъ много свидѣтельствъ изъ писаній отцевъ Церкви, въ которыхъ они видѣли защиту своихъ воззрѣній. Прежде всего они приводили слѣдующее свидѣтельство св. Епифанія Кипрскаго: „помните дѣти возлюбленные о томъ, что не слѣдуетъ вносить иконъ въ церкви, а также и въ усыпальницы святыхъ, но всегда памятуйте о Богѣ и держите Его въ сердцахъ своихъ. Христіанину неприлично возноситься къ Богу посредствомъ глазъ и блужденій ума" (Дѣян. VII, 510) *). Затѣмъ иконоборцы приводили въ свою пользу свидѣтельства изъ сочиненій знаменитѣйшихъ отцевъ Церкви: Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, Василія Великаго. Въ вѣроопредѣленіи читаемъ: „Подобнымъ образомъ и Григорій въ стихахъ своихъ говоритъ: „несправедливо заключать вѣру въ краскахъ, а не въ сердцѣ; потому что заключенное въ краскахъ легко стирается. Что же касается вѣры, въ глубинѣ души, такъ она по сердцу мнѣ". Іоаннъ

*) Отцы VII вселенскаго собора нашли это свидѣтельство подложнымъ (Дѣян. VII, 510).

Златоустъ учитъ такъ: „посредствомъ писаній мы наслаждаемся присутствіемъ святыхъ, имѣя образы не тѣлъ, но душъ ихъ, потому что сказанное ими служитъ *образами* ихъ душъ“. Св. Василій говоритъ: „въ писаніи находятся и увѣщанія дѣлать добрыя дѣла и предлагаются жизнеописанія блаженныхъ мужей, какъ бы нѣкоторые одушевленные *образы* богоугодной жизни предлагаемые для подражанія“ (Дѣян. VII, 515—517) *). Далѣе иконоборцы берутъ нужныя для ихъ цѣлей свидѣтельства изъ писаній св. Аѳанасія великаго. Въ вѣроопредѣленіи говорится: „также и Аѳанасій сказалъ: какъ не пожалѣть о почитающихъ творенія по той причинѣ, что зрячіе кланяются невидящимъ и одаренные слухомъ неслышащимъ“ (Дѣян. VII, 518) **). Далѣе въ вѣроопредѣленіи слѣдуютъ свидѣтельства изъ писаній св. Амфилохія Иконійскаго, котрыйо говорилъ: „мы заботимся не о томъ, чтобы изображать красками на доскахъ тѣлесные облики святыхъ, ибо въ нихъ мы не имѣемъ надобности, но о томъ, чтобы подражать добродѣтельной жизни ихъ“ (Дѣян. VII, 519) ***). Болѣе ясное свидѣтельство въ пользу иконоборчества епископы разсматриваемаго собора находили въ сочиненіяхъ Ѳеодота Анкирскаго (V в.). По словамъ иконоборцевъ здѣсь находились слѣдующія слова: „мы получили наставленіе не лица святыхъ изображать на иконахъ вещественными красками, а подражать указаннымъ въ писаніяхъ объ нихъ добродѣтелямъ ихъ, какъбы какимъ одушевленнымъ образамъ. Пусть скажутъ воздвигающіе изображенія,

*) Свидѣтельства изъ сочиненій Григорія, Златоуста и Василія приводятся иконоборцами внѣ связи рѣчи, отрывочно, а потому невѣрно. Какъ дѣйствительно смотрѣли эти отцы Церкви на иконопочитаніе, объ этомъ мы говорили выше. См. „Происхожденіе иконоборчества“ въ март. книжкѣ.

**) Рѣчь идетъ у Аѳанасія объ идолопоклонникахъ, а не объ иконопочитателяхъ (Дѣян. VII, 518).

***) Истинный смыслъ словъ св. отца таковъ: намъ нужны иконы святыхъ не сами по себѣ, но потому что они поучаютъ насъ добродѣтельной жизни (Дѣян. VII, 520)

какой пользы достигли они чрезъ это и къ какому духовному созерцанію приходятъ отъ такого напоминанія; очевидно, что это выдумка и изобрѣтеніе пустаго коварства" (Дѣян. VII, 528—9) *). Наконецъ иконоборцы въ своемъ вѣроопредѣленіи ссылаются въ защиту иконоборческихъ воззрѣній на одно посланіе Евсевія Памфила, церковнаго историка, въ которомъ онъ порицалъ употребленіе иконъ для цѣлей религіозныхъ (Дѣян. VII, 530) **). Изъ показаній отцевъ VII вселенскаго собора видно, что кромѣ указанныхъ сочиненій святоотеческихъ, иконоборцы на своемъ лжевселенскомъ соборѣ пользовались для доказательства правоты своего дѣла книгою подъ заглавіемъ: „Путешествія св. Апостоловъ" (Дѣян. VII, 295. 6. 8). Въ этой книгѣ они открыли слѣдующій любопытный разсказъ о св. Іоаннѣ Богословѣ и его ученикѣ Ликомедѣ: „живописецъ написалъ икону (Іоанна Богослова), передалъ ее Ликомеду; тотъ принялъ ее съ радостію и поставивъ ее въ спальнѣ, увѣнчалъ ее. Когда потомъ Іоаннъ узналъ объ этомъ, то сказалъ ему: любезное дитя мое! Что ты дѣлаешь въ спальнѣ, оставаясь тамъ одинъ? Не молюсь ли я вмѣстѣ съ тобою и прочими братьями? Или ты скрываешь что отъ насъ? Сказавъ это, онъ вошелъ съ нимъ въ спальню, и видитъ увѣнчанную икону старца, лежащія при ней свѣчи, а впереди ея подставки. Тогда подозвавъ его, онъ сказалъ: Ликомедъ! что̀ это значитъ, что у тебя находится эта икона? Кто изъ боговъ твоихъ написанъ на этой иконѣ? Я вижу, что ты живешь поязычески. На это Ликомедъ отвѣтилъ ему: Богъ у меня одинъ. Но если послѣ Бога нужно называть богами и людей, нашихъ благодѣтелей, то на иконѣ изображенъ ты; тебя я

*) Отцы собора VII вселенскаго заявляли, что ни въ одномъ сочиненіи Θеодота подобныхъ словъ ненаходится (Дѣян. VII, 529—530).

**) Отцы VII вселенскаго собора признаютъ подлинность этого свидѣтельства, но не придаютъ авторитета Евсевію, какъ аріанину (Дѣян. VII, 400).

и увѣнчиваю, и люблю, и почитаю, такъ какъ ты сдѣлался добрымъ моимъ путеводителемъ. Іоаннъ же, не разсмотрѣвъ еще изображенія своего лица, сказалъ ему: ты шутишь надо мною дитя мое! Какъ ты убѣдишь меня, что это изображеніе похоже на меня? Тогда Ликомедъ поднесъ ему зеркало. Увидѣвъ себя въ зеркалѣ и посмотрѣвъ на икону, онъ сказалъ: „живъ Господь Іисусъ Христосъ, что похожъ мой образъ, но ты дурно поступилъ въ этомъ случаѣ“ (Дѣян. VII, 391—2) *).

Приведши рядъ свидѣтельствъ изъ Свящ. Писанія и святоотеческой литературы, которыя, какъ казалось иконоборцамъ, подтверждали ихъ лжеученіе, лжевселенскій соборъ приходитъ къ такому общему выводу по вопросу объ иконопочитаніи: „Итакъ мы собрали эти свидѣтельства изъ Св. Писанія и изъ отцевъ и сгруппировали въ настоящемъ нашемъ опредѣленіи, выбравъ такъ сказать изъ многаго немногое, чтобы не растягивать своей рѣчи. Весьма много есть и другихъ мѣстъ, но мы охотно опустили ихъ, потому что ихъ безконечное множество. Итакъ будучи твердо наставлены изъ богодухновенныхъ писаній и отцевъ, а также утвердивъ свои ноги на камнѣ божественнаго служенія духомъ, всѣ мы облеченные саномъ священства, во имя святыя Троицы, пришли къ одному убѣжденію и единодушно опредѣляемъ, что всякая икона, сдѣланная изъ какого угодно вещества, а равно и писанная красками при помощи нечестиваго искусства живописцемъ, должна быть извергаема изъ христіанскихъ церквей; она чужда имъ и заслуживаетъ презрѣнія“ (Дѣян. VII, 542—3).

Заключительную часть вѣроопредѣленія составляютъ нѣкоторыя прещенія на иконопочитателей, на разграбителей храмовъ и восемь анаѳематствованій противъ иконопочитателей. По примѣру истинныхъ вселенскихъ соборовъ,

*) Сочиненіе „Путешествія Апостоловъ“ древнее: оно извѣстно было еще въ IV вѣкѣ, но отвергалось и порицалось св. отцами (напр. Амфилохіемъ Иконійскимъ), какъ сочиненіе еретическое (Дѣян. VII, 398—399).

выражавшихъ свои прещенія на еретиковъ, соборъ лжевселенскій угрожаетъ тѣмъ, кто будетъ держаться иконъ: если они лица духовныя, лишаются сана; если свѣтскіе, анаѳематствуются и подвергаются гражданскому суду. Возставая на иконопочитаніе, соборъ однакожъ хочетъ устранить злоупотребленія, которыя могутъ вкрасться въ церкви, подъ видомъ исполненія этого соборнаго опредѣленія. Чтобы устранить подобные случаи, соборъ опредѣляетъ: чтобы никакой предстоятель церкви подъ предлогомъ уничтоженія иконъ, неосмѣливался налагать рукъ на св. сосуды и подмѣнивать ихъ, если они будутъ украшены иконописными изображеніями. Тоже самое постановляетъ соборъ относительно свящ. одеждъ и всего, что принадлежитъ къ богослужебнымъ предметамъ. И если кто захочетъ перемѣнить подобные сосуды и одежды, таковый долженъ дѣлать это съ позволенія патріарха и императора. Также ни высшій, ни нисшій свѣтскій чиновникъ, какъ это иногда бывало доселѣ, не долженъ, подъ предлогомъ уничтоженія иконъ, грабить храмовъ (Дѣян. VII, 546—551). Послѣ этихъ прещеній, въ вѣроопредѣленіи находилось 8 анаѳематствованій, направленныхъ на иконопочитателей. „1) Кто божественный образъ вочеловѣчившагося Слова осмѣлится изображать красками, тотъ анаѳема. 2) Кто неизобразимыя сущность и ѵпостась Слова, ради Его вочеловѣченія, осмѣлится изображать въ формахъ человѣкообразныхъ, и не захочетъ разумѣть, что Слово и по воплощеніи неизобразимо, анаѳема. 3) Кто осмѣлится начертывать на образѣ ѵпостасное соединеніе двухъ природъ и станетъ называть изображенное Христомъ, и такимъ образомъ смѣшивать двѣ природы, анаѳема. 4) Кто захочетъ изображать плоть Христа, соединившуюся съ лицемъ Слова Божія, раздѣленно и отлученно отъ самаго Слова, анаѳема. 5) Кто единаго Христа раздѣляетъ на два лица и захочетъ начертывать рождшагося отъ Дѣвы въ отдѣльности и слѣдовательно принимаетъ только относительное соединеніе природъ, анаѳема. 6) Кто изображаетъ плоть Христа обожествив-

шуюся чрезъ соединеніе ея съ Словомъ и такимъ образомъ отдѣляетъ ее отъ Божества, анаѳема. 7) Кто будетъ Бога Слово на томъ основаніи, что Онъ принялъ на себя рабскій образъ, изображать вещественными красками, какъ бы Онъ былъ простой человѣкъ, и будетъ отдѣлять Его отъ нераздѣльнаго съ Нимъ Божества, вводя такимъ образомъ четверичность въ св. Троицу, тотъ анаѳема. 8) Кто лики святыхъ будетъ изображать вещественными красками на бездушныхъ иконахъ, которыя ровно не приносятъ никакой пользы, ибо эта мысль (о поклоненіи иконамъ) лжива и произошла отъ діавола, и не будетъ отображать на самомъ себѣ ихъ добродѣтели, эти живые образа, тотъ анаѳема" (Дѣян. VII, 554—562).

Весьма замѣчательную черту вѣроопредѣленія лжевселенскаго собора составляетъ защита со стороны иконоборцевъ почитанія Богоматери и святыхъ угодниковъ. Соборъ счелъ нужнымъ къ прочимъ анаѳематствованіямъ противъ иконопочитателей присоединить анаѳематствованіе какъ противъ тѣхъ, кто не признаетъ Пресвятую Дѣву Марію возвышенною надъ всякимъ видимымъ и невидимымъ (духовнымъ) твореніемъ и не вѣритъ въ дѣйствительность Ея молитвъ, такъ и противъ тѣхъ, кто не признаетъ святыхъ въ ихъ достоинствѣ и не прибѣгаетъ къ ихъ молитвамъ (Дѣян. VII, 561—4). Отсюда можно догадываться, что въ обществѣ христіанъ распространились слухи, что иконоборцы отвергаютъ почитаніе пресвятой Дѣвы Маріи и святыхъ, и это анаѳематствованіе составлено соборомъ въ защиту своей партіи противъ подобныхъ обвиненій. Историческія извѣстія дѣйствительно доказываютъ, что подобныя обвиненія имѣли для себя основанія. Такъ о самомъ императорѣ Константинѣ историки разсказываютъ, что онъ однажды, стараясь доказать незаконность почитанія Богоматери, вынулъ кошелекъ наполненный деньгами и показавъ его, спросилъ: „Какъ велика цѣнность этого кошелька? И когда ему отвѣчали, что онъ стоитъ очень дорого, тогда императоръ опорожнилъ кошелекъ и

снова повторилъ прежній вопросъ. И когда получилъ естественный въ этомъ случаѣ отвѣтъ, противоположный первому, онъ сказалъ: „Тоже самое значеніе имѣетъ и Богородица до рожденія и послѣ рожденія отъ нея Христа, и теперь она ничѣмъ нелучше, ничѣмъ не преимуществуетъ предъ прочими женами *). О томъже императорѣ разсказываютъ, что онъ склонялся къ несторіанскому ученію о Богородицѣ, хотѣлъ называть ее просто Христородицею, въ ознаменованіе того, что она родила простаго человѣка, а не Бога. Конечно и съ этой точки зрѣнія почитаніе Богородицы не имѣло мѣста. Одинъ древній историкъ расказываетъ, что императоръ въ частной бесѣдѣ съ патріархомъ (Константиномъ) спросилъ его: „не лучше ли называть Марію вмѣсто Богородицы Христородицею“? На что получилъ такой отвѣтъ отъ патріарха: „Боже сохрани, государь, чтобы ты оставался при такомъ мнѣніи; развѣ ты не знаешь, что Несторій за подобное ученіе осужденъ всею Церковію“? Императоръ просилъ патріарха молчать объ этомъ разговорѣ, но тѣмъ неменѣе тайна огласилась **). Носились еще слухи, что императоръ отвергалъ молитвенное призываніе Богородицы и святыхъ, что онъ не одобрялъ обыкновенія давать новорожденнымъ имена въ честь святыхъ. Кромѣ того объ иконоборцахъ говорили, что будто бы они вмѣсто того, чтобы говорить: мы идемъ къ такому или другому святому, положили просто выражаться: мы идемъ напримѣръ къ Θеодору, къ такому-то апостолу, къ такому-то мученику ***).

Ближайшимъ слѣдствіемъ лжевселенскаго собора 754 года было то, что повсюду изъ церквей иконы были повыброшены, нѣкоторыя изъ нихъ сожжены, живопись на стѣнахъ храмовъ и мозаическія изображенія затерты известью. Не избѣгъ этой участи и великолѣпный храмъ

*) Cedrenus. Ibidem. t. II, p. 4.

**) Theophanes, ibidem. p. 883—4. Cedrenus ibidem. p. 14.

***) Vita S. Stephani (Neander, ibidem. S. 119).

Богородицы Влахернской въ Константинополѣ, на стѣнахъ котораго лучшими художниками изображена была вся земная жизнь Богочеловѣка, всѣ Его чудеса, всѣ событія изъ евангельской исторіи, кончая вознесеніемъ Его, а также и сошествіе св. Духа на Апостоловъ. Чтобы стѣны храмовъ не оставались голыми, приказано было изображать на нихъ обыкновенные ландшафты, также разрисовывать изображеніями птицъ и плодовыхъ деревьевъ; и, какъ говоритъ одинъ жизнеописатель того времени, храмы превратились въ птичники и фруктовые лабазы. Также поступлено было и со всѣми общественными зданіями и дворцами, гдѣ не было недостатка въ священныхъ изображеніяхъ; въ этихъ мѣстахъ св. изображенія были уничтожены, между тѣмъ, какъ говоритъ тотъ же жизнеописатель, „сатанинскія изображенія всадниковъ, охотничьихъ сценъ, театральныхъ зрѣлищъ, конскихъ ристалищъ, оставались въ почетѣ и сберегались" *). Сами патріархи константинопольскіе не уступали императору въ ревности къ уничтоженію св. иконъ. Такъ о патріархѣ Никитѣ извѣстно, что онъ приказалъ закрасить иконы во всей своей патріаршей палатѣ **). Иконоборческая ревность простиралась такъ далеко, что враги иконъ дозволяли себѣ жечь книги, украшенныя священными изображеніями, и рвать книги, въ которыхъ говорилось о почитаніи св. иконъ. Такъ скевофилаксъ (сосудохранитель) при Софійской Константинопольской церкви позднѣе заявлялъ, что въ ризницѣ онъ нашелъ двѣ книги, обложенныя золотыми изображеніями; онѣ оказались прожженными: знакъ, что ихъ иконоборцы ввергали въ огонь. Левъ епископъ фокійскій также свидѣтельствуетъ, что въ его епархіальномъ городѣ сожжено было иконоборцами 30 книгъ. Упомянутый скевофилаксъ еще заявлялъ, что въ его рукахъ есть книги, въ

*) Гефеле въ „Исторіи соборовъ" стр. 491. В. III, Ausg. 1859. glycas. Ibidem. p. 526.

**) Theophanes, ibidem. p. 895. Cedrenus p. 16.

которыхъ иконоборцами вырѣзаны были листы, гдѣ говорилось о почитаніи св. иконъ, при чемъ представленъ былъ и образецъ подобной книги (дѣло происходило на VII вселенскомъ соборѣ). Тоже самое заявляли и другіе свидѣтели иконоборческаго царствованія Копронимова (Дѣян. VII, 408. 411. 413).

Отъ гоненія на иконы императоръ Константинъ постепенно переходитъ и къ гоненію на св. мощи,—онъ повелѣлъ повсюду ихъ выбрасывать. Такъ разсказываютъ, что мощи высокопочитаемой въ церкви св. мученицы Евфиміи извлечены были изъ храма, въ которомъ происходилъ четвертый вселенскій соборъ (въ Халкидонѣ), и вмѣстѣ съ гробницею ввержены въ море, а великолѣпный храмъ, посвященный ея имени, обращенъ въ цейхаусъ *). Императору Константину приписываютъ и другія мѣры, направленныя къ ослабленію религіознаго духа въ народѣ. Запрещено даже простое молитвенное воззваніе къ Богородицѣ: „Пресвятая Богородица помоги мнѣ"; не позволено было слишкомъ часто посѣщать храмовъ Божіихъ, отправлять всенощное бдѣніе и проводить безбрачную жизнь; во всѣхъ этихъ случаяхъ виновные судились и наказывались, какъ тяжкіе политическіе преступники **).

Самыми смѣлыми, рѣшительными и мужественными противниками мѣръ и распоряженій собора и императора Константина были монахи. Смѣлость и мужество ихъ часто переходили въ дерзновеніе, которое устрашало самого императора. Во главѣ другихъ монаховъ въ данномъ отношеніи стоялъ св. Стефанъ, называемый новымъ въ отличіе отъ первомученика архидіакона Стефана ***). О немъ разсказываютъ, что представши предъ лице имератора, онъ вынулъ изъ своего клобука монету и сказалъ:

*) Theophanes, ibidem. p. 886. 887.

**) Theophanes, ibdem. p. 892.

***) Житіе св. Стефана Новаго подробно описано въ *Душеп. Чтеніе* за 1860 г. Ч. III, стр. 263—302.

„какое наказаніе заслужу я, если эту монету, носящую изображеніе императора, брошу на землю и стану топтать ногами? Отсюда ты можешь, продолжалъ онъ, видѣть, какого наказанія достоинъ тотъ, кто Христа и Его св. Матерь оскорбляетъ на образахъ“. Затѣмъ онъ бросилъ монету на полъ и началъ топтать ее ногами. Императоръ приказалъ ввергнуть его въ темницу *). Не меньше дерзновенія показалъ и другой монахъ Петръ прозываемый Коливитомъ **). Онъ не убоялся въ лицо назвать императора за иконоборчество новымъ Валентомъ (имя аріанскаго императора) и Юліаномъ ***). Ревность монаховъ проявившаяся въ такихъ и другихъ подобныхъ фактахъ, оказывала сильное вліяніе на умы христіанскаго общества. Среди общаго потворства императору со стороны духовенства, одни монахи явили себя неустрашимыми ревнителями православія.

Такъ какъ монахи въ константинопольскомъ патріархатѣ были главными врагами иконоборчества, то императоръ рѣшился во что бы то ни стало стереть съ лица земли это учрежденіе. Императоръ считалъ и называлъ монаховъ распространителями идолопоклонства, представителями обскурантизма, чадами тьмы. Онъ рѣшился закрыть всѣ монастыри. Онъ отдалъ монастыри подъ казармы. Такъ знаменитѣйшій въ Византіи монастырь Далматскій отданъ былъ въ распоряженіе солдатъ; другіе монастыри въ столицѣ были разрушены до основанія ****). Отъ самихъ монаховъ онъ требовалъ, чтобы они носили мірское платье и вступали въ браки; послушнымъ обѣщаны были милости, деньги, почетныя должности въ войскѣ и въ гражданскомъ

*) Vita S. Stephani (Neander. ibidem. S. 120).

**) Названіе Коливитъ происходитъ отъ слова: κολυβη—шатеръ.

***) Theophanes, ibidem. 872. Θеофанъ называетъ этого монаха Андреемъ, но Гефеле въ „Исторіи соборовъ“ поправляетъ Θеофана, находя, что такое обличеніе сдѣлано другимъ монахомъ, по имени Петромъ (Гефеле, ibidem. S. 495 496).

****) Theophanes, ibidem. p. 894.

управленіи. Между монахами нашлись такіе, которые соблазнились льстивыми обѣщаніями императора *). Твердые же изъ монаховъ должны были переносить всевозможныя муки и оскорбленія. Въ видахъ осмѣянія монашества, императоръ приказалъ связать попарно монаховъ съ монахинями и водить по цирку, при чемъ публикѣ позволено было плевать и издѣваться надъ страдальцами **). До чего доходила жестокость въ преслѣдованіи монаховъ, это видно изъ тѣхъ казней, какимъ подвергали ихъ. Такъ случалось, что монахамъ разбивали головы на тѣхъ самыхъ иконахъ, на защиту которыхъ они выступали ***).

Въ ревности и жестокости преслѣдованія монашества императоръ нашелъ себѣ пособниковъ въ правителяхъ провинцій. Особенною неумолимостію въ гоненіи на монаховъ прославился правитель Ѳракійской провинціи Михаилъ Лаханодраконъ, который сталъ извѣстенъ съ именемъ дракона. Сначала онъ призвалъ къ себѣ всѣхъ монаховъ, которые находились въ подвѣдомственной ему области, и объявилъ имъ: „вы должны слушаться императора и меня, надѣть свѣтское платье и вступить въ бракъ; кто же не послушается, тому выколоты будутъ глаза и грозитъ ссылка“. Затѣмъ отъ словъ онъ переходитъ къ самому дѣлу. Онъ отобралъ отъ монаховъ всѣ ихъ монастыри съ принадлежащимъ имъ имуществомъ: св. сосудами, стадами, книгами, землями, и все это распродалъ, а выручку послалъ въ даръ императору. Святоотеческія творенія и сочиненія монаховъ предавалъ пламени. Запретилъ употреблять ладонки съ св. мощами; самыя ладонки онъ сжигалъ, и носившихъ оныя подвергалъ мученіямъ. Монахамъ при этомъ досталось болѣе всего: имъ выкалывали глаза, ихъ умерщвляли, сѣкли розгами, нѣкоторымъ изъ нихъ намазывали бороды горючими

*) Nicephorus patr. p. 80 (Breviarium historicum. edit Bonn.).
**) Theophanes, ibidem. p. 881.
***) Nicephorus, ibidem. p. 80.

веществами и потомъ зажигали ихъ, опаляя кромѣ бороды и самое лице. Труды Михаила увѣнчались успѣхомъ. Во всей Өракійской провинціи не стало болѣе видно ни одного монаха въ черной монашеской рясѣ. Императоръ объявилъ Михаилу за это свое монаршее благоволеніе. Это послужило къ тому, что и другіе правители провинцій пошли по слѣдамъ Михаила Лаханодракона *). Болѣе мужественные въ исповѣданіи православія, и лица мірскаго сословія также не мало претерпѣли гоненій въ царствованіе Копронима. Нѣкоторыхъ изъ нихъ, подобно тому какъ это было съ монахами, водили для посрамленія по цирку, гдѣ они подвергались оплеванію и осмѣянію. Избожденіе глазъ, отрѣзываніе носа, наказаніе розгами были обыкновенными казнями, которымъ подвергались эти страдальцы **). Вообще гоненіе на православныхъ при Копронимѣ было такъ сильно, что оно напоминало собою жесточайшее изъ гоненій языческихъ императоровъ на христіанъ Діоклитіаново ***).

Въ продолженіе борьбы икоборцевъ съ православными императоръ приходитъ къ мысли потребовать отъ всѣхъ своихъ подданныхъ клятвы въ томъ, что они отказываются впередъ отъ почитанія иконъ. Съ этою цѣлію онъ собралъ жителей Константинополя и ближайшихъ къ нему мѣстъ: на публичномъ мѣстѣ поставлены были: Евангеліе, крестъ и св. Евхаристія; всѣ должны были принесть присягу, что они отвергаютъ иконопочитаніе, что каждую икону, они считаютъ за идольскій образъ, что они не будутъ имѣть общенія съ монахами, но будутъ каждую недостойную черную монашескую фигуру преслѣдовать насмѣшками и камнями. Эту клятву, разсказываютъ, прежде всѣхъ въ образецъ другимъ произнесъ самъ патріархъ Константинъ, стоя на амвонѣ съ крестомъ въ рукѣ, послѣ

*) Theophanes, ibidem. p. 887. 898—9. Cedrenus, ibidem. p. 15. 16.
**) Theophanes, ibidem. p. 882—3.
***) Гефеле въ „Исторіи соборовъ“ S. 494.

чего патріархъ, несмотря на свое монашество, сталъ вести обыкновенную мірскую жизнь *). Требовалась ли подобная клятва отъ народа въ провинціяхъ, остается неизвѣстнымъ.

Нужно замѣтить впрочемъ, что все разсказанное объ иконоборческихъ насиліяхъ Константина Копронима, относится лишь къ патріархату константинопольскому. Въ гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ оставалось иконопочитаніе въ другихъ патріархатахъ и на западѣ. Три остальные восточные патріархата, находясь подъ мусульманскимъ владычествомъ, не только не подчинялись императорскимъ распоряженіямъ, но и собирали соборы для искорененія зла и свидѣтельствованія своихъ противоположныхъ православныхъ воззрѣній. Тоже самое было и на западѣ, куда власть императорская въ это время почти вовсе не простиралась. Папа Стефанъ III собираетъ въ 769 году соборъ Латеранскій, на которомъ отвергнуты опредѣленія лжевселенскаго константинопольскаго собора и подтверждено иконопочитаніе **).

*) Theophanes, ibidem. p. 879—881. Cedrenus, ibidem. p. 13. Гефеле S. 503.

**) Гефеле S. 504—7; 512 и д.

III. Никейскій вселенскій соборъ 787 года.

Перемѣна дѣлъ къ лучшему.—Причины, условливавшія возможность торжества иконопочитанія. — Значеніе императрицы Ирины и ея дѣятельность въ пользу православія. — Необходимость созванія вселенскаго собора: патріархи Павелъ и Тарасій. – Несостоявшійся соборъ вселенскій въ Константинополѣ. — Открытіе собора вселенскаго въ Никеѣ и составъ его.—Возсоединеніе съ церковью на соборѣ епископовъ-иконоборцевъ: три класса ихъ. — Разсужденія собора по вопросу объ иконопочитаніи: польза иконопочитанія; отношеніе искуства къ религіи христіанской; уясненіе истиннаго понятія о почитаніи св. иконъ; результатъ.—Судъ надъ иконоборчествомъ вообще.—Разборъ вѣроопредѣленія лже-вселенскаго собора Копронимова.—Православное вѣроопредѣленіе, провозглашеніе и утвержденіе его.—Похвальная рѣчь собору.

Иконоборчество поддерживалось въ церкви болѣе всего мѣрами свѣтскими; поэтому когда во главѣ имперіи Византійской стояли императоры иконоборцы, иконоборчество торжествовало. Такъ было въ царствованіе Льва Исавряпина и сына его Константина Копронима. Но лишь только умерли эти ревностные иконоборцы, возсѣдавшіе па тронѣ царскомъ и управленіе имперіею перешло въ руки Льва IV (775 — 780 г.), который не очень былъ заинтересованъ въ борьбѣ съ иконопочитателями, какъ приверженцы иконопочитанія начинаютъ пріобрѣтать все больше и больше значенія, а иконоборцы теряютъ свою силу и вліяніе. Не поддерживаемое совнѣ, иконоборчество необходимо уступало мѣсто приверженцамъ иконопочитанія. Это обнаружилось съ достатоточною ясностію въ царствованіе названнаго нами императора Льва IV. Императоръ Левъ мало вмѣшивался въ споры иконопочитателей съ иконоборцами, и это дало возможность сейчасъ же усилиться

сторонѣ иконопочитателей, которые были многочисленны и всегда сильны своею внутреннею, сокрытою силою. Церковь православная свободнѣе вздохнула въ царствованіе Льва, и тотчасъ же обнаружились признаки, по которымъ можно было судить, что многолѣтняя борьба иконоборцевъ императоровъ съ иконопочитателями мало имѣла успѣха. Въ самомъ дѣлѣ, какъ скоро прекратились гоненія на иконопочитателей, монахи иконопочитатели возвращаются изъ своего изгнанія; высшія церковныя каѳедры, митрополичьи, во многихъ мѣстахъ занимаются монахами, конечно, потому, что съ желаніемъ общества христіанскаго было согласнѣе имѣть пастырей иконопочитателей, какими были монахи, а не иконоборцевъ *). При самомъ царскомъ дворѣ число высшихъ сановниковъ, принадлежавшихъ къ иконопочитателямъ, стало замѣтно возрастать. Иконопочитателями были нѣкоторые камергеры и воинскіе начальники, каковыми были напр. Іаковъ, Папій, Стратегій, Ѳеофилъ, Левъ, Ѳома. Правда, этимъ лицамъ пришлось недешево поплатиться за свое сочувствіе иконопочитанію: императоръ Левъ не оставилъ ихъ безъ наказанія, когда они начали выказывать дерзновеніе и открыто обнаруживать свое отвращеніе отъ иконоборчества; но все же появленіе такихъ лицъ вокругъ трона императорскаго показывало, что придворная среда начала мало по малу освобождаться отъ иконоборческихъ элементовъ **). Что же касается до народа, то въ средѣ его никогда, даже въ самыя тяжелыя времена, неоскудѣвала вѣра въ святость иконъ, не ослабѣвала привязанность къ почитанію ихъ. Скрытое почитаніе иконъ всегда держалось въ массахъ народа: его немогли искоренитъ никакія мѣры правительства. Въ житіи св. Стефана новаго, пострадавшаго за почитаніе иконъ при императорѣ Кон-

*) Theophanes Chronographia. p. 905 (Migne. Curs. patr. t. 108, graeca ser.)

**) Theophenes, Chronographa. ibid. p. 913.

стантинѣ, встрѣчаемъ замѣчательный примѣръ такого негласнаго поклоненія иконамъ въ народѣ. Когда Стефанъ былъ заключенъ въ темницу въ Константинополѣ, то жена тюремщика принесла ему сокровенно хранимыя ею иконы Богоматери и Апостоловъ Петра и Павла, поклонилась имъ въ присутствіи Стефана, въ удостовѣреніе того, что она дѣйствительно была иконопочитательницею, и передала ему оныя для совершенія предъ ними молитвъ *). Къ такимъ тайнымъ иконопочитателямъ принадлежало большинство народа **). Значитъ, нужно было только не стѣснять иконопочитателей, не поддерживать иконоборчество мѣрами государственными, и иконопочитаніе въ обществѣ христіанскомъ могло возстановиться весьма легко. Важнѣйшимъ лицемъ, давшимъ уже въ царствованіе Льва IV значеніе, вѣсъ, и силу иконопочитанію, была сама супруга императора Ирина, впослѣдствіи прославившая себя созваніемъ VII вселенскаго собора. Она была ревностная иконопочитательница. Воспитанная въ Аѳинахъ въ семействѣ иконопочитателей, она не отказалась отъ иконопочитанія, когда сдѣлалась супругою иконоборца Льва и принуждена была жить среди иконоборцевъ. Она тайно воздавала поклоненіе иконамъ, и не смотря на опасность имѣла въ своей опочивальнѣ подъ подушкой два образа. Ея вліяніе конечно много способствовало къ тому, что иконопочитатели воскресаютъ духомъ еще при Львѣ. Императрица Ирина за свою приверженность къ иконамъ потерпѣла гоненіе отъ своего мужа: она удалена была изъ дворца, но это только на время задержало готовившееся послѣдовать торжество иконопочитателей ***).

*) Житіе св. Стефана Новаго (*Душеполезное чтеніе*, 1860 г. часть 3, стр. 293—4).

**) Какъ утверждаетъ и протестантскій историкъ Неандеръ (Neander, Allgemeine Geschichte der chrislich. Religion und Kirche, II, S. 120. Ausgabe 1856).

*** Cedrenus. Compendium historiarum tomus II, p. 19. 20 (Edit. Bon.)

Смерть императора Льва и восшествіе на престолъ Ирины вмѣстѣ съ малолѣтнымъ сыномъ ея Константиномъ (780 г.) разомъ измѣнило положеніе дѣлъ церковныхъ. То, зачатки чего видимъ уже въ царствованіе Льва, съ воцареніемъ Ирины приноситъ свой плодъ: иконопочитаніе торжествуетъ побѣду надъ иконоборчествомъ. Императрица благоразумно не предпринимаетъ никакихъ насильственныхъ мѣръ противъ иконоборцевъ, какъ это дѣлали Левъ Исаврянинъ, Копронимъ и отчасти Левъ IV по отношенію къ иконопочитателямъ, но предоставляетъ самой истинѣ восторжествовать надъ заблужденіемъ. Этимъ, безъ сомнѣнія, прежде всего нужно объяснять, почему возстановленіе св. иконъ при Иринѣ произошло, говоря сравнительно, спокойно. Для утвержденія иконопочитанія Ирина не сдѣлала ничего такого, что могло бы возбуждать фанатизмъ иконоборцевъ. Она дѣлала въ этихъ цѣляхъ только то, чего требовало само христіанское общество: возвратила изъ ссылки всѣхъ монаховъ, передала въ руки ихъ большинство епископскихъ каѳедръ, слѣдовательно продолжила то, что было предначато при императорѣ Львѣ. Монахи естественно заслуживали почестей, какія теперь имъ возданы чрезъ назначеніе ихъ на архіерейскія каѳедры, ибо они не щадили своей жизни, своей крови въ борьбѣ съ иконоборцами и почти одни стояли за иконопочитаніе, когда большинство духовенства поддерживало иконоборческихъ императоровъ. О тойже императрицѣ Иринѣ извѣстно, что она возвратила св. мощамъ, которыя попирали иконоборческіе императоры, почести и храмы, изъ которыхъ онѣ были извержены. Такъ она съ торжествомъ перенесла мощи св. мученицы Евѳиміи съ о. Лемноса въ Халкидонъ, гдѣ онѣ покоились въ храмѣ, посвященномъ ея имени еще во времена Халкидонскаго IV вселенскаго собора, но откуда онѣ извлечены были и ввержены въ море иконоборцами *).

*) Theophanes. Ibidem. 886—887.

Но этимъ немногимъ, что сдѣлано было Ириной для торжества иконопочитанія, она, по ревности своей къ вѣрѣ, не ограничилась. Императрица торжественно захотѣла провозгласить истину иконопочитанія и для сего выбрано было самое лучшее средство—вселенскій соборъ. Этотъ соборъ былъ тѣмъ необходимѣе, что соборъ, созванный въ царствованіе Копронима и объявившій себя противъ иконъ къ соблазну вѣрующихъ, наименованъ былъ VII вселенскимъ соборомъ: нужно было лживому вселенскому собору противопоставить истинный. Къ этому присоединилась и другая важная причина, которая дѣлала созваніе собора вселенскаго неизбѣжно необходимымъ. Патріархъ константинопольскій Павелъ, избранный еще императоромъ Львомъ, и державшій себя сообразно съ требованіями иконоборчества, вдругъ въ 784 г., въ августѣ, оставилъ свой архипастырскій престолъ, надѣлъ на себя монашеское платье и не хотѣлъ болѣе править церковью. Причиною такого поступка, какъ оказалось, было то, что патріархъ почувствовалъ угрызеніе совѣсти, глубокое раскаяніе въ своей иконоборческой дѣятельности. Нужно сказать, что Павелъ до патріаршества былъ иконопочитателемъ, но во время принятія на себя патріаршескаго сана, по слабости воли, уступилъ волѣ императора, давъ клятву, что онъ признаетъ иконоборчество за истину; по всей вѣроятности въ царствованіе Ирины, когда иконопочитатели уже не тайно, но явно стали исповѣдывать свое ученіе, въ Павлѣ проснулось его прежнее сочувствіе къ иконопочитанію, вступило въ борьбу съ тѣми стремленіями иконоборческими, какія возбудилъ въ немъ императоръ Левъ: онъ потерялъ миръ душевный, совѣсть смутилась; въ борьбѣ съ самимъ собою, Павелъ не нашелъ лучшаго средства къ успокоенію своего духа, какъ заключиться совершенно въ монастырь и оплакивать свои грѣхи. Императрица сильно поражена была неожиданнымъ поступкомъ Павла патріарха, сама вмѣстѣ съ сыномъ отправляется въ монастырь, куда заключился онъ,

проситъ его возвратиться къ осиротѣвшей паствѣ, проситъ объяснить, почему онъ такъ поступилъ? Патріархъ отвѣчалъ со слезами: „О еслибы я и совсѣмъ никогда не возсѣдалъ на патріаршемъ тронѣ Константинопольскомъ, ибо церковь эта во зло употребляла свою власть, за что и была въ отлученіи отъ всѣхъ церквей“ (Патріархъ разумѣлъ иконоборческую тираннію). Въ первое время императрица еще не отчаявалась въ возвращеніи патріарха къ своей паствѣ, почему съ подобною просьбою и отправляетъ къ нему нѣкоторыхъ сенаторовъ и патриціевъ, но отвѣтъ патріарха былъ одинъ и тотъже. Къ этому Павелъ присоединилъ еще мысль, чтобы собранъ былъ соборъ вселенскій для возстановленія иконопочитанія. Онъ говорилъ этимъ посланнымъ отъ императрицы: „Если не будетъ созванъ вселенскій соборъ и не будетъ искоренено господствующее заблужденіе, то не надѣйтесь получить спасеніе“. Когда же ему замѣтили посланные: „зачѣмъ же ты при посвященіи далъ письменное клятвенное обѣщаніе, что никогда не будешь почитать св. иконъ“? на это патріархъ сказалъ: „это-то и есть истинная причина моихъ слезъ, это-то и побудило меня наложить на себя покаяніе и молить Бога о прощеніи“. Больной и душевно и тѣлесно, патріархъ вскорѣ скончался *). Приступлено было къ избранію новаго патріарха. Императрица остановила свое вниманіе на Тарасіи, мужѣ благочестивомъ, глубоко образованномъ, состоявшемъ въ чинѣ государственнаго секретаря **). Высокая честь! Ирина полагала, что Тарасій охотно приметъ на себя почетнѣйшій санъ, но не то встрѣтила она на первыхъ порахъ. Тарасій рѣ-

*) Theophanes. Chropogrophia ibidem. p. 913. 921. Дѣян. т. VII, стр. 75—76.

**) Нужно знать, что въ Византіи свѣтскіе люди были хорошо свѣдущи въ богословіи: человѣкомъ образованнымъ считался только такой человѣкъ, кто вмѣстѣ съ другими науками изучилъ и богословіе; поэтому не представлялось затрудненія изъ лицъ свѣтскихъ выбирать патріарховъ.

шительно отказывался отъ паріаршества, несмотря на то, что общій голосъ сената и духовенства склонялся въ его пользу. Когда императрица призвала къ себѣ Тарасія для объявленія своей воли и воли государства и церкви, Тарасій не хотѣлъ брать на себя предлагаемаго сана, ссылаясь на то, что санъ слишкомъ высокъ, а онъ, какъ человѣкъ свѣтскій, мало приготовленъ къ нему. Зная Тарасія за человѣка благочестиваго и свѣдущаго въ богословіи, императрица не признала справедливыми доводы его и настоятельно требовала, чтобы онъ объяснилъ ей дѣйствительную причину, почему онъ отказывается отъ патріаршества. Тогда Тарасій прямо уже объявилъ, почему ему не хочется брать на себя бремя правленія церковію Константинопольскою. Онъ сказалъ: „смотрю я и вижу: церковь Христова разсѣкается и разрывается, и мы (Константинопольская церковь) въ одно время говоримъ такъ, въ другое иначе (по вопросу объ иконопочитаніи), а восточные единовѣрцы наши (остальные патріаршества восточныя) не такъ, какъ мы; съ ними согласны и христіане Запада, и мы отчуждены отъ всѣхъ и каждый день анаѳематствуемся всѣми. Поэтому я требую, чтобы созванъ былъ вселенскій соборъ“ для возстановленія истины. Изъ этихъ словъ Тарасія видно, что онъ хотѣлъ принять патріаршество, на единственномъ условіи, если будетъ созванъ соборъ для возстановленія иконопочитанія. Выслушавъ лично объясненія Тарасія, императрица вывела его предъ лицо сената и духовенства, собравшихся для избранія патріарха въ Мангаврскомъ дворцѣ. Патріархъ и предъ лицомъ собора въ сильной и выразительной рѣчи объявилъ свое непреклонное желаніе, чтобы созванъ былъ соборъ вселенскій для утвержденія иконопочитанія, если только хотятъ, чтобы онъ, Тарасій, непремѣнно принялъ на себя патріаршество. „Если защитники православія императоры (императрица и ея сынъ) повелятъ внять моей справедливой просьбѣ о созваніи собора вселенскаго, то уступлю и я, исполню ихъ повелѣнія и принимаю вашъ

выборъ", говоритъ Тарасій. „Если же нѣтъ, то я нахожу невозможнымъ сдѣлать этого, чтобы не подпасть подъ анаѳему и не быть осужденнымъ въ день (пришествія) праведнаго Судіи всѣхъ, когда не могутъ выручить меня ни императоры, ни священники, ни начальники, ни толпы народа. Отвѣтьте братія на мою просьбу такъ, какъ лучше и какъ вамъ угодно". Всѣ, за исключеніемъ немногихъ, признали требованіе Тарасія справедливымъ и изъявили согласіе на созваніе собора. Что же касается до тѣхъ немногихъ, которые не хотѣли собора, то эти указывали на то, что не слѣдуетъ быть собору, когда былъ уже соборъ вселенскій при Копронимѣ и когда церковь уже выразила свой взглядъ по вопросу объ иконопочитаніи. Подобнымъ возражателямъ Тарасій сказалъ, что соборъ Копронимовъ созванъ былъ при условіяхъ неблагопріятныхъ для выраженія истины, потому что иконы повсюду уже были низвержены въ имперіи еще въ царствованіе Льва Исавранина, да развѣ какое постановленіе можетъ связывать истину? (Д. VII, 76. 77. 57—59). Когда мысль о созваніи собора была принята императрицею Ириною, Тарасій былъ посвященъ въ патріарха въ Рождество Христово 784 года.

Новый патріархъ Тарасій со всею ревностію принялся за осуществленіе задачи—созвать вселенскій соборъ. Но устроить соборъ скоро нельзя было: нужно было снестись граматами съ папою и со всѣми восточными патріархами. Но этого нельзя было совершить въ скорости: для папы нужно было удостовѣреніе, что новый патріархъ дѣйствительно православный, а такія свѣдѣнія за отдаленностію не скоро могли быть собраны на Западѣ; что же касается до восточныхъ патріарховъ, то сношенія съ ними были затруднительны; ибо патріархаты: Александрійскій, Антіохійскій и Іерусалимскій находились подъ властію Сарацинъ, а Сарацины подозрительно смотрѣли на сношенія патріарховъ съ Константинополемъ, видя въ оныхъ политическія козни. Какъ бы то ни было, къ срединѣ 786 года

всѣ необходимыя приготовленія къ собору вселенскому сдѣланы. Императрица усердно просила прибыть папу Андріана I самолично на соборъ. „Просимъ ваше отеческое блаженство посвятить себя дѣлу (провозглашенія истины), прибыть въ Константинополь для установленія древняго преданія о почитаніи св. иконъ. Сдѣлать это обязанность вашего блаженства. Итакъ да пріидетъ первый священникъ, предсѣдательствующій на каѳедрѣ и вмѣсто всехвальнаго Петра да явится въ кругу всѣхъ находящихся здѣсь священниковъ“. Такъ писала императрица Адріану. При этомъ она выражала увѣреніе, что папѣ во время пути, въ самомъ Константинополѣ и во время обратнаго пути въ Римъ будутъ доставлены всѣ удобства, честь и великолѣпіе (Д. VII, 54—56). Но папа по обыкновенію отказался отъ чести быть на соборѣ и послалъ легатами двухъ пресвитеровъ Петра и Петра. Представителями отъ патріархатовъ Александрійскаго и Антіохійскаго были патріаршіе синкеллы пресвитеры Іоаннъ и Ѳома (Д. VII, 359. 205); они привезли съ собою посланіе отъ патріарха іерусалимскаго, которое выражало согласіе на утвержденіе иконопочитанія *). Собрались и епископы Константинопольскаго патріархата въ столицу. Соборъ вселенскій предположено было открыть лѣтомъ 786 года, въ Константинополѣ, въ храмѣ св. Апостоловъ, въ храмѣ, который отличался древностію и великолѣпіемъ. Онъ построенъ былъ еще императоромъ Константиномъ великимъ, возобновленъ и роскошно отдѣланъ Юстиніаномъ, былъ усыпальницею Византійскихъ императоровъ и патріарховъ **).

Но собору не суждено было совершить своего дѣла лѣтомъ 786 года въ Константинополѣ. Нѣкоторые изъ иконоборческихъ епископовъ не могли равнодушно сносить готовящагося торжества иконопочитанія; рѣшившись всячески мѣшать собраться и состояться собору, они воз-

*) Гефеле въ „Исторіи Соборовъ“ (Band III. S. 537 Ausgabe 1858).
**) Ibidem S. 539.

имѣли намѣреніе „плотно стоять за низверженіе и порицаніе честныхъ иконъ". Сами по себѣ эти епископы были неопасны для дѣла иконопочитателей, но опасно было то, что епископы иконоборцы опирались въ своихъ затѣяхъ на войско и въ особенности на императорскую гвардію. Войско искренно было предано прежнимъ императорамъ Льву III и Константину Копрониму, потому что они были прекрасные полководцы и подъ ихъ предводительствомъ оно не разъ пожинало лавры побѣды надъ врагами. Епископы иконоборцы, говоримъ, были сильны, благодаря тому сочувствію, какимъ память иконоборцевъ императоровъ пользовалась въ войскѣ. Лишь только сдѣланы были всѣ приготовленія къ открытію собора вселенскаго, эти епископы въ разныхъ мѣстахъ Константинополя начали собирать соборы или сборища, на которыхъ изобрѣтались различныя козни противъ патріарха Тарасія и его православнаго дѣла. Услышавъ объ этихъ сборищахъ, патріархъ объявилъ зачинщикамъ оныхъ, что въ Константинополѣ власть собирать соборы имѣетъ одинъ только онъ Тарасій; по правиламъ епископы, дѣлающіе соборы въ епархіи другаго епископа безъ вѣдома мѣстнаго іерарха, подлежатъ отлученію. Епископы усмирились, но не усмирилось войско, которое ихъ поддерживало. Наканунѣ открытія (31 іюля) собора вселенскаго, вспыхнулъ бунтъ въ Константинополѣ въ средѣ войска, пропитаннаго иконоборческими идеями. „Войско бунтовало, солдаты неистовствовали и пришедши въ крещальню (преддверіе) каѳедральной церкви, кричали каждый свое, но всѣ заканчивали однимъ: не бывать собору". Объ этомъ дано было знать императрицѣ; возникъ вопросъ: возможно ли при такихъ условіяхъ быть собору вселенскому; но императрица, несмотря на опасность для собора, рѣшила открыть соборъ на другой день. Отцы собрались въ храмѣ св. Апостоловъ. Начались было самыя разсужденія собора: патріархъ и нѣкоторые епископы сказали рѣчи въ пользу иконопочитанія, послѣ чего занялись вопросомъ касательно собора лжевселенскаго бывшаго при

Копронимѣ: можно ли считать его вселенскимъ, когда на немъ не было представителей остальныхъ патріаршихъ каѳедръ и папы? Лишь только начались пренія по этому вопросу, какъ войско подступило къ церкви св. Апостоловъ и подняло крикъ. Епископы иконоборческіе также пристали къ сторонѣ бунтовщиковъ. Опасность немалая грозила отцамъ со стороны разъяреннаго войска. Въ послѣдствіи, на VII вселенскомъ соборѣ Тарасій заявлялъ, что только рука Божія спасла его и другихъ православныхъ епископовъ отъ войска, „исполненнаго желчи и гнѣва.“ Тогда императрица увидѣла, что соборъ въ настоящую минуту былъ невозможенъ и приказала разойтись отцамъ. Какъ кажется, нѣкоторые изъ тѣхъ епископовъ, которые были на соборѣ, но которые скрывали свое иконоборчество, приняли распоряженіе императрицы въ томъ смыслѣ, что она изъявляетъ благорасположеніе къ иконоборцамъ, и потому они тотчасъ же и сами присоединились къ бунтовщикамъ. Бунтовщики объявляли, что послѣ собора Копронимова не должно быть еще вселенскому собору по вопросу объ иконахъ. Ирина на первый разъ не приняла никакихъ крутыхъ мѣръ противъ непослушнаго войска; подобныя мѣры могли послужить къ междуусобію. Она просто оставила безъ вниманія мятежниковъ; они много кричали, но наконецъ должны были разойтись, ибо естественный голодъ напомнилъ имъ, что давно уже прошелъ часъ обѣда. Бунтъ войска давалъ императрицѣ понять, что прежде чѣмъ собрать снова вселенскій соборъ, нужно отдѣлаться отъ войска. Съ этою цѣлію императрица объявила походъ на Агарянъ (мусульманъ); войска вышли изъ Константинополя, но затѣмъ императрица отмѣнила походъ, о которомъ она и не думала и который былъ только предлогомъ, чтобы удалить войско изъ столицы, и распустила полки по домамъ. Такимъ образомъ главная опасность для будущаго собора устранена. Тѣмъ не менѣе Ирина не рѣшалась вскорѣ созывать соборъ. Нужно было, чтобы прошло болѣе или менѣе предолжи-

тельное время, чтобы успокоилось волненіе народное. Положено было созвать соборъ черезъ годъ. Найдено было нужнымъ избрать другой какой-либо городъ для созванія собора помимо Константинополя, ибо въ Константинополѣ болѣе чѣмъ въ какомъ-либо другомъ городѣ сохранилась въ обществѣ закваска иконоборческая. Такимъ городомъ выбрана была Никея, славная памятью перваго вселенскаго собора, удобная по своимъ путямъ сообщенія, не особенно удаленная отъ Константинополя (Д. VII, 60—62).

Никея имѣла счастіе видѣть въ стѣнахъ своихъ, такимъ образомъ, собраніе какъ перваго, такъ и послѣдняго вселенскаго собора. Лица, которыя должны были составить изъ себя соборъ вселенскій въ Константинополѣ, теперь должны были собраться въ Никеѣ, и собрались. Соборъ никейскій, VII вселенскій, былъ многочисленъ по количеству своихъ членовъ. Въ подписяхъ подъ опредѣленіями собора значится не менѣе 307 св. отцевъ (Дѣян. VII, 595 и др.). На соборѣ присутствовали высшіе сановники имперіи (Дѣян. VII, 70). Мѣстомъ засѣданій собора былъ Софійскій храмъ въ Никеѣ (Ibidem). Днемъ открытія собора было 24 сентября 787 года *).

Первымъ дѣломъ VII вселенскаго собора, по открытіи его, было возсоединеніе съ церковію епископовъ, виновныхъ въ иконоборчествѣ. Такихъ возсоединенныхъ епископовъ было нѣсколько классовъ. Первый классъ составляли епископы наименѣе виновные. Такими были тѣ епископы, которые просто повинны были во временной приверженности къ иконоборчеству. Сюда принадлежали епископы Василій Анкирскій, Θеодоръ Мирскій и Θеодосій Амморейскій. Каждый изъ нихъ представилъ письменное отреченіе отъ ереси и испрашивалъ прощеніе отъ собора. Первымъ выступаетъ Василій Анкирскій. Онъ заявлялъ: „владыки! насколько было моихъ силъ, я изслѣдовалъ во-

*) Всѣхъ засѣданій собора было 8: сентября 24, 26, 29,—октября 1, 4, 6, 13, 23.

просъ объ иконахъ и съ полнымъ убѣжденіемъ обращаюсь къ каѳолической церкви". На это патріархъ Тарасій, предсѣдатель собора, сказалъ, выражая сочувствіе покаявшемуся: „слава Богу, хотящему, чтобы всѣ люди спаслись и пришли въ познаніе истины". Затѣмъ Василій Анкирскій прочелъ свое отреченіе отъ заблужденія, въ которомъ между прочимъ говорилось: „пріемлю честныя изображенія домостроительства Господа нашего Іисуса Христа, сдѣлавшагося ради насъ человѣкомъ, и иконы Пресвятой Богородицы, божественныхъ ангеловъ, св. апостоловъ, пророковъ и мучениковъ и всѣхъ святыхъ, лобзаю ихъ и воздаю имъ приличествующее поклоненіе; анаѳематствую и отвергаю всею душею и всею мыслію неразумно собранный соборъ, названный седьмымъ (Копронимовъ), потому что онъ грубо, дерзко и даже безбожно вопреки богопреданнымъ церковнымъ постановленіямъ изрекалъ одни злохуленія, предалъ поруганію св. иконы. Свидѣтель Богъ, нижеслѣдующія анаѳематствованія произношу отъ простоты сердца и по здравомъ размышленіи. Противникамъ христіанъ (т.-е. иконоборцамъ) анаѳема. Прилагающимъ изреченія св. Писанія, направленныя противъ идоловъ, къ почитанію иконъ, анаѳема. Не лобзающимъ иконы анаѳема. Утверждающимъ, что христіане прибѣгаютъ къ иконамъ, какъ къ богамъ, анаѳема. Дерзающимъ говорить, что Церковь когда-либо идолопоклонствовала, анаѳема. Говорящимъ, что иконы суть изобрѣтеніе дьявольскихъ козней, а не преданіе св. отцовъ, анаѳема". Соборъ похвалилъ Василія за чистоту его раскаянія (Дѣян. VII, 79—82) Затѣмъ приноситъ раскаяніе собору Ѳеодоръ Мирскій (или Мирликійскій). Принося покаяніе, онъ прочелъ отреченіе отъ ереси во всемъ сходное съ отреченіемъ Василія Анкирскаго. Послѣ него испрашиваетъ прощенія у собора Ѳеодосій Амморейскій. Въ письменномъ его отреченіи отъ заблужденія заслуживаютъ вниманія слѣдующія слова: „Что касается до изображеній въ церквахъ, то я полагаю прежде всего изображать икону

Спасителя и Богородицы изъ всякаго вещества: золота, серебра и всякими красками, чтобы всѣмъ было извѣстно домостроительство спасенія. Равнымъ образомъ считаю полезнымъ изображать жизнь святыхъ, чтобы труды и подвиги ихъ были извѣстны народу, въ особенности простому, кратко обрисовывались въ его сознаніи и поучали его. Если царскимъ портретамъ и изображеніямъ, отправляемымъ въ города и села, выходитъ въ срѣтеніе народъ со свѣчами и кадильницами, оказывая почтеніе не изображенію на облитой воскомъ доскѣ, но императору, то насколько болѣе слѣдуетъ изображать икону Спасителя, Его Матери и святыхъ"! Одинъ изъ отцевъ собора, по выслушаніи рѣчи епископа Амморейскаго, воскликнулъ: „Много слезъ вызвала у насъ рѣчь почтеннаго епископа Амморейскаго". Послѣ всего этого патріархъ Тарасій спросилъ соборъ, согласенъ ли онъ вышеуказаннымъ тремъ епископамъ дать прощеніе и позволить имъ удержать каѳедры? Соборъ сказалъ: „всѣмъ намъ это угодно" (Дѣян. VII, 83—87).—Второй классъ епископовъ иконоборцевъ, представшихъ на соборъ съ мольбою о прощеніи и милости, былъ многочисленнѣе перваго. Онъ состоялъ изъ семи епископовъ,—во главѣ ихъ былъ Ипатій епископъ Никейскій. Эти епископы были виновнѣе предъидущихъ, потому что они участвовали въ тѣхъ незаконныхъ сборищахъ, которыя иконоборцами противопоставлены были собору вселенскому, имѣвшему сначала собраться въ Константинополѣ. Они обвинялись въ томъ, что собирали иконоборческія сборища „не во имя Господа и не во имя Духа Его". Отъ нихъ соборъ потребовалъ, чтобы они объяснили, на какомъ основаніи они позволяли это себѣ: было ли это со стороны ихъ поступкомъ неразсудительнымъ, необдуманнымъ; въ такомъ случаѣ они должны были показать, какимъ образомъ они пришли къ такому неразумію. Если же они это сдѣлали вслѣдствіе твердаго убѣжденія въ справедливости иконоборчества, въ такомъ случаѣ они должны представить доказательства, основанія такого убѣж-

денія. Соборъ съ своей стороны хотѣлъ подробно и тщательно разобрать ихъ хитросплетенія. Епископы каявшіеся объявили, что они дѣйствовали по неразумію, потому что „худое ученіе они приняли отъ худыхъ учителей“. Одинъ изъ этихъ епископовъ, выражая увѣреніе въ святости иконъ, сказалъ: „на бывшемъ въ Антіохіи соборѣ апостоловъ сказано, чтобы спасаемые уже не прибѣгали къ идоламъ, но чтобы вмѣсто этого для нихъ изображалось пречистое знаменіе крестныхъ страданій Богочеловѣка Іисуса *)“ (Дѣян. VII, 87—89). Вопросъ о томъ, принять ли въ церковное общеніе и оставить ли въ прежнихъ должностяхъ этихъ епископовъ, принадлежавшихъ ко второму классу кающихся, разрѣшенъ былъ не такъ просто, какъ по отношенію къ епископамъ перваго класса. Соборъ на основаніи каноническихъ постановленій и отеческихъ писаній долго и много разсуждаетъ: оставить ли ихъ на епископскихъ каѳедрахъ. Сначала высказывались разныя мнѣнія. Строгими въ отношеніи къ этимъ епископамъ хотѣли быль: монахи константинопольскіе, присутствовавшіе на соборѣ, одинъ изъ представителей отъ патріаршествъ восточныхъ и нѣкоторые другіе епископы; эти хотѣли лишить ихъ каѳедръ, удовольствовавшись принятіемъ ихъ въ церковное общеніе, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ кающихся посвящены еретиками. Напротивъ Тарасій смотрѣлъ снисходительнѣе и примѣрами изъ церковной исторіи доказывалъ, что покаяніе возвращаетъ указаннымъ епископамъ ихъ каѳедры (Дѣян. VII, 102. 119. 120. 121 и др.). Мнѣніе Тарасія восторжествовало. По произнесеніи покаявшимися епископами письменнаго отреченія отъ ереси, подобнаго тому, какое произнесъ Василій Анкирскій, соборъ возсоединилъ ихъ съ церковію и оставилъ за ними епископскій санъ (Дѣян. VII, 111. 122.

*) Неизвѣстно, что именно разумѣлъ этотъ епископъ, приводя подобное свидѣтельство; изъ писаній апостольскихъ ничего такого неизвѣстно.

193).—Третій классъ покаявшихся епископовъ состоялъ лишь изъ одного епископа. Это былъ Григорій епископъ Неокесарійскій. Онъ составилъ собою особый классъ, потому что, кромѣ иконоборчества, онъ обвинялся еще въ томъ, что онъ преслѣдовалъ и гналъ исповѣдниковъ иконопочитанія въ предъидущія царствованія. Его вина грозила ему низверженіемъ изъ сана. Григорій Неокесарійскій принятъ былъ на соборъ съ замѣтною строгостію. Лишь только вошелъ онъ на соборъ съ просьбою о прощеніи, Тарасій сказалъ ему: „неужели тебѣ до сихъ поръ не было случая узнать истину? Или ты отнесся къ ней съ пренебреженіемъ, полагая, что ее еще не постигли? Скажи, что тебѣ нужно"? Григорій заявилъ, что видя единодушіе собравшихся отцовъ по вопросу объ иконопочитаніи, онъ проситъ прощенія въ своемъ иконоборческомъ заблужденіи. Тарасій не вдругъ повѣрилъ искренности Григорія; знакъ, что его обращеніе казалось отцамъ собора подозрительнымъ. Тарасій замѣтилъ Григорію: „можетъ быть ты хочешь затѣнить свою мысль покровомъ хитрости и, придавая словамъ видъ истины, въ душѣ остаешься злодѣемъ". Григорій съ рѣшительностію завѣрялъ, что его обращеніе вполнѣ искренне (Дѣян. VII, 124. 125). Въ слѣдующемъ засѣданіи собора (третьемъ) отцы снова обратились къ вопросу о томъ, какъ поступить съ Григоріемъ приносившимъ раскаяніе. Тарасій опять спрашивалъ его: „ты отъ чистаго ли сердца исповѣдуешь свой грѣхъ?" Когда же Григорій опять и опять объявилъ, что его покаяніе чистосердечно, тогда патріархъ спросилъ соборъ, какъ поступить съ Григоріемъ? Соборъ отвѣчалъ: „какъ въ другихъ случаяхъ было поступлено, такъ и теперь". Послѣ этого Тарасій объявилъ, что надъ Григоріемъ тяготѣетъ еще обвиненіе въ гоненіи на исповѣдниковъ иконопочитанія. Если это вѣрно, замѣчалъ патріархъ, въ такомъ случаѣ правила повелѣваютъ: епископа, пресвитера и діакона, біющаго вѣрныхъ согрѣшающихъ или невѣрныхъ и желающаго этимъ устрашить ихъ, низлагать, а тѣмъ болѣе слѣ-

дуетъ низлагать такихъ какъ Григорій, который, говорятъ, преслѣдовалъ людей богобоязненныхъ. Соборъ согласился, что въ случаѣ справедливости обвиненія, лежащаго на Григоріи, съ нимъ дожно быть поступлено по правиламъ. На это Григорій объявилъ: „ниодинъ человѣкъ не обвинитъ меня, чтобы я билъ и наказывалъ кого-либо“. И такъ какъ не было представлено никакихъ документальныхъ доказательствъ виновности Григорія, то соборъ милостиво положилъ: „пусть будетъ принятъ Григорій въ свое мѣсто“. Но партія строгихъ, которая заявила себя уже при судѣ надъ каявшимися епископами втораго класса, не оставалась безмолвною и теперь. Игуменъ студійскаго въ Константинополѣ монастыря Савва потребовалъ, чтобы съ Григоріемъ поступлено было не какъ просто съ заблуждающимся, но какъ съ ересіархомъ, ибо онъ былъ въ числѣ главныхъ вожаковъ собора Копронимова иконоборческаго. Возникли пренія, но они кончились благополучно для Григорія. Соборъ припомнилъ, что хотя Ювеналій архіепископъ іерусалимскій и былъ однимъ изъ предводителей собора разбойничьяго монофизитскаго лжевселенскаго 449 г., однакожъ истинный вселенскій соборъ Халкидонскій пощадилъ преступника. Тарасій, какъ это было и прежде, принялъ сторону кающагося; онъ сказалъ: „уже и прежде этотъ св. соборъ провозгласилъ, что слѣдуетъ принимать приходящихъ отъ ереси, если не низвергаетъ ихъ изъ сана какая-либо посторонняя причина“. Соборъ вслѣдъ за Тарасіемъ сказалъ: „мы всѣ говоримъ тоже“. „Благія соображенія высказанныя въ различныхъ формахъ святы“. Возраженіе строгихъ осталось безъ послѣдствій для Григорія (Дѣян. VII, 188—192). Возсоединеніе съ церковію многихъ епископовъ иконоборческихъ было выраженіемъ торжества иконопочитанія надъ заблужденіемъ.

Вторымъ дѣломъ собора, послѣ возсоединенія иконоборцевъ съ церковію, было выясненіе истиннаго ученія о почитаніи св. иконъ. Императорскою граматою къ со-

бору и рѣчью предсѣдателя собора патріарха Тарасія допускалась на соборѣ полная свобода преній по вопросу объ иконахъ, въ видахъ полнаго и всесторонняго обсужденія истины. Такъ въ императорской граматѣ было сказано отцамъ собора: „каждому изъ васъ мы даемъ право безъ всякаго опасенія говорить все, что пожелаетъ, чтобы изслѣдованіе дѣла могло производиться какъ можно тщательнѣе и чтобы истина была выяснена безъ всякаго принужденія, да искоренится всякое разногласіе между церквами и да соединитъ всѣхъ насъ союзъ мира“ (Дѣян. VII, 75). Патріархъ съ своей стороны стоялъ на тойже самой точкѣ зрѣнія; онъ говорилъ къ отцамъ собора: „пусть, если это угодно Богу, предстанутъ и воспротивившіеся истинѣ. Если они имѣютъ что-либо возразить или сказать въ свою защиту, то пусть скажутъ, потому что такимъ образомъ предметъ изслѣдованія уяснится“ (Дѣян. VII, 73). При такихъ условіяхъ соборъ и приступилъ къ выясненію истины иконопочитанія.

Приступая къ этому дѣлу, Тарасій говорилъ собору: „пророческое слово заповѣдуетъ: *на гору высоку взыди, благовѣствуй Сіону, возвыси гласъ твой, благовѣствуй Іерусалиму* (Ис. 40, 9); поэтому мы, священные мужи, послѣдуя этому пророческому повелѣнію, будемъ проповѣдывать, возвысивъ наши голоса, и провозгласимъ миръ каѳолической церкви. Но какъ это сдѣлать? Пусть будутъ принесены и прочтены предъ нами для слушанія книги (св. Писанія), св. отцевъ и черпая изъ нихъ пусть каждый напояетъ свою паству“ (Дѣян. VII, 228). Такимъ образомъ въ противоположность лжевселенскому собору 754 года, который основывалъ свое ученіе объ отмѣненіи иконопочитанія по преимуществу на основаніи соображеній разума, Никейскій вселенскій соборъ для уясненія истины обращается къ болѣе прочному авторитету богодуховныхъ и святоотеческихъ писаній.

Сначала соборъ прочитываетъ и обсуждаетъ тѣ мѣста изъ священнаго писанія, кои бы могли служить къ под-

крѣпленію истины иконопочитанія. Такъ прочтены были изъ книги *Исходъ* и *Числъ* заповѣди Бога Израилева о томъ, чтобы въ скиніи свидѣнія устроены были сдѣланное изъ золота очистилище и человѣкообразные и крылатые херувимы, осѣняющіе кивотъ завѣта (Исх. 25, 1. 17. 22; Чис. 7, 88. 89). Прочтено было также весьма примѣчательное свидѣтельство изъ книги пр. Іезекіиля. Пророкъ, описывая видѣнный имъ въ видѣніи таинственный храмъ, такъ говоритъ объ украшеніяхъ его: „отъ верха дверей, какъ внутри храма, такъ и снаружи и по всей стѣнѣ кругомъ, внутри и снаружи были разныя изображенія. Сдѣланы были херувимы и пальмы; пальма между двумя херувимами и у каждаго херувима два лица. Съ одной стороны обращено къ пальмѣ лице человѣческое, а съ другой къ пальмѣ лице львиное; такъ сдѣлано во всемъ храмѣ кругомъ. Отъ пола до верха дверей сдѣланы были херувимы и пальмы, также и по стѣнѣ храма“ (Іезек. 41, 16—20). Изъ Новаго завѣта въ доказательство истины иконопочитанія приведено было соборомъ только одно мѣсто, именно изъ посланія *къ Евреямъ*, въ которомъ упоминается о томъ, что въ святилищѣ и Святомъ святыхъ въ скиніи устроены были свѣтильникъ, трапеза, ковчегъ завѣта, херувимы, и что здѣсь находились стамна съ манною, и жезлъ Аароновъ (9, 1—5). По прочтеніи указанныхъ свидѣтельствъ изъ свящ. Писанія, Тарасій сказалъ: „если ветхій завѣтъ имѣлъ херувимовъ, осѣняющихъ святилище, то и мы будемъ имѣть иконы Господа Іисуса Христа, Богородицы и святыхъ Его, осѣняющихъ алтарь“. При этомъ одинъ изъ отцевъ собора замѣтилъ о несправедливости нападокъ иконоборцевъ на православныхъ за то, что они изображали херувимовъ, которые суть духи, сказавъ: „херувимъ, какъ прочитано, имѣлъ лице человѣческое. Какъ же нѣкоторые говорятъ: кто видѣлъ лице херувимское? хотя и говорится здѣсь о лицѣ изваянномъ“ (Дѣян. VII, 229—230).

Послѣ изложенія свидѣтельствъ въ пользу иконоупо-

требленія, заимствованныхъ изъ свящ. Писанія, соборъ обращается къ изученію безчисленныхъ свидѣтельствъ святоотеческихъ, утверждающихъ истину иконопочитанія *). Прежде всего отцами собора по преимуществу прочитаны были такія свидѣтельства изъ писаній св. отцевъ, которыя говорили о великомъ *значеніи иконъ для* воспитанія *духа человѣческаго*. Когда прочитаны были свидѣтельства изъ сочиненій Іоанна Златоуста о томъ, что онъ повсюду встрѣчалъ икону св. Мелетія на улицахъ, на торжищахъ, на поляхъ и на дорогахъ, отцы выразили свое мнѣніе по вопросу объ иконахъ въ слѣдующихъ отзывахъ. Одинъ сказалъ: „если такъ говоритъ объ иконахъ св. Іоаннъ Златоустъ, то кто осмѣлится что-либо сказать противъ нихъ?“ Другой объявилъ: „жившіе тогда (при Златоустѣ) чувствовали такую сильную любовь къ этой иконѣ, что повсюду изображали икону св. Мелетія, за что отецъ чрезвычайно и хвалитъ ихъ“ (Д. VII, 233). Также прочитано было и другое свидѣтельство изъ тогоже Златоуста: „Я полюбилъ сдѣланную изъ воска картину“ (икону). Патріархъ, выслушавъ это свидѣтельство, замѣтилъ: „Если имѣющій уста драгоцѣннѣйшія золота произнесъ: „Я полюбилъ восковое изображеніе, то что мы скажемъ о ненавидящихъ оное?“ (Д. VII, 234). Особенно выразительно о глубокомъ дѣйствіи на душу св. иконъ разсуждалъ Григорій Нисскій. Онъ говорилъ, что онъ не могъ проходить безъ слезъ мимо изображенія принесенія Исаака въ жертву. Присутствовавшіе на соборѣ, выслушавъ это свидѣтельство, возглашали: „Вотъ какъ тронула

*) Всѣ главнѣйшія свидѣтельства св. отцевъ о семъ предметѣ, на какихъ основывался соборъ въ своемъ ученіи, изложены были выше въ главѣ: „Происхожденіе иконоборчества“. Не считаемъ нужнымъ повторять ихъ, изложимъ здѣсь только воззрѣнія св. отцевъ самаго собора на истину иконоупотребленія и иконопочитанія, насколько они высказаны были при чтеніи того или другаго мѣста изъ писаній святоотеческихъ.

отца нашего эта живописная картина: онъ даже плакалъ." Въ частности одинъ изъ отцевъ собора замѣтилъ: „Часто отецъ читалъ эту исторію и вѣроятно не плакалъ; но когда видѣлъ живописное изображеніе ея, плакалъ." Представитель восточныхъ патріарховъ съ своей стороны выразилъ такую мысль: „Если этому учителю доставило пользу и вызвало слезы живописное изображеніе этой исторіи, то насколько болѣе оно приноситъ сокрушенія и пользы для неученыхъ и простыхъ"! Другой отецъ прибавилъ: „Если Григорій плакалъ, видя живописное изображеніе Авраама, то насколько болѣе можетъ приносить пользы и вызвать потоковъ слезъ у зрителей живописное представленіе домостроительства воплощенія Господа нашего Іисуса Христа!" (Д. VII, 235—6).

Затѣмъ соборъ переходитъ къ объясненію православнаго взгляда на *отношеніе искусства къ религіи*. Иконоборцы называли религіозное искусство безполезнымъ и нечестивымъ; соборъ, защищая истину иконопочитанія, иначе смотрѣлъ на вопросъ. Чтеніе сочиненія св. Астерія Амасійскаго (IVв.), въ которомъ онъ въ высокихъ и трогательныхъ чертахъ изображаетъ красоту художественнаго изображенія св. мученицы Евѳиміи, видѣннаго имъ самимъ, дало собору случай высказать свой взглядъ на отношеніе искусства къ религіи. Присутствовавшіе на соборѣ, по прочтеніи этого сочиненія, говорили: „Значитъ искусство живописца есть занятіе священное, и совсѣмъ нетаково, чтобы осмѣивать его, какъ нѣкоторые (т.-е. иконоборцы) безумно поступаютъ; этотъ отецъ представляетъ живописца человѣкомъ совершающимъ благочестивое дѣло". Туже мысль выразилъ и въ отдѣльности одинъ изъ отцевъ: „Хорошій живописецъ при помощи искусства всегда представляетъ вещи такъ, какъ и написавшій икону мученицы Евѳиміи; по этому-то здѣсь этотъ учитель и хвалитъ живописное искусство". Патріархъ Тарасій также произнесъ сужденіе по поводу прочитаннаго; онъ находилъ, что и отецъ заповѣдуетъ и поощряетъ въ жи-

вописи изображать исторію подвиговъ мученическихъ. Представитель восточныхъ патріарховъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы опровергнуть воззрѣніе иконоборцевъ, что живописцы не въ состояніи на полотнѣ и доскѣ воспроизводить то, о чемъ говоритъ Писаніе,—объявивъ: „Живописцы не противорѣчатъ Писанію, а напротивъ, что говоритъ Писаніе, то и они представляютъ, такъ что они остаются согласными съ Писаніемъ" (Д. VII, 243—5; сличи 286).

При дальнѣйшемъ чтеніи различныхъ святоотеческихъ писаній соборъ приходитъ къ разъясненію самой важной стороны въ вопросѣ объ иконопочитаніи: *какъ понимать* и въ чемъ выражать *почитаніе св. иконъ?* Поводъ высказаться отцамъ собора относительно этого предмета дало чтеніе слѣдующаго повѣствованія изъ жизни Максима Исповѣдника (VII в). „Авва Максимъ вмѣстѣ съ Ѳеодосіемъ епископомъ Кесарійскимъ (въ Виѳиніи) и другими положилъ поклонъ и цѣловалъ св. Евангеліе, честный крестъ икону Бога и Спасителя Іисуса Христа и Пресвятой Богородицы. При этомъ авва Максимъ обратившись къ епископу (Ѳеодосію) сказалъ со слезами: „всѣ мы ожидаемъ день суда; ты знаешь, что̀ изображается и опредѣлено изображать на животворящемъ крестѣ, на иконѣ Спасителя и Пресвятой Богородицы". По прочтеніи этого, отцы собора высказываютъ мнѣніе о почитаніи св. иконъ; но ихъ воззрѣнія, повидимому, были не совсѣмъ одинаковы. Одни подъ иконопочитаніемъ понимали *поклоненіе* имъ, другіе *почтительное лобзаніе.* За первое воззрѣніе высказались Константинъ епископъ Кипрскій и представитель восточныхъ патріарховъ пресвитеръ Іоаннъ. Константинъ сказалъ: „Выраженіе: *цѣловалъ* здѣсь въ прочитанномъ употреблено въ значеніи поклоненія, потому что Максимъ поклонился св. Евангелію и кресту, а съ тѣмъ вмѣстѣ иконамъ Спасителя и пресвятой Богородицы". Пресвитеръ Іоаннъ къ этому добавилъ: „да, иконы имѣютъ одинаковое значеніе съ Евангеліемъ и крестомъ". Нѣсколько отлично

отъ этого воззрѣнія было воззрѣніе другихъ отцевъ, и во главѣ ихъ патріарха Тарасія. Тарасій приравниваетъ иконы къ св. сосудамъ, говоря: „св. иконы сопричисляются къ священнымъ сосудамъ“; многіе подтвердили это мнѣніе Тарасія. Тарасій къ этому еще добавилъ: „посмотрите, братія, сказано, что они *цѣловали*. Тоже и мы должны дѣлать въ почтительномъ благоговѣніи; потому что наше поклоненіе относится къ одному Богу“. Какъ кажется, первое воззрѣніе считало иконы достопочитаемыми предметами, а второе только священными (Д. VII, 264—265). Но ближайшее разсмотрѣніе другихъ свидѣтельствъ изъ писаній отцевъ дало очевидный перевѣсъ первому изъ указанныхъ нами воззрѣній, что иконамъ слѣдуетъ покланяться, а не благовѣйно только лобызать ихъ. Въ этомъ отношеніи сильное вліяніе, помимо другихъ свидѣтельствъ, имѣло свидѣтельство св. Анастасія епископа Ѳеопольскаго. Въ одномъ его посланіи на соборѣ было прочтено слѣдующее мѣсто: „мы покланяемся и (св.) людямъ и ангеламъ, но не служимъ имъ какъ богамъ, ибо Моисей говоритъ: *Господу Богу твоему поклонишися и Тому единому послужиши* (Втор. 6, 5). Смотри: при словѣ: *послужиши* прибавлено: единому, а къ слову: *поклонишися* не прибавлено. Значитъ покланяться можно и не Богу, потому что поклоненіе есть обнаруженіе почтенія, служить нельзя никому кромѣ Бога. Сказанное о почитаніи ангеловъ и святыхъ отцами собора приложено и къ иконамъ. Всѣ теперь склонились къ мысли, что иконамъ нужно покланяться, но однакоже не служить, какъ мы должны служить Богу. Во главѣ другихъ и Тарасій присоединился къ этому мнѣнію. Тарасій объявилъ предъ лицемъ собора: „обратите вниманіе на толкованіе премудраго отца“. Слова его приводятъ всѣхъ насъ даже горячо противящихся къ принятію св. иконъ и къ поклоненію имъ. „Поклоненіе, говоритъ онъ, есть обнаруженіе почтенія.“ Итакъ всѣ исповѣдающіе, что слѣдуетъ почитать св. иконы, но отказывающіеся покланяться имъ, обличаются

этимъ св. отцомъ въ томъ, что они говорятъ неправо. И въ самомъ дѣлѣ, не воздавая поклоненія, которое есть символъ почтенія, они являются поступающими наоборотъ, т.-е. оказывающими непочтеніе" (Д. VII, 281—2). Послѣ этихъ и подобныхъ разсужденій соборъ наконецъ единодушнѡ пришелъ къ мысли, что иконамъ нужно покланяться. Результатъ своихъ занятій по вопросу о почитаніи св. иконъ соборъ наконецъ выразилъ въ такихъ словахъ: „съ любовію пріемлемъ мы изображеніе честнаго и животворящаго креста, святыя же и честныя иконы допускаемъ, съ любовію принимаемъ и объемлемъ согласно древнему преданію св. отецъ, которые и сами ихъ принимали, чтобы онѣ находились во всѣхъ церквахъ и на всякомъ мѣстѣ владычества Божія. Эти иконы мы почитаемъ и почтительно поклоняемся имъ, а именно иконы Спасителя, Божіей Матери и всѣхъ святыхъ, чтобы при помощи живописныхъ изображеній можно было приходить къ воспоминанію и напоминанію о первообразѣ (т.-е. о самихъ изображенныхъ и ихъ добродѣтеляхъ) и стать участниками нѣкоего освященія (Д. VII, 357—358). На этомъ и закончились разсужденія отцевъ о почитаніи иконъ. Это почитаніе иконъ соборъ въ томъже заключительномъ мнѣніи ясно и опредѣленно отличаетъ отъ почитанія подобающаго самому Богу. Соборъ говоритъ: „вѣруемъ въ Троицу непостижимую, неописуемую, которой одной надлежитъ Божеское служеніе и поклоненіе и почитаніе" (Д. VII, 356) *).

*) Кромѣ многочисленныхъ свидѣтельствъ св. отцевъ о почитаніи иконъ, на утвержденіе иконопочитанія въ такомъ именно видѣ, какъ положено на соборѣ, имѣло вліяніе свидѣтельство современнаго собору папы Адріана I, посланіе котораго читано было на соборѣ; въ немъ между прочимъ говорилось: „сохраняя чистоту вѣры, мы иконы, подобно тому какъ книги Божественнаго писанія, употребляемъ для напоминанія о томъ, кого мы почитаемъ" (Д. VII, 134). Съ какимъ глубокимъ уваженіемъ посланіе папы было принято на соборѣ, объ этомъ Тарасій свидѣтельствовалъ въ посланіи къ папѣ, пиша: „когда было постановлено прочитать посланіе твоей святости,

Какъ скоро соборъ пришелъ къ единодушному рѣшенію по вопросу о св. иконахъ, отцы берутъ на себя задачу произнести судъ надъ иконоборчествомъ. Этотъ судъ продолжался долго и отличался обстоятельностію. Прежде всего соборъ произноситъ судъ надъ иконоборчествомъ *по его существу*. Отцы находятъ, что иконоборцы своими воззрѣніями и дѣятельностію разомъ повторяютъ собою злые примѣры, заблужденія и ереси всѣхъ прежнихъ временъ: иконоборчество было суммою множества заблужденій и ересей. Изъ библейскихъ примѣровъ, по сужденію собора, иконоборцы могутъ быть сравниваемы лучше всего съ Навуходоносоромъ. Съ этою цѣлію прочитанъ былъ на соборѣ отрывокъ изъ втораго огласительнаго слова Кирилла Іерусалимскаго, въ которомъ говорилось: „неслыхалъ ли кто, что Навуходоносоръ сокрушилъ херувимовъ? Не говорю—херувимовъ умосозерцаемыхъ и небесныхъ, но херувимовъ, которые были устроены въ храмѣ и осѣняли

то мы стали всѣ вокругъ и пресытились, какъ на царскомъ ужинѣ, духовными брашнами, которыя Христосъ приготовилъ пирующимъ чрезъ твое посланіе; и ты подобно глазу направлялъ все тѣло (церковь) на прямой и истинный путь“ (Д. VII, 668). Кромѣ многоразличныхъ свидѣтельствъ, которыми руководился соборъ въ опредѣленіи своего мнѣнія касательно предмета разсужденій, прочитаны были на соборѣ нѣкоторые дошедшіе изъ древности разсказы о томъ, что иконы творятъ чудеса, и это было доказательствомъ для собора, что иконы достойны чествованія (Дѣян. VII, 284 и д. 250 и д.). При чтеніи такихъ разсказовъ Тарасій въ видахъ утвержденія несомнѣнности свидѣтельствъ о чудесахъ отъ иконъ считаетъ необходимымъ рѣшить вопросъ: отъ чего въ его время, во времена Тарасія, уже не было чудесъ отъ иконъ? Онъ говорилъ: „быть можетъ кто нибудь скажетъ: отъ чего же находящіяся у насъ иконы не творятъ чудесъ? Таковому мы отвѣтимъ: потому что, какъ сказалъ Апостолъ, знаменія даются тѣмъ, кои не вѣруютъ, а не тѣмъ, кои вѣруютъ (Дѣян. VII, 257). Впрочемъ нашлись на соборѣ и такія лица, которыя повѣдали собору о чудесахъ, совершившихся и во времена настоящія; такъ епископъ Кипрскій Константинъ разсказалъ о нѣкоторыхъ чудесахъ подобнаго рода, извѣстныхъ ему изъ собственной епископской практики (Дѣян. VII, 303—5).

святилище, отъ среды котораго глаголалъ Божій законъ". Соборъ находитъ, по прочтеніи этого мѣста изъ Кирилла, что иконоборцы дѣйствовали какъ Навуходоносоръ и заслуживаютъ тогоже печальнаго жребія, какого заслужилъ онъ (Д. VII, 382—3). Соборъ далѣе полагаетъ, что иконоборцы также худы и даже хуже Самарянъ. Свидѣтельства св. Симеона столпника (младшаго), утверждающее, что какіе-то Самаряне въ его время низвергли иконы, подаетъ поводъ отцамъ собора объявить: „всѣмъ извѣстно, что самаряне хуже прочихъ еретиковъ. Отвергающіе честныя иконы гораздо хуже даже этихъ еретиковъ: но достаточно, если мы будемъ ихъ считать и наравнѣ съ Самарянами" (Д. VII, 383—386). Далѣе соборъ сравниваетъ иконоборцевъ съ Іудеями. По прочтеніи одного свидѣтельства о томъ, что Іудеи не допускаютъ иконъ и осуждаютъ ихъ въ христіанствѣ, одинъ изъ членовъ собора сказалъ: „Домостроительство Господа нашего Іисуса Христа отвергаютъ тѣ, которые отрицаютъ иконы, какъ-то Евреи; поэтому отвергающіе иконы подобны имъ" (Д. VII, 390—391). Соборъ находитъ, что иконоборцы думаютъ и поступаютъ не только подобно всѣмъ иновѣрнымъ, но они во всемъ сходны и со многими еретиками, какіе въ разныя времена были въ христіанствѣ. Больше всего есть сходства, по мнѣнію собора, у нихъ съ Манихеями и Северіанами (секта монофизитская). Объ ихъ сходствѣ съ Манихеями соборъ выводитъ заключеніе на томъ основаніи, что они пользовались апокрифическою книгою осужденною церковію подъ заглавіемъ: „Путешествія св. Апостоловъ," а въ этой книгѣ говорится, что Христосъ имѣлъ тѣло призрачное, что утверждали и Манихеи (Д. VII, 391—397). При этомъ соборъ произноситъ осужденіе и на самую книгу, которою пользовались иконоборцы (Д. VII, — 398). Полное сходство находитъ соборъ и между иконоборцами и Северіанами, ибо извѣстно было о послѣднихъ, что они иконоборчествовали, низвергая изображенія голубей, подъ видомъ которыхъ въ церкви представлялся Духъ святый

(Д. VII, 406—7). Послѣ всего этого соборъ провозгласилъ анаѳему на иконоборцевъ и постановилъ вопервыхъ на другой же день поставить икону посреди собора и съ тѣхъ поръ лобзать ее; вовторыхъ всѣ сочиненія, какія когда либо написаны были противъ иконъ, предать огню (Д. VII, 424—5).

Важнѣйшимъ дѣломъ собора въ борьбѣ съ иконоборчествомъ былъ разборъ вѣроопредѣленія лжевселенсаго собора, собраннаго Копронимомъ, вѣроопредѣленія, направленнаго противъ почитанія св. иконъ. Это былъ видный документъ иконоборчества, который требовалъ вниманія къ себѣ тѣмъ болѣе, что еще находились люди между самими епископами, которые сочувствовали собору Копронимову. Соборъ вселенскій подробно и тщательно разбираетъ всѣ основанія, какими прикрывалъ свое лжеученія иконоборческій соборъ Копронимовъ и какія были изложены въ вѣроопредѣленіи онаго. Соборъ слѣдитъ шагъ за шагомъ за всѣми аргументами этого вѣроопредѣленія и опровергаетъ ихъ *) 1., Началось опроверженіе

*) Соборъ не весь въ своемъ составѣ изготовилъ это опроверженіе, а какое-то отдѣльное лице: опроверженіе только было прочитано на соборѣ и одобрено. Кто былъ составителемъ онаго, неизвѣстно (не Епифаній ли, діаконъ Сицилійскій, который позднѣе обращается къ собору съ похвальною рѣчью?). Опроверженіе отличается множестмъ глубокихъ мыслей, находчивостію въ доводахъ и разнообразіемъ ихъ, но при всемъ этомъ оно нечуждо недостатковъ: авторъ поставилъ себѣ цѣлію останавливаться на *каждомъ* выраженіи, словѣ вѣроопредѣленія иконоборческаго; потому не избѣгъ повтореній, возвращеній къ одному и томуже нѣсколько разъ, явился многорѣчивымъ; притомъ такъ какъ авторъ поставилъ себѣ цѣлію почти ни въ чемъ несоглашаться съ вѣроопредѣленіемъ, то онъ не избѣгъ натяжекъ и общихъ фразъ. Достойно вниманія, что на соборѣ опроверженіе вѣроопредѣленія иконоборческаго производилось такъ: одинъ изъ истыхъ иконоборцевъ, впрочемъ вовремя собора вселенскаго обратившійся къ православію, Григорій епископъ Неокесарійскій, какъ бы выражая собою весь лжевселенскій соборъ, читалъ по порядку пунктъ за пунктомъ вѣроопредѣленіе, при чемъ православная

съ самаго названія „вселенскій соборъ,“ какимъ называлъ себя соборъ Копронимовъ въ своемъ вѣроопредѣленіи: Противъ этого имени выставлены были такія соображенія „какимъ образомъ этотъ соборъ есть „вселенскій“, когда его не приняли и не согласились съ нимъ представители прочихъ церквей, а напротивъ предали его анаѳемѣ.“ Далѣе на немъ не было ни папы Римскаго или его представителей, ни патріарховъ восточныхъ или ихъ представителей. Наконецъ, неосновательно онъ признаетъ за собою названіе: „седьмаго“. „Какимъ образомъ онъ есть седьмой, когда онъ несогласенъ съ шестью прежде него бывшими вселенскими соборами? Что считается седьмымъ, то должно вытекать изъ того, что происходило раньше и составляло первыя цифры счета“. А что разбираемый соборъ не имѣетъ связи съ предъидущими соборами, это видно изъ того, что онъ презрѣлъ опредѣленія VI вселенскаго собора (правильнѣе Трульскаго), на которомъ въ одномъ каноническомъ правилѣ (пр. 82) упоминаются иконы какъ учрежденіе законное. Слѣдовательно соборъ Копронимовъ также странно назвать седьмымъ вселенскимъ соборомъ, какъ странно къ шести золотымъ монетамъ прибавлять седьмую мѣдную и воображать, что она равнозначительна съ первыми (Дѣян. VII, 430—432; 441—2). 2) Напрасно соборъ прописываетъ въ вѣроопредѣленіи, что онъ избирался во всечестномъ храмѣ Владычицы Богородицы; это не придаетъ никакой особенной силы его рѣшеніямъ, ибо „и Каіаѳѣ и Аннѣ и іудейскому синедріону ихъ, вооружившемуся противъ Христа, не было никакой пользы отъ того, что беззаконное совѣщаніе ихъ направленное противъ Христа происходило въ священномъ храмѣ“ (Дѣян. VII, 433). 3) Нечестиво дѣлаютъ иконоборцы, собиравшіеся на соборъ Копронимовъ, когда на-

сторона, въ нужныхъ случаяхъ прерывая чтеніе, съ своей стороны прочитывала опроверженіе только что прочитаннаго. Значитъ чтеніе имѣло форму диспута.

зываютъ иконопочитаніе идолопоклонствомъ *). Отвѣтъ собора на эту напраслину былъ таковъ: „имѣя языкъ изощренный во лжи, подобно острому мечу, и думая, что наша вѣра обратилась въ чествованіе иконъ, они оскорбительно отзываются о ней, называя ее вещественнымъ почитаніемъ твари. Ни одинъ изъ находящихся подъ небомъ людей-христіанъ не приноситъ служенія иконѣ. Идолослуженіе—вымыселъ язычниковъ, изобрѣтеніе демоновъ, проявленіе дѣла сатанинскаго. Оно погибло съ появленіемъ Христа. Нынѣ остается служеніе духомъ и истиною. Въ церкви же находятся различные предметы только въ воспоминаніе о Христѣ и святыхъ Его; къ числу ихъ относятся и иконы" (Дѣян. VII, 452). 4) Въ вѣроопредѣленіи иконоборческомъ говорилось: религіозное искусство—дѣло безумное, жалкое удовольствіе. Противъ этого на соборѣ изъявлено: „кто изъ св. отцевъ провозгласилъ, что искусство живописцевъ въ противорѣчіи съ догматами о воплощеніи Христа? И вообще искусства полезныя, не носящія въ себѣ ничего непристойнаго, не презирались и не отлучались св. отцами, въ томъ числѣ и искусство живописное, за исключеніемъ того случая, когда имъ пользуются для изображенія чего-либо непристойнаго. Но какъ скоро мы хотимъ изображать жизнь добродѣтельныхъ мужей, подвиги мучениковъ и ихъ страданія, или таинство воплощенія, тогда, пользуясь искусствомъ живописцевъ, мы являемся поступающими весьма прилично. Да и къ какимъ страннымъ выводамъ придемъ, если подобно иконоборцамъ будемъ отвергать религіозное искусство? Значитъ и плотникъ, вытачивающій крестъ, долженъ назваться жалкимъ плотникомъ? И каменьщикъ высѣкающій и формирующій св. трапезу есть также жалкій каменьщикъ? И золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеръ и ткачъ тоже?

*) Подробное раскрытіе основаній этого и подобныхъ воззрѣній иконоборческихъ, теперь разбираемыхъ соборомъ, представлено было выше. См. выше „Господство иконоборчества".

Не слѣдуетъ ли по ихъ мнѣнію бросить всякое знаніе и художество, дарованное Богомъ ради славы Его? Неужели иконоборцы не знаютъ, что самъ Богъ въ ветхомъ завѣтѣ освятилъ искусство, повелѣвъ Веселеилу приготовить всѣ нужныя украшенія для скиніи?“ (Дѣян. VII, 460—461; 467—8) 5) Обращаясь къ ниспроверженію иконъ Христа Спасителя, иконоборцы въ своемъ вѣроопредѣленіи въ укоризну иконопочитателямъ говорили, что они употребляя иконы Христа, тѣмъ самымъ впадаютъ въ двѣ ереси несторіанскую и монофизитскую, потворствуютъ ученію Несторія и Евтихія съ Діоскоромъ. Соборъ вселенскій опровергъ это мнѣніе иконоборцевъ со всею основательностію. Разборъ этого мнѣнія былъ такого рода: „или они (иконоборцы) незнаютъ, что перечисленные ими еретики противоположны одни другимъ по воззрѣніямъ, или же они просто хотятъ пустословить. Если же эти ереси и еретики другъ другу противоположны, то, допуская, что по ихъ словамъ церковь послѣдовала Несторію, они очевидно лгутъ, когда въ тоже время говорятъ, что она единомысленна съ Діоскоромъ и Евтихіемъ. Если же напротивъ согласиться, что она единомысленна съ Евтихіемъ и Діоскоромъ, то и въ этомъ случаѣ они окажутся лжецами, потому что, какъ мы сказали уже, Евтихій и Несторій разногласятъ другъ съ другомъ въ нечестіи и такимъ образомъ этотъ силлогизмъ ихъ оказывается неосновательнымъ и излишнимъ. Невозможно, чтобы ереси противоположныя находились въ одномъ и томъже ученіи (православномъ), какъ невозможно видѣть одитъ и тотъже предметъ и бѣлымъ и чернымъ и находить и горячимъ и холоднымъ,—въ снѣгѣ никогда не оказывается жара, а въ огнѣ холода“. По неустойчивости въ воззрѣніяхъ иконоборцы подобны „ракамъ взадъ и впередъ ползающимъ“. Въ частности въ самомъ дѣлѣ какое напр. можетъ быть сходство между иконопочитаніемъ и несторіанствомъ? спрашиваетъ соборъ, и отвѣчаетъ: „Несторій вводитъ двухъ сыновъ: одного Слово Отчее, а другаго—рожденнаго отъ

жены, тогда какъ иконопочитатели одного и тогоже испо-вѣдуютъ и Сыномъ и Христомъ и въ живописи изобра-жаютъ то, какъ Слово сдѣлалось плотію" (Дѣян. VII, 462—4; 478. 480). 6) Отвергая иконы Спасителя, иконо-борцы, какъ извѣстно, утверждали, что у христіанъ есть образъ Христовой плоти, которымъ и надлежитъ доволь-ствоваться: это Евхаристія. Соборъ считаетъ подобное представленіе иконоборцевъ совершенно ложнымъ. Онъ утверждаетъ, что Евхаристія не есть только образъ плоти Христовой, но дѣйствительная плоть и кровь Господни. „Ни одинъ изъ апостоловъ и евангелистовъ не называетъ нигдѣ безкровную жертву образомъ плоти Христовой. Если же нѣкоторые св. отцы напр. Василій Великій и Евстаѳій Антіохійскій и называютъ безкровную жертву— хлѣбъ и вино „вмѣсто-образными" (αντιτυπα), но такъ они называются только до момента преложенія ихъ въ истинную кровь и плоть Господа. Учить, какъ учатъ ико-ноборцы, значитъ отрицать пресуществленіе св. Даровъ" (Дѣян. VII, 483—484). 7) Какъ иконы Спасителя, такъ и иконы Богоматери и прочихъ святыхъ иконоборцы также отвергнули въ своемъ вѣроопредѣленіи. Въ доказательство этой послѣдней мысли они въ особенности ссылались на то, что только язычникамъ свойственно религіозно-почи-таемые ими предметы какъ-нибудь изображать. Соборъ отвѣчалъ: „если иконоборцы дѣйствительно такъ будутъ разсуждать, то они должны будутъ отвергнуть все по-священное Богу, а именно священные сосуды и священ-ныя одежды, потому что и язычники дѣлали идоловъ изъ золота и серебра. Остается имъ обвинить каѳолическую церковь еще въ одномъ: язычники въ своихъ историче-скихъ сочиненіяхъ восхваляютъ своихъ боговъ и демоновъ. Не слѣдуетъ ли и намъ въ своихъ книгахъ не восхвалять ни Всевышняго Бога, ни святыхъ Его, чтобы не уподо-биться язычникамъ? Вѣдь, и это у насъ сходно съ язычни-ками"! (Дѣян. VII, 496—8). 8) Иконоборцы отвергли иконы и потому еще, что не существовало въ то время никакой

молитвы, которая бы освящала ихъ, такъ что, повидимому, онѣ оставались такими же обыкновенными предметами, какъ и все прочее. Въ ниспроверженіе этого софизма соборъ говорилъ: „пусть же они выслушаютъ правду. Надъ многими изъ такихъ предметовъ, которые мы признаемъ святыми, не читается священной молитвы, потому что они по самому имени полны святости и благодати. Поэтому такіе предметы мы чтимъ, какъ достойные почитанія и лобызаемъ ихъ. Такимъ образомъ и самый животворящій крестъ, хотя на освященіе его и не полагается особой молитвы, считается нами достойнымъ почитанія и служитъ достаточнымъ для насъ средствомъ къ полученію освященія. Итакъ или они должны признать и самый крестъ вещію обыкновенною и не заслуживающею почитанія, поелику онъ не имѣетъ освящающей его священной молитвы, или же иконы они должны считать священными и достойными почитанія“ (Дѣян. VII. 488—489). 9) Считая себя поборниками истинной духовности религіи, иконоборцы въ своемъ вѣроопредѣленіи объявляли, что иконы не должны быть принимаемы, поелику христіане далеки должны быть отъ всего чувственнаго, что находилось въ религіяхъ языческой и іудейской; при этомъ они выражались: христіанство занимаетъ средину между іудействомъ и язычествомъ. Соборъ съ своей стороны въ подобныхъ сужденіяхъ ничего не находитъ кромѣ путаницы мыслей. Соборъ отвѣчалъ на нихъ такъ: „своими другими разсужденіями они заводили себя то на обрывистыя скалы, то въ пропасти, а теперь увлекли себя въ бездну ада, ибо они осмѣливаются говорить, что церковь христіанская занимаетъ средину между язычествомъ и іудействомъ. Но этого мало: они въ тоже время противорѣчатъ сами себѣ, утверждая, что церковь не принимаетъ обрядовъ свойственныхъ тому или другому изъ нихъ. Слѣдовательно они или тамъ лгутъ, или здѣсь говорятъ неправду“ (VII, 492). 10) Наконецъ отцы собора съ замѣчательною силою и основательностію уничтожаютъ иконоборческіе софизмы собора лжевселен-

скаго, основанные на свящ. Писаніи. Такъ напримѣръ въ новомъ завѣтѣ, основываясь на изреченіи: *Бога никтоже видѣ нигдѣже* (Іоан. 1, 18), иконоборцы утверждали: значитъ Богъ неизобразимъ на иконахъ. Отцы собора отвѣчали на это: здѣсь рѣчь идетъ о божественной природѣ Христа, которая дѣйствительно неизобразима; что же касается до человѣческой природы Христа, въ которой Онъ жилъ среди людей, то кто осмѣлится сказать, что она неизобразима? Апостолы видѣли Христа и даже осязали Его (Дѣян. VII. 500). Изъ ветхаго завѣта иконоборцы хотѣли обращать въ свою пользу изреченія, подобныя изреченію: *да не сотвориши себѣ кумира* (Втор. 5, 8). По поводу этого доказательства иконоборческаго отцы справедливо объявляли: подъ кумирами разумѣются не свящ. изображенія, а языческіе идолы, иначе самъ Моисей былъ бы противникомъ воли Божіей, когда онъ устроилъ въ скиніи херувимовъ (Дѣян. VII, 501—3). Съ подобною же неосновательностію иконоборцы, возставая на иконопочитаніе, осмѣливались прилагать къ христіанамъ православнымъ изреченіе апостола: *измѣниша славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна человѣка* (Рим. 1, 23). Контекстъ рѣчи Апостола ясно изобличалъ неправду иконоборцевъ, ибо далѣе сказано: *и птицъ и четвероногъ и гадъ;* этими дальнѣйшими словами опредѣленно указывалось, что рѣчь направлялась противъ язычниковъ, а не кого другаго. Этимъ контекстомъ и воспользовался соборъ для ниспроверженія умствованій иконоборцевъ. „Иконоборцы съ коварною цѣлію урѣзали это мѣсто Писанія, чтобы ввести простодушныхъ въ заблужденіе, тогда какъ дальнѣйшія слова заключаютъ въ себѣ весьма ясное объясненіе текста; потому что тутъ упомянуто о птицахъ, четвероногихъ и гадахъ, слѣдовательно о томъ, что язычники служили твари вмѣсто Бога“ (Дѣян. VII, 503—4) *).

*) Вѣроопредѣленіе иконоборческое старалось заставить и нѣкоторыхъ отцевъ церкви говорить въ свою пользу, но насколько не-

Два послѣднихъ засѣданія собора (7 и 8) вселенскаго посвящены на провозглашеніе и утвержденіе православнаго вѣроопредѣленія о св. иконахъ, которое составляло результатъ всей дѣятельности собора. Кто былъ излагателемъ вѣроопредѣленія, неизвѣстно. Оно вносится на соборъ уже готовое **). Въ вѣроопредѣленіи читаемъ:

„Опредѣляемъ, чтобы св. и честныя иконы предлагались (для поклоненія) точно такъ же, какъ изображеніе честнаго животворящаго креста, будутъ ли онѣ написаны красками или сдѣланы изъ мозаики или какого-либо другаго вещества, и будутъ ли находиться въ св. церквахъ Божіихъ на освященныхъ сосудахъ и одеждахъ, на стѣнахъ и на дощечкахъ, или въ домахъ и при дорогахъ, а равно будутъ ли это иконы Господа Іисуса Христа или Владычицы Богородицы или честныхъ ангеловъ и всѣхъ святыхъ и праведныхъ мужей. Чѣмъ чаще они при помощи иконъ дѣлаются предметами нашего созерцанія, тѣмъ болѣе взирающіе на эти иконы возбуждаются къ воспоминанію о самыхъ первообразахъ, пріобрѣтаютъ болѣе любви къ нимъ и получаютъ болѣе побужденій воздавать имъ лобзаніе, почитаніе, и поклоненіе, но никакъ не то истинное служеніе, которое, по вѣрѣ нашей, приличествуетъ только божественному естеству" (Дѣян. VII, 593).

Когда прочитано было вѣроопредѣленіе предъ лицемъ собора, отцы приложили къ нему свою руку и провозгласили: „всѣ мы такъ вѣруемъ, всѣ такъ думаемъ, всѣ мы въ этомъ согласны и подписались. Это вѣра православная. Съ любовію принимаемъ честныя иконы. Поступающіе иначе да будутъ анаѳема! Кто не допускаетъ евангельскихъ повѣствованій представленныхъ живописью, тому

справедливо, объ этомъ было уже замѣчено нами въ главѣ: „Господство иконоборчества", на основаніи словъ собора вселенскаго.

**) Гефеле („Исторія соборовъ", ibidem 5. 557) полагаетъ, что излагателемъ онаго былъ патріархъ Тарасій.

анаѳема! Кто не лобызаетъ иконъ, какъ сдѣланныхъ во имя Господа и святыхъ Его, тому анаѳема“ (Дѣян. VII, 610—612).

О всемъ, что сдѣлано было соборомъ, въ подробности донесено императрицѣ Иринѣ въ столицу (Дѣян. VII, 620). Императрица сама назначила день для торжественнаго утвержденія опредѣленій собора. Для этой цѣли отцы собора должны были переправиться изъ Никеи въ Константинополь; недальность разстоянія перваго города отъ втораго дѣлала подобный переѣздъ незатруднительнымъ (Дѣян. VII, 626). Мѣстомъ собранія отцевъ въ Константинополѣ былъ дворецъ Мангаврскій. Императрица съ своимъ царственнымъ сыномъ почтила своимъ присутствіемъ это собраніе собора. Послѣ рѣчи патріарха и краткой рѣчи самой императрицы, послѣдняя объявила: „пусть будетъ прочитано во всеуслышаніе провозглашенное вами опредѣленіе“, и когда это было исполнено, императрица объявила: „пусть скажетъ св. и вселенскій соборъ, по общему ли вашему согласію провозглашено прочитанное вами опредѣленіе“? Отцы собора воскликнули: „мы всѣ такъ вѣруемъ, всѣ такъ думаемъ и всѣ подписали его по общему одобренію“! Тогда императрица приняла въ руки свои свитокъ, заключающій вѣроопредѣленіе, утвердила его своею печатью и подписью. Подписался также и юный императоръ (Дѣян. VII, 626—628).

Дѣятельность собора восхвалена была краснорѣчивою рѣчью, произнесенною Епифаніемъ діакономъ сицилійскимъ. Въ ней есть обращеніе къ самому собору, патріарху Тарасію, городу Никеѣ и всей каѳолической церкви. Обращеніе къ собору: „составимъ хоры и воскликнемъ этому свящ. собранію: радуйся! Радуйтесь священнѣйшіе поборники св. отцевъ. Радуйся собраніе, среди котораго присутствуетъ Богъ. Радуйся соборъ преисполненный духовнаго вѣдѣнія. Радуйся непрестанно цвѣтущій рай, среди котораго насаждено древо жизни. Радуйся золотой и огненный столпъ новому Израилю Божію; ты

освобождаешь его свѣтлымъ ученіемъ догматическимъ отъ руки египетской, т.-е. отъ заблужденія еретиковъ, и при помощи отеческаго православія ведешь въ землю обѣтованія". Обращеніе къ патріарху: „Радуйся и ты избранный и священнѣйшій проповѣдникъ; ты украшаешь у насъ по милости Христа высшій престолъ; ты зерцало великаго и перваго Пастыря, чистѣйшее вмѣстилище Духа, вѣрнѣйшіе вѣсы православныхъ догматовъ, чистѣйшій свѣтильникъ, указывающій правила къ жизни во Христѣ; ты всецѣло блистаешь свѣтомъ седмисвѣчника. Блистай намъ свѣтомъ яснѣйшимъ и блистательнѣйшимъ словъ какъбы изъ невидимаго свѣтильника священной каѳедры. Воззри и виждь предъ тобою собравшихся дѣтей твоихъ, которые были разогнаны стаями волковъ". Обращеніе къ Никеѣ: „Радуйся также и ты священный городъ Никея; имя твое достопамятно среди митрополій; тебѣ принадлежитъ преславное первенство между провинціями Виѳиніи. Прежде ты былъ освященъ стопами 318 св. и богоносныхъ отцевъ, а теперь освящаешься стопами ихъ преемниковъ. Радуйся священное украшеніе митрополій; въ тебѣ и прежде появилось начало благъ, и нынѣ въ тебѣ же довершены они". Обращеніе къ церкви: Радуйся и ты разлившаяся по всему земному шару каѳолическая церковь; торжествуй и веселись о собраніи дѣтей своихъ; сними съ себя раздранное рубище и одѣнься въ неповрежденную тунику православія и единенія. Тебѣ какъ невѣстѣ Царя вѣковъ, Сына и Слова Божія, прилично носитъ живописно сдѣланный человѣкообразный образъ Его, чтобы видно было, что ты невѣста царская. Прилично тебѣ также имѣть внутри себя живописно сдѣланныя иконы и всѣхъ св. апостоловъ и пророковъ, исповѣдниковъ, патріарховъ, св. отцевъ, также и мучениковъ, а равно и всего сонма благочестивыхъ мужей" (Дѣян. VII, 661—665).

IV. Послѣднія времена иконоборчества.

Императоръ Левъ Армянинъ.—Причина его иконоборствованія;—коронація;—Іоаннъ граматикъ;—императоръ и патріархъ Никифоръ;—торжественная бесѣда иконопочитателей съ императоромъ;—требованіе молчанія со стороны православныхъ и Ѳеодоръ Студитъ;—новый патріархъ иконоборецъ;—соборъ иконоборческій;—противодѣйствіе Ѳеодора Студита;—гоненіе на провославныхъ;—крайности преслѣдованія.—Императоръ Михаилъ Косноязычный.—Надежды православныхъ; — неуваженіе ходатайства православныхъ за иконопочитаніе;—посланіе на западъ;—гоненіе на православныхъ.—Императоръ Ѳеофилъ. Его рилигіозный характеръ;—гоненія.—Императрица Ѳеодора.—Условія благопріятствующія возстановленію иконъ;—соборъ для возстановленія ихъ;—недѣля православія.—Мысли Ѳеодора Студита объ иконопочитаніи;—заключеніе.

Иконоборчество и иконоборцы съ самаго начала появленія своего опирались на помощь государственную. Если во главѣ имперіи Византійской стояли лица иконоборческаго характера, противники иконопочитанія торжествовали и представляли собою силу. Царствованіе императрицы Ирины и VII вселенскій соборъ нанесли сильное пораженіе партіи иконоборческой: она смирилась и ослабѣла, но только дотолѣ, пока политическія условія не стали благопріятствовать ей. Церковь имѣла скорбь видѣть еще нѣсколько лицъ на императорскомъ тронѣ, готовыхъ поддерживать иконоборчество, и вынуждалась вести съ ними снова борьбу, которая послѣ VII вселенскаго собора казалась оконченною. Такъ было прежде всего въ царствованіе императора Льва Армянина (813—20 г.). Левъ Армянинъ обязанъ былъ престоломъ расположенности къ нему войска, а въ войскѣ со временъ Льва Исаврянина и Константина Копронима сохранялись иконоборческія воззрѣнія. Неудивительно, если Левъ, обязанный своимъ возвышеніемъ войску, считалъ себя вынужденнымъ поблажать ему въ отношеніи иконоборчества. Самъ Левъ не былъ иконоборцемъ. Въ его душѣ постоянно происходила борьба

мнѣній иконоборческихъ съ иконопочитаніемъ. Тѣмъ не-менѣе его царствованіе тяжело отозвалось на положеніи иконопочитателей.

Левъ не вдругъ становится преслѣдователемъ иконопочитателей. Онъ начинаетъ съ того, что употребляетъ различныя попытки къ примиренію ихъ съ противною партіей и только когда его попытки не удаются, православные оказываются твердыми въ своихъ воззрѣніяхъ, императоръ позволяетъ себѣ изъ примирителя обратиться въ гонителя православныхъ.

Впрочемъ съ самаго начала вступленія Льва на престолъ одно обстоятельство показывало, что православные мало могутъ ждать добра отъ новаго царствованія. Патріархъ Никифоръ по обычаю предъ коронаціей предложилъ Льву подписать исповѣданіе вѣры, въ которомъ между прочимъ находилось признаніе законности иконопочитанія. Императоръ отказался отъ подписанія исповѣданія, отложивъ это дѣло до времени послѣ коронаціи. Патріархъ согласился на это, но чрезъ два дня послѣ коронаціи снова потребовалъ отъ императора подписи подъ исповѣданіемъ; императоръ еще разъ отказывается исполнить требуемое *). Левъ конечно нехотѣлъ связывать себя напередъ никакими клятвами по вопросамъ вѣры, потому что не зналъ, какъ пойдутъ дѣла на будущее время, а это уже предвѣщало новые споры изъ-за иконъ.

Въ руководителя по вопросамъ вѣры Левъ, безъ сомнѣнія, по указанію иконоборцевъ, выбралъ чтеца Іоанна грамматика (въ послѣдствіи патріарха), человѣка ученаго, но противника православныхъ. Императоръ приказалъ ему собрать изреченія св. отцовъ касательно иконъ **). Понятно, что Іоаннъ грамматикъ, выполняя царское повелѣніе, поставилъ дѣло такъ, что иконоборчество выходило правымъ, а иконопочитаніе противозаконнымъ. Какое впе-

*) Genesius. Liber (1) Regum. p. 26—27. Edit. Bonn.

**) Genesius. Ibidem.

чатлѣніе произвело на императора сочиненіе Іоанна, неизвѣстно. Вѣроятно неблагопріятное для православныхъ, но во всякомъ случаѣ это ни въ чемъ опредѣленно не выразилось. Тогда партія иконоборческая находитъ другой случай, чтобы побудить императора къ преслѣдованію православныхъ. Именно въ одно изъ богослуженій они обратили вниманіе императора на слѣдующее прочтенное изъ пророка Исаіи мѣсто: „кому уподобисте Господа и коему подобію уподобисте Его; еда образъ сотвори древодѣлатель или златарь сліявъ злато позлати его; или подобіемъ сотвори его“ (Иса. 40, 19). Иконоборцы указывали императору на эти слова, какъ на гласъ Божій, призывающій его поднять свою руку на идолопоклонниковъ; т.-е. на иконопочитатей *). Съ этихъ поръ императоръ вовлекается въ споры иконоборческіе и вовлекаетъ въ нихъ церковь. Прежде всего императоръ принимаетъ на себя задачу посредника между двумя сторонами, хочетъ добиться какихъ-либо уступокъ со стороны православныхъ и тѣмъ удовольствовать иконоборцевъ. Онъ призываетъ къ себѣ патріарха Никифора, ведетъ съ нимъ бесѣду объ иконахъ. Умалчивая о своихъ личныхъ воззрѣніяхъ на иконы, императоръ указывалъ патріарху на нерасположеніе къ иконамъ со стороны народа. Онъ говорилъ: народъ нападаетъ на иконопочитаніе, онъ смотритъ на оное какъ на причину общественныхъ несчастій и пораженій, какія онъ потерпѣлъ отъ народовъ невѣрныхъ. Говоря такъ, императоръ былъ правъ только въ отношеніи къ одному войску, пропитанному иконоборчествомъ, но не больше того. На первый разъ императоръ потребовалъ отъ патріарха немногаго: принимая во вниманіе нерасположеніе будтобы народа къ иконамъ, онъ просилъ патріарха позволить уничтожить тѣ иконы, которыя были поставлены на мѣстахъ невысокихъ, т.-е. такія, которымъ

*) Genesius. p. 17. Cedrenus Compendium Historiarum pars II p. 59. (Edit. Bonn.).

народъ могъ выразить свое почитаніе чрезъ лобзаніе и прочее. Но патріархъ не соглашался на это. Онъ понималъ, что если уступитъ въ одномъ, придется уступить и во многомъ другомъ. Тогда императоръ, вѣроятно напередъ наставленный иконоборцами, потребовалъ отъ патріарха яснаго и прямаго доказательства изъ священнаго писанія въ пользу иконопочитанія. Этимъ конечно хотѣли поставить патріарха въ затрудненіе, такъ какъ изъ писанія въ пользу иконопочитанія можно извлекать доказательства только косвенныя. Однакожъ патріархъ не потерялся. Онъ замѣтилъ императору, что кромѣ писанія источникомъ вѣроученія служитъ священное преданіе: есть многое, говорилъ онъ, что мы считаемъ достойнымъ уваженія и священнымъ, о чемъ однакожъ писаніе прямо не говоритъ. Патріархъ утверждалъ, что почитаніе иконъ есть тоже, что и почитаніе креста и книги Евангелія. „Евангеліе всѣми почитается и однакожъ, сказалъ патріархъ, объ этомъ ничего не говорится въ писаніи“ *). Нужно помнить, что иконоборцы, отвергая почитаніе иконъ, въ тоже время не отвергали почитанія креста и Евангелія. Дѣло на первый разъ кончилось ничѣмъ.

Новое возбужденіе спорамъ иконоборцевъ съ иконопочитателями дается слѣдующимъ событіемъ. Солдаты, рьяные враги иконъ, неудерживаемые въ своей ненависти къ иконопочитателямъ императоромъ, позволили себѣ дерзкій поступокъ: они произвели нападеніе на великолѣпную икону Спасителя, поставленную надъ Халкійскими воротами императрицей Ириной на мѣсто другой такой-же иконы, низвергнутой по приказанію Льва Исаврянина. Императоръ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы совсѣмъ снять эту икону подъ благовиднымъ предлогомъ удалить ее отъ наругательства солдатъ. Патріархъ

*) Neander. Allgemeine Geschichte der Christl. Religion und Kirche. Band. II. S. 293. (Ausg. 1856). Georgius Monachus. Vitae imperarorum p. 766—767 (Edit. Bonn.).

смотрѣлъ на этотъ случай, какъ на знаменіе, которое давало знать объ опасности грозящей вѣрѣ. Онъ собралъ ночью въ своей патріаршей палатѣ великое множество епископовъ и архимандритовъ, до 270 лицъ, и совѣтовался съ ними, что предпринять для отклоненія опасности, и совокупно съ ними молилъ Бога оказать заступленіе церкви. Императоръ, услышавъ объ этомъ, обезпокоился: для нечистой совѣсти все кажется подозрительнымъ. Съ разсвѣтомъ императоръ отправилъ отъ себя къ патріарху посла, чрезъ котораго и выразилъ патріарху неудовольстіе на образъ его дѣйствій. Затѣмъ потребованъ былъ патріархъ во дворецъ для личныхъ объясненій съ императоромъ. Патріархъ повиновался; весь ночной соборъ также послѣдовалъ за нимъ. Спутники патріарха остались предъ вратами дворца. Императоръ встрѣтилъ патріарха гнѣвно, осыпалъ его упреками за то, что онъ противится его намѣренію водворить миръ въ церкви. Онъ указывалъ патріарху, какъ на общественное дѣло, что не малая часть народа изъ-за иконъ отдѣляется отъ церкви, считая иконопочитаніе противнымъ писанію. Патріархъ съ своей стороны объявилъ, что хотя онъ говоритъ съ самимъ императоромъ, однакожъ долженъ сказать, что если кто изъ духовенства держится иконоборчества, то съ такимъ онъ не можетъ имѣть общенія церковнаго. А въ доказательство того, что большинство духовенства держится почитанія иконъ, патріархъ сію же минуту считалъ возможнымъ привести множество свидѣтелей, на что и просилъ позволенія у императора. Когда императоръ согласился на это, патріархъ призвалъ предъ лице Льва весь сонмъ епископовъ и монаховъ, находившихся у воротъ дворца*). Видя такое собраніе иконопочитателей, Левъ Армянинъ заявилъ предъ ними о своихъ симпатіяхъ къ иконоборчеству и замѣтилъ, что предшественники погрѣшили въ вѣрѣ, когда допустили

*) Neander. Ibidem. S. 294. Гефеле въ „Исторіи Соборовъ". Band IV; S. 3—4. (Ausg. 1860).

иконопочитаніе. Для разрѣшенія спорнаго вопроса императоръ требовалъ, чтобы иконопочитатели устроили состязаніе съ иконоборцами. Но отъ этого отказались иконопочитатели, зная напередъ, что изъ подобныхъ словопреній мало полезнаго выйдетъ для церкви. Въ особенности съ большею ревностію и силою состязался на словахъ съ императоромъ знаменитый студійскій архимандритъ св. Ѳеодоръ Студитъ, мужъ ученый и неутомимый поборникъ православія. Онъ доказывалъ императору, что это не его, императорово, дѣло вмѣшиваться въ дѣла церкви: о церкви и церковныхъ догматахъ должна судить сама церковь. „Императоръ, говорилъ онъ, внемли тому, что Апостолъ Павелъ говоритъ тебѣ о церковномъ благочиніи, и узнавъ, что царю неслѣдуетъ ставить себя судіею и рѣшителемъ въ церковныхъ дѣлахъ, послѣдуй и самъ Апостольскимъ правиламъ. Апостолъ говоритъ: *положи Богъ въ церкви первѣе Апостоловъ, второе пророковъ, третіе учителей* (1 Кор. 12, 28), и вотъ тѣ, которые устроиваютъ и изслѣдуютъ дѣла вѣры по волѣ Божіей, а не цари; ибо Апостолъ не упомянулъ, что царь распоряжается дѣлами церкви“. Нужно было имѣть много смѣлости, чтобы говорить такимъ языкомъ съ византійскимъ императоромъ. Императоръ на это могъ сказать только: развѣ по твоему я изгнанъ изъ церкви? Ѳеодоръ отвѣчалъ: Я не свои слова говорю, я говорю то, что говоритъ Апостолъ; впрочемъ если ты хочешь быть истиннымъ сыномъ церкви, то ничто тебѣ не препятствуетъ, только слѣдуй во всемъ отцу духовному твоему, указавъ при этомъ на патріарха Никифора *). Какъ кончилось это собесѣдованіе иконопочатателей съ императоромъ, объ этомъ разсказывается неодинаково. По однимъ, выслушавъ слова Ѳеодора, императоръ вышелъ

*) Жизнеописаніе св. Ѳеодора, помѣщенное въ видѣ предисловія къ изданію писемъ св. Ѳеодора Студита. Стр. 49—53. Изд. С.-Петерб. Академіи, 1867 г. Жизнеописаніе это составлено современникомъ, и потому есть важный церковно-историческій документъ.

изъ себя и закричалъ: „ступайте вонъ отсюда“ *). По другимъ, императоръ увидѣлъ, что иконопочитателей слишкомъ много, а потому не хотѣлъ становиться къ нимъ во враждебное отношеніе. Онъ заявилъ предъ собраніемъ, что онъ не врагъ иконопочитанія, и въ доказательство этого достаетъ икону, которую онъ носилъ на груди своей, и цѣлуетъ ее **).

Послѣ того какъ собраніе оставило дворецъ, всѣ монахи отправились въ студійскій монастырь, при чемъ Өеодоръ, настоятель монастыря, пламенными рѣчами старался возбудить въ нихъ ревность къ иконопочитанію. Такія собранія однакожъ были непріятны правительству. Дано было приказаніе всѣмъ архимандритамъ отъ имени императора, чтобъ они не сходились ни на какія совѣщанія, воздерживались отъ всякихъ разсужденій по поводу вопросовъ вѣры и не давали никакихъ отвѣтовъ, если подобные вопросы будутъ предлагаемы. Въ знакъ своего послушанія всѣ настоятели монастырей должны были подписаться подъ указомъ. Есть основаніе полагать, что такой указъ былъ предъявленъ и прочему духовенству. Многіе по чувству самосохраненія исполнили это требованіе, находя, что молчаніе не есть отреченіе отъ истины. Иначе смотрѣлъ на дѣло ревностный Өеодоръ Студитъ, который рѣшительно отказался отъ требуемой подписи, объявляя, что онъ хочетъ болѣе слушаться Бога, нежели человѣковъ. Онъ издаетъ окружное посланіе къ монахамъ, въ которомъ дѣлаетъ сильные упреки подписавшимъ указъ. Онъ указывалъ имъ, что поступая такъ, они являются предателями истины и измѣняютъ своимъ обязанностямъ; онъ представлялъ имъ въ образецъ св. Апостоловъ, которымъ никакое человѣческое насиліе не въ силахъ было препятствовать въ свидѣтельствованіи о Христѣ, и примѣръ древнихъ монаховъ. Өеодоръ въ подробности разбираетъ отговорки, по кото-

*) Жизнеописаніе св. Өедора. Стр. 53.

**) Neander. Ibidem. S. 295.

рымъ настоятели монастырей считали себя правыми, уступая императору. Въ послѣднемъ отношеніи Θеодоръ писалъ: „Господа игумены, какъ слышно, говорятъ: кто мы такіе (чтобы оказывать сопротивленіе)? Вопервыхъ, говоритъ Θеодоръ, вы христіане, которые теперь непремѣнно должны говорить; потомъ монашествующіе, которымъ ничѣмъ не слѣдуетъ увлекаться, какъ непривязаннымъ къ міру; далѣе игумены, которые должны отклонять соблазны отъ другихъ и никому не давать повода къ искушенію. А какой соблазнъ и искушеніе или лучше униженіе произвели они собственноручною подпискою, объ этомъ нужно ли говорить? Ибо если молчаніе есть отчасти согласіе, то утвержденіе этого согласія подписью предъ цѣлою церковью какъ позорно"! Настоятели монастырей въ свое оправданіе говорили, что и другія лица тоже въ тайнѣ хранятъ свое исповѣданіе православное, напр. патриціи, да и патріархъ не противодѣйствуетъ явно. На это Θеодоръ отвѣчаетъ: „Но что сказалъ Христосъ? *Всякъ, иже исповѣсть Мя предъ человѣки, исповѣмъ его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ* (Мθ. 10, 32); а противное тому въ случаѣ отреченія, и если они дали собственноручную подписку не сходиться другъ съ другомъ, это тоже самое. Ибо какъ они будутъ соблюдать сказанное Христомъ: *грядущаго ко Мнѣ не изжену вонъ* (Іоан. 6, 39)? Приходитъ къ нимъ кто-нибудь, спрашивая и желая узнать истину,-что же отвѣтитъ ему игуменъ? Вотъ что: я получилъ повелѣніе не говорить. Итакъ они дали подписку повиноваться императору вопреки Христу" *). Θеодоръ не оставилъ безъ должнаго вразумленія и пресвитеровъ, подписавшихся подъ тѣмъже указомъ. Вотъ примѣчательныя слова, съ которыми онъ обращается къ пресвитеру, совершившему подобный проступокъ. „Если ты скажешь, подписываясь: я восклицалъ, что я покланяюсь св. иконамъ, то прости братъ, и

*) Письма св. Θеодора Студита, т. II, стр. 6. 9. Изд. С.-Петерб. Академіи. 1869 г.

Пилатъ, устами выдавая себя за невиннаго въ убіеніи Христа, тростію утвердилъ смерть Его“ *). Начались преслѣдованія на непокорныхъ изъ монаховъ и духовенства со стороны императора.

Но и этимъ дѣло не ограничилось. Императоръ началъ дѣйствовать рѣшительнѣе. Главною помѣхой иконоборческихъ затѣй правительства былъ тогдашній патріархъ Никифоръ. Императоръ сначала хотѣлъ только смирить патріарха и заставить его уступить. Императоръ съ этою цѣлію отнимаетъ у патріарха право распоряжаться церковными имуществами, запрещаетъ ему проповѣдь и торжественное совершеніе литургіи. Но это мало помогло императору. Такъ когда императоръ успѣлъ привлечь на свою сторону нѣкоторыхъ изъ епископовъ и составилъ изъ нихъ иконоборческій соборъ, патріархъ, ничтоже сумняся, отвергъ опредѣленія этого лжесобора. Тогда Левъ рѣшился на суровую мѣру въ отношеніи къ патріарху: онъ лишилъ его сана и изгналъ. Это было въ началѣ 815 года. На его мѣсто избранъ былъ императоромъ въ патріарха человѣкъ, преданный планамъ его, Ѳеодотъ Касситера изъ знатной фамиліи, ревностный иконоборецъ, потомокъ Константина Копронима **). Сторона православныхъ не признавала впрочемъ этого новаго патріарха законнымъ и крѣпко держалась прежняго патріарха Никифора. Душею этихъ приверщенцевъ Никифора былъ извѣстный намъ Ѳеодоръ Студитъ. Онъ открыто заявлялъ о своей приверженности къ прежнему патріарху и его дѣлу. Такъ въ недѣлю Ваій 815 г. онъ устроиваетъ въ своемъ монастырѣ торжественный крестный ходъ, при чемъ иконы несомы были сколь возможно высоко; въ такомъ видѣ крестный ходъ обошелъ виноградникъ, облегавшій обитель. Процессія сопровождалась пѣніемъ пѣснопѣній въ честь и славу

*) Тамъ же стр. 16.

**) Neander. ibidem. S. 296. Cedrenus ibidem. p. 56—7. Письма Ѳеодора Студита, т. II, стр. 64.

иконъ. Императоръ пылалъ гнѣвомъ къ Θеодору и грозилъ ему наказаніемъ, но поборникъ вѣры скорѣе хотѣлъ принять мученіе, чѣмъ отказаться отъ иконопочитанія *).

Съ низверженіемъ патріарха, преданнаго иконопочитанію, иконоборчество дѣлаетъ замѣтные успѣхи. Новый патріархъ Θеодотъ собираетъ въ Константинополѣ соборъ, который долженъ былъ отвергнуть опредѣленія собора Никейскаго 2-го и снова изгнать иконы изъ храмовъ. Разослано было по монастырямъ окружное посланіе, которымъ архимандриты и игумены приглашались принять участіе въ соборѣ; но многіе не приняли этого приглашенія, считая этотъ соборъ незаконнымъ. Θеодоръ Студитъ отъ лица всѣхъ другихъ настоятелей монастырей, противившихся иконоборческому патріарху, отправилъ къ собору посланіе, въ которомъ эти поборники объявляли, что они по церковнымъ правиламъ безъ согласія своего епископа Никифора не могутъ принять никакого участія въ церковныхъ дѣлахъ, не примутъ участія и въ соборѣ, и рѣшительно высказывались въ пользу иконопочанія **). Соборъ иконоборческій 815 г. состоялъ изъ трехъ засѣданій. На первомъ засѣданіи были подтверждены опредѣленія лжевселенскаго собора Копронимова, бывшаго въ 754 году, а опредѣленія истиннаго собора вселенскаго 787 г. были отвергнуты. На слѣдующій день, во второмъ засѣданіи, были приглашены многіе православные епископы и, когда они не соглашались пристать къ партіи иконоборцевъ, подвергались оскорбленіямъ и относительно ихъ провозглашена анаθема. Въ третіе засѣданіе собора были выражены иконоборческія мнѣнія въ видѣ опредѣленія соборнаго и подписаны были дѣянія собора ***).

Главнымъ борцемъ противъ иконоборчества и теперь остается св. Θеодоръ Студитъ. Онъ внушаетъ привержен-

*) Жизнеописаніе св. Θеодора, тамъ же, стр. 55.

**) Письма Θеодора Студ., т. II. стр. 3—6.

***) Гефеле въ „Исторіи соборовъ“. Band. IV. S. 5.

цамъ иконопочитанія прервать всякія связи съ иконоборцами. Онъ запрещаетъ имъ входить въ храмы, которые находятся въ рукахъ еретиковъ *). Онъ запрещаетъ имъ принимать участіе въ богослуженіи, совершаемомъ еретиками; потому что, по его воззрѣнію, „еретики понимаютъ молитвы богослуженія не такъ, какъ составившій ихъ, и вѣруютъ не такъ, какъ гласятъ самыя слова“. Онъ не совѣтуетъ принимать отъ еретиковъ и самаго таинства крещенія. Θеодоръ внушалъ: „некрещенному, если не найдется православный (священникъ) для совершенія крещенія, слѣдуетъ креститься отъ монаха, или за неимѣніемъ этого, отъ мірянина“ **). Θеодоръ удерживаетъ православныхъ отъ всякихъ мірскихъ сношеній съ еретиками. „Кто имѣетъ общеніе съ еретиками въ пищѣ, питіи и дружбѣ, тотъ повиненъ“ ***). Не только не должно имѣть общенія съ еретиками, но, по мысли Θеодора, и съ тѣми изъ православныхъ, которые по нуждѣ или безъ нужды имѣютъ общеніе съ еретиками. Θеодоръ поучалъ такъ: „съ другими, которые имѣютъ общеніе съ совершенно нечестивыми по нуждѣ или изъ страха, или отъ голода, или безъ нужды, или по принужденію, а между тѣмъ признаютъ себя православными, можно ли вмѣстѣ вкушать пищу? Отнюдь нѣтъ, развѣ только принадлежащимъ къ простому классу народа и притомъ не безразлично, а по какому-нибудь необходимому случаю, разъ или дважды. Можно ли вкушать остатки изъ ихъ снѣдей по нуждѣ или безъ нужды? Если отъ священника, то нельзя; если нѣтъ, то можно вкушать по нуждѣ. Можно ли говорить съ ними, здороваться и привѣтствовать? Нѣтъ. Господь запретилъ дѣлать имъ привѣтствіе, случайно можетъ быть, но съ любовію и дружбою этого нужно избѣгать ****). Θеодоръ запрещаетъ даже сыну поминать за ли-

*) Письма св. Θеодора Студита, т. II, стр. 69.

**) Тамъ же стр. 81. 82.

***) Тамъ же стр. 97.

****) Тамъ же стр. 153—4.

тургіей отца еретика, умершаго въ ереси. „Хотя бы былъ отецъ, хотя бы мать, хотя бы братъ, хотя бы кто-либо другой обличенный въ ереси до смерти, онъ не долженъ быть поминаемъ на литургіи“ *).

Царствованіе Льва Армянина ознаменовалось многими бѣдами для Церкви. Повторилось, хотя и не въ такихъ размѣрахъ, гоненіе Константина Копронима. Ѳеодоръ Студитъ въ своихъ писаніяхъ даетъ самое живое описаніе несчастій, какія Церковь испытала въ это царствованіе. „О, страшно слышать! Досточтимая икона Спасителя, которой и бѣсы страшатся, подвергается поношенію и униженію, не только въ царствующемъ городѣ, но и во всѣхъ мѣстахъ и городахъ, жертвенники истреблены, святыни осквернены. Умолкли всѣ уста благочестивыя отъ страха смерти, открылся противный и богохульный языкъ“ **). Монахи и монахини претерпѣвали гоненія. „Одни изъ нихъ испытывали насмѣшки и бичеванія, другіе—узы и заключеніе подъ стражею, недостаточно питаясь хлѣбомъ и водою; иные отправлены въ ссылку, другіе пребываютъ въ пустыняхъ, горахъ, вертепахъ и пропастяхъ земныхъ, а нѣкоторые, потерпѣвъ бичеванія, уже мученически переселились къ Господу; есть и такіе, которые, бывъ посажены въ мѣшокъ, брошены ночью въ море, какъ сдѣлалось это извѣстно отъ видѣвшихъ это“ ***). Гоненіе простиралось па самыя свящ. одежды и сосуды, если на нихъ были религіозныя изображенія. Ѳеодоръ пишетъ: „св. сосуды переплавлены, а св. одежды преданы огню“. Не избѣгли уничтоженія и книги, если въ нихъ говорилось объ иконопочитаніи ****). Съ какою жестокостію производилось гоненіе на православныхъ, объ этомъ лучше всего можно судить по тому, что пришлось вынести самому

*) Тамъ же стр. 614.

**) Письма св. Ѳеодора Студ. Томъ II, стр. 42.

***) Тамъ же. Стр. 48.

****) Тамъ же. Стр. 57.

Θеодору Студиту. Въ царствованіе Льва онъ сосланъ былъ въ ссылку, и потомъ переводился съ одного мѣста въ другое, при чемъ ему запрещено было съ кѣмъ-либо видѣться и съ кѣмъ-либо переписываться. Не разъ предписывалось наказать Θеодора сотнею ударовъ ремня. Въ мѣстахъ изгнанія Θеодоръ заточался въ самыхъ тѣсныхъ жилищахъ съ однимъ отверстіемъ для свѣта. Зимой въ этихъ жилищахъ было слишкомъ холодно, потому что топлива не выдавалось, а лѣтомъ слишкомъ жарко, какъ „въ пещномъ пламени"; бѣлье не перемѣнялось; насѣкомыя еще усиливали страданія подвижника. Пищи на Θеодора съ его ученикомъ выдавалось столько, сколько едва могло хватить на одного Въ особенности много выстрадалъ Θеодоръ послѣ одного сѣченія ремнями. Жизнеописатель Θеодора такъ описываетъ положеніе, въ какомъ находился онъ послѣ бичеванія. „Θеодоръ едва не умеръ послѣ этаго жесточайшаго бичеванія, ибо раны воспалившіяся и обратившіяся въ страшнѣйшія язвы и загнившіеся куски тѣла почти не давали ему возможности перевести духъ или погрузиться въ сонъ, который облегчилъ бы боль, причиняемую ему воспаленіемъ, или получить аппетитъ къ принятію чего-либо съѣстнаго. Почему доблестный ученикъ его, союзникъ въ подвигахъ и заключеніи, Николай, доставши ячменнаго отвара, подавалъ ему не больше одной чашки въ каждый день. Также за неимѣніемъ врачей отецъ позволилъ этому духовному сыну обрѣзывать ножичкомъ сгнившія части висѣвшей кожи его, чтобы остальныя части тѣла пришли мало-по-малу въ обыкновенное положеніе. Въ такомъ страданіи отъ болѣзней огненосный столпъ православія Θеодоръ провелъ все время св. четыредесятницы и долѣе и едва въ послѣдніе дни св. пятидесятницы возстановилось его здоровье". Но и послѣ этого Θеодоръ еще разъ, по приказанію императора, наказанъ былъ нещадно ремнями. Страданія Θеодора продолжались во все царствованіе Льва *).

*) Жизнеописаніе св. Θеодора Студ. Стр. 58—69.

Гоненіе Льва Армянина на иконопочитателей производилось съ рѣдкою настойчивостію. Онъ хотѣлъ перевоспитать общество въ идеяхъ чуждыхъ православію. Съ этою цѣлію иконоборчество проводилось путемъ школьнаго образованія и путемъ общественнаго богослуженія. Мнѣнія иконоборческія даже включены были въ элементарные учебники, по какимъ учились школьники *). Такъ какъ общественное богослуженіе имѣло и имѣетъ глубокое воспитывающее значеніе, то императоръ приказалъ отмѣнить пѣніе тѣхъ церковныхъ пѣсней, въ которыхъ выражалось вѣрованіе въ святость иконъ, и напротивъ вводились такія пѣснопѣнія, которыя заключали иконоборческія мнѣнія **). Нельзя было читать книги, въ которой говорится объ иконопочитаніи, потому что объ этомъ могло быть донесено императору; нельзя было вести простаго частнаго разговора объ иконахъ, разговоръ могъ быть подслушанъ—и горе бесѣдовавшимъ; нельзя было оказать какой-либо помощи заключеннымъ въ тюрьмахъ за иконопочитаніе,—сострадательный за милосердіе самъ могъ поплатиться тюрьмою. Ѳеодоръ Студитъ пишетъ объ этомъ времени: „Невозможно произнести ни одного благочестиваго слова,—ловитва близко, такъ что мужъ опасается жены своей; доносчики и записчики наняты императоромъ для развѣдыванія: не говоритъ ли кто чего-либо неугоднаго кесарю, или не уклоняется ли отъ общенія съ нечестіемъ, или не имѣетъ ли какой-либо книги, содержащей сказаніе объ иконахъ, или самой иконы, не принимаетъ ли изгнаннаго или не служитъ ли содержимымъ подъ стражею ради Господа; и если будетъ обличенъ въ этомъ, тотчасъ схватывается, бичуется, изгоняется, такъ что и господа преклоняются предъ рабами по страху доноса“ ***). Иконоборцы повидимому готовы были нака-

*) Письма св. Ѳеодора Студ. Томъ II стр. 48.
**) Тамъ же. Стр. 53.
***) Тамъ же. Стр. 49. 57.

зывать за самую сокровенную мысль, за иконопочитаніе въ душѣ, еслибы возможно было проникнуть въ сердце человѣка.

Царствованіе Льва Армянина, которое мы разсматривали доселѣ, въ 821 году смѣнилось новымъ царствованіемъ—Михаила II, Косноязычнаго. Михаилъ прямо изъ темницы и въ узахъ взошелъ на тронъ императорскій. Иконопочитатели возлагали благія надежды на новаго императора, основываясь отчасти на томъ, что онъ стоялъ во враждебныхъ отношеніяхъ къ своему предшественнику Льву. Такъ какъ, притомъ, Михаилъ тотчасъ по воцареніи возвратилъ изъ изгнанія сосланныхъ при Львѣ иконопочитателей и освободилъ изъ темницъ заключенныхъ сюда за иконопочитаніе при томъже императорѣ, то надежды православныхъ получили еще большую силу. Но это были напрасныя надежды. Михаилъ собственно не хотѣлъ быть гонителемъ иконопочитателей, но онъ не хотѣлъ быть и покровителемъ ихъ. Это былъ равнодушный врагъ иконъ. Ѳеодоръ Студитъ очень хорошо характеризуетъ Михаила, когда говоритъ: „огонь погасъ (разумѣется Левъ Армянинъ), но за то остался дымъ", т. е. Михаилъ **). Разсчитывая найдти на первыхъ порахъ въ Михаилѣ человѣка, который бы исполнилъ желаніе иконопочитателей касательно возстановленія иконъ въ Церкви, патріархъ Никифоръ, Ѳеодоръ Студитъ и многіе митрополиты, возвратившіеся по приказанію императорскому изъ ссылки, отправились-было къ Михаилу привѣтствовать его съ возшествіемъ на престолъ и просить его возстать на защиту иконъ. Всѣ высшіе іерархи церкви усердно просили Михаила исполнить желаніе Церкви. Внушительно говорилъ о томъже съ императоромъ и знаменитый Ѳеодоръ Студитъ. Но императоръ остался нѣмъ къ ихъ увѣщаніямъ. Онъ объявилъ имъ, что не хочетъ дѣлать никакихъ измѣненій въ положеніи Церкви: какою онъ нашелъ ее, такою она и останется. Импе-

**) Письма св. Ѳеодора Студ. Томъ II, стр. 211.

раторъ сказалъ депутатамъ: „хороши и прекрасны ваши слова, но такъ какъ я никогда доселѣ не поклонялся никакой иконѣ, то какою я нашелъ Церковь, такою и оставлю ее; вамъ же я предоставляю власть свободно держаться догматовъ, какъ вы говорите, православной вѣры, впрочемъ внѣ этого города (Константинополя), гдѣ каждый изъ васъ захочетъ жить, не опасаясь и не ожидая себѣ никакой опасности отъ нашей власти“. Сказавъ это, онъ отпустилъ ихъ изъ дворца *). Впрочемъ императоръ не оставилъ дѣла иконопочитателей и иконоборцевъ вовсе безъ вниманія; подобно Льву Армянину онъ хотѣлъ примирить ихъ. Съ этою цѣлію онъ назначилъ соборъ, на которомъ должны произойдти пренія между иконоборцами и иконопочитателями. Но этому собору не суждено было состояться. Сторона православныхъ отказалась принять участіе въ соборѣ. Православные находили это безполезнымъ и унизительнымъ для себя. Они находили, что иконоборцы слишкомъ закоренѣли, чтобы можно было отъ собора съ ними ожидать чего-либо добраго для Церкви, да и не позволительно, говорили они, имѣть общеніе съ явными еретиками: это противно правиламъ **).

Вмѣшиваясь въ дѣла Церкви, въ вопросѣ объ иконахъ, императоръ повидимому желалъ только того, чтобы иконопочитаніе очистилось отъ суевѣрныхъ примѣсей, и указывалъ на многія изъ нихъ въ практикѣ церковной. До насъ сохранилось посланіе Михаила, писанное имъ на Западъ (къ императору Людовику Благочестивому). Въ немъ по поводу иконопочитанія на Востокѣ говорилось: „Прежде всего они (иконопочитатели) изгнали изъ церквей св. крестъ (!) и вмѣсто него повѣсили иконы и предъ ними лампады; предъ ними они воскуряютъ ладанъ и вообще оказываютъ имъ такое же уваженіе, какъ и кресту, на которомъ распялся Христосъ. Они поютъ предъ ними

*) Жизнеописаніе св. Θеодора Студ. Тамъ же. Стр. 87—88.

**) Письма св. Θеодора Студ. Тамъ же. Стр. 507—508.

псалмы, поклоняются имъ и ожидаютъ именно отъ иконъ себѣ помощи. Многіе облекаютъ ихъ льняными покровами и дѣлаютъ ихъ кумовьями при крещеніи дѣтей. Другіе, принимающіе на себя монашество, оставили прежній обычай, чтобы кто-либо изъ извѣстныхъ лицъ при постриженіи ихъ получалъ волосы въ свои руки, а кладутъ волосы на образа. Нѣкоторые пресвитеры и клирики соскабливаютъ даже краски съ образовъ, примѣшиваютъ ихъ къ Евхаристіи. И еще другіе кладутъ Евхаристію на образа и отсюда уже причащаются. Иные совершаютъ Евхаристію не въ церквахъ, а въ частныхъ домахъ и притомъ на образахъ, которые служатъ вмѣсто престола" *). Но это были только благовидныя слова, въ сущности Михаилъ былъ болѣе врагомъ иконъ, чѣмъ императоромъ заботившимся о процвѣтаніи истиннаго благочестія. Такъ въ патріархи по смерти Ѳеодота Касситеры избирается прямой иконоборецъ Антоній **). Царствованіе Михаила, далѣе, не чуждо было и прямыхъ гоненій на иконопочитателей. Съ теченіемъ времени онъ началъ преслѣдовать монаховъ, наказывая ихъ всячески, а иконопочитателей изъ числа мірянъ сажалъ въ тюрьмы и посылалъ въ ссылку. Въ особенности при немъ пострадали: монахъ Меѳодій, впослѣдствіи патріархъ константинопольскій, котораго онъ держалъ подъ крѣпкою стражею на одномъ изъ островов,—и Евѳимій епископъ сардикійскій; этотъ сначала былъ изгнанъ, а потомъ такъ жестоко былъ наказанъ воловьими жилами, что онъ скончался ***)

Переходимъ къ обозрѣнію послѣдняго иконоборческаго царствовавованія Ѳеофила, сына Михаила Косноязычнаго, вступившаго на престолъ византійскій въ 830 году. Отъ Ѳеофила, какъ и отъ отца его, Церковь не ожидала иконоборчества. Онъ одушевленъ былъ самымъ горячимъ уча-

*) Гефеле, въ „Исторіи соборовъ". Ibidem. S. 37—38.

**) Symeon Magister. Annales. P. 621 (Edit. Bonn).

***) Theophanes Continuatus. Chronographia. p. 48 (Edit. Bonn).

стіемъ къ дѣламъ церкви, къ благосостоянію ея, и отличался ревностнымъ почитаніемъ пресв. Богородицы и св. угодниковъ. Онъ самъ сочинялъ церковныя пѣсни, которыя и употреблялись при богослуженіи. Иконопочитатели полагали, что онъ будетъ настолько разсудителенъ, что уступитъ требованію большинства лицъ въ церкви возстановитъ иконы; въ самомъ же дѣлѣ случилось не то. Его ревность къ церковнымъ дѣламъ получила направленіе не въ пользу православія: виною этого больше всего было воспитаніе Өеофила. Его учителемъ былъ непримиримый врагъ иконъ Іоаннъ Грамматикъ, который вкоренилъ въ сердцѣ Өеофила иконоборческія стремленія и оказывалъ на него вліяніе самое невыгодное для иконопочитателей; и это тѣмъ болѣе, что Іоаннъ Грамматикъ вскорѣ (въ 833 г.) сдѣлался патріархомъ константинопольскимъ. Өеофилъ былъ не лучше самыхъ жестокихъ иконоборческихъ императоровъ. Его ярость обратилась въ особенности на монаховъ, между которыми было много иконописцевъ и въ которыхъ онъ встрѣтилъ наибольшее сопротивленіе себѣ. Многіе монастыри были опустошены, ни одинъ монахъ не осмѣливался показываться на улицахъ столицы. Художники между ними получили запрещеніе писать иконы, и если однакожъ, вопреки запрещенію, они продолжали заниматься этимъ дѣломъ, то подвергались тѣлесному наказанію. Такъ напримѣръ случилось съ монахомъ Лазаремъ. Руки иконописцевъ были опаляемы при помощи раскаленныхъ желѣзныхъ досокъ. Неменьшимъ бѣдамъ подвергали себя и ученые защитники иконопочитанія. Императоръ самъ вступалъ съ ними въ диспуты, и горе было тому, кто не убѣждался доводами Өеофила. Такъ двое братьевъ, Өеофанъ и Өеодоръ, родомъ изъ Іерусалима, за подобное преступленіе не только были наказаны двумя стами ударами палокъ, но имъ начертанъ еще былъ на челѣ одинъ греческій, содержащій насмѣшку, стихъ, почему они и получили названіе „начертанныхъ“ (γραπτοί). Также ученый монахъ Меѳодій долженъ былъ

въ продолженіе семи лѣтъ скрываться отъ ярости Ѳеофила на одномъ островѣ, гдѣ онъ жилъ въ пещерѣ съ двумя разбойниками. Но такія гоненія нимало не останавливали иконопочитателей въ ихъ ревности; такъ, тотъ самый Лазарь, который наказанъ былъ палками, тотчасъ же съ мѣста казни спѣшитъ въ храмъ Предтечи, который находился въ Константинополѣ, и, исполненный религіознаго воодушевленія, начертываетъ здѣсь образъ Іоанна Предтечи *). Такіе факты должны были поднимать духъ иконопочитателей.

И дѣйствительно поднимали, ибо уже въ самое царствованіе Ѳеофила при дворѣ его образовалась партія, которая желала возстановленія иконъ. Во главѣ ея стояла супруга Ѳеофила, благочестивая Ѳеодора, которая впослѣдствіи сдѣлалась извѣстна тѣмъ, что окончательно возстановила иконопочитаніе въ царствѣ византійскомъ. Ѳеофилъ своими мѣрами конечно заставилъ умолкнуть иконопочитателей, но онъ не могъ вырвать съ корнемъ самаго расположенія къ иконопочитанію, которое скрывалось въ душахъ большинства народа. Семья, изъ которой вышла императрица Ѳеодора, была проникнута благоговѣніемъ къ иконамъ. Не только сама Ѳеодора была иконопочитательница, но и мать ея Ѳеоктиста старалась воспитать дѣтей Ѳеофила, своихъ внуковъ въ преданности къ иконопочитанію. Съ этою цѣлію она брала этихъ послѣднихъ къ себѣ, показывала имъ образа, тайно хранимыя ею, пріучала ихъ цѣловать оные, полагала оные на главы ихъ для полученія освященія. Ѳеофилъ узналъ обо всемъ этомъ; сама императрица едва успокоила своего разгнѣваннаго супруга провѣдавшаго о томъ, что она почитала иконы; что же касается до дѣтей своихъ, то Ѳеофилъ воспретилъ имъ навѣщать ихъ бабку Ѳеоктисту. Смерть Ѳеофила въ январѣ 842 года, послѣ чего императрица Ѳеодора

*) Neander. ibidem. S. 300. Theophanes Continuatus. Chronographia, p. 99—106.

взяла управленіе государствомъ въ свои руки, разомъ измѣнила положеніе вещей. Вокругъ императрицы сгруппировались лица, которыя или съ самаго начала правленія Θеодоры или вскорѣ потомъ рѣшительно стали содѣйствовать возстановленію иконопочитанія. Именнно опекуны малолѣтняго императора Михаила III, сына Θеофилова, были иконопочитателями. Такъ высшій государственный сановникъ Θеоктистъ былъ рѣшительно того мнѣнія, что слѣдуетъ возстановить иконы; другой опекунъ Михаила, дядя императрицы Варда, также согласенъ былъ на это. Колебался только третій опекунъ Мануилъ, тоже дядя императрицы. Но и этотъ не долго колебался. Одно обстоятельство быстро измѣнило его расположеніе. Онъ впалъ въ тяжкую болѣзнь; жизнь его была въ опасности. Къ нему приходили многіе монахи и лица духовныя, чтобы навѣстить его, и въ это время взяли съ него обѣтъ, въ случаѣ выздоровленія содѣйствовать возстановленію иконопочитанія. Мануилъ выздоровѣлъ и съ этихъ поръ сдѣлался жаркимъ сторонникомъ Θеоктиста по вопросу объ иконахъ. Всѣ названныя лица однажды приходятъ къ императрицѣ и предлагаютъ ей возстановить иконы. Императрица нимало не колебалась сдѣлать это съ своей стороны, но затруднялась, какъ сдѣлать это, когда нѣкоторые сенаторы, епископы, а главное патріархъ Іоаннъ держатся иконоборческаго заблужденія. Поэтому для осуществленія дѣла признано было нужнымъ побудить патріарха или присоединиться къ иконопочитателямъ, или оставить патріаршую каθедру. Этимъ и занялись опекуны Михаила. Они отправили къ патріарху одного чиновника съ такими словами: „отовсюду приходятъ просьбы о возстановленіи иконъ и въ особенности со стороны монаховъ, почему ты или согласись на это и снова укрась храмы Божіи, или если хочешь пребывать въ заблужденіи, выѣзжай на нѣкоторое время изъ столицы въ пригородное мѣсто, гдѣ и дожидайся монаховъ, которые придутъ наставить тебя на истину“. Этимъ сдѣланъ былъ намекъ, чтобы Іоаннъ, если

онъ остается при своихъ иконоборческихъ воззрѣніяхъ, отказался отъ патріаршсства. Но Іоаннъ мало расположенъ былъ къ подобному шагу. Онъ захотѣлъ возбудить къ себѣ сочувствіе въ народѣ клеветой, что будто бы его намѣревались убить по приказанію императрицы; но эта клевета только скорѣе распутала дѣло. Клевета была обнаружена, и Іоаннъ долженъ былъ оставить патріаршій престолъ. Въ патріархи теперь выбранъ былъ Меѳодій, ученый монахъ, бывшій исповѣдникомъ при императорахъ Михаилѣ Косноязычномъ и Ѳеофилѣ *). Настало время окончательнаго торжества иконопочитанія надъ иконоборчествомъ.

Рѣшено было собрать соборъ, который и состоялся въ февралѣ 842 года. По волѣ императрицы для этого собора учеными мужами извлечены были изъ писаній св. отцевъ всѣ мѣста, которыя говорили въ пользу св. иконъ. Эти извлеченія еще до собора прочитаны были предъ лицами духовными и сенаторами; тѣ и другіе послѣ этого высказались за возстановленіе иконъ. Самый соборъ, насколько извѣстно о немъ, подтвердилъ опредѣленія всѣхъ прежнихъ седьми вселенскихъ соборовъ, провозгласилъ иконопочитаніе дѣломъ законнымъ, а иконоборцевъ подвергъ анаѳемѣ. На томъже соборѣ епископы, не желавшіе отказаться отъ иконоборчества, были лишены своихъ каѳедръ; ихъ каѳедры были отданы такимъ лицамъ, которыя заявили себя исповѣдниками въ предшествующее царствованіе. Императрица Ѳеодора испросила отъ отцевъ собора разрѣшеніе иконоборческаго грѣха своему мужу Ѳеофилу, заявивъ, что въ послѣднія минуты жизни онъ показалъ раскаяніе въ своемъ заблужденіи. Наконецъ соборъ опредѣлилъ, чтобы въ память событія возстановленія иконъ при Ѳеодорѣ, ежегодно въ первый воскресный день Четыредесятницы совершался праздникъ *православія*, при которомъ положено было возглашать анаѳему на иконоборчество. Въ первый разъ это торжество

*) Theophanes Continuatus. Chronographia, p. 90—91; 149—152.

совершено было 19-го февраля 842 года; въ этотъ же день снова воздвигнуты были иконы во всѣхъ церквахъ *). Торжество это, какъ извѣстно, совершается въ Церкви восточной и донынѣ.

Важнѣйшимъ богословомъ раскрывшимъ истинное ученіе о почитаніи иконъ, въ противоположность иконоборчеству, въ эпоху послѣднихъ иконоборцевъ былъ безъ сомнѣнія Ѳеодоръ Студитъ (сконч. 826 г.). Въ своихъ сочиненіяхъ онъ съ силою раскрываетъ православное ученіе объ иконахъ и опровергаетъ противоположное заблужденіе. Вотъ мысли св. отца касательно этого предмета. Иконоборцы въ это время ни на что такъ не опирались, развивая свое ученіе, какъ на то, что Христосъ *неописуемъ*, разумѣя преестественное соединеніе въ Немъ двухъ естествъ—Божескаго и человѣческаго. Эту мысль иконоборцевъ Ѳеодоръ разбираетъ до послѣднихъ тонкостей. Онъ писалъ: „если Господь нашъ Іисусъ Христосъ несомнѣнно явился въ человѣческомъ образѣ и въ нашемъ видѣ, то справедливо Онъ пишется и изображается на иконѣ, подобно намъ, хотя по божественному образу остается неописуемымъ; потому что Онъ есть посредникъ между Богомъ и людьми, сохраняющій неизмѣнными свойства обоихъ естествъ, изъ которыхъ состоитъ. А еслибы Онъ не былъ описуемъ, то пересталъ бы быть человѣкомъ, и тѣмъ болѣе посредникомъ, такъ какъ съ уничтоженіемъ описуемости уничтожаются всѣ однородныя съ нею свойства. Ибо если Онъ неописуемъ, то и неосязаемъ; а если осязаемъ, то вмѣстѣ и изобразимъ, чему противорѣчить было бы глупо; ибо это свойства тѣла, подлежащаго осязанію и изображенію. И какъ Онъ будетъ неописуемъ, когда можетъ страдать? Если же Онъ описуемъ и можетъ страдать, то конечно нужно и поклоняться Ему въ томъ видѣ, въ какомъ Онъ изображается“ **). Итакъ пусть онъ (ико-

*) Theophanes Contin. 152—154. Гефеле въ „Исторіи соборовъ“. Ibidem. S. 103—104

**) Письма св. Ѳеодора Студ. Томъ II, стр. 5.

ноборецъ) выступивъ научитъ, какое у него есть физическое основаніе и какая причина такой неизобразимости? Развѣ Христосъ не принялъ нашего образа? Развѣ тѣло Его не было составлено изъ костей? Развѣ зѣницы очей Его не были ограждены вѣждями и бровями? Развѣ уши Его не были устроены съ извилистыми проходами? Развѣ ноздри Его не были приспособлены къ обонянію? Развѣ Онъ не былъ одаренъ цвѣтущими ланитами? Развѣ устами и языкомъ, губами и зубами, Онъ не произносилъ словъ, не ѣлъ и не пилъ? Развѣ Онъ не былъ снабженъ составами плечъ, локтей и рукъ? Развѣ Онъ не имѣлъ отъ природы груди и хребта съ голенями и ногами? Развѣ Онъ не оказывалъ движенія при хожденіи, вверхъ, внизъ, внутрь, внѣ, направо, налѣво, кругомъ? Развѣ Онъ не имѣлъ волосъ на головѣ и не облекалъ всего тѣла хитономъ? Если же Онъ несомнѣнно обнаруживалъ это, чего изображеніе въ тѣлесномъ видѣ служитъ неложнымъ образомъ Его, то дерзость — утверждать, будто Христосъ неизобразимъ" *). Если же Христосъ человѣкъ, заключаетъ Θеодоръ, то очевидно, что можетъ изображаться на иконѣ; первое свойство человѣка быть изображаемымъ; если же Онъ не изображается, то Онъ не человѣкъ, а безплотный, и даже еще не пришелъ Христосъ, какъ пустословятъ Іудеи" **). Для доказательства своей мысли о неописуемости Христа иконоборцы выкопали слѣдующее мѣсто св. Златоуста изъ похвальнаго слова его св. Роману: „нашъ Христосъ стѣнами неограничивается". Θеодоръ беретъ на себя задачу опровергнуть подобную ссылку на великаго учителя. Онъ обращаетъ вниманіе на то, что у Златоуста весьма ясно говорится о свойствахъ человѣческой природы Христа, и выводитъ отсюда слѣдствія противоположныя тѣмъ слѣдствіямъ, какія дѣлали на основаніи Златоуста иконоборцы. „Самъ Златоустъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ такъ:

*) Тамъ же, стр. 99.

**) Тамъ же, стр. 75.

„Онъ Христосъ долу утомляется, а горѣ управляетъ стихіями; долу алчетъ, а горѣ наводитъ дожди; долу повинуется, а горѣ производитъ громы; долу предстоитъ предъ судилищемъ, а горѣ созерцаетъ все“. Посему если онъ и сказалъ: „нашъ Христосъ стѣнами не ограничивается“, то только потому что не думалъ, что надобно точнѣе объяснить это изреченіе ради нынѣ свирѣпствующей ереси. Но очевидно, что утомляющагося, алчущаго, повинующагося и предстоящаго предъ судилищемъ, Святый безъ сомнѣнія представлялъ изображаемымъ по тѣлесному виду, или на стѣнѣ красками, или на картинѣ; объяснять же предметы столь очевидные ему не было причины“ *). Иконоборцы въ опроверженіе иконопочитанія позволяли себѣ глумиться надъ православными и замѣчали о нихъ, что они почитають не только Христа, но, подобно Христу, и Его икону. Противъ злохулителей Өеодоръ писалъ: Христосъ несомнѣнно богопочитается, но досточтимая икона Его не богопочитается. Замѣть, что у насъ христіанъ, одно богопочитаніе одной св. и единодушной Троицѣ приносится всею тварію видимою и невидимою. И нельзя сказать, что досточтимая икона Христова богопочитается одно изъ двухъ: или богопочитательность ея включается. въ тройческое богопочитаніе, что невозможно, такъ какъ нельзя дѣлать какого-либо прибавленія къ Троицѣ, иначе она окажется четверицею; или, если не включается туда, но сама по себѣ есть богопочитательность, то мы допускаемъ два богопочитанія, и въ такомъ случаѣ что иное могутъ думать о насъ, какъ не заключать отсюда, что мы сугубымъ богопочитаніемъ почитаемъ тварь кромѣ Творца? Итакъ мы поклоняемся иконѣ Христовой, но не богопочитаемъ ее“ **). Отражая нападки иконоборцевъ, Өеодоръ иногда самъ изъ положенія оборонительнаго переходитъ въ наступательное. Такъ напримѣръ иконоборцы изобра-

*) Тамъ же, стр. 137.

**) Тамъ же, стр. 547.

Bayerische Staatsbibliothek München

женіе креста допускали, а изображать самую личность Христа не позволяли. Θеодоръ, кромѣ противорѣчія иконоборцевъ себѣ, ничего другаго не находитъ здѣсь. Мы изображаемъ, говоритъ Θеодоръ, „образъ животворящаго Христа, но не такъ, чтобы крестъ, который есть оружіе Христа противъ діавола, изображать, а Того, кто есть оруженосецъ и побѣдитель сатаны, не изображать. Ибо какъ могло бы быть изображаемо оружіе побѣдоносное и истинное, еслибы оно не имѣло представляемаго предъ глазами оруженосца“ *)?

Θеодоръ Студитъ, радуясь въ свое время, что наконецъ скончалъ дни свои гонитель иконопочитателей императоръ Левъ Армянинъ, восклицалъ: теперь „слѣдуетъ восхищаться не городу такому-то или такому-то, но почти, можно сказать, всей подсолнечной; ибо истребилъ Господь не Сіона царя Амморейскаго, и не Ога царя Васанскаго, царей малыхъ и угнетавшихъ малую часть вселенной (Числ. гл. 21—24), а новоявленнаго и великаго дракона, опустошавшаго великую часть вселенной, змія коварнаго и шипѣвшаго богохульствомъ, мерзость запустѣнія, сосудъ гнѣва, сына *Тавеилова* (Ис. 7, 6), порожденіе Ахаава, полноту нечестія, противника всѣхъ святыхъ. Да возвеселятся небеса и радуется земля (Пс. 95, 11); да искаплютъ горы сладость и холми правду (Іоил. 3, 18 Пс. 71, 3). Палъ врагъ, сокрушенъ мучитель нашъ; заградишася уста, глаголющая неправедная“ (Пс. 62, 12) **). Эти восторженныя слова Θеодора Церковь съ еще большимъ правомъ могла возглашать послѣ полной побѣды, совершившейся въ царствованіе Θеодоры, надъ свирѣпымъ врагомъ, какимъ было въ продолженіе столѣтія иконоборчество—съ его тираніею, деспотизмомъ, презрѣніемъ къ святынѣ, пролитіемъ многой крови.

*) Тамъ же, стр. 20.
**) Тамъ же стр. 205.

Bayerische Staatsbibliothek München

БОЛѢЕ ВАЖНЫЯ ОПЕЧАТКИ.

стр.	*строк.*	*напечатано:*	*слѣдуетъ быть:*
16	1 сн.	обвиненіе	объясненіе
54	17 сн.	Евсевій	Евагрій
110	7 св.	Θеодора, но именно	Θдодора по имени
119	17 сн.	обратиться	собраться
134	3 сн.	богохульными	богохульствами
170	14 сн.	или...	или: Христосъ изъ двухъ естествъ (мысль православная);
174	17 сн.	догматистовъ	догматическихъ
178	12 сн.	тѣлѣ	тѣмъ
228	1 св.	райскаго	рабскаго
236	16 сн.	Агафилохій	Амфилохій

ГПНТБ СО АН СССР
Библіотеки Казанской Духовной Академіи
1967

БОЛѢЕ ВАЖНЫЯ ОПЕЧАТКИ.

стр.	*строк.*	*напечатано:*	*слѣдуетъ быть:*
16	1 сн.	обвиненіе	объясненіе
54	17 сн.	Евсевій	Евагрій
110	7 сн.	Феодора, по имени	Өеодора по имени
119	17 сн.	обратиться	собраться
134	3 сн.	богохульными	богохульствами
170	14 сн.	или...	или: Христосъ изъ двухъ естествъ (мысль православная);
174	17 сн.	догматистовъ	догматическихъ
178	12 сн.	тѣхъ	тѣмъ
228	1 сн.	райскаго	рабскаго
236	16 сн.	Агафилохій	Амфилохій

ГПНТБ СО АН СССР
1967

15-00

Lebedev, Aleksej P.,

Istorija svjatych vselenskich soborov Izd. Red. 'Dušepoleznago čtenija'

Bd.: 2

Moskva 1876

H.eccl. 3186 y-2
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11333400-9